НЁМАН

11/2015
НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Таргонская*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.11.2015. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,72. Тираж 2014. Заказ .

Цена номера в розницу 23 500 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Коллективу редакции журнала «Нёман»

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с 70-летием со дня выхода в свет первого номера журнала «Нёман» — одного из старейших белорусских литературно-художественных изданий.

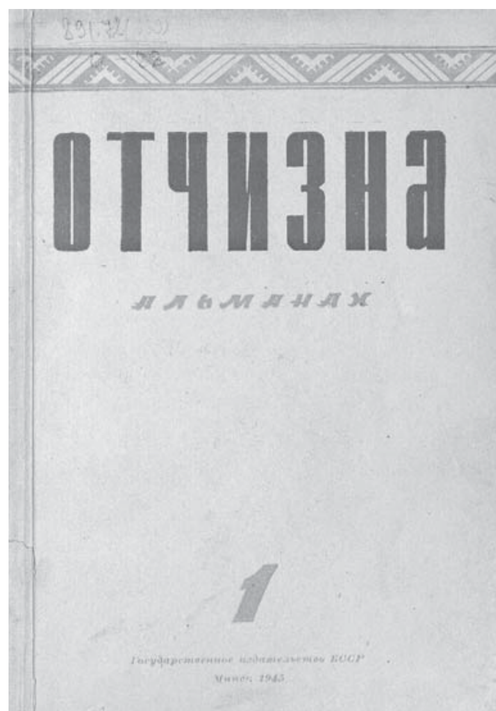
За годы своего существования журнал сыграл заметную роль в развитии отечественной литературы. Здесь печатались наиболее яркие произведения белорусских и зарубежных авторов, актуальная критика и публицистика. Сегодня «Нёман» продолжает эту традицию, постоянно расширяя жанровый и тематический спектр публикаций.

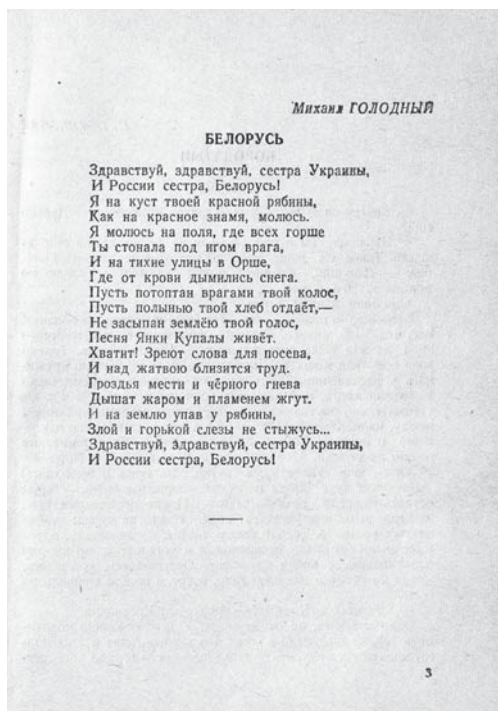
Журнал также вносит достойный вклад в укрепление международных литературных связей, объединяя писателей разных стран на основе высоких творческих принципов, заложенных признанными мастерами художественного слова.

Искренне желаю сотрудникам, авторам и читателям «Нёмана» здоровья, благополучия и новых идей.

Александр ЛУКАШЕНКО

16 ноября 2015 года

Михаил ГОЛОДНЫЙ

БЕЛОРУСЬ

Здравствуй, здравствуй, сестра Украины,
И России сестра, Белорусь!
Я на куст твоей красной рябины,
Как на красное знамя, молюсь.
Я молюсь на поля, где всех горше
Ты стонала под игом врага,
И на тихие улицы в Орше,
Где от крови дымились снега.
Пусть потоптан врагами твой колос,
Пусть полынью твой хлеб отдаёт,—
Не засыпан землёю твой голос,
Песня Янки Купалы живёт.
Хватит! Зреют слова для посева,
И над жатвою близится труд.
Гроздья мести и чёрного гнева
Дышат жаром и пламенем жгут.
И на землю упав у рябины,
Злой и горькой слезы не стыжусь...
Здравствуй, здравствуй, сестра Украины,
И России сестра, Белорусь!

3

Михаил ГОЛОДНЫЙ

Белорусь

Здравствуй, здравствуй, сестра Украины,
И России сестра, Белорусь!
Я на куст твоей красной рябины,
Как на красное знамя, молюсь.
Я молюсь на поля, где всех горше
Ты стонала под игом врага,
И на тихие улицы в Орше,
Где от крови дымились снега.
Пусть потоптан врагами твой колос,
Пусть полынью твой хлеб отдает, —
Не засыпан землею твой голос,
Песня Янки Купалы живет.
Хватит! Зреют слова для посева,
И над жатвою близится труд.
Гроздья мести и черного гнева
Дышат жаром и пламенем жгут.
И на землю упав у рябины,
Злой и горькой слезы не стыжусь...
Здравствуй, здравствуй, сестра Украины,
И России сестра, Белорусь!

Альманах «Отчизна», № 1, 1945 г.

ВАЛЕРИЙ НЕХАЙ

Случай в деревне

Повесть

Ольга и Андрей приехали в деревню под вечер.

Ольга первой увидела Зинаиду сквозь окно автобуса. Та, будто стеснялась чего-то, стояла поодаль, смущенно и приветливо улыбалась. Подошли.

— Мы бы сами дошли, мам Зин. — Ольга поставила сумку на землю.

— Ничего. Ну, здравствуй. — Ольга и Зинаида обнялись. Зинаида потянулась рукой за сумкой. — Давай помогу.

— Вот еще что! — Ольга перехватила руку Зинаиды. — Сумка почти пустая. Кое-что из гостинцев да торт. Мы же только на два дня.

— Могла бы и погостить, — Зинаида обиженно опустила глаза. — Первый раз за год приехала, уже скоро осень.

— Ладно, мам Зин, прости, не получилось вырваться. — Теперь смутилась Ольга. Покосилась на Андрея, как бы ища поддержки. Но тот только пожал плечами. — Познакомься, это мой жених, Андрей.

Андрей переложил саквояж из правой руки в левую, протянул пятерню.

— Приятно познакомиться.

Зинаида задержала взгляд на парне: «Ничего, симпатичный».

— Несколько раз пыталась дозвониться до тебя, и все недоступно, — говорила между тем Ольга. — Что с телефоном?

— Случайно не на ту кнопку нажала, он и замолчал. — Зинаида махнула рукой. — Хитрая техника, нежная, чисто дите малое. Нынче утром Катерина помогла выправить.

Ольга родилась в этой деревне. Девочке было пять лет, когда в пожаре средь белого дня погибли ее родители. Ольга в это время гостила у бабушки на другом конце деревни. Причину пожара не установили — огонь не оставляет улик. Но соседи видели, как отец Ольги, сын Зинаиды, метнулся со двора в дом за женой навстречу огню да так и сгинул вместе с ней. Деревенские избы горят быстро, не оставляют никаких шансов людям. Корова, две овцы да горстка птицы — вот и все, что осталось от хозяйства. Да печь-лежанка с трубой, сложенная сразу после войны старшим братом Зинаиды. Так Ольга осталась у бабки. Не один месяц пожарище наводило ужас на деревню, пока соседи то ли от греха подальше, помня, что одна беда притягивает другую, то ли от усталости созерцать головешки и осиротевшую трубу собрались и, с разрешения Зинаиды, снесли остатки того, что недавно называлось жильем. Место это вычистили так, что хоть новый огород возделывай или заново руби хату, только память человеческая и предрассудки оказались сильней. Никто из местных или из пришлых не позарился на участок. Так и стоит пустырь в десять соток без пригляду, где нахальничают крапива, одуванчик да прочая травянистая братия. Так поперли в рост — спасу нет от того, что человек отгородился от этого клочка земли и заборами, и душой. С тех пор Зинаида

стала и бабушкой, и матерью девочке, и Ольга сама не заметила, как стала называть ее мам Зин. Зинаида не стала возражать. «Так решил Господь», — рассудила она.

Ольга вместе со сверстниками бегала в школу в соседние Богушевичи за два километра, а когда закончила десятый класс, уехала в Минск — получить профессию. Поступила в училище, где ей, как сироте, выделили койку в общежитии, и жизнь девушки покатилась на других скоростях. Поначалу не удавалось угнаться за городской жизнью, всюду опаздывала, что-то недоделывала, ошибалась. Понимая, что утешать некому, а подмоги не будет, не пала духом, приспособилась. Но еще долго жила с оглядкой. И только в деревне, когда она навещала Зинаиду, уходила эта внутренняя настороженность, душа ее расслаблялась. Когда закончила училище, пошла работать на камвольный комбинат, где познакомилась с Андреем, наладчиком оборудования. Встречались, приглядывались друг к другу, притирались характерами, привычками. Когда решили пожениться, Ольга переехала из общежития к Андрею. Родители парня не возражали. По случаю предстоящей свадьбы Ольга привезла жениха к Зинаиде на смотрины.

Автобус уехал. Околица, где обычно высаживали пассажиров, опустела. На ней одиноко и застенчиво зеленела молодая березка. Других прибывших, кроме Андрея и Ольги, не было. Некогда деревенские, а нынче городские девчата и парни если и выбирались в родные места, чаще на своих машинах. И тогда деревня преображалась. Не всякий двор мог вместить сверкающую красоту на колесах — не для этого они строились, — и машины замирали в ряд, тянулись цепью по улице, чуть в стороне от домов, заборов, будто чурались деревенской ветхости. Андрей с интересом разглядывал Зинаиду. Он знал историю с пожаром, знал, что бабка фактически стала матерью Ольге, и теперь думал, как воспринимать Зинаиду. То ли как бабушку его невесты, то ли как будущую тещу. По дороге в деревню он спросил об этом Ольгу, и та сразу ответила, будто ответ был заготовлен:

— Зинаида Петровна. Так и зови.

Андрей представлял будущую родственницу сгорбленной, немощной — уже за семьдесят, — в глазах которой давно угас интерес к жизни. Но его представление никак не вязалось с этой стройной, подвижной женщиной с живыми глазами, одетой просто, но опрятно. Коренному горожанину, Андрею до этой поездки не доводилось бывать в деревне. О ней он знал из сериалов, теленовостей, из случайных подслушанных разговоров да редких рассказов Ольги. Из всего этого в воображении Андрея сложилась картина, которую он ожидал увидеть, едва сошел с автобуса: пацаны гоняют на великах, бабы на скамьях обсуждают свои проблемы, во дворах хозяйничают куры... А вместо этого он оказался в мире безлюдья и запустения. Пока они шли по улице, во дворах что-то хлопало, скрипело, но ничего живого не было видно: ни птицы, ни скотины, ни человека. Многие заборы покосились, будто кланялись, и ужасно подвывал ветер в проводах. На дороге валялись доски, уже наглухо затоптанные ногами, заезженные машинами. Деревня вдосталь повидала на своем веку разного: и коллективизацию, и немца в войну, и набеги партизан за харчами. Заворачивали и полицаи, разжиться самогоном да попугать местных баб... То ли сто, то ли более лет стукнуло деревушке, точно не сказали бы и старожилы, но три тополя в два мужицких обхвата да два пня широченных, хоть танцплощадку устраивай, говорили о том, что Калюга не новичок на этом клочке земли. Ни одной новой хаты, ни одного нового подворья не появилось здесь за последние полвека. Сторонились люди этой глухомани, оседали поближе к городам. Деревня хирела, сходила на нет людьми,

пополняя погост крестами. Более половины домов осиротело, из брошенных домов давно выветрился людской дух.

— Сколько здесь дворов? — спросил Андрей.

Ольга пожала плечами.

— Было сорок, а сколько сейчас — не знаю.

— А где люди?

— В хатах, поди.

Почерневшие избы, сараи, заборы то ли от времени и дождей, то ли от человеческой забытости наводили тоску. Андрей, привыкший к человеческой суете города, почувствовал себя одиноким, будто вытолкнутым в какую-то пустоту. Город, который часто его раздражал, вдруг показался ему самым родным местом на свете. Андрей не думал, что так трудно будет пройти несколько десятков метров тишины и забвенья до дома Зинаиды. Сейчас он был бы рад любопытному взгляду деревенского жителя, так охочего до всего нового, лаю дворняги из-под забора, карканью вороны на ветке дерева — только бы не шагать по пустынной улице. В проеме домов справа блеснула нитка реки.

— Глянь, речка! — радостно воскликнул Андрей. — Та самая, про которую ты рассказывала?

— Она, Быстрюга, — вяло ответила Ольга. — Когда-то была река что надо, а теперь... Мелиораторы постарались еще в прошлом веке. Слава Богу, хоть что-то осталось от реки.

— А чё ей станется? — подала голос Зинаида. — Надо шибко постараться, чтобы совладать с водой. Давеча Семен... Помнишь-то Семена, за Колбасихой живет?

— Господи, еще живой! — Ольга улыбнулась. — Сколько же ему?

— Он сам запутался в годах, — ответила Зинаида. — Можа, девяноста уже, можа, более.

— Дед Семен всегда помогал нам картошку посадить и выкопать, — сказала Ольга.

— Он всем нашим помогал, — поправила Ольгу Зинаида. — Чего не помочь, если с конем.

— Конь-то его живой, мам Зин?

— Коня давно нет... — Зинаида помолчала. — Внука Семена помнишь? Ваньку.

— Ну.

— Работал в колхозе, жил с дедом. Пришло время жениться, а девок нет. Ни у нас, ни в соседних деревнях. Сунулся в Богушевичи, а там своих хлопцев хватает. Побили однажды Ваньку. Уехал в Минск. Почитай, год прошел, а деда ни разу не навестил.

Зинаида с опаской глянула на Ольгу и умокла, испугалась, что ее замечание по поводу внука Семена Ольга примет на свой счет.

Ольга не баловала бабку своими приездами. Вот и сейчас, если бы не свадьба, неизвестно, приехала бы или нет. Зинаида не докучала Ольге, понимала, что теперь у внучки другая жизнь и, чтобы не отстать от той, городской жизни, нужно поспешать за ней. Не до деревни теперь, не до бабки. Единственное, что теперь соединяло их, — крошечный телефон, который Ольга купила для Зинаиды, научила ее им пользоваться и наказала, чтобы телефон всегда был при ней. Куда бы ни шла Зинаида, клала этот чудо-прибор в карман и постоянно держала ушки на макушке — не звонит ли Ольга, все ли у нее в порядке. Главное, думала Зинаида, чтобы Ольга была здоровой, хорошего мужа нашла. Ну, с мужем, кажется, складывается, уже хорошо, а каким он окажется — время покажет.

— Мам Зин, а про Семена что ты хотела сказать?

— Уже не помню, — Зинаида махнула рукой. — Заговорили про речку, вот и выскочило из головы. Память ни к черту стала.

— Ну и ладно, — успокоила Ольга бабку. — Главное, что жив еще Семен, дай Бог ему здоровья.

— Как насчет рыбы в вашей Быстрюге? Водится? — спросил Андрей.

— Холера ее ведает, — Зинаида глянула в сторону реки. — Бабы отродясь не рыбалили, а из мужиков теперь один Семен остался. Дальше своей хаты не уходит. Давеча пошел за лисичками, так заблудился. Утром на следующий день явился, чуть живой.

— Должно быть, и щука, и лещ водится, — продолжал Андрей. — В отпуск приедем, от души порыбачу. Края тут дикие, народу нет. Для рыбалки самое место. Деда вашего с собой прихвачу, пусть места покажет.

— А когда отпуск? — Зинаида ухватилась за слова Андрея.

— Уже скоро, — Андрей поглядел на Ольгу. — На следующей неделе свадьбу отгуляем и приедем. Приглашаем вас к нам, обязательно приезжайте. Встретим.

— Куда я поеду? — Зинаида смущенно улыбнулась. — Не доеду. Вы лучше сами потом приезжайте. А родители у тебя тоже в Минске живут?

— Да. Мы вместе живем.

— Потом и Ольга у вас будет жить?

— Она и сейчас с нами живет.

Зинаида умолкла, не знала, как реагировать на признание парня. Только подумала: «Наверное, у городских так принято». Ольга глянула на Андрея с такой укоризной, что тот сконфузился. Шли молча. Проплыло над ними облако, бросив тень на деревню.

— Мам Зин, автолавка когда приезжает? — спросила Ольга.

— Тебе-то зачем? В доме все есть. Слава Богу, яйца и картошка пока свои, молоко Катька приносит, когда попрошу. Она козу завела.

— Да так, может, куплю что-нибудь.

— Завтра какой день?

— Пятница.

— Завтра и приедет. А еще по вторникам. — Зинаида помолчала и продолжала грустно: — Говорят, последний год автолавка приезжает. Невыгодно. Восемь человек в деревне осталось.

— А как жить? — возмутился Андрей. — Хоть и восемь, но люди.

— В Косуху ходить будем. Там поболее народу осталось, автолавка туда еще поедет.

— Далеко? — спросил Андрей.

— Нет. Часа за три обернуться можно.

Андрей недовольно мотнул головой, помолчал.

— Так надо по времени угадать, когда приедет автолавка. А то придете, а машина тю-тю.

Пока шли, Зинаида украдкой поглядывала на Андрея. Только что можно разглядеть в человеке за несколько минут знакомства! Высокий, вежливый, прилично одет... А какой он там, внутри — неведомо. Ну, если Ольга у него живет, значит, те родители приняли. Уже хорошо.

Подошли к дому Зинаиды.

— Здрасьте, с приездом! Как доехали?

У дома, напротив хаты Зинаиды, стояли две женщины.

— Ой, теть Кать, теть Тань! Здрасьте, — оживилась Ольга, радостно улыбаясь. — Как поживаете?

— Да слава Богу, — ответила одна из женщин.

Андрей кивал головой, смущался, отвечал коротко:

— День добрый. Хорошо доехали.

Как тут не смущаться! Странные эти деревенские! Глядят на чужака смело, бесцеремонно изучают с ног до головы, как бы спрашивая: кто такой? зачем приехал?

— Придете вечером? — спросила Ольга.

— А как же! — Та из женщин, что была справа, склонила голову и, глядя на Андрея, хитро улыбнулась. — Так тебя можно поздравить? Замуж выходишь?

— Ой, теть Кать, еще рано принимать поздравления. Боюсь сглазить, — тут и Ольга смутилась и поглядела на Андрея.

Вошли в дом.

Андрей, не рассчитав своего роста и низкой двери, крепко вписался головой в верхний косяк. Глупо улыбался, потирал шишку.

— Ничего, до свадьбы заживет, — Ольга глядела на Андрея влюбленными глазами.

Женщины собирали на стол. Андрей вышел из дома, подошел к калитке. Вдали, на опушке леса, верхушки берез золотило солнце. Воздух свежел.

— Отдыхаете?

Мимо Андрея прошли соседки, каждая несла что-то в кастрюле. От кастрюль вкусно пахло. «В городе в гости приходят с бутылкой», — подумал Андрей.

Сели за стол. Ольга обвела всех взглядом.

— Познакомьтесь, это Андрей. Мы работаем вместе на одном заводе. Это тетя Катя, это тетя Таня. Наши близкие соседи и друзья. — Ольга помолчала, глядя на женщин, о чем-то думала. — Андрей, хочу, чтобы ты знал. Так сложилось, что Катерина и Татьяна дружили с моей мамой. — Ольга умолкла, опустила глаза.

— Царство ей небесное, — тихо произнесла Татьяна и перекрестилась.

— Пусть земля ей и твоему отцу будет пухом, — добавила Катерина. — Хорошие были люди.

— А потом эта дружба перешла к мам Зине, — продолжала Ольга. — Ну, и ко мне тоже.

— Оля, хватит, — вмешалась в разговор Зинаида. — С дороги, небось, проголодались, а ты разговоры завела. К чему это гостю? Столько лет прошло.

— Как же не знать, Зинаида Петровна, — сказал Андрей. — Мы теперь с вами одна семья, мне интересно все знать о родственниках Ольги, друзьях.

— А о себе-то расскажешь? — вдруг неожиданно для всех спросила Катерина.

— Катька! — крикнула Зинаида. — Уймись. Хлебом не корми, а дай языком помолоть.

— Обязательно расскажу, моя семья всю жизнь без секретов жила, — Андрей дружелюбно улыбался. — Мы же не последний раз приехали, верно, Оля?

Катерина и Татьяна сидели по другую сторону стола, одинаковые в своих одеждах, похожие, как сестры. Старость не очень умелый художник, обходится скупыми средствами, и глядя сейчас на женщин, Андрей вспомнил своих бабку и деда, недавно умерших, и с удивлением обнаружил, до чего все старики похожи друг на друга. Катерина и Татьяна расспрашивали Ольгу о городской жизни, Андрей и Зинаида в разговор не вступали. Бутылка «Столичной», заготовленная Зинаидой, пошла по кругу. Обошла всех, но на

Андрее цепочка оборвалась. Он налил себе в стакан минеральную воду. Это приметила Катерина, толкнула локтем Татьяну. Та молча кивнула, мол, сама вижу. Ольга встала, подняла рюмку.

— Со свиданьицем, соседушки.

— И за знакомство, — торопливо добавила Катерина.

— Да погодь ты, — Татьяна хмуро глянула на соседку. — Год не виделись, вот и выпьем за встречу, за то, что живы-здоровы.

— Следующая будет за знакомство! — настырничала Катерина.

Когда подошло время второго тоста, Андрей разлил женщинам водку, а себе снова налил минеральной воды.

День угасал, в комнате густел воздух. Андрей поблагодарил, вышел из-за стола.

— Далеко не ходи, темнеет быстро, — сказала Ольга.

Помня о шишке на голове, Андрей так низко склонился в дверях, что Ольга, глядя ему вслед, рассмеялась.

— Тебе бы только смеяться! — сердилась Зинаида.

— Ничего, пусть привыкает, — Ольга обвела всех веселым взглядом. — Андрей покупает машину, теперь чаще будем приезжать.

— Иди уже, погуляй тоже, — Зинаида толкнула Ольгу в бок. — Про овраг помнишь? Не свалитесь. Приберусь сама.

— Завтра погуляем. — Ольга встала. — Беседуйте, подружки, сама управлюсь с посудой.

Андрей медленно пошел вдоль забора. Дом Зинаиды был крайним на улице. Сразу за ним дорога сворачивала к лесу, то теряясь в разнотравье, то появляясь снова. Воздух темнел, лес был задумчив и угрюм. На опушке теснились ели, величественные, как кафедральные соборы, навевали романтические мысли. Андрей огляделся. «Неужели возможна такая ширь, такая сладостная для глаз, успокаивающая бесконечность, которая никогда не знала и не узнает, что такое царство асфальта, бетона и суета горожанина! — думал он. — А красота какая! Здесь не страшно и умереть. Эк я хватил! — Андрей усмехнулся. — Разве все это создано для того, чтобы умирать!»

Ночь пришла внезапно, врасплох овладела землей и небом, и между ними уже не было границы. Из-за тучки торопливо выкатился обломок луны. «Какая тишина! Будто я один на этом свете», — думал Андрей. Здесь дышалось легко, глубоко. Казалось, воздух проникал в каждую клеточку тела, наполнял живительной силой. Андрей сделал еще несколько шагов, и вдруг какая-то сила остановила его. Синий свет луны выхватил из темноты черную пропасть обрыва, на краю которого он стоял. «Будто дверь в преисподнюю», — подумал Андрей и осторожно отступил назад. Из-под ног посыпалась галька, песок и глубоко внизу звонко цокнули камни.

— Вот черти! Никакого ограждения нет. Так и шею свернуть недолго, — вслух выругался Андрей. Очарование ночи вмиг пропало. Постояв еще минуту, Андрей решил вернуться с твердым намерением прийти сюда завтра днем.

Зинаида собралась проводить соседок. Ольга задержала ее в сенях.

— Вы поменьше мелите языком про Андрея. Знаю я вас, особенно Катьку. У той всю жизнь язык без костей, такого наплетет...

— Что наплетет? — удивилась Зинаида. — Бабы твоего первый раз видят, что они про него знают?

— Я и говорю, наплетет того, чего и нет вовсе.

Зинаида по привычке, перед тем как выйти из дому, повязала на голову платок.

— А ежели и скажут что, так от разговора не убудет. Где он?

— Пошел прогуляться.

— В такую темень?

— Он любит вечерние прогулки.

— Ты бы хоть что-нибудь рассказала, как живешь. Почитай, год не виделись, а ты молчишь. Как там у него, не обижают?

— Нормально, мам Зин, — Ольга обняла бабку. — Все у нас хорошо, слава Богу.

— Ты, случаем, не тяжелая? — вдруг спросила Зинаида. — На соленое тебя за столом тянуло, я заметила.

— Таких малосольных огурчиков, как у тебя, нигде нет! — Ольга улыбнулась. — Соскучилась я по домашним закруткам. В городе почти никто этим не занимается, на столе все из магазинов.

— А то, гляжу, ты водку со всеми...

— Нет, мам Зин, с детишками успеется... — Ольга помолчала. — Свадьбу отыграем, тогда и подумаем.

— Постели ему на диване. Там, в комоде, возьми свежую простынь.

— Найду.

Катерина и Татьяна дожидались Зинаиду на улице. Над ними горел единственный на всю деревню фонарь. Желтый свет тусклым пятном лежал на земле возле женщин, а дальше по улице деревья, сараи и дома исчезали в черном провале ночи.

Так сложилось, что первыми у этой троицы определили свою судьбу дочери Татьяны. Сначала старшая, Маруся, осела в райцентре, уже второго ребенка родила, живет у мужа; младшая, Светка, выучилась в Минске на штукатура, вышла замуж тоже за приезжего, из Витебской области. Теперь вместе строят дома, живут в общежитии. Два года назад и Настя, дочь Катерины, нашла свое счастье — поехала в Гомель на курсы бухгалтеров, где познакомилась с будущим мужем. Теперь и Зинаида замыкает троицу, вон какого жениха Ольга привезла на смотрины: высокий, симпатичный и вежливый. Зятьев Татьяны и Катерины деревенские стали привечать как своих сразу. Хлопцы оказались почти своими, деревенскими, а примет ли деревня Андрея — неизвестно. Хотя и принимать-то уже почти некому. Еще год назад двенадцать человек топтали деревенскую улицу, а нынче осталось только восемь. Правда, летом народу прибавляется. Хоть и нечасто, но сверстники Ольги привозят на каникулы родителям внуков и внучек, не забывают родину. «И все-таки, — думала Зинаида, — дело не в количестве людей, а в их отношении к Андрею, отношении будущего зятя к ней, к тем, кто остался. Как ни крути, а человек он не просто городской, столичный».

— Ну, что там гость? Отдыхает? — встретила Катерина Зинаиду.

— Пошел прогуляться, — Зинаида глянула в сторону оврага. — Знать бы, где его носит нелегкая? Нашел время по такой темноте гулять.

— У городских все не как у людей, — усмехнулась Катерина. — Привыкай, Зинка.

— Вот еще, скажешь! — возразила Татьяна. — В городе днем работают, ночью гуляют. Мне Маруся рассказывала, что в городе все так живут.

— Твоя Маруська откуда знает? — спросила Катерина. — Она же в районе живет.

— Район такой же город, только маленький, — возразила Татьяна. — Не удивляй меня.

— Ладно, тебя удивишь, — Катерина усмехнулась. — Я и говорю, что у этих городских все по-другому. Слышь, Зин, он что же, начальник какой?

— Почему начальник? — удивилась Зинаида.

— В нашу глушь если кто и приезжает в костюме и при галстуке — то начальник. Помнишь, весной приезжал из района, такой толстый и важный? По хатам ходил, вопросы всякие задавал. Или когда колхоз наш закрывали, аж трое в костюмах из района приехали. А у вашего галстук какой-то чудной, не наш, наверное. Все время молчит, глядит строго. Себе на уме. Ну, чисто начальник.

— Никакой не начальник, — ответила Зинаида. — Ольга же говорила, что он работает с ней на фабрике. Наладчиком, кажись. Первый раз приехал человек в гости к незнакомым людям, вот и оделся прилично. Уважил.

— Ага, так уважил, что хоть падай на коленки в знак благодарности, — голос Катерины зазвучал задиристо, с подковыркой. — Даже рюмки не выпил за знакомство. Побрезговал. Понимаю, мы неровня.

— Нашли об чем говорить, — возмутилась Зинаида. — Вот беда — парень не пил. Надо бы, чтобы как твой Гришка, да? Бывало, пока бутылку один не осилит, не успокоится.

— Ты моего Гришку не тронь! — воскликнула Катерина. — Да, выпивал, но и хозяин был справный, сама знаешь. Твой хоть и не пил, а толку! Мишку тебе сделал да утек с библиотекаршей.

— Да ну вас! — Зинаида махнула рукой, повернулась уходить. — Что ты знаешь про парня, чтоб обговаривать?

— Постой, Зин, — остановила подружку Татьяна. — Об чем спор, бабы? — Татьяна глядела то на Катерину, то на Зинаиду.

— А что она... — Катерина обиженно отвернулась. — Гришка мой тут ни при чем. Я правду люблю. Что думала про вашего... то и сказала. Думать мне никто не запретит. Так не поступают, когда приезжают знакомиться с будущей тещей, с ее друзьями, соседями. У себя в городе пусть свои порядки показывает, а у нас, коли за стол с людьми сел, уважь их, выпей с ними, поговори о жизни.

— Ты за меня не беспокойся, — сказала Зинаида. — Разберемся по-родственному.

— Слышь, Зин, может, он только коньяк пьет? — осторожно спросила Татьяна. — А ты ему водку выставила. Плохо подготовилась к встрече, подружка. Надо было Ольгу расспросить, что да как.

— Во-во, — подхватила Катерина. — Ты, Зин, в следующий раз коньячку купи. Пенсия у тебя — куры не клюют, а коньяк в автолавке стоит, по цене, как две бутылки белой. Сама видела. Для смеха, что ли, привозят? Лучше бы недорогую кофточку привезли, а то не подобрать, все маленькие.

Татьяна оглядела Катерину.

— Да, подруга, с такой фигурой в балете тебе не плясать.

— В балете не пляшут, деревня, — усмехнулась Катерина. — В балете танцуют.

Все трое рассмеялись.

— Слышь, Катька, что ты так переживаешь? — усмехнулась Татьяна. — Не пил хлопец, нам больше досталось. Верно, Зин?

— Я не об водке вовсе, чтоб она сгорела, — Катерина умолкла, а после продолжала, глядя в темноту: — Моя Настя, как приедет, поучать начинает. То я не так делаю, то это... Как же, мать деревенская, а она уже городская. И этот ваш... Брезгует! Мог бы уважить теток, хоть рюмку выпить за знакомство. Все нам приятность. Злая я на этих городских, все у них не как у людей.

— Надо же такое придумать! — удивилась Зинаида. — Нагородили! Городской, начальник, коньяк... Ведь приехал! Значит, уважил. Поди, устал с дороги, вот и не стал пить. Днем так жарило, а тут три часа в автобусе ехать.

— Ольга, что же, на самолете прилетела? — не унималась Катерина.

— Бабы завсегда были крепче мужиков, — вступила в разговор Татьяна. — Мы вот живем — хлеб жуем, а мужики наши где?

— Он и ел мало, я заметила, — Зинаида поправила платок на голове. — Что же, теперь мне его из хаты гнать?

— Тещины блины не понравились, — усмехнулась Катерина.

— Помолчи про блины! — вскипела Зинаида. — Твой-то зятек когда последний раз у тебя был? Ты каждую пятницу в автолавку бежишь за бутылочкой и колбаской, а его уже который месяц все нет и нет. Твоя Настя если и приезжает, так все одна да одна, будто безмужняя.

— Ты глянь, Танька, теперь моя Настя ей поперек встала! — возмутилась Катерина. — Васька на двух работах работает, ему некогда. Они на квартиру собирают. Твоя Ольга, небось, с квартирой женишка отхватила. А про блины я так, к слову... Пословица такая есть — к теще на блины.

— Будет вам! — Татьяна встала между подруг. — Ты, Катька, кого хочешь своим языком заведешь! — И продолжала, уже спокойно, неторопливо: — Конечно, это не наше дело, что он пьет и ест, но вот что я хочу сказать, Зина. Такого чуда я не видела, чтобы мужик за столом не пригубил ни одной рюмки.

— А что ты видела! — усмехнулась Зинаида. — Что мы с вами видели в своей жизни? Что мы знаем? Нашла чудо — парень отказался пить. — Зинаида помолчала. — Всю жизнь на ферме коровам сиськи дергали, дальше райцентра не были.

— Неправда, в Минске были, — сказала Катерина. — Забыла, что ли? По путевкам на экскурсию возили, автобус был такой большой, с мягкими креслами.

— Ага, съездили. Курам на смех, — Зинаида по привычке махнула рукой. — Провезли по улицам, и точка. Даже в универмаг не пустили, а я деньги собрала, хотела туфли купить и платье. И когда это было? Сто лет назад.

— Да вы что, совсем пьяные? — засмеялась Татьяна. — Выпили по сто, а крику-то... Пора по хатам. Зин, твои когда уезжают?

— Послезавтра.

— Ну, дай Бог им здоровья и весело погулять на свадьбе.

— Вы разве завтра не придете? — насторожилась Зинаида. — Ольга торт привезла, специально для вас. Говорит, самый лучший в Минске.

Торты в деревне никто не заказывал — дорогие, долго не хранятся, и автолавка их не привозила. Ольга знала слабость соседок Зинаиды к сладкому, поэтому в каждый свой приезд радовала соседок чем-то особенным.

— Вечером завтра и приходите, — продолжала Зинаида. — Торт есть некому. Пропадет. Представляете, торт, а сверху ягодки, мандарины, еще чего-то. Сама глядела. Дожидается в холодильнике.

— А молодежь уже и сладкого не ест? — усмехнулась Катерина. — Ты посмотри, Тань, что делается.

— Ольга фигуру бережет, мне и кусочка хватит. Отродясь сладкое не любила. А у Андрея изжога. Сладкое нельзя.

— Зато нас ничё не мучает, правда, Тань? — Катерина погладила себя по животу, весело подмигнула Татьяне.

— Что же ты, Зина, сразу про парня не сказала? — в голосе Татьяны прозвучал упрек. — Мы, понимаешь, друг друга готовы за грудки схватить, а тут все ясно.

— Ты о чем? — не поняла Катерина.

— Хорошо, если просто изжога, а если язва? С больным желудком не то, что водку, иной раз и воды не выпьешь. Ой, как я по молодости желудком маялась! Хорошо, что свекровь, царство ей небесное, научила травами лечиться. Выходит, зря мы на парня напустились. И Зинке досталось. Прости, подружка.

— Разве у Катьки бывает по-другому? — Зинаида с каким-то облегчением вздохнула. — У нее язык завсегда впереди ума бежит.

— Ладно, ладно... — отмахивалась Катерина. — Радуйтесь, соседушки.

Про изжогу Андрея Зинаида, конечно, придумала. Откуда это ей было знать, ведь Ольга про здоровье парня и словом не обмолвилась, но что знала Зинаида точно — то ли из рассказов врачей, то ли где-то прочитала, что при изжоге от сладкого лучше держаться подальше. Экспромт Зинаиды оказался к месту. Главное, и парня оправдали, и подруги примирились — сыр-бор, оказывается, на ровном месте разгорелся.

— Так жду вас завтра. — Зинаида помолчала. — Вы про наш разговор никому не болтайте. Подружки вы мне или нет?

— Про что болтать? Про изжогу? — хохотнула Катерина. — И кому? Сколько нас осталось?

Все трое вдруг умолкли, притихли, будто выдали важную тайну. Но вокруг никого не было. Только в траве по-прежнему перешептывались кузнечики, а сверху в разрывах облаков поблескивали звезды. Наглухо укрытая ночью деревня уснула до утра. Женщины молчали. Каждая из них будто сейчас осознала, что той деревни, некогда наполненной жизнью, в которой они родились, выросли, давно нет, а есть брошенные, пустые дома, похожие на театральные декорации, о которых иногда вспоминают. Возможно, это они понимали и раньше, но никто никогда не произносил вслух, и теперь возглас Катерины «И кому?» прозвучал как приговор. Стараясь уйти от грустных мыслей, женщины заговорили о другом.

— Меня зовут к себе на зиму, — чуть слышно произнесла Татьяна.

— Кто? — спросила Катерина.

— Маруся. У свекрови дом большой, отопление, магазины, аптека рядом. Не знаю, что делать?

— Ехать, — быстро ответила Катерина. — Что тебя держит? Избу запри, кошку мне отдай. Весной, поди, приедешь, верну.

— Мурка старая, за ней пригляд нужен, — Татьяна глубоко вздохнула. — Она со мной с рождения, я ее характер вызнала, ты не совладаешь. Помрет она без меня. А с собой куда брать? Сама приперлась, и с довеском.

— Тогда помирай вместе с ней, — сказала Катерина. Зинаида, о чем-то раздумывая, молча поглядывала на подруг.

— Чего ты меня хоронишь! — возмутилась Татьяна. — Еще тебя переживу.

— Живи, кто тебе не дает.

— Сама езжай.

— Меня никто не зовет, — голос Катерины обмяк. — Настя с Васькой квартиру снимают, куда ехать. Козу вон купила. Вам молоко, а мне заботы.

— Мы, небось, платим тебе за молочко, — вступила в разговор Зинаида. — Ежели мало, скажи. Доплатим. Так, Тань?

— Не об этом разговор, подружки, — сказала Татьяна.

— Моя Настя такая дура! — Катерина покачала головой. — Говорила ей, не спеши замуж, найди хлопца с квартирой. Она же у меня такая красавица!

— И языкастая, вся в маму, — заметила Зинаида. — Скажи спасибо, что Васька терпит, повезло ей.

— Опять завелись! — вмешалась Татьяна. — С вами и поговорить серьезно нельзя, только бы поцапаться. — Помолчала и закончила с какой-то радостью в голосе: — Вот и я никуда не поеду. Как же я вас одних оставлю? Кто разнимать вас будет? — Помолчала и продолжала с грустью: — У меня тут три холмика, Петька мой и батя с мамкой. Нет, не поеду. — И закончила весело, глядя на Катерину: — Я за тобой пригляжу, ты за мной.

— Я будто не подруга ваша, — обиделась Зинаида. — Что же, я не подмогу, ежели что?

— Теперь за тобой есть кому доглядеть, — сказала Катерина. — Небось, квартира у зятя большая, и тебя пристроят. А там глядишь, и Андрей осиротеет. Городские — хлипкий народ, до старости редко доживают.

— Типун тебе на язык! — Зинаида перекрестилась.

— Да хоть два типуна! — Катька по-молодецки присвистнула. — Зятек у тебя — чистый клад. Машину покупает, не пьет, не курит. Слышь, Зин, может, он и по мужской части никакой?

Зинаида сплюнула.

— Чтоб у тебя язык отсох! — Развернулась и пошла.

Со стороны реки потянуло сыростью. Улица опустела. Темнота густо накрыла деревню, но в трех домах, стоящих рядом, еще долго горели окна.

Утром Ольга отправилась за водой. Зинаида хозяйничала в огороде, Андрей спал. У колодца Ольга встретила Катерину.

— Как спалось городскому гостю? — спросила Катерина, наматывая цепь на ворот.

— Спать — не работать, теть Кать.

Катерина перелила воду в свое ведро, достала из кармана бумажный сверток, протянула его Ольге.

— Держи. Чага.

— Зачем? — Ольга с удивлением глядела на женщину.

— Первое средство от изжоги, — вид у Катерины был такой важный, будто она предлагала бессмертие. — Нарежешь на кусочки, зальешь кипятком... Настоять минут тридцать и пить натощак.

— У кого изжога? — Ольга приблизилась к соседке. — Теть Кать, не мути воду, выкладывай как на духу.

— Что значит мутить воду? Подлечишь своего... Чага — первое средство для желудка. Да не смущайся ты, все мы люди.

Ольга, сбитая с толку, поставила ведро на землю, приблизилась к женщине.

— Так, понятно, — как-то загадочно протянула Ольга. — Ну, выкладывай, что вы там насплетничали про Андрея? У него со здоровьем все в порядке, мужик что надо.

— И слава Богу. — Катерина помолчала. — Но ты возьми. Сегодня в порядке, а завтра, глядишь, и пригодится. — И протягивала руку со свертком Ольге. Ольга поняла, что без разговора с бабкой ничего не прояснится, а объяснять что-либо Катерине — бесполезно. Взяла сверток, сунула в карман платья, опустила ведро, стала накручивать ворот. Катерина не уходила. Стало понятно, что Катерина не все сказала. Ольга, гремя цепью, поставила ведро с водой на землю.

— Что еще, теть Кать? Выкладывай.

— И скажу, — Катерина повела плечом, глянула искоса на девушку. — Городские все такие... Зинаида тебе мать заменила, родней ее у тебя никого нет. Твой-то знает?

— Ну.

— И мы с Танькой тебе не чужие, на наших глазах росла. — Помолчала. — Городские любой повод найдут, чтобы нас обидеть. — И вдруг, как

это часто бывает, когда волнение перебивает, путает мысли, когда в горячке разговора, казалось, уже все сказано, но душа остается неудовлетворенной от того, что главное осталось в стороне, Катерина махнула рукой и зашагала к дому с ведром в руке. Ольга, ничего не понимая, растерянно глядела вслед женщине.

— Я уже на розыск отправился, — весело улыбаясь, встретил Андрей Ольгу возле калитки. — Проснулся — в доме тишина, только ходики тик-так, тик-так... — Андрей принял ведро с водой. — Я бы сходил, чего не разбудила?

— Пустяк. Далеко собрался?

— Глянуть на яму. Такой сюрприз для меня вчера чуть не получился. Забор бы какой поставили.

— Прости, забыла тебя предупредить. Наши-то все знают про овраг. Когда-то песок там брали, овраг образовался, а потом бросили. Забор был, пока скотина у людей ходила, а после разобрали на доски. — Ольга огляделась. — Где бабка?

— В огороде.

Впервые за сутки вместо уже привычного для Андрея шутливого и нежного «мам Зин», Ольга с пренебрежением произнесла «бабка». Подошел к Ольге, обнял сзади за плечи.

— Что случилось?

— Ничего, — холодно ответила она, не оборачиваясь. — Поставь чайник. Вернусь, завтракать будем.

Зинаида на грядке собирала перцы. Они весело выглядывали из травы разноцветными фонариками. Ольга подошла.

— Разговор есть.

— Ну, говори, — Зинаида сорвала еще несколько штук и бросила в корзину.

— Брось ты эти перцы! Поговорить надо.

Зинаида выпрямилась, спрятала прядь волос под платок, глядела на Ольгу.

— Я же просила тебя... — начала Ольга и вдруг умолкла, чувствуя, как злое слово готово сорваться с языка. — Я же просила тебя, — продолжала Ольга уже спокойно, — не болтай про Андрея. Ничегошеньки!

— Больно надо, — тихо сказала Зинаида. Она не предполагала, что вчерашний разговор с соседками дойдет до внучки. Стояла, потупившись, молчала. Молчала и Ольга, чувствуя смущение. Может, бабка и не виновата совсем.

— Ничего особенного мы не говорили про твоего жениха. Что говорить-то, первый раз видим? Так, пустяки.

— Ничего себе пустяки! — Ольга испытывала досадливое, противное чувство даже не оттого, что Андрей стал предметом сплетни — как же без этого в деревне, — а оттого, что минуту назад Катерина отчитала ее, как школьницу, в придачу сунула пакет с чагой. — Объясни тогда, с чего Катерина взяла, что у Андрея больной желудок? — Ольга достала пакет. — Вот, мелко нарезать, залить кипятком и давать натощак.

Зинаида потерянно улыбалась, внутри нее будто споткнулись слова, ни одно не приходило на ум. Кто бы мог подумать, что нечаянно брошенная фраза насчет изжоги у Андрея потянет за собой такое недоразумение. Но больше всего Зинаиду поразило то, как изменилась Ольга. Разве эта неузнаваемая молодая женщина с холодным взглядом ее внучка? Но ни горечи, ни испуга не ощущала в этот миг Зинаида, а только растерянность и стыд. Не надо было втягиваться вчера в словесную перепалку с Катькой. Бабье дело известно —

чем меньше возражаешь, тем быстрее заканчивается любой разговор. «А все Катерина, змея языкатая», — подумала Зинаида, а вслух сказала:

— Меньше собирай сплетни. Мало ли что бабы болтают.

— Ничего себе сплетни! — с каким-то отчаянием вскрикнула Ольга. — Ты что, не знаешь, что такое деревня? Почему именно изжога?

— Глупо все вышло. Прости, — Зинаида виновато опустила глаза. — Расскажу, как было, только не серчай. Обиделись мои соседки, что твой Андрей не пригубил с ними за знакомство ни одной рюмки. Вроде как побрезговал деревенскими. Ей-богу, я-то понимаю, что дурница на них напала.

— И что?

— Ну, слово за слово, грозились больше не приходить ко мне. Во как обиделись!

— А изжога тут при чем?

— Слушай дальше. Надо же было как-то мириться с бабами. Сказала, что торт для них привезли, всю дорогу берегли. Ты не ешь, фигуру держишь, я сроду сладкого не ем. А у Андрея изжога. Тоже сладкое нельзя. Выходит, кроме них, торт есть некому, и если не придут, торт пропадет. Жалко, дорого стоит. А Танька ухватилась за изжогу! Из-за нее, оказывается, парень твой не пил с ними.

— Просто сериал какой-то, — сказала Ольга, задумчиво глядя в сторону. — Кому расскажу, не поверят.

— Зато мы помирились, — сказала Зинаида. — Бабы обещали сегодня прийти.

— Андрей вообще не пьет. Даже пива. И не потому, что болен, я бы знала, между нами тайн нет. А если что-то не в порядке, так что теперь, помирать? Я вон в училище гастрит подхватила, иногда так скрутит... Идеально здоровых людей нет. И вообще, для вас это дико, когда мужчина не пьет? Господи, мам Зин...

— У нас в деревне всегда пили. И мужики, и бабы. Ну, бабы, конечно, меньше, — говорила Зинаида тихо, виновато, будто оправдывалась.

— И не курит, если ты заметила.

— Заметила, — буркнула Зинаида. — Мне-то что! Не пьет, и слава Богу, в следующий раз не стану покупать бутылку, а вот бабы... Не серчай на них, Оля. Что мы знали, видели в своей жизни?

Крепко переживала Зинаида. И не потому, что Ольга на нее голос повысила. Мало ли за ее жизнь на нее кричали и мужики, и бабы, мало ли было сказано обидных слов в ее адрес! Притерпелась, обвыклась с этим жить. А переживала потому, что впервые за эти годы разладилось с внучкой, в одну минуту чуть не стали врагами.

— Ладно, мам Зин, прости.

— За меня не бойся, замиримся, — Зинаида слегка улыбнулась.

— Нехорошо получилось, — произнесла Ольга с грустью. — Примета плохая — ссора перед свадьбой.

— У вас, городских, тоже в приметы верят?

Шесть лет жизни в Минске уже давали Ольге право считать себя городским жителем. Но когда приезжала в деревню, будто влезала в другую шкуру: думала, что-либо делала, даже говорила так, будто никогда не покидала деревню. И теперь брошенное Зинаидой «у вас, городских» грустной отметиной легло на душу, будто ее отстранили от родины, записали в чужаки.

— Какая я, к черту, городская! — сказала Ольга. — То в одном месте уколешься, то в другом оплошаешь. Выучиться носить модные шмотки нетрудно, а стать городской у меня, наверное, никогда не получится. Городская

и внимания не обратила бы ни на чагу, ни на сплетни... И чего я, в самом деле, чертыхаюсь? — Ольга поглядела на Зинаиду. — Долой грустные мысли. Нас с Андреем ждет радостное событие.

— И я об этом, — Зинаида глубоко вздохнула. — Андрею про чагу не говори. Хорошо, если не понадобится, но вы только жить начинаете. Вот, ты говоришь у тебя с желудком нелады. А чага у Катьки всегда свежая, ей брат из района привозит. Он в заготконторе работает.

— Действительно хорошо для желудка?

Зинаида усмехнулась

— Наши все ей только и спасаются. И тебя не раз отпаивала, просто не говорила, чем.

— Я прошу тебя, об Андрее больше ни с кем не говори, — с мольбой в голосе произнесла Ольга. — Ни слова! Лучше уйди!

«Уйти нетрудно, — подумала Зинаида. — Но каждый раз не отмахнешься, не уйдешь. Какая холера их переделает? Вон Катька с детства была болтушкой, кого угодно уморит разговорами. Важно другое, принять человека, какой он есть, со всеми его слабостями. И простить, если какая оплошность заденет за душу. Все мы не без греха. Какие нежные эти городские! Была бы пакость про него сказана — другое дело. Подумаешь, изжога». Зинаиде хотелось сейчас возразить Ольге, защитить и себя, и подруг — одним временем, одной улицей они связаны, все равно что два берега реки. Но как возразить, какие слова подобрать, чтобы до Ольги дошло, чтобы опять между ними не поднялась стена?

— Ты про детство, юность свою что-нибудь помнишь? — вдруг спросила Зинаида.

— К чему ты спрашиваешь?

— Когда тебе было шесть лет, меня «скорая» забрала в район. Простыла я крепко, воспаление подхватила. Ты месяц жила у Катерины, спала с ее Настей. Тебе так у них понравилось, что, когда я вернулась, ты не хотела уходить со мной. — Зинаида умолкла, глядела вдаль, улыбалась своим воспоминаниям. — А как тебя Танька из речки за волосы вытащила, тоже, поди, не помнишь.

— Это помню, — Ольга усмехнулась. — Мне уже восемь было, а плавать не научилась. Я увязалась за взрослыми девочками на речку, — говорила Ольга задумчиво.

— Тогда речка глубокой была, шибко текла, аж воду местами крутила, — сказала Зинаида. — Надо же такому случиться, что Танька тогда оказалась на берегу. Будто Боженька привел. Ты уже захлебнулась, когда она тебя ухватила за косы. Еле откачала. Весной ты не приехала картошку посадить, так они обе помогли. Коня давно нет, все руками... Помнишь лужок, где валуны были?

— Те, что потом свезли в овраг?

— Да.

— Конечно, помню. В детстве мы там с пацанами в войну играли.

— На том лугу посадили. На нашей делянке давно ничего не растет, крапива всю землю забила.

— Разрешили сажать?

— У кого спрашивать? Колхоза нет, власть в Богушевичах, так им не до нас. — Зинаида махнула рукой. — Вон сколько пустырей, кому она нужна-то, земля?

— Я не могла приехать весной, мам Зин, — Ольга виновато глянула на бабку. — Сначала заболела, потом ночные смены пошли на фабрике. А кар-

тошки мы бы с Андреем тебе привезли. Тем более что он машину покупает. Ты побереги себя.

— Ладно, чего уж. Я про другое, про подружек своих. Хорошие они люди, не обижайся на них, — говорила Зинаида тихо, потупившись, и была похожа в этот миг на провинившуюся школьницу. Глубокое смущение охватило Ольгу.

— Прости, мам Зин, я не хотела... Но я ведь тоже не деревянная. — Ольга помолчала. — Картошка уродила?

— В этом году хорошая, без жуков. А капуста плохая. Бабочка съела.

— И капусты бы привезли, чего уж...

— Ладно, иди. Твой, небось, проснулся.

— Без нас с Андреем не начинайте копать картошку.

— Ладно. — Зинаида пододвинула ногой корзину с перцами к Ольге. — Заберете с собой. Что вам эти городские? Ни вкуса, ни запаха.

— Не городские, а привозные. Польские.

— Я и говорю, что не наши.

После обеда приехала автолавка, остановилась посередине улицы, долго, противно гудела. Из домов жиденькими ручейками потянулись к машине старухи.

В этой компании оказались и те, кто приехал на лето погостить к родственникам, собралось человек десять. Подошла Ольга. С ней здоровались, расспрашивали о жизни, о работе, о ценах в городе. Кто-то из женщин поздравил Ольгу с предстоящей свадьбой. Ольга вяло улыбалась, нехотя отвечала на вопросы. Странное чувство не то досады, не то жалости к землякам наполнило душу девушки, когда она увидела ассортимент автолавки. «В прошлом году было получше», — отметила про себя Ольга. И хотя она понимала, что фургон не способен вместить более разнообразный товар, душа Ольги не хотела с этим мириться. На следующий год, если предположение Зинаиды подтвердится, и этого не будет. А как зимой пойдешь за три километра в Богушевичи или в Косуху, если ударят морозы и все дороги завалит снегом!

Подошел Семен, тот самый дед, от которого год назад уехал внук. Семен был неухожен, взлохмачен, ни на кого не глядел. Вид старика напомнил Ольге минских бродяг, которых она часто встречала на улицах. Но те несчастные не волновали ее сердце, они были чужими, а Семен был свой. Она помнила его еще молодым, крепким мужиком, который всю жизнь любил лошадей. Ольга почувствовала, как горечь обиды подступила к горлу. Она хотела окликнуть старика, поговорить, как-то подбодрить, но передумала. Что ему ее утешения, когда родной внук уже больше года не дает о себе весточки. Старик то ли не заметил Ольгу, то ли не обратил внимания, сразу подошел к автолавке.

— Мне бы батареек и лампочек для фонарика, — и протянул продавщице квадратный предмет. Продавщица хмыкнула.

— Дед, я же тебе прошлый раз говорила, что для таких старых фонарей у меня батареек нет. Их уже не выпускают. У меня только круглые батарейки. Выбрось эту рухлядь.

— Это подарок, как же я выброшу, — ответил Семен. — Он с войны у меня, хорошо работает. Только батарейки нужны.

— Все, дед, не мешай работать. Мне еще три деревни надо объехать. Вас тут вон сколько деревушек по лесам разбросано, а я одна. Ну, кто следующий?

Старик отошел, постоял в сторонке и побрел домой. Ольга купила коробку конфет. Протянула еще деньги продавщице.

— Привезите старику хороший фонарик и батареек к нему. Этого хватит?

Продавщица посчитала деньги.

— Ладно, привезу, коль заявка есть.

По дороге домой Ольгу догнала Татьяна, пошли рядом.

— Только что Зинка приходила ко мне. Сама не своя... — Татьяна сделала паузу, наблюдая за реакцией Ольги, но лицо той оставалось спокойным. Помолчали. — Как твой Андрей?

— Нормально, — нехотя ответила Ольга.

— А Зинка сама не своя, — не отступала Татьяна. — Что случилось?

Ольга глянула на женщину.

— Поругала я ее за картошку. Зачем горбатились? Не девочки уже, о себе надо подумать. Привезли бы мы ей картошки. И вам бы с Катериной за компанию.

— Кто знал про машину? Мы тогда и про свадьбу твою не знали.

— Мы летом решили пожениться.

— Ребеночка ждешь?

— Нет. С этим подождем, — Ольга улыбнулась.

— А капуста нынче плохая, — вдруг изменила разговор Татьяна. — Гусеница поела. Огурцы у меня не уродили, корявые, желтые. Дождей не было, а ведрами не натаскаешься. Слушай, Оля, — Татьяна остановилась, придержала за руку девушку, — скажу тебе по секрету...

— Да знаю я этот секрет, — Ольга грустно улыбнулась. — Сегодня утром мне поведала Катерина. Опоздала ты, теть Тань.

— Быть не может! — Татьяна обиженно поджала губы. — Зинка сказала, что, кроме меня, никому не говорила.

«Неужели есть еще новости про Андрея, о которых я не знаю?» — подумала Ольга.

— Ну, что там еще, выкладывай. Давай, теть Тань, как на духу.

— Зинка отписала тебе свой дом!

Известие не произвело на Ольгу никакого впечатления. Обстоятельства складывались так, что старенький дом Зинаиды в любом случае достался бы Ольге. Другой родни у Зинаиды давно не осталось. Такая перспектива не радовала Ольгу, наоборот, создавала проблемы. Использовать дом как дачу вряд ли получится. Это удовольствие — провести выходные за сто километров от Минска — окажется слишком дорогим. Конечно, можно приехать в отпуск, но кто будет досматривать дом в остальные месяцы? Татьяна и Катерина, пока на своих ногах, доглядят, но второй век им никто не отпустит, а на остальных соседей надежды еще меньше — кто бы за ними приглядел. И продать проблема — кто позарится на такую глухомань, куда даже автолавка скоро перестанет приезжать? Но сам факт, что бабка сама похлопотала о завещании, глубоко тронул Ольгу.

— Плоха стала Зинка, — говорила Татьяна. — Сердце подводит, давление скачет. Года, что ты хочешь. Вот недавно так ее скрутило... Мы с Катькой еле отходили ее всякими валерьянками. Она, как оклемалась, сразу поехала в район, разузнать про дом, что да как. Несколько раз моталась, пока все бумаги не выправила. Ты не серчай на нее, ежели что не так, не обижай. Она любит тебя, одна ты у нее осталась.

— Могла бы не говорить, теть Тань, — ответила Ольга, сдерживая волнение.

— Хорошо как складывается, правда? — глаза Татьяны радостно светились. — Вот тебе и свадебный подарок.

— Да, теть Тань, подарок хороший, — сказала Ольга, а сама подумала: «Кто же говорит про подарки раньше срока? Плохая примета. Господи, только

бы мам Зин не вручила мне эти бумаги». — Теть Тань, просьба к тебе есть... Ты бы сказала бабуле, чтобы она ничего мне не дарила сейчас. После свадьбы приедем, вот тогда пожалуйста.

— А, понимаю. Обязательно, если не забуду. Бабку-то пригласила на свадьбу?

— Да. Только не поедет она. Приедем в отпуск, отгуляем еще раз. Пригласим всех, кто остался. Мы так с Андреем решили.

— Да кто тут остался! — Татьяна махнула рукой, опустила глаза. — Вот если бы три года назад... Авдотья была жива, Хавронья... Как они пели! А как Ванька, внук Степана, на баяне играл! Гришка Авгенич, бывало, как начнет смешные истории рассказывать, не остановить.

— Неужели Ванька ни разу не объявлялся?

— Нет. То ли пропал, то ли забыл деда. Хоть бы весточку какую прислал. Один Семен мается. Когда я подмогу, когда Катерина... Так дед еще упрямится, просто беда. Капризный стал, чисто ребенок. — Татьяна помолчала. — Приезжайте, встретим. Я в автолавке коньяк куплю. Закажу самый лучший.

— Не надо, теть Тань, очень дорого выйдет.

— Ничего, переживем. Говорят, от коньяка изжоги не будет. — Татьяна подмигнула Ольге, хитро улыбнулась. «Господи, опять эта изжога!» — подумала Ольга. — Ты не печалься, у твоего с желудком все наладится. Ой, чуть не забыла. Вот, возьми, — Татьяна вытащила из сумки пакет и протянула Ольге.

— У меня уже есть, — отмахнулась Ольга. — Катька первой постаралась.

— У нее чага, а это полынь, — не отставала Татьяна. — Свежая. Городская еда красивая, но невкусная. И вредная. Дочки как приедут с гостинцами, ну и угостишься, а после маешься животом. Чага да полынь спасают.

— У вас тут просто санаторий! — усмехнулась Ольга.

Ольга еще утром при разговоре с Катериной поняла, что бы ни говорили соседки, что бы ни предлагали, надо соглашаться и принимать. Спорить, что-либо доказывать — себе дороже. Ольга взяла пакет, сунула в свою сумку.

— Спасибо. В кипятке заварить, настоять и пить натощак. Так?

— Так. Слышь, — Татьяна ближе придвинулась к девушке, — бабка ничего тебе про вчерашнее не говорила?

— Про вчерашнее? — Ольга сделала вид, что пытается вспомнить. — Нет, а что она должна сказать?

— Я так, к слову. Твой-то первый раз у нас, так, может, еда наша не понравилась или еще что.

— Еще чего! — Ольга засмеялась. — Не граф, слопает, что приготовят.

— Свадьба скоро?

— В следующую субботу. Приходите сегодня вечером. Я торт привезла.

— Зинка уже сообщила.

— Вот и хорошо. Приходите, мы завтра уезжаем.

— Отходную устраиваешь? Добра, придем.

Ольгу будто оглушило это слово: «отходная». В нем слышалось что-то трагическое, предостережение от беды. Кто-то уходит, отходит... И не возвращается. Вот эти бабы! Ляпнут языком, не подумав, и как с гуся вода.

Ольга свернула к дому и пошла, не оборачиваясь.

Андрей стоял на краю обрыва, глядел по сторонам и удивлялся тому, что уже не было того очарования, какое он испытывал вчера на закате. Природа будто поменяла одежду, влезла в поношенный, серенький пиджак, в котором ни одна деталь не радует глаз. Бестолково, натыкаясь друг на друга,

куда-то неслись облака, теплый воздух отдавал навозом, под ногами противно шуршал песок. Андрей поднял палку, с досадой ударил по репейнику. Круглые комочки цветка полетели в овраг. Андрей заглянул вниз. В глубине оврага прилепились друг к другу с десяток огромных валунов. Андрей бросил вниз палку. Та звонко ударилась о камни и разлетелась щепками по сторонам.

Когда Ольга вернулась с покупками домой, Андрей уже поджидал ее на лавке возле крыльца.

— Второй день бездельничаю, — сказал он, поднимаясь. — Может, работенку какую подкинешь? Никогда не рубил дров, вот бы попробовать.

— Приедем после свадьбы в отпуск, тогда и порубишь, и покосишь. Теть Кате нужно сена заготовить для козочки. С косой обращаться умеешь? — Ольга поглядела на Андрея.

— Научусь, — Андрей помолчал. — Наука нехитрая.

— Ну, ну, поглядим. Зайдем в дом, поговорить надо.

Издавна между деревней и городом жила неприязнь. Деревенские считали городских слишком гонористыми, зазнайками и при встрече с ними всегда были настороже. Ольга помнила, как ей было тяжело привыкать к городской жизни. Ольге казалось, что местные парни и девчата на каждом шагу норовят подшутить над ней, посмеяться, показать свое превосходство. Неудивительно, что отказ Андрея от алкоголя в первый вечер Катерина и Татьяна истолковали по-своему.

— Обиделись наши соседушки на тебя за то, что не захотел с ними выпить за знакомство. Получилось, что ты побрезговал, они неровня тебе.

— Чепуха, — усмехнулся Андрей. — Ты серьезно?

— Еще как серьезно. Такие они, деревенские, прости их.

— Ты же знаешь, я вообще не пью. В городе, у кого бы мы ни были в гостях, никогда такой глупости не возникало.

— Так то в городе, там каждый занят самим собой, а здесь все по-другому. Глупо, конечно, но как есть, так есть.

— И что ты предлагаешь?

— Исправить это недоразумение, — Ольга с удивлением посмотрела на Андрея. — У тебя проблемы с желудком?

— С чего ты взяла? — удивился Андрей. — Пока слава Богу.

— Прекрасно. Выпьешь с тетками рюмку-другую, думаю, корона трезвенника с твоей головы не упадет.

Впервые Андрей попробовал алкоголь еще в десятом классе. Был день рождения одноклассника. Вечеринка запомнилась Андрею на всю жизнь. После выпитой рюмки водки его лицо покраснело, кожа на руках покрылась пятнами, а сам он стал задыхаться. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не «скорая». Он долечивался уже в больнице, где врач сообщила ему, что у него аллергия на компоненты алкоголя и с выпивкой придется покончить навсегда. С тех пор Андрей забыл, что такое водка, вино и пиво. Правда, на этой почве в жизни парня произошла осечка. Полюбил девушку, долго встречались. Дело шло к свадьбе, пока однажды в гостях Андрей не признался ей в своей болезни. Лариса, так звали девушку, не стала вникать в суть болезни, и через неделю они расстались. Это случилось за два года до знакомства с Ольгой, и с тех пор никто, кроме его самого и родителей, не знал о его недуге. Утаил он и от Ольги. Сейчас Андрей впервые задумался о том, что, скрывая свою тайну от Ольги, он обманывает ее. Когда-нибудь это откроется, и как он будет глядеть ей в глаза? Признаться сейчас? Но где гарантия, что Ольга не испугается и не поступит, как Лариса. У страха всегда глаза вели-

ки. И это накануне свадьбы! С момента знакомства Андрей и Ольга жили душа в душу, казалось, этому счастью не будет конца, и вот она, опасность, подкралась исподтишка. И где! «Черт меня понес в эту глушь!» — с отчаянием подумал Андрей. Но оставался другой выход покончить с этой тайной, и Андрей часто думал о нем, каждый раз все больше приближаясь к тому, чтобы решиться на этот шаг. Решение родилось сразу. Прошло более десяти лет с того случая из школьной жизни, может, его организм совладал с болезнью, а он по-прежнему лелеет ее, втайне от всех носит с собой баллончик, который за эти годы ни разу ему не понадобился. В конце концов, баллончик с ним, а как им пользоваться, он не забыл.

— Были бы другие проблемы! — Андрей усмехнулся и поцеловал Ольгу. — Раз такое дело, парой рюмок с твоими соседками не обойдется. Кстати, у нас как с этим дело?

— Стоит в холодильнике, — голос Ольги звучал уже веселей. — Только без фанатизма. Твое алкогольное воздержание как бы не сыграло с тобой злую шутку.

— Ничего, совладаем.

Катерина и Татьяна пришли поздно, когда вечер уже повернул к ночи. Избы и сараи теряли очертания, прятались в темнеющем воздухе.

— Где ходим, подружки? — встретила их Ольга. — Мы вас заждались.

— Катька у деда Семена давление мерила, — сказала Татьяна. — Давеча только собрались к вам, приковыляла Елизавета. Давай, говорит, к Семену, лежит во дворе, не шевелится. Может, помер уже. Ой, не жилец наш Семен. Совсем плох. Ну, Катька и сидела с ним, пока не уснул. А я куда ж одна?

— Ничего, еще поживет дедушка, — сказала Катерина. — Уход бы за ним наладить да лекарств хороших... Только как их купить, лекарства? Дорогие. — Помолчала и закончила чуть слышно: — И аппарат у меня старый. Врет, поди.

— Катерина у нас замест врача, — сказала Зинаида. — Всей деревне давление меряет.

— Лечить надо, вот что, — Катерина с сожалением вздохнула. — А лечить некому.

— Мы вам новый аппарат привезем, — сказал Андрей. — Современный. Надеваешь на руку — и готово. Аппарат сам и покажет, и расскажет.

— Вот и ладно, — добавила Ольга. — А теперь быстро к столу.

Молча расселись. Андрей разлил всем пятерым водку. Поднялся, глянул на Ольгу. Та в ответ улыбнулась.

— Вчера так получилось, что не смог в полной мере составить вам компанию. Простите. В дороге разболелась голова.

— Тоже давление? — спросила Катерина. — Может, измерить?

— Спасибо, уже прошла, — Андрей сделал паузу. — У вас тут такой воздух, такие красивые места... Любая хворь просто обязана отступить. Нам бы в Минск чуточку того, чего у вас в избытке.

— Во, во, а нам бы вашего, столичного, — прервала Андрея Катерина. — А то оживаем, когда автолавка приезжает. И та дохлая. Чего надо не купишь.

— Ладно, Катька, уймись, — осекла подругу Татьяна. — Дай человеку сказать.

— Я, собственно, заканчиваю, — Андрей почувствовал неловкость от замечания Катерины. — Мы с Олей будем чаще приезжать, не стесняйтесь, что надо, говорите. Привезем. Ну, еще раз за знакомство.

Выпили. Катерина и Татьяна, переглядываясь, заговорили о своих делах, вовлекая в разговор Зинаиду. Ольга вышла из комнаты. Андрей ощущал

горечь во рту, от непривычки морщился, чувствовал, как легкое тепло стало подниматься от горла к голове. Он знал, что время сейчас важный фактор для него. Если все осталось по-старому, минут через десять предательски покраснеет кожа на руках, лице, и никакой полумрак комнаты не утаит этого от любопытного взгляда Катерины. Но самое ужасное начнется позже, когда стальной обруч станет сжиматься вокруг его шеи. Андрей снова нащупал в кармане баллончик, глянул на ходики. Часы показывали половину десятого. Вернулась Ольга, села рядом с Андреем.

— За счастье молодых не будем пить, рано, — объявила Катерина, — а вот за здоровье всех присутствующих — с удовольствием.

— Какое тут здоровье! — возразила Зинаида. — Крохи остались.

— Зато наши крохи, — усмехнулась Катерина. — Ни у кого взаймы не просим. Андрей, поухаживай за женщинами.

Андрей разлил водку всем пятерым. Выпили.

— Закусывай, — Ольга положила в тарелку Андрея кусок мяса. — Ты, кроме салата, ничего не ешь. Смотри, с непривычки замутит.

— Нормально, — Андрей слабо улыбнулся.

И тут на столе появилась вторая бутылка водки. Катерина лихо выхватила ее из-под стола и поставила на стол.

— Эх, гулять так гулять! — Татьяна взяла бутылку, скрутила пробку. — Андрей, продолжай.

— Хватит уже, соседушки, — Ольга с укоризной поглядела на женщин. — Духота такая, что дышать нечем. Видать, гроза будет. А вы с бутылкой.

— Слушай меня, Оля, — Катерина грустно улыбнулась. — Такие деньки, когда у нас гости, — редкость. Скажу тебе как на духу. — Катерина глянула на Татьяну, на Зинаиду. — Вот вы приехали, и уже праздник. Моя Настя последний раз навестила меня полгода назад, Таньку... — Катерина перевела взгляд на подружку. — Уже забыли, когда Маруся была. Все им некогда, все они заняты. Не то что выпить, словом перемолвиться не с кем. А ведь нам еще и шестидесяти нет. Налей, Андрей, по третьей.

Андрей разлил водку всем пятерым. Выпили. Лица у всех погрустнели, воцарилось молчание.

Андрей почувствовал первые признаки тошноты, когда часы показали одиннадцать. Он уже был твердо уверен в том, что это недомогание не связано с аллергией, все сроки для ее приступа прошли. Радость с восторгом захлестнули Андрея, он готов был сейчас петь, говорить глупости, смеяться, так хотелось выразить свое состояние счастья. А то, что его подташнивает, так это часто бывает с мужиками, когда они хватят лишку. Надо выйти, два пальца в рот... И все проблемы.

— Выйду на минуту, — Андрей встал. — Душно здесь.

— Я с тобой, — Ольга тоже встала.

— Не надо. Чепуха, — Андрей улыбнулся. — Через пару минут вернусь.

Андрей вышел из дома, сел на лавке возле крыльца. Сквозь открытую форточку доносились женские голоса. Тошнота не проходила. «Ольга права, — подумал Андрей, — отвык от алкоголя, надо было закусывать». Тошнота не проходила.

Андрей встал, прошел несколько метров вперед. «Нет, здесь нельзя. Увидят утром, стыда не оберешься».

Андрей вышел на улицу, прошел несколько шагов вдоль забора, поглядел вперед, но кроме черноты, которая окутывала все вокруг, ничего не было видно. «Надо еще дальше пройти. Туда, где дорога сворачивает к лесу, — думал Андрей. — Там трава высокая, ничего не будет видно». Андрей сделал

еще шаг, другой и полетел вниз. Он уже не слышал, как вслед за ним посыпалась галька, разбуренная его шагами. Он уже ничего не слышал, лежа с разбитой головой на камнях. Камни не любят, когда на них падает человек.

Ни Катерина с Татьяной, ни Ольга с Зинаидой не смогли объяснить следователю из района, какая «нелегкая» понесла Андрея к оврагу. Когда приехал отец забрать тело сына и узнал о застолье, рассказал Ольге об аллергии Андрея. Так Ольга узнала о тайне своего жениха. Никто не знал, что в этот миг творилось в душе девушки, как никто никогда не узнает о том, что аллергия не виновата в этой драме. Видать, свыше было предначертано Андрею прожить свой век без алкоголя, а он то ли не понял своей судьбы, то ли не угадал ее. За что и поплатился. Выждав, пока все формальности будут улажены, Ольга вместе с отцом Андрея вернулась в Минск. В декабре умерла Зинаида. Ольга едва не опоздала на похороны. Дороги так замело, что автобус прибыл с большим опозданием. В новом году автолавка по-прежнему заглядывает в деревню. Но только раз в неделю, по четвергам. Вскоре после драмы продавщица автолавки привезла для Семена новенький фонарь, но когда пошли за ним, дома его не оказалось. Несколько дней искали деда в лесу, по соседним деревням, но не нашли. Фонарь так и стоит на столе в комнате, дожидается хозяина. Той же осенью из Богушевичей приехала бригада строителей. Они загородили подступы к оврагу деревянным забором, а месяц спустя забор разобрали на доски. Татьяна переехала к Катерине, и теперь они вдвоем досматривают кошку Мурку, козу и дом Зинаиды. Всю зиму чистили двор Зинаиды от снега — вдруг приедет Ольга на годовщину смерти бабки, а во двор не зайти.

...Ольга в деревне больше не появлялась.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

Колокола юности

1

Когда печаль ударит остро,
перекрывая
сердца
шум:
— Мне к соловьям, в деревню Войстам, —
билет я в кассе попрошу.

Сквозь горизонт,
что в дымке светлой,
как будто бы верша обряд,
за километром
километр
            считаю
до заросших хат.

А где сосонники
сквозь Нарочь
болота сторожат весь век,
конечно же,
            оставит на ночь
меня знакомый человек.

Товарищ верный мой
по школе
окликнет звонко со двора:
— Кого к нам занесло?
Пашкова!..
Чернорабочего пера...
Привет!
Благодарю за память.
Дай мне на гостя поглядеть! —
и он могучими руками
меня обнимет, как медведь...

Дитя земли —
и пахарь строгий,
и бог ее лугов и нив,
он
у отцовского порога
себя навек укоренил.

С какой поры?
А с той,
далекой —
с весенних
юношеских дней,
ведут
судьбы его истоки
путями хлебными полей.

Не двор —
музей села здесь, что ли?
Два века в нем переплелись.
Вот жернова:
муку мололи
и перемалывали жизнь.

А вот соломенные сита —
прикрыты, чтоб не портил дождь.
Вот рядом старое корыто —
совсем ненужное,
но все ж...
Хоть этот хлам
мозолит очи,
наперекор крутой жене,
его он выкинуть не хочет,
ведь для него дороже нет,
чем этот дар
отцов и дедов,
в который,
не для красных слов,
любовь вложил какой-то предок —
основу всех земных основ.

Смолистый сруб в саду белеет,
луною освещен кругом.
И взгляд приятеля светлеет:
— Вот, ставлю детям новый дом...

Поговорив —
про то, что было,
что будет и про то, что есть,
едва горячность поостыла,
на сеновал прошусь залезть.

Не позволяют:
— Гость!..
Но смело
свое упрямство доказал:
на чердаке, где звезды в щелях,
валюсь на свежий сеновал.

И здесь, вдали от шума злого,
от боли пополам с тоской,
мой сон, пришедший из былого,
колышет месяц молодой.

2

Рябинка выросла на взгорье.
Стоит над тихою травой.
Тревожат утром птичьи хоры
Ее пред осенью покой.

А материнский дом убогий,
живущий, может, сотый год,
дымок разносит над дорогой,
как будто белый пароход.

Вот лес передо мною снова,
и аист важный на гумне.
И кружку молока парного
мать подает привычно мне.

Тропинки,
старые дороги,
приветливых десяток слов —
как надо, в общем, нам немного,
чтоб юность возвратилась вновь.

...Под вечер сходятся дороги
на раздорожье,
                        а за ним
такого юного
                        так много
земного счастья
нам двоим.

...Сирень у церковки...
И тонкий
дрожит сквозь ветви лунный рог.
И шепчет горячо девчонка:
— Там кто-то ходит, видит бог!

«А в темноте, обросший, в тине, —
наводит дядька Фэлька страх, —
гуляет ночью кто-то дивный
и прячется в густых кустах».

Вот так, уже почти отчаясь,
страшась — не вышло бы чего! —
пугает Фэлька нас.
Встречаюсь —
                        он знает —
с дочкой я его.

Но лишь погрузится глубоко
уставшая деревня в сон,
сквозь камыши и сквозь осоку
мы к теплой заводи идем.

И вся земля —
как сон,
как диво,
как рощи и полей завет,
сливаются в один-единый,
подаренный нам Богом свет.

И нет пока что в наших душах
осколков горечи и зла.
Сквозь тьму
мы звездный жар нарушим
прикосновением весла.

Зарница высветлится грозно,
без грома —
и умчится в сон.
И грянет с ивы и березы
полночный соловьиный звон.

Накинув плащ зари на плечи, —
такое вспомнишь,
и не раз!
Плывем туманом,
и надречье
трезвоном осыпает нас.

Но жаль —
и ночка зоревая,
и звон, рассеянный в ветвях, —
все-все проходит,
исчезает,
туманом белым отплывает,
теряясь в дальних облаках.

И лишь однажды
там, где ветки
шумят под ветром в унисон,
тебя разбудит на рассвете,
как эхо —
птичий
перезвон.

3

Едва-едва пробьется солнце —
петух разбудит удалой.
Услышу, как стучит по донцу
ведерка
пенный сыродой,
как кошка в дверь скребется лапкой.
И душу мне наполнит вновь
и горечью, и болью сладкой
к отчизне прежняя любовь.

И сердце вновь замрет от счастья —
все с детства так знакомо мне,
и заклекочет песню страсти,
как в детстве, аист на гумне.

А я не верил, что на свете,
где с горем встречи суждены,
еще рассветом пахнет ветер,
еще такие снятся сны!

Душа очистилась от хлама,
от пустоты и суеты ...
В понятья: родина и мама
корнями прорастаешь ты.

И корни те
в земле и небе,
в неслышных сполохах зарниц,
в напевах матери,
и в хлебе,
и в звонком холоде
криниц...

Я, утра песню
принимая,
приветствую сиянье дня...
А вот хозяйка молодая —
и вся из света и огня!

Не дав словам пустым излиться —
у слов искусственная роль —
она накрыла стол в светлице:
как говорится, — хлеб да соль.

А чтобы не настигла жажда,
таинственный, как некий джинн,
хозяин из каморки важно
выносит солнечный кувшин.

— Теперь пчеле не много взятков:
так много химии в траве.
Вот — прошлогодний мед, остаток.
Ты посмотри, каков на свет!

Под переливы птичьих трелей,
под запах росный от земли,
мы за накрытый стол присели,
беседу снова повели.

— А ты, читал я, знаменитый:
то — вымпел,
то — почетный знак...
— Что ж, правда, было...
Жали жито...

А заливало, брат мой, как!..
И где-то в поле ночевали...
Ведь целый месяц этак лить!..
Забот хватило поневоле...
Да все прошло.
Что говорить?..

...Село — отдельная держава.
Не для наград —
который год —
живет в трудах
и умирает
в обычных хлопотах
народ.

Расскажет друг —
село кто бросил,
а кто не женится никак.
За четверть века на вопросы
ответив, подытожит так:
— Земля меняется и люди.
То осень,
то опять весна.
...Вот скоро рощицы не будет.
И речки нет теперь у нас ...

— Как? Нет Спеглянки?
Как так вышло?! —
по телу пробежал мороз. —
Мы, значит, лишь во сне услышим
над речкой гулкий звон берез?..
— А наши дети?
Наши внуки?!
Как жаль! Для них не сберегли...
— Немало бед от лженауки...
— Мы тоже многое могли!
Вот ты!..
Поешь про обновленье...
И я...
Но полагаю все ж:
природу ставя на колени,
в себя мы загоняем нож!..

...Молчу, душа горит пожаром.
Не проглочу застрявший ком
ни с медом солнечно-янтарным,
ни с этим свежим молоком.

Перевод с белорусского Елизаветы ПОЛЕЕС.

ЮРИЙ ПЕЛЮШОНОК

Одиссея моториста Галочкина

Рассказ

Моросит мелкий дождь. Галочкин стоит на конечной остановке автобуса. Впереди, в двухстах метрах, ворота порта Бремер Хафен.

Несколько часов назад, прикинувшись пьяным моряком, отставшим от корабля, он позвонил диспетчеру порта. Ему нужно было узнать, идет ли какое-нибудь судно в Канаду. Диспетчер, молоденькая девушка, прониклась жалостью к пьяному моряку и сказала, что с двадцать седьмого причала сегодня в полночь уходит в Канаду датский контейнеровоз «Magleby Maersk».

На моряка Галочкин не похож, своей одеждой он скорее напоминает портового рабочего. На нем черный комбинезон и яркая оранжевая безрукавка. Безрукавку он купил в фирменном магазине молодежной одежды, она черная, но если вывернуть ее, то своей оранжевой подкладкой она походит на жилетку дорожного рабочего. На ногах у него черные кроссовки, купленные также с прицелом на рабочую обувь. В руке полиэтиленовое ведро, где под куском тряпки спрятана пластиковая канистра с водой. На плече монтерская сумка с надписью «No Xray». Видимо, когда-то сумка принадлежала фотографу, но сегодня ей предстоит сыграть роль монтерской, хотя в ней нет ни одного инструмента. В ней продукты: колбаса, сыр, хлеб, несколько банок консервов и лимон, купленный уже в последний момент, как будто кто-то подтолкнул его это сделать. Лимон лежит сверху на книжке «Alice in Wonderland». У Галочкина будет много свободного времени на чтение и изучение языка, если все выйдет, как он задумал. А надоест читать — есть плейер с кассетой Бенсона. У него есть все, что нужно для долгого путешествия, все, кроме документов. Единственная бумага, лежащая в его кармане, — письмо Боба. Он достает смятый листок и в сотый раз перечитывает. Боб теперь живет в Торонто... Он пересек океан, сидя в фальштрубе... У него закончилась вода, и его полуживого сняли в Монреале... Последний раз Галочкин пробегает глазами по строке: «...здесь даже бродячие собаки находят приют...»

У него есть еще несколько минут. Он подсчитал, что каждые полчаса через боковые ворота порта проходит паровозик с контейнерами.

Рвет письмо, бросает в урну. Ну вот, уничтожена последняя находящаяся при нем бумага.

В Германии у него нет права на постоянную работу, нет перспектив. Даже если бы ему удалось найти работу где-нибудь в Африке, то куда бы поставили въездную визу? По паспорту моряка можно передвигаться только с судном, к которому моряк приписан.

Несколько месяцев назад он самовольно сошел в Гамбургском порту. Из теплой каюты шагнул в февральскую ночь. Было холодно и страшно. На столе в каюте он оставил десять долларов за телеграммы, что посылал из рейса

домой. Прикрыл доллары томиком Маркса. Капитан все понял, он его не ждал и ушел, как только закончили погрузку. Через три дня капитан был уже в родном эстонском порту и, отдав рапорт о бегстве моториста, вдруг добавил на словах: «А и правильно сделал». Чуть ли не каждый в экипаже тайно мечтал изменить свою жизнь, но... вернувшись из рейса, они спали с подругами и женами, а Галочкин лежал на топчане в приюте возле гамбургского вокзала и был доволен, что удалось поужинать.

Через неделю жизни в Германии стало ясно, что эта страна не для эмиграции. Конечно, немцы в большинстве своем к эмигрантам относились хорошо. Если кто-либо поджигал общежитие с беженцами, пожарная машина приезжала довольно быстро. А беженцы все прибывали и прибывали. Поток шел в основном из развалившихся соцстран. Германия принимала их в огромных количествах, но и она была не резиновая. Беженцам, даже при самом радушном приеме, скоро становилось ясно, что для того, чтобы реализовать свою мечту, нужно перебираться на малозаселенный Американский континент, точнее, на Североамериканский, а еще точнее — в Канаду. Канаду все считали наиболее желанным для себя краем, это было место, о котором ходили самые невероятные легенды и слухи. Чуткие к спросу, подпольные «туристические агенты» вовсю подделывали канадские паспорта и въездные визы. Но паспорт среднего качества стоил до десяти тысяч долларов, виза — от четырех до пяти тысяч, и не было гарантии, что обман не будет раскрыт еще до посадки в самолет. У Галочкина не было таких денег, и самым доступным для него был путь в морском контейнере через океан, сравнительно недорогой, но небезопасный вид транспорта.

На место в контейнере он заработал, убирая по вечерам школу. Знакомая полька Янина, немецкая гражданка, имевшая доступ в порт и подрабатывавшая нелегальной переправкой эмигрантов, сделала ему скидку и даже предложила контейнер, шедший кратчайшим путем на Монреаль. Он подумал и отказался — даже при небольшом своем жизненном опыте он понимал, что не следует идти на авантюры, где не контролируешь ситуации. Во-первых, в контейнере не знаешь, кем будут твои соседи, при этом едешь в кромешной тьме. Во-вторых, судно может попасть в шторм, и если контейнер гружен не полностью, а в случае с перевозкой нелегальных пассажиров так оно и есть, тебя может раздавить сместившимся грузом. Втретьих, контейнер могут переадресовать в другой порт или вообще погрузить на другое судно. Претензии в таком случае предъявлять некому. «Агентство путешествий» Янины никогда не имело жалоб от клиентов. Веселая Янина была озабочена лишь одной проблемой: куда складывать деньги. Только раз на ее лице промелькнуло легкое недоумение, или нет, скорее секундная тень легла на ее улыбку. Контейнер с иранцами по ошибке попал на иракское судно. «Цо могвам, то зробивам, — махнула она рукой, — в сточни нема пожонтку».

Галочкин стоит на остановке. На часах шесть. Из-за дождя или, может, потому, что сентябрь уже перевалил за середину, на улице почти темно. Освещен лишь порт, там на высоких мачтах установлены мощнейшие прожектора. Через минуту он должен идти туда. Пройти незаметно — об этом нет и речи. «Но я портовый рабочий, это мне поможет, сегодня мне повезет, — подбадривает он себя, — я еду один, что всегда незаметнее и легче. У меня крепкие ноги, руки, отличные зрение и слух. Меня не загрузили, как барана, в контейнер, где ни сила, ни зрение, ни слух роли не играют. Я свободен распоряжаться собой. Я четыре года отработал мотористом и знаю типовое устройство почти всех судов. Уж во всяком случае, контейнеровоз «Magleby Maersk» для меня не загадка. Мне нужно лишь подняться на палубу, что я и сделаю

под видом рабочего. Затем незаметно проберусь в фальштрубу и, если все пройдет хорошо, через неделю буду уже разговаривать с эмиграционными властями в Канаде».

Боковые ворота автоматически раскрываются и пропускают маленький паровозик с тремя платформами, на которых стоят контейнеры с надписями «Maersk». Галочкин проходит ворота под их прикрытием. За оградой отделяется от вагонов, быстро перебегает насыпь и, став на бетонные плиты порта, уже не торопясь, рабочей походкой идет к причалу. Выходит на освещенное прожекторами пространство. Впереди, метрах в трехстах, стоит «Magleby Maersk». Возле него снуют контейнероперевозчики. Своим видом они напоминают огромное четвероногое на роликовых коньках. Специальными захватами берут под брюхо контейнеры, перевозят и складывают возле крана. Портовый кран легко, будто детские кубики, поднимает контейнеры и переносит на палубу.

Подойдя вплотную к судну, Галочкин замечает возле трапа группу людей, они совещаются, разбирают какие-то бумаги. Галочкин делает несколько шагов к трапу, но по нему с судна начинают спускаться один за другим моряки. Ждать возле трапа он не может, боится, что кто-нибудь его окликнет. Подниматься по трапу нельзя, и он отходит в сторону. Но и в стороне стоять нельзя, там работают контейнеропогрузчики. На его счастье, недалеко от трапа останавливается микроавтобус. В него садятся только что спустившиеся с судна моряки. Автобус, видимо, заказан, чтобы отвезти их в увольнение, в город. Галочкин подходит к автобусу и по-английски спрашивает, запинаясь, довезут ли его до ворот порта. Его понимают и приглашают сесть. По дороге задает вопрос: куда идет корабль? Ему отвечают, что в Канаду. Так Галочкин получает еще одно подтверждение, что «Magleby Maersk» — это то, что ему нужно.

Не доезжая ворот, он просит остановить автобус, выходит, и снова идет обратно к причалу. На его беду, дождь усиливается. Мимо проезжает патрульная полицейская машина. Через мокрое окно на него смотрит удивленное лицо: мол, куда под таким дождем? Машина притормаживает. У Галочкина есть секунда, пока полицейский не опустил стекло. Как ни в чем не бывало, он перекидывает монтерскую сумку с плеча на плечо и бодрой походкой идет дальше. Мол, «работяге» не до полиции. Да и полицейскому не хочется в такой дождь открывать окно. Машина трогается, набирает скорость. До «Magleby Maersk» остается уже не более сотни метров. Возле трапа все та же группа людей, накрывшись брезентом, они разбирают свои бумаги. Галочкин заходит за ближайший контейнер. Нужно переждать. Некоторое время он стоит под дождем, прислонившись спиной к контейнеру. Но вот контейнеропогрузчик подъехал и остановился над ним, и механические руки уже тянутся к контейнеру. Галочкин делает несколько шагов в сторону, выходит на открытую освещенную площадку. Сверху из кабины на него смотрит водитель, дает гудок, берет переговорное устройство, явно вызывает полицию. У Галочкина еще есть минута, может, две. Используя последний шанс, он быстро проходит мимо занятых бумагами людей. Они не обращают на него внимания. Он уверенно ставит ногу на ступеньку трапа, никто его не останавливает. Поднимается на палубу, ныряет под козырек надстройки. Вахтенный не обращает на него внимания, он, воистину, слава бумагам, занят чтением газеты. Галочкин заходит в надстройку. Идет по коридору. Вдруг впереди в открытой двери одного из помещений замечает моряка. «Если он задаст вопрос, отвечу, что я электрик, — прикидывает в уме Галочкин, — но если я электрик, то кто меня вызывал? Нет, по коридору идти нельзя». Он выходит обратно на палу-

бу, видит рядом со входом другую дверь, она задраена вращающимся рулем-задвижкой. Крутит колесо руля. Дверь открывается. Войдя внутрь, он тут же закрывает ее за собой. Можно немного отдышаться.

Перед ним помещение десять на десять метров. Вдоль стен и посередине стоят длинные и высокие железные шкафы с окошками различных индикаторов. В углу за металлической сеткой огромный мотор, от которого идет монотонный гул. Слева из стены выступает небольшой балкончик, к нему от пола ведет лестница. На балкончике вплотную друг к другу стоят картонные ящики. Рядом с балкончиком в стенке метровый круг вентилятора.

Несколько раз он обходит все помещение, поднимается на балкончик, но не находит места, где укрыться. Чтобы не стоять открыто посреди комнаты, пробует забраться на один из шкафов. Внезапно в комнате раздается протяжный вой сирены. «Сработала сигнализация!» Даже мокрого от дождя, его прошибает пот. Но сирена через минуту затихает. В помещение никто не заходит.

Снова и снова в поисках укрытия он обходит все помещение. Опять поднимается на балкончик. Картонные ящики там стоят вплотную к стене, за ними не только не спрячешься — лезвие ножа не просунешь. На всякий случай он ощупывает ближайший ящик. О счастье, ящики только с виду внушительные, внутри них — вата для фильтров. Ящики легко прогибаются, и он ложится в пространство между ними и стеной. Голову кладет на вмонтированную в пол балкончика металлическую коробку с клеммами и проводами. И хоть на его груди стоит сумка, а на животе — ведро, он впервые за последний час чувствует себя спокойно.

Чтобы перейти с одного жизненного уровня на другой, необходимо затратить определенное усилие. Чем уровень выше, тем усилие больше. Считать, что некоторым людям в жизни удается многое без особых усилий, — это ошибка; значит, усилия были затрачены их родителями, их дедушками и бабушками. Нельзя сделать что-то из ничего. Но самых больших усилий требует изменение течения реки своей жизни, поворот ее в новое русло. Ты осваиваешь территорию, где тебя по книге твоей судьбы быть не должно. Твои ангелы-хранители потеряли тебя из виду и ищут тебя там, где тебе положено быть, в то время как ты, пытаясь изменить свою судьбу, находишься там, где никому не придет в голову тебя искать. Выбрав новую дорогу, ты рассчитываешь только на себя. Если ты выиграешь, спустя некоторое время твои ангелы найдут тебя, в книге твоей судьбы будет переписано место, откуда пойдут в жизнь твои потомки, место, где ляжет твой могильный камень, переписано будет многое. А пока ты в самом начале пути...

У Галочкина теперь много времени для размышлений. Его приятель Боб перешел с одного жизненного уровня на другой в корабельной фальштрубе. Звучит несколько забавно, но именно из этой трубы он вышел новорожденным. Свое рождение он оплатил, едва не погибнув от жажды. Кто-то летит в иммиграцию самолетом и пьет шампанское. Его оплата за рождение впереди. Через год, через пять, но она будет. «Горек хлеб иммигранта», — гласит поговорка. «Каждый должен съесть свою бочку дерьма, — трактовал ее на свой лад Боб. Под бочкой он подразумевал наказание за самовольную запись, сделанную в Книге судьбы. — Но другой бочки уже не будет, — добавлял он, — ни мне, ни моим детям». На законные сомнения Галочкина, откуда у него такая уверенность, что это будет последняя бочка, и стоит ему достигнуть Канады, как жизнь сразу станет раем, Боб отвечал: «Рай — понятие индивидуальное, свои проблемы есть везде, и если без них не обойтись, то для меня раем будет, если мои дети будут иметь канадские проблемы».

После своего страшного путешествия Боб был счастлив тем, что дышит свежим воздухом, пьет чистую воду, что о нем заботятся, что он бесплатно учится в языковой школе, что люди на улицах приветливы, а полицейские почтительны, что ему, как писал он в письме, «продавщицы улыбаются, как бабушка в детстве не улыбалась».

Галочкин делает свое убежище более комфортным, вынимает из одного ящика часть ваты и, положив под себя, поворачивается на бок. Он даже начинает понемногу дремать. «Бобу было хуже, чем мне, — решает он, — мое место по сравнению с его трубой можно считать каютой люкс». Ему даже снится какой-то сон, но он вздрагивает от воя сирены. Опять сигнализация? Но на этот раз сирена воет, не прекращая, минут десять. И тут он внезапно замечает, что никак не может унять дыхание. Ему не хватает воздуха. «Странно, — думает он, — я лежу уже больше часа, а пульс и дыхание у меня, как будто я только что пробежал стометровку. Но, следуя логике, если продолжать лежать без движения, то рано или поздно дыхание и пульс должны успокоиться». Стараясь расслабиться, он смотрит на картонную стенку перед собой. От долгого глядения в одну точку замечает, что на ящике возникают, сменяя друг друга, странные картинки. Появляются коричневые, под цвет картона диковинные зверьки из тех, что в детстве, если долго смотреть на стену, можно представить в подтеках краски. Но зверьки двигаются. «Интересно, — отмечает он, — если пристально смотреть на ящик, то можно увидеть целый мультфильм. Как я об этом раньше не знал?» На ящике тем временем вместо зверьков появляются «человечки». Все эти «человечки» — плоды его воображения, и как всякие плоды воображения, должны иметь интеллектуальный уровень воображающего. Но они начинают говорить, и после первой же фразы Галочкин видит, что они гораздо умнее его. Продукты его сознания, они как бы существуют вне его. Говорят они по очереди или все вместе, но смысл их речей сводится к тому, что хорошо бы Галочкину покинуть корабль до выхода в море. При этом они выдвигают аргументы, с которыми трудно не согласиться.

Воет сирена. Пересохло в горле. Вспомнив про лимон, Галочкин достает его из сумки, надкусив корку, выдавливает в рот несколько капель. «Человечки» блекнут и исчезают. Он проваливается в тяжелый сон.

На часах шесть утра. «Magleby Maersk» все еще не отошел от причала. Должен был уйти в полночь. Уже около двенадцати часов, Галочкин находится в своем укрытии. «Может, это не то судно? Перепутал в темноте, — с ужасом думает он. — Зачем я здесь? Ведь годами нажитый здравый смысл не оправдывает моего поступка. Даже «галлюцинации» предостерегают меня. Конечно, здравый смысл сам он по себе не возник, а является результатом жизни в обществе, и действия, которые я совершаю, убегая от этого общества, ему противоречат». Он вспомнил Боба, чей здравый смысл трудно сказать вообще на чем базировался. К примеру, он мог с серьезным лицом рассуждать о том, что в нашей стране власть захватили марсиане, явившиеся в образе людей, но по-человечески ни мыслить, ни чувствовать так и не научившиеся. А от марсиан не грех и убежать.

«Прожил я всю жизнь при марсианском руководстве, — говорил Боб. — Ни один из них за столько лет так и не смог стать похожим на нормального человека. У каждого были какие-то отклонения. Никто никогда не мог без бумажки предложения грамотно сказать, а по бумажке говорили такое, что без подготовки не понять. Навязали, чтоб людям мозги пудрить, свой «птичий» язык, напечатали пудовые книги «основоположников марсианства» и заставляли их читать. И жить приходилось двойной жизнью, то есть думать

по-человечески, а говорить с оглядкой на марсиан. В чем теперь моя вина, если это раздвоение личности мне надоело?»

В откровения насчет марсиан он обычно пускался, когда хорошо выпьет, доказывая сам себе: «Я что, разве не люблю березку возле дома? Люблю! Может, больше всех люблю. А вот присосавшегося к этой березке марсианина игнорирую. Но! Березку без марсиан, как мне внушили, любить нельзя, ее можно любить только как часть марсианского пейзажа. Печально, что объяснить это некому, ибо морда у меня не марсианская, и на родном языке я более или менее грамотно говорю, так что любой гражданин отнесется ко всему, что бы я ни сказал, с подозрением. Я, в понимании средних граждан, истину изречь не могу. А будь у меня марсианская морда, слушали бы любую ахинею».

— Что значит марсианская морда? — спрашивал Галочкин.

— Марсиане не могут полностью скопировать человеческое лицо, — вполне серьезно отвечал Боб. — Их выдают те или иные уродства, но более всего их выдает взгляд, их выдают глаза. А вкупе со специфическим языком это гипнотизирует и наводит на человека страх. Вроде на родном языке говорят, а ничего не понять, но главное, нечем ответить.

— Допустим, нами правят марсиане, — соглашался Галочкин, — но они как-то ведь попали на Землю, значит, в техническом отношении они впереди нас и кое-что у них можно было бы перенять.

— Рытье каналов, например, — подхватывал Боб, — традиционное марсианское занятие. Но без передовой технологии, лопатами и тачками, чтоб извести побольше народа. В результате по количеству непонятно зачем и кому нужных каналов мы уступаем лишь Марсу в Солнечной системе.

Галочкина занимала способность Боба рассматривать любую ситуацию под одному ему понятным углом, с элементами межпланетной фантастики. Он нарочно вызывал его на спор и задавал очередной вопрос:

— А как же полеты в космос?

— Так это лишний раз подтверждает мою теорию, — отвечал Боб. — Марсианам разве трудно человека или собаку в космос запустить? Они это делали и делают играючи. Им не под силу другой, чисто человеческий промысел — земледелие. Первый симптом избавления от марсиан наступит, когда народ начнет сам себя кормить не по газетным сводкам, а в реальной жизни.

Несмотря на фантастический вымысел, лежавший в основе теории Боба, в ней было нечто, что объясняло теперешнее пребывание Галочкина на датском корабле.

Прошли сутки. Должно быть, все еще идет дождь. Из-за него проблемы с погрузкой. Из-за дождя судно до сих пор не отошло от причала. Или, может, это не то судно? И идет оно куда-нибудь на край земли, где такого вот «пассажира» посадят в банановую яму...

«Конечно, виноват дождь», — утешает себя Галочкин. Моряк, несколько раз заходивший в отсек проверить показания приборов, был в дождевой накидке. Галочкин, сжавшись в комок, видел его через щель между ящиками. На его счастье, моряк долго в отсеке не задерживался. Когда он выходил, Галочкин мог вытянуться за ящиками во весь рост, положив голову на металлическую коробку с клеммами проводов. Вчера он на всякий случай проверил, нет ли там напряжения, и замкнул клеммы перочинным ножом. Искры не было. Коробка довольно безопасная, хоть каждый раз, кладя на нее голову, он испытывает неприятное чувство.

В своем укрытии за ящиками он решает послушать музыку, достает из сумки плейер, включает. В наушниках мягко играет гитара Бенсона. Звуки

музыки время от времени прерывает сирена. Она звучит так часто, что Галочкин к ней уже привык и не дергается всякий раз, когда ее слышит. Он не хочет есть и только пьет воду. Чем больше пьет, тем больше хочется. Судно еще не вышло в море, а запас воды у него уменьшился наполовину. Время от времени он выдавливает в рот несколько капель лимонного сока. Это его бодрит. Это помогает ему избавиться от галлюцинаций, от «картонных человечков», которые сверлят мозги своими советами.

К началу второй ночи у Галочкина осталось не более литра воды. Но это его не пугает. На судне началось движение. Вот погудела и затихла судовая лебедка. Подняли трап. Вот судно покачнулось, стало понемногу отходить от причала. На малых оборотах заработал двигатель. Предстоит пройти еще шлюзы.

В полночь, чтобы немного размяться, Галочкин выбирается из-за ящиков. Вряд ли кто-нибудь среди ночи зайдет в этот отсек. Спускается с балкончика на пол. Сильно кружится голова. На минуту останавливается. Не хватает воздуха.

Медленно, шаг за шагом обследует все помещение. Пытается установить причину, почему так часто воет сирена. Находит на переборке динамик. Под ним табличка. Он читает и переводит надпись: «Опасная концентрация газа! При сигнале сирены — немедленно покинуть отсек!»

«Конечно, с табличкой они переборщили, — утешает он себя. — Откуда здесь может быть газ? Отработанный выхлоп дизеля, скорее всего. Это опасно, но если помещение вентилируется, не смертельно». Но встроенный в стену вентилятор не работает.

Вторая ночь путешествия перевалила за половину. Вышли в открытое море. По вибрации чувствуется, судно идет полным ходом, наверстывает время, потерянное в порту. Но перебираться в фальштрубу пока рано, если обнаружат, могут ссадить на катер береговой охраны.

Галочкину на ум лезут мрачные истории о выброшенных за борт таких вот, как он, пассажирах. За каждым моряком закреплен участок, который он обязан осмотреть перед выходом в море. Если в рейсе обнаружится нелегал, то моряка, на чьей территории он скрывался, ждут неприятности. У капитана неприятности могут возникнуть с властями в порту прибытия. Это, мягко говоря, не нравится капитанам. В экипажах, где боязнь капитанского гнева стоит выше христианской морали, обнаруженных тихо спроваживают за борт.

Галочкин вспомнил, как год назад подменял на одном сухогрузе списанного за пьянку моториста. Экипаж там подобрался на редкость паршивый. Это, как правило, или экипаж хороший, или нет — середины не бывает. После выхода из африканского порта в одном из трюмов между мешками какао-бобов было найдено несколько африканцев. Связались с берегом и стали ожидать полицейский катер. Чтобы скоротать время, один из судовых механиков, любитель каратэ, надел кимоно и решил попрактиковаться на живых мишенях. Его никто не остановил. Наоборот, собралось с десяток зрителей. Галочкин на этом судне был человеком новым и веса не имел. Если бы он открыто стал на защиту нелегалов, его просто подняли бы на смех. Механик, наоборот, был судовым авторитетом. И тогда Галочкин сказал механику, что в брызгах крови и слюны, которые из разбитых лиц могут случайно попасть на него, содержатся вирусы СПИДа. После этого, до приезда полиции, моряки старались держаться от них подальше. Африканцев избили позже, на полицейском катере, куда их по одному, надев наручники, швыряли с борта.

В отсеке опять завыла сирена, газ снова превысил допустимую концентрацию. «Интересно, сколько раз она выла за то время, что я здесь? — прикидывает в уме Галочкин, — раз сто, не меньше». Нужно найти, где включается вентилятор. Он делает попытку подняться из-за ящиков и тут же, на мгновение потеряв сознание, заваливается на бок. Ударившись головой о железную коробку с клеммами электропроводов, от боли пришел в себя. За то мгновение, что был без сознания, перед глазами промелькнул целый сон. Видел себя со стороны с разбитой головой, лежащей на дымящихся клеммах.

С трудом он подходит к огромному вентилятору. Рядом нет ни кнопок, ни включателей. В просвете лопастей можно видеть кусочки неба. Став на карниз перед вентилятором, он старается дышать глубже, и хоть свежий воздух сюда почти не поступает, ему кажется, что возле вентилятора дышится легче. Но при этом не дает себе расслабляться и постоянно держит в уме самый быстрый и экономный путь в свое убежище. Если кто зайдет, нужно мгновенно спрыгнуть с карниза на балкончик и нырнуть за ящики. Он даже проделывает небольшое учение. Получается довольно быстро, но шумно, особенно когда прыгает на железный балкончик. Подкладывает на пол немного картона. Прыгает снова. Теперь гораздо тише. К тому же постоянный гул работающего двигателя ему в помощь.

Сквозь лопасти вентилятора он замечает, что небо заметно посветлело. Впереди целый день, но он знает, что когда наступит ночь, его третья ночь, когда все уснут, он незаметно проберется на верхнюю палубу, а затем в фальштрубу. Там, если повезет, продолжит путешествие.

Утро. Гремит, открываясь, дверь. Галочкин в два прыжка скрывается за ящиками. В отсек заходит уже знакомый ему моряк, смотрит на стрелки индикаторов на железных шкафах. Воет сирена, моряк быстро выходит. Немного погодя Галочкин снова занимает свое место у вентилятора. Молит Бога о скорейшем приходе ночи. Чувствует, что в загазованном отсеке уже долго не протянет. Боится, что, потеряв сознание, завалится на спину, задохнется. А рядом, за переборкой, целый океан свежего воздуха. Он всегда считал, что человек страдает от недостатка еды или, еще хуже, — воды, но о недостатке воздуха он никогда не думал.

До сих пор ему каким-то чудом помогал выдавленный из лимона сок, видимо, кислота действовала как антидот. Галочкин достает из кармана сморщенный лимон, но не может выжать из него ни капли. В пластиковой канистре осталось немного воды, но она с химическим прикусом, пить ее нельзя.

«Мы нигде не спасемся, — говорил Боб. — Марсиане расползаются по миру. Они тонко используют в своих целях человеческие слабости и потому непобедимы. Нашу страну они завоевали, пообещав разделить капитал немногих среди большинства. Теперь, получив капитал тех немногих, плюс бесчисленное количество раз ограбив большинство, они перекачивают деньги за границу. С какой целью, узнаем позже».

Следуя своей теории, Боб никуда дальше ехать не собирался, «везде скоро будет одно и то же». Он, казалось, прочно осел в Гамбурге. Днем спал в предоставленном ему социальной службой отеле «Interast», ночью шатался по Рипперבану. Но однажды, после того, как его продержали целые сутки в полицейском участке на улице Сан-Паули, Галочкин вдруг с удивлением узнал, что причиной его задержания была попытка нелегально уйти в Канаду. Его случайно обнаружили в фальштрубе при досмотре судна перед отходом и сдали в полицию.

На вопрос Галочкина, зачем он это сделал. Боб ответил, что в фальштрубе легко можно скрыться и что она не вся для дыма, а дымят лишь маленькие

трубы, что внутри нее, а вокруг пусто. Галочкину было неинтересно знать устройство фальштрубы, его интересовало, зачем он хотел уйти. Боб неуверенно пробормотал, что ему цыганка как-то нагадала, что в прошлой жизни он был индейцем из Канады.

— И потому ты решил податься в Канаду? — спросил Галочкин.

— Мне кажется, люди там не похожи на замарсианенных, — ответил Боб.

— На нас вообще мало кто похож, — заметил Галочкин

— Не скажи, — возразил Боб. — Как только приехал я сюда, то увидел, что кое с кем мы просто как близнецы, а кое с кем разнимся.

Тут Галочкин не упустил напомнить Бобу, что тот всю жизнь смотрел на лица своих соотечественников и все было нормально.

— Да, там было нормально, — согласился Боб, — а здесь чувствуешь себя, как голый, ведь не только ты узнаешь, но и тебя узнают.

— Ну и что, — изобразил Галочкин удивление, — встретились, к примеру, два англичанина или там француза где-нибудь в Африке, улыбнулись, поговорили.

— Послушай, — остановил его Боб, — ты же сам все прекрасно понимаешь. Видел, как встречаются незнакомые собачки в местных парках: обнюхали друг друга, повиляли хвостиками и разошлись. А теперь представь, у нас в парке культуры встретились два незнакомых кобеля!? Все, туши свет. А здесь мы незнакомые, да еще сбежавшие от общего хозяина. Ошейники сорвали, но узнаем друг друга за сто метров по марсианской печати.

— Печати где? — спросил Галочкин.

— На душе, — ответил Боб.

Тяжело дышать. Кажется, стенки ящиков давят на грудь. Хочется пить. Головы не поднять, от загазованного воздуха она стала свинцовой. Такое впечатление, что не осталось больше чистого воздуха в отсеке. Сирена воет почти не переставая. Не давая себе забыться, Галочкин смотрит на часы. Скоро полночь его третьей ночи здесь. В полночь смена вахты. Третий помощник капитана передаст дежурство на мостике второму, в машине третий механик также сменится вторым. Все уснут, кроме вахтенных. Да и те, расслабившись, будут пить чай и только следить за приборами, судно уже в открытом море, здесь опасностей меньше. В это время нужно выйти из «газовой камеры» и незаметно пробраться в фальштрубу. Дольше здесь находиться нельзя, дольше — смерть.

Стрелки часов, наконец, сошлись на двенадцати. Медленно приподнимаясь Галочкин встает за ящиками на колени и начинает собирать свои вещи в сумку. Кладет туда безрукавку, плейер с кассетой Бенсона, книжку «Alice in Wonderland». В маленьком зеркальце электробритвы встречает свои глаза и не узнает их. Глаза глубоко запали, потеряли цвет, смотрят на свое отражение с ужасом. Вспоминает, что не ходил в туалет. Но и не хочется. Отмечает положительные качества организма, помогающие притаиться, когда нужно. Но перед переходом неплохо бы попробовать помочиться. Шатаясь, поднимается в рост. Голова кружится. Держит перед собой целлофановый мешок. Мешок наполняется черной жидкостью. «Теперь понимаю, почему через бритвенное зеркальце на меня так смотрели глаза. Я убиваю их. Я убиваю свое тело», — шепчет он себе и, чувствуя слабость в ногах, садится. Голова кружится, он сидит и смотрит на картон перед собой. По нему опять начинают прыгать «человечки». Уловив его сомнения, они спрашивают наперебой: «Для чего? Для чего ты это делаешь!?»

— Чтобы от вас избавиться, — отмахивается он от них, как от мух.

— Тебе нас будет не хватать, — тараторят они.

— Вы мне не нужны.

— Что-то мы не поймем, — один за другим начинают обижаться «картонные человечки», — мы нужны миллионам людей, а тебе вдруг не нужны.

— Вы перевернули мозги миллионов людей. Вы им тоже не нужны, но они пока этого не знают. Вы перевернули с ног на голову все, — в бессилии говорит он, не имея других аргументов для спора.

— И это дало тебе возможность родиться, — подхватывают «человечки». — Ты же наш продукт. Не переверни мы с ног на голову всего, твоя мама никогда бы не встретила твоего папу.

С «человечками» невозможно спорить. Они изворотливы, хитры, остроумны. Но хочется, чтобы последнее слово все-таки осталось не за ними.

— Ничего, будет и на вас управа, — говорит Галочкин избитую фразу всякого потерявшего надежду на справедливость. И добавляет подобающую в таких случаях угрозу: — У вас нет будущего. Вы надели народу красные марсианские очки, и он много лет смотрел на мир через их перекошенные линзы. Чтобы создать видимость перемен, вы раз от раза меняли линзы, но рождается новое поколение...

— О-о, — нахохлились «человечки», — не так уж много рождается.

— Да, наши женщины перестали рожать детей. Но вам-то какой от этого резон?

Тут «человечков» будто прорвало, они смеялись долго, взахлеб, с поросячьим визгом, смакуя на разные лады слово «резон».

Галочкин переводит взгляд с ящика на потолок. В этом споре ему не быть победителем. Он сильно трясет головой, чтобы избавиться от галлюцинаций, но, потеряв сознание, проваливается в тяжелый сон.

Он приходит в себя, когда на часах почти четыре. Его начинает бить дрожь. Несколько часов пролетели как одно мгновение. «Неужели упустил момент!? В четыре будет смена вахты, а там проснутся повара, дневальный, начнут ходить по коридорам, и мне уже не добраться до фальштрубы. У меня осталось несколько минут».

Он поднимается из-за ящиков. Перед глазами плывут радужные круги. Воет сирена. Берет сумку, надевает ее на плечо и быстро, как может, спускается с балкончика. Кажется, сумка весит тонну. Держась рукой за стену, идет к двери. Передохнув немного, начинает медленно поворачивать колесо дверной задвижки. На это уходит почти вся его сила. «Ничего, — подбадривает он себя, — еще секунда, и будет свежий воздух». Наваливается плечом на дверь. Она не поддается. Снова крутит колесо задвижки. От напряжения начинает задыхаться. У него нет больше сил, и он всем корпусом давит на дверь. Дверь заперта снаружи. Осознав это, он оседает на пол.

Было начало лета. Они сидели с Бобом в маленьком гамбургском скверике, что вверх по горке за Рипербаном, улицей красных фонарей. Этой ночью, если повезет, Боб должен будет сесть на тайваньское судно, что отправлялось из Гамбурга на Монреаль. А пока был полдень, светило солнце, они сидели на скамейке и пили пиво. Боб в который уже раз предлагал Галочкину ехать вместе с ним, как будто у него был лишний билет. Тот дипломатично отнекивался. Ему не хотелось никуда ехать. Но с другой стороны, и домой возвращаться было некуда. Там люди теперь вовсю шуршали свежеотпечатанными долларами и катались на перекрашенных мерседесах.

Возле Боба кружилась оса. Он лениво сунул кулак вперед. Сбитая оса упала на землю и зажужжала, вертясь на спине.

Боб посмотрел на упавшую осу, затем на Галочкина и спросил:

— Скажи, нашу осу разве так собьешь?

— Нашу? Так? Никогда! — ответил Галочкин.

— Потому что наша оса хитра, аки змий, — подняв указательный палец, сказал Боб. — Наша оса не дает себе расслабиться ни на минуту. Да и все другие твари на взводе. Ты слышал, чтоб здесь собака лаяла без причины? А у нас лают так, чтоб нервы успокоить. А кошки здесь разве шарахаются, когда человек с земли камень поднимает? Они умываться начинают или лениво смотрят, чего там человек нашел. По телеку как-то голландский свинарник показали, так свиньи там, веришь, нет, — улыбаются. А наши свиньи ты видел, чтоб улыбались?

— Не доверяют нам животные, — сказал Галочкин.

— Почему же они тогда доверяют голландцам, англичанам и даже немцам после их двух войн? Ведь они свиней выращивают на колбасу, а не для того, чтобы чесать у них за ухом.

— Не знаю, — ответил Галочкин, — видимо, с остальными людьми они чувствуют единство всех тварей земных, а с нами — нет.

— Вот-вот, — подхватил Боб. — Они не чувствуют в нас землян.

— Но мы же не инопланетяне, в конце концов, — пожал плечами Галочкин. — Может, в мыслях наших есть нечто, отпугивающее их.

— В мыслях, — повторил Боб и на несколько секунд задумался. — Слушай! — встал он со скамейки. — Мне кажется, я сейчас вот-вот о чем-то догадаюсь, мне кажется, я сейчас объясню нашу замарсианенность.

Галочкин кивнул и приготовился слушать очередные идеи Боба про марсиан. Не стоит описывать, как Боб то садился на скамейку, то вскакивал в такт приходившим к нему мыслям, как он тер лоб, подбирая точные слова для выражения своей теории, стоит дать лишь конечный ее вариант.

«Мы замарсианены, но не просто, а активно. Мы активно оправдываем зло, которое марсиане творят с Землей и с нами. Оттого и не уверены мы друг в друге, оттого и не доверяют нам животные, что нет в нас земной опоры, готовы мы оправдать любую антиземную команду марсиан».

Из всего, что когда-либо говорил Боб, эта речь Галочкину особенно понравилась. И хоть научного объяснения замарсианенности она не давала, но чисто по-человечески объясняла многое. Оставалось только дать название взращенным внутри «вирусам марсианской морали». Назвать их «внутренними голосами» было бы много чести. И решили они тогда с Бобом, что названий этому и много, и нет, ибо тяжело дать название тому, чего нет, хотя «это» несуществующее сидит в каждой клеточке тела. Решили только, что будут выдавливать «это» из себя, если сразу не получится, то по капле.

— Замарсианились настолько, что потеряли жалость даже к насекомому, — сказал Боб, глядя на осу, которая все еще лежала у скамейки. Он протянул ей спичку. Оса ухватилась за нее лапками. Спустя минуту она уже пыталась расправить крылышки. Боб бережно дул на нее.

Утро. Наступил третий день путешествия. Экипаж проснулся, завтракает. Скоро все разойдутся по рабочим местам. Галочкин лежит возле запертой двери, время от времени теряет сознание. «Вдруг матросы выбросят меня за борт? — Эта мысль всякий раз возвращает его из забытья. — Нет, не должны, — утешает он себя, — это датский экипаж. А если? Тогда у меня есть складной нож. Стану спиной к стенке...»

Гремит, открываясь, дверь. Галочкин, опираясь на стену, с трудом встает. Темно в глазах, он едва различает вошедшего в отсек моряка. Но моряк, вот чудо, его не видит. «Может, меня уже нет? — думает Галочкин. — Может,

я уже умер?» Он стоит в двух шагах от двери, но моряк, не обращая на него внимания, проходит вглубь отсека и начинает изучать показания приборов. Проходит минута. Галочкин уже думает, как лучше его окликнуть, чтобы не напугать.

— Принесите мне воды, — говорит он тихо.

Моряк вздрагивает, оборачивается и, быстро пробежав мимо, исчезает за дверью, не забыв при этом ее закрыть.

Ничего так и не поняв, Галочкин продолжает стоять у стены. «Может, этот моряк мне привиделся?» Он пробует открыть дверь. Она, как и прежде, заперта. Галочкин оседает на пол. С ужасом понимает, что моряк был галлюцинацией. Нет, моряк был настоящий! По всему судну раздается сигнал тревоги.

Через несколько минут дверь снова открывается. У порога несколько человек. Стоят, не решаясь войти. Галочкин поднимается с пола, берет сумку. У дверей происходит заметное движение, ему освобождают проход. Выйдя на палубу, он останавливается, чтобы не упасть от нахлынувшей на него волны свежего воздуха.

— Вы террорист? — с подозрением глядя на его сумку, задают вопрос.

— Нет, — качает он головой.

Сказав, что с ним хочет поговорить капитан, его провожают наверх. Первый вопрос капитана:

— Вы требуете изменить курс?

— Судно идет в Канаду? — спрашивает Галочкин.

— В порт Галифакс, — отвечает капитан.

Галочкин кивает в ответ.

Чтобы успокоить капитана, он снимает сумку с плеча, ставит на пол и, отойдя на шаг в сторону, предлагает ее осмотреть. Старший помощник, приоткрыв сумку и увидев сверху детскую книжку «Alice in Wonderland», тут же ее закрывает. Галочкина никто не обыскивает. Он лишь отвечает на вопросы на ломаном английском. Своей страны он не называет и говорит, что едет из Африки.

— Что-то не похож на африканца, — сомневается старший помощник.

— Папа был белый, — заикается Галочкин, скрывая свой акцент.

Ему дают бутылку минеральной воды. Он ее залпом выпивает. Дают еще. На вопрос, зачем едет в Канаду, отвечает, что скажет об этом канадским властям по прибытии. Видя, что ему нужен отдых, его отводят в шкиперскую каюту и оставляют там одного. А шкиперская каюта на любом судне — одна из лучших. Это почти люкс. Там есть душ, огромная кровать, застланная теплым одеялом с белоснежной простыней.

И вот Галочкин уже стоит под душем, подставив лицо под струи воды. Он не может сдержаться и пьет, пьет, пусть теплую, но такую желанную воду...

Пять последующих дней пути, вплоть до прихода в Канаду, Галочкин живет в шкиперской каюте. Она не запирается и он может свободно гулять по судну. Вначале он отказывался ходить на обед. У него в сумке был некоторый запас еды. Единственное, что просил, — молоко. Он хотел его покупать, но ему давали молоко бесплатно, по нескольку литров в день. Он пил молоко, как новорожденный. Можно считать, что заново родился, ведь по проводам коробки, на которую он, прячась за ящиками, клал голову, проходил ток в несколько сот вольт. Но как ему сказали датчане, каким-то чудом перегорел предохранитель. Оттого в его отсеке не работал вентилятор. Он отнесся к этому с долей черного юмора, ибо если б вентилятор заработал, свежий воздух ему бы не понадобился.

Старший помощник капитана приглашал его обедать в кают-компанию. Галочкин отказывался. Тогда старпом стал приносить ему обед в каюту. Пришлось, чтобы его не беспокоить, ходить в столовую команды. Там, среди моряков, Галочкин чувствовал себя свободнее, чем в кают-компании среди офицеров.

Он был еще очень слаб, часами стоял, глядя на океан, иногда прохаживался по палубе. Дышал и все никак не мог надышаться морским воздухом. Во время своих прогулок он много думал и порой разговаривал сам с собой вслух. На мостике тут же решили, что он разговаривает со своими сообщниками, которые прячутся где-то в контейнерах. Старший помощник спросил его прямо, нет ли на судне еще кого-нибудь. Галочкин его успокоил, что едет один.

Галочкину все больше и больше нравилось на датском судне, нравился его экипаж: работящие, открытые люди. С их стороны не было не только каких-либо агрессивных действий, но даже упрека в его адрес. Как важна солидарность людей лишь потому, что ты один из них, без разницы, на каком языке говоришь.

Имея много свободного времени, Галочкин мог поразмыслить над теорией Боба о марсианской природе разного беззакония, творимого на Земле. Но в реальной жизни, отбросив космических пришельцев, кого имел в виду Боб под марсианами? В конце концов Галочкин пришел к выводу, что человечество знало их множество. Ни одно из этих существ не имело земной профессии, не пекло хлеба, не ковало, не ткало, не учило, не лечило. Как правило, они были чужими в местности, куда приходили, где вершили свою политику. Но зажигать в людях энергию разрушения они умели. И здоровые, крепкие люди им в угоду начинали делить землю, убивать друг друга. Но почему им, стравившим людей между собой, воздвигают памятники, называют их именами площади, торты, праздники? Есть даже целые страны, в которых их культ священен. И бегут оттуда люди, спасаясь, к братьям своим земным, к тем, к кому можно, не боясь, повернуться спиной, кому марсиане еще не промыли мозги и не вложили в руки оружие.

Была ночь. Датский контейнеровоз «Magleby Maersk», миновав Ньюфаундлендскую банку, находился в нескольких часах хода от канадского берега. Галочкин крепко спал под мерное гудение двигателей. Ему снилось, будто стоит он на краю огромного пшеничного поля. Хочется сделать шаг, но он боится помять колосья. Вдруг перед ним, спикировав откуда-то сверху, появился «человечек» со стенки картонного ящика. Марсианский гонец, промыватель мозгов. Это был не совсем обычный «человечек». На фоне расплывчатого пятна бесцветного лица на Галочкина смотрели большие грустные глаза.

— Не тревожьте колосьев, — услышал Галочкин тихий голос.

— Я не тревожу, — ответил он, — просто мне нужно на ту сторону.

— На той стороне для вас места нет, — сказал все тот же голос. — Возвращайтесь туда, где вы родились, где вы должны умереть.

— Почему должен? Какая польза вам от моей смерти?

«Человечек» промолчал.

«Видимо, марсианам гибель людей по каким-то причинам выгодна, — подумал Галочкин.— Ведь промежуток между рождением и смертью, именуемый жизнью, у нас мало кто славит. Славна гибель. Опять же гибель масштабная. При этом масштаб определяют не люди, а марсиане, и всегда не в пользу людей. Может, эти существа питаются энергией ужаса смерти?»

— Извините, — обратился Галочкин к «картонному человечку». — Завтра я проснусь в Канаде, в стране, где ценят человеческую жизнь. В стране, которая ест свой хлеб.

— Вам-то что от этого, — улыбнулся «человечек». — Это вам жизни не прибавит. Ваше здоровье, подорванное здесь по вашей же глупости, будет лечить доктор, который прописывает антибиотики от антибиотиков. Даже как моторист вы будете шокированы его некомпетентностью. Но он после работы будет уезжать в тихий пригородный дом на кадиллаке, а вы в это время будете только начинать работу, развозить пиццу, на чем-то отдаленно напоминающем автомобиль.

— Зато я буду есть свой хлеб и жить в свободной стране, — ответил Галочкин штампом, отчего сам же смутился.

— Не сомневаюсь, — лицо «картонного человечека» расплылось в улыбке, — вначале вы будете героем, но потом вам захочется вернуться к своим корням. Вам захочется общения с привычным вам миром. Зачем вам жить на неприветливой чужбине, где нет для вас ничего хорошего.

«Ничего хорошего, — подумал Галочкин, — послушать марсиан, так вокруг «джунгли». У них что по радио, что по телевизору — одна задача вывалять весь мир в грязи, чтоб даже мысли ни у кого не возникало, что где-то человеку может быть хорошо».

— Возвращайтесь, пока не поздно, — продолжал «человечек».

— Поздно, — сказал Галочкин

— Нет-нет, — в глазах у «человечка» мелькнул огонек. — Возвращайтесь, вы же хороший специалист...

Вот тут-то «картонный человечек» дал осечку. Галочкин хорошим специалистом себя не считал. Чтобы как-то свести концы с концами, он ушел в море. Но за те четыре года, что проработал мотористом, стать хорошим специалистом не успел. «Как не умели марсиане, так и не научились разговаривать с каждым человеком отдельно, — подумал Галочкин. — Есть у них шаблоны для общения с толпой, а вот задушевный разговор один на один им не под силу. Нет-нет, да и промелькнет фальшь, малая, но рождающая большое недоверие у такого недодавленного таракана, как я. Но почему «картонные человечки» с таким упорством уговаривают меня вернуться? Сам по себе я ценности не представляю. Опасен, видимо, мой поступок. Какой пример может быть для остальных, если моторист, ходивший в загранрейсы, ни в чем, по меркам обывателей, не нуждавшийся, вдруг ставит на карту жизнь, чтобы уйти из страны, где он родился, где прошла его молодость, где остались его родные и друзья. Нужно воистину прозреть, чтобы так круто изменить свою судьбу. Или, может, ослепнуть? Нет, к слепому они не явились бы. Слепота не опасна. Опасно прозрение. Ведь если прозреют все, если прозреет весь Мир, все люди земных профессий, марсианам придется уйти».

— Я остаюсь в Канаде.

От этих слов Галочкина с лица «картонного человечка» мгновенно слетела улыбка.

— Ну, тогда вот что я тебе скажу, — мягкий голос стал металлическим. — Тебя вышвырнут из Канады. Но сперва ты отсидишь несколько лет в тюрьме. Капитан дал радиограмму в порт, что ты террорист, пытался захватить судно. Дверь твоей каюты заперта. На причале в Галифаксе приход «Magleby Maersk» ожидает специальная группа захвата. Выход один: скажи, что ты по пьянке забрел на датский корабль и заснул, а проспавшись, — напугал команду своим видом. Канадцы посмеются и домой отправят.

Галочкин тряхнул головой и проснулся.

— Good luck, дурак, — пропел, исчезая, «картонный человечек».

Галочкин открыл глаза, оглядел каюту. Попытался позвать «человечка» — никто не откликнулся. Это было абсолютно новым для него ощущением. За много лет «эти внутренние голоса» настолько слились с сознанием, что стали частью его. Все еще лежа в кровати, он вдруг осознал, что они покинули его мозг. Покинули, похоже, навсегда. Хотя некоторое количество их, пожалуй, еще сидит в костях, в печени, в почках, и одним усилием воли от них не избавиться, на это уйдут годы, пока в организме не поменяется последняя клетка.

В каюте было тихо. Пропала вибрация от работы судового двигателя. Галочкин подошел к двери, немного помедлил, повернул ручку. Дверь не открылась. Пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, он притаился. Ему показалось, что за дверью он слышит чье-то дыхание. На цыпочках он пересек каюту и стал у окна. В щели между занавесками увидел верхушки сосен, внизу под ними крыши портовых складов, а еще ниже на причале три полицейских машины. Возле машин в ожидании спуска трапа вытянулась группа в черных бронежилетах. Один из них, как ему показалось, посмотрел вверх. Галочкин отшатнулся от окна. «...Три, четыре, пять, вышел зайчик...», — сказал он себе вслух. Куда вышел зайчик, его меньше всего в этот момент волновало, он произносил слова детского стишка для того, чтоб почувствовать, владеет ли голосом. Голосом он с трудом владел, но мышцы слушались плохо, или мозг еще не знал, какую им дать команду? Первыми опомнились почки, Галочкина резануло, что при захвате полиция бьет по почкам. И тут же руки потянулись к правому подреберью, как бы успокаивая печень. Полиция бьет и по печени тоже. «Я приехал в страну, где уважают права человека, — пульсировало в мозгу, — мне нечего бояться». Но почки и печень, более древние органы, продолжали бояться и не верили сравнительно молодому мозгу и изобретенным им правам человека.

Тем временем завизжала судовая лебедка, начали спускать трап. В кровь хлынула годовая порция адреналина. По рукам и ногам прошла дрожь. Слух и зрение обострились. Галочкин услышал, как трап коснулся причала и по нему загремели кованые бутсы. Печень и почки перетрухнули так, что уже в обход мозга дали приказ рукам. Руки схватили одно полотенце, затем другое побольше и стали быстро обматывать ими живот и поясницу, закрывая их от будущих ударов. Поверх полотенец он, с трудом попадая пуговицами в петли, надел рубашку, но этого показалось мало, и поверх рубашки он натянул еще свитер. «Ну вот, обыщут и подумают, что хотел украсть судовое имущество», — пытался протестовать мозг. «Молчи, идиот!» — в ответ мозгу шипела печень. «Молчи, фантазер паршивый, ты живешь только благодаря нам», — вторили печени откуда-то сзади почки. «И хорошо бы стать возле кровати, когда ударят, чтобы помягче было падать», — вдруг подали голос кости. «Но ведь это же Канада, — пытался успокоить кости мозг, — здесь вас ломать никто не станет». Но кости не знали, что такое Канада, потому как в ней никогда не жили, а доверяли больше своему первобытному костному мозгу.

В дверь каюты тихо постучали. «Все, конец», — заныло тело. В дверь каюты постучали сильнее. «Вы нас слышите?» — спросили по-английски. «Да», — ответил Галочкин. Отвечать по-английски было слишком много для его перегруженного мозга, хватит уже того, что он понимал, что ему говорят. «Можете ли вы открыть дверь?» — спросили с той стороны. «Могу ли я открыть дверь? — задал он сам себе вопрос. — Разве я ее запер?» Может,

это сделали мои руки, в обход мозга, по команде почек. Галочкин посмотрел на дверь и увидел, что она действительно закрыта с его стороны. Ноги, нехотя подчиняясь воле мозга, сделали шаг к двери. «Не открывай!» — затряслась печень. «Не открывай!» — заныли почки. Он повернул защелку и быстро отошел, став спиной к кровати. Мышцы тела напряглись, защищая своим каркасом кости. Голова слегка наклонилась вперед. Легко ранимый подбородок уперся в грудь. Руки, согнувшись в локтях, приняли что-то вроде боксерской стойки. Он приготовился не к бою, а скорее к избиению.

Дверь открылась. В каюту вошел огромного роста полицейский. Двое других остались у двери. Рукава вошедшего были закатаны. Глаза Галочкина остановились на его мускулистых волосатых руках. Маленький, несоразмерный с его ростом кольт, словно игрушка, болтался на боку. Полицейский сделал шаг вперед. Галочкин — полшага назад. Дальше отступать было некуда. Полицейский посмотрел на Галочкина, почему-то откашлялся и спросил:

— Были ли члены экипажа дружественны к Вам?

«Это хорошо, что он заговорил, — подумал Галочкин, — но о чем он спрашивает?»

И тут до него постепенно стал доходить смысл вопроса.

— Вас никто не обижал? — переспросил полицейский.

Тело Галочкина было все еще напряжено, но мышцы лица расплылись в слабую улыбку. У него сильно зачесался нос. Как он ни старался сдержаться, на глазах вдруг выступили слезы. Чтобы их скрыть, он отвернулся от полицейского. Он не боялся повернуться к нему спиной.

МИХАСЬ БАШЛАКОВ

Эта дорога осенняя...

* * *

Еще в кустах щебечут птицы:
То переклик, то пересвист...
Еще под ивой светлолицей
Не закружился желтый лист.

Еще пока чарует лето
Своей зеленою косой,
Но скоро осени приметы
Придут, как дождик, полосой.

Пусть переменчива погода,
Но что на осень нам пенять:
Уже готовится природа
Свои одежки поменять.

* * *

Вот так брести неведомо куда
Среди берез по солнечной дороге,
Кукушку слушать и считать года,
Совсем забыв, что осень на пороге.

И быть в плену июльского денька,
Что весь пропах настойкою лесною,
Смотреть, как в синем небе облака
Плывут, как сны, над тихою землею.

Мечтать, что впереди еще стихи,
Такие, что и раньше не слагались.
Мне их читать у милой Терюхи,
Природою, как в детстве, наслаждаясь.

Потом брести неведомо куда
Среди берез по солнечной дороге,
Кукушку слушать и считать года,
Совсем забыв, что осень на пороге.

* * *

Эта дорога осенняя
Листьями сплошь запорошена.
Песня моя нераспевная
В небо дождливое брошена.

И, словно птица унылая,
Кружится с криками горькими
Над моей родиной милою,
Над золотыми пригорками.

Мается, плачется, бедная,
В небе до полночи слышится,
Словно она уж последняя,
Словно другой не напишется...

Запахнет дымом сизым

Запахнет дымом сизым
В застуженных полях.
Прогорклая Отчизна,
Куда ведет твой шлях?

И днем, и стылой ранью —
Ни песен, ни друзей.
Как будто наказанье
На перепутье дней.

Так и живем на свете:
Все плачем — не поем...
И только в поле ветер
Заводит свой псалом.

* * *

По лугам вечерним я брожу устало,
Серебрятся росы, иволга поет.
И луна, как будто лодка золотая,
Самой лучшей песней надо мной плывет.

И туман над поймой, как костер, дымится.
Разожгли, наверно, в поле рыбаки.
Тишина такая — хочется молиться
Перед чистым ликом матушки-реки...

Не найти мне края лучше и дороже,
О, моя родная, милая земля!
И бежит куда-то звездная дорога
Через лес и пашни, сонные поля...

* * *

А дожди, дожди —
Слезы серых дней —
С каждым днем идут
Все сильней, сильней.

Ну, а я бреду
Под дождем, чудак.
Слышен в сумерках
Грустный лай собак.

А вокруг нигде —
Ни пристанища.
Только дождь стучит,
Да по камушкам.

Потерял я что
И найду ль когда?
И куда ведет
Этот путь, куда?..

* * *

Белые лебеди, грустные птицы,
Что ж вы кричите над темной водой?
Что ж вы кричите, куда вы летите
Этой холодной осенней порой?

Белые лебеди, лебеди белы...
Я, как и вы, не могу без дорог,
И над душою моей изболелой,
Кажется, плачет навзрыд ветерок.

Так вот когда-то осенней порою
Плакал в березовой роще и я,
А в небесах над моей головою
Птицы летели в чужие края.

Как же хотелось мне с птицами теми
Смело взлетать в необъятную высь!..
Я не заметил, как дни пожелтели,
Над головою моей пронеслись...

Я не заметил, как дни мои ветер,
Словно листок, подхватил и унес.
Вот и блуждаю... А где-то на свете
Мама уставшая сохнет от слез...

Я же к порогу никак не причалю...
Дождь моросит над моею виной.
От одиночества или печали
Белые лебеди плачут со мной.

* * *

Я знаю: все на свете переменится —
И все мои грехи отпустишь ты.
А в золотых лесах за Новобелицей
Срываются и падают листы.

Они на стежку плавно опускаются
И шелестят о чем-то, шелестят.
Дни золотые эхом отзываются,
Но не вернутся, светлые, назад.

А тишина такая, что не верится...
Но главное — со мною рядом ты...
А в золотых лесах за Новобелицей
Срываются и падают листы.

Музыка незваная

Ах, эта музыка незваная!
Ну, просто за душу берет!
И песня тихая, туманная
Луною по небу плывет.

Плывет в ту даль лучисто-синюю,
Где тайны сонных берегов.
Иль это песня лебединая,
Иль, может, давняя любовь?..

Жизнь и судьба в одно ли свяжутся? —
Дрожит упругая струна...
Когда последняя, то кажется,
Что всех прекраснее она...

Ах, эта музыка волшебная,
Ах, эта песня для души
Так удивительно, так медленно
Луною выплыла в тиши...

Первый снег

Первый снег — он словно гость случайный.
Первый снег как исповедь, как тайна.

Первый снег над полем и над лугом,
Первый снег летает белым пухом.

Первый снег — он чувствам не помеха.
Первый снег — весны далекой эхо,

Той весны, где все, казалось, лучше.
Первый снег — как слов немногозвучье.

Первый снег как музыка, как песня,
Первый снег растает и воскреснет.

Первый снег... Вокруг так бело-бело...
На душе как будто посветлело...

Зимняя тишина

Стукнет дятел по звонкой сосне
Так, что бор медностволый проснется, —
И с верхушки посыплется снег,
Светлым эхом земля отзовется.

А потом — зимний плен тишины,
Лишь над заревом красно-багровым
Не умолкнут до самой весны
Фуги ветра в верхушках сосновых...

Эту музыку слушает бор,
И ему уж без песен неймется...
А с небес на огромный простор
Звездный свет так неистово льется...

* * *

Белые березки,
Клены золотые...
Где вы, мои весны,
Весны молодые?

Что ж вы отшумели,
Облетели цветом,
Словно сны-качели
Золотого лета?

Вновь стою устало
У знакомой рощи.
Осень засыпает
Стежки и дорожки.

Расставанья, встречи —
Все осталось в лете...
Этот дождь не вечен,
Как и все на свете.

Перевод с белорусского Миколы ШАБОВИЧА.

ЮРИЙ ЮЛОВ

Снегурочка, или Она была актрисою...

Рассказы

Тварь

Номенклатурная фантазия

Жил на большой (и уж лет двадцать, как чужой) планете человек.

...Очень просится стереотип «маленький человек», но мастерство рассказчика не в самовозвышении за счет личностей героев или мелкомасштабности событий, не в снисходительной иронии, не в знании нехитрых приемов, способных спровоцировать прогнозируемые чувства. И уж, естественно, не в том, чтобы вместо повествования мудрствовать, отвлекаясь на темы, не имеющие прямого отношения к рассказу.

Большинство людей уходит после того, как исчезнут следы их активной деятельности. И почти всегда память о нас стирается через два-три поколения. Несколько тысяч разновеликих людей планеты, поразброску выдернутых из разных наций, — вот и весь потенциал цивилизации, которая в свою очередь не вечна. Наши известность и могущество ограничены временем и кругами, к которым принадлежим. Наши взлеты — толкотня мошкары перед закатом, а звездопад — брызги от сварки, соединяющей прошлое и будущее пылающей электрической дугой настоящего. Это не хорошо и не плохо — это так. Мудр тот, кто это понимает, и счастлив тот, кто об этом не задумывается.

Можно считать, что вышесказанное — успешно пройденный читателем тест на умение складывать буквы в слоги, слоги — в слова, слова — в предложения, предложения — в абзацы. А значит, есть шанс, что абзацы сложатся в рассказ, а если повезет, то выяснится, что рассказ состоит не из вышеперечисленных компонентов, а из мыслей, которые в зависимости от глубины и скорости их восприятия, близости к личному житейскому опыту дадут эмоции. Различные по форме, размеру, цвету, звучанию, аромату и прочим характеристикам, позволяющим человеку отличить одно от другого и создавать собственную шкалу ценностей.

А человек некогда был о-го-го какой большой и значимый! Чтоб было понятно: самому ему пригибаться перед вышестоящими приходилось приблизительно раз в месяц. Остальное время перед ним у всего города коленки тряслись. За исключением, конечно, тех, кого он и в упор разглядеть не мог. У мурашек и букашек своя жизнь.

Известно, что образ чиновника у граждан ни в одной стране, мягко говоря, к иконе не приравнен. А номенклатурного — тем более. Но так уж сложилось у людей: чтобы возвыситься, стать во главе, а самое главное —

удержаться, необходимо иметь жесткость. Иначе завалишь дело и будешь опять сидеть у обочины жизни и уныло блабланить за рюмочкой о несовершенстве миропорядка.

И ладно бы шанса не представилось, ан нет: вызывают на высокий ковер, предлагают взять вожжи в руки, дают сутки подумать. Откажешься — второй раз никогда не предложат: слух по Системе разнесется, что слабак. А то и в личное дело попадет — тогда уж с гарантией. Таскайся на службу, протирай штаны, перекладывай бумажки. Вместо решения вопросов указывай пальцем на потолок и разводи руками, пока не поблагодарят «за многолетний добросовестный труд» и не укажут на дверь в никуда.

Любого нормального мужчину от подобной перспективы трясет, ибо задуман он Господом как рисковый экспериментатор, боец и победитель, что в жизни реализуется карьерой — термином, который традиционно носит негативно-ханжеский оттенок.

Но ведь зачастую карьерный рост и даже взлет происходит вполне эволюционно: вызвали, предложили, дали сутки на раздумье. Как ночь перед расстрелом...

Конечно, солдату генералом стать невозможно, а вот среди штабных майоров встречаются личности, которые вполне успешно могут возглавить дивизию.

А если ко времени принятия судьбоносного решения семья не сложилась или нелепо распалась, а если детей не было или выросли и живут своей жизнью, то кто ты есть в этом нестабильном мире?

Так Георгий Константинович занял высокий и ответственный пост. Пришлось, понятно, и тех, кто называл Жорой по старинке или «Жуковым» в шутку, приструнить, и тех, кто мог с бутылочкой коньяка вечерком нагрянуть, отшить. Чтоб имидж не портили, точнее, чтоб не трепались по коридорам и подворотням: «Да я с самим... Ну вот как с тобой! И даже...»

За пятнадцать лет много воды утекает — даже Земля больше пяти тысяч раз вокруг себя крутнулась, что о людях говорить? За это время и супруга надежная появилась. Тоже работала в Системе, куда перешла из проектного института. Почти случайно познакомились — на объекте. И бытовые проблемы так прочно и качественно решились, что можно было на них не отвлекаться и днями напролет заниматься делом. Ибо даже отдых заменили торжественные мероприятия, на которых в зависимости от расклада и статуса участников нужно было правильно себя позиционировать, чтобы гнуть свою линию.

Жена Екатерина Павловна была младше на семнадцать лет и боготворила Георгия Константиновича. Есть такие женщины — и сама не пустышка, а всю себя отдаст, всем пожертвует, чтоб поддержать мужа, обеспечить ему, так сказать, прочный тыл. Нередко советы молодой супруги давали Георгию Константиновичу возможность разрулить сложную ситуацию. И женское чутье помогало, и знание Системы, а больше то, что в волчьей яме, кроме сырых обсыпающихся земляных стен да клочка неба над головой, ничего не видно. Не то что со стороны. Честно говоря, Георгий Константинович и в грош поддержку супруги не ставил: позволишь себе сентиментальную слабинку в быту, она размазней на работе проявится. А молодая жена на жесткость мужа не обижалась — государственный человек!

Время шло, работа кипела. Сменилось поколение. Все чаще Георгий Константинович слышал в свой адрес лестные с придыханием слова, чаще стали приглашать в почетные президиумы, брать интервью, печатать, награждать.

Уже и вышестоящие не грохали, как некогда, кулаком по столу карельской березы, обшитой бархатом, а мягко указывали, чуть не просили учесть. Чувствовал он, что не к добру это, что надежнее быть конем на переправе и комбайном в поле, чем правильным лозунгом на ярком полотнище или живой легендой.

Сменится лозунг — и ткань пойдет на ветошь, а от живой легенды до ходячего анекдота — полшага.

А куда попрешь против естественного хода событий? Поэтому, понятно, взбесился Георгий Константинович, когда впервые публично услышал о себе от зарвавшегося выскочки как о руководителе «старой формации». Даже стер этого умника в порошок, хоть за ним и серьезные по тем временам люди стояли. Однако тенденция углублялась, мнение формировалось, слухи о возможной отставке ширились.

Какая, на хрен, «новая формация», когда каждое предприятие, магазин, школа, дом, памятник, аллея, газон, плитка на тротуаре по твоей воле полтора десятилетия строились, модернизировались, ремонтировались, благоустраивались?! Что, Земля квадратной стала, деньги отменили, у людей третья рука выросла, марсиане технологиями поделились, гусаки яйца нести стали?! Мы работаем — спина согнута, руки заняты, в голове формулы не из учебников. А вы нас, не прикрытых ничем, кроме дела, промеж крыльев — колом?!

В одночасье выдернули Георгия Константиновича из номенклатурной обоймы, как хозяйка вареное яйцо выкладывает из кипящей кастрюльки под холодную воду. И самое подлое, что решилось это во время гипертонического криза, с которым и полежал-то всего две недели. А перед этим пятнадцать лет ни одного раза толком в отпуске не был...

Внешне, конечно, все пристойно: и регалии, и квартира в элитном доме, и персональная пенсия, и президиумы, и билеты на любые мероприятия. Но как пусто сразу стало!

Навещали поначалу Георгия Константиновича бывшие сослуживцы из середнячков. Он сразу — приветливо, а потом не сдержится и выскажется: ты, мол, никто и звать тебя никак. Кому нужно унижаться, тем более перед бывшим авторитетным человеком? Мы к тебе — со всем уважением и пониманием, а ты... Вот этого-то «понимания», в котором притаилось сочувствие, Георгий Константинович и не мог терпеть. В общем, перестали ходить-докучать.

Публичные мероприятия, куда приглашали как почетного жителя города, поначалу посещал, а потом надоело — не хотел быть свадебным генералом. Видел он таких, которые, чтобы смягчить падение с большой высоты, после отставки и общественные организации возглавляли, и в политику лезли. А некоторые чудаки начинали любительские стишки писать или на дачном участке морковку окучивать. Относился Георгий Константинович к ним без презрения, однако самому таким стать гордость не позволяла.

Иногда звонили нынешние козырные тузы. Перед праздниками, а то и напрямую: как, мол, дела, не нужно ли чего? И общими фразами, как по бумажке: ваш опыт очень ценен для нас, углубляя и расширяя созданное вами... Георгий Константинович, бывало, и сам разговор прерывал — будто разъединили. Хотя ждал эти звонки с надеждой. Только знал, что с подобными эквилибрами дела, по крайней мере, серьезного, никто не предлагает. Даже толкового совета никто не спрашивал, хотя поделиться ох как было чем! И по газетам, и вживую с болью наблюдал, как нещадно, а зачастую и бездарно перестраивается и сносится то, во что не так давно вкладывал ум,

энергию и душу. Да еще видеть эти рожи, которые ради своей игры его, будто пешку, сдали...

Время шло. Проснется, бывало, Георгий Константинович в плохом настроении и не в лучшем состоянии. Завтрак на столе, все свеженькое, все — как по диете. Зыркнет на Екатерину Павловну, ни слова не сказав, сядет за стол. Ковырнет гречку и отодвинет: «Это на машинном масле или на касторке?» Куснет бутерброд с ветчиной и обратно положит: «Сколько можно людей этой химией генномодифицированной пичкать?» Походит-походит по квартире, вернется, хлебнет чаю: «Просил же горячий подавать!»

Набросит плащ, наденет шляпу, возьмет в руки трость с металлическим стержнем внутри и дверью хлопнет.

Трость, которую он купил сразу после отставки и в шутку называл клюкой, по совести говоря, Георгию Константиновичу для ходьбы и не нужна была. Ноги пока нормально шли, и голова не кружилась. А чтоб видели, мерзавцы, что он хоть и не в той силе, что раньше, а поколотить, если что, сумеет. Как-то раз один наглец автомобиль припарковал перед самым носом, хозяин жизни нашелся! И только оттого, что обходить надо, злость закипела. А еще и лужа сбоку, хоть обратно поворачивай. Палкой — по заднему стеклу да по поворотникам! Пиши, собирай свидетелей, подавай в суд! Так и делал тот ханыга, да все ничем окончилось: и Совет ветеранов вступился, и суд уважил — проволокитили, а волокиту на себя взяли.

...Екатерина Павловна, пока муж по городу погуляет, наведет на кухне порядок, на рынок и в магазин сходит, газеты заберет. Не злилась она и не обижалась — понимала и жалела. Хоть жалости, понятно, не выказывала даже взглядом — не потерпел бы Георгий Константинович и не простил бы никогда.

А он вернется в квартиру, почитает газеты и давай рассказывать, что в городе не так. Уже как единомышленнику. А что-то, бывало, и похвалит, все ж хозяйское понятие при нем. Супруга никогда не спорит, а соглашается не демонстративно. Потому как знает, что муж не любит ни амбициозных спорщиков, ни бесхребетных кивателей.

Так и жили, пока не приспела торжественная дата — серебряная свадьба. Георгий Константинович к тому времени разменял восьмой десяток, и Екатерина Павловна стала пенсионеркой по возрасту. Гостей собирать ни к чему, да и некого давно: друзья и родственники (и его, и супруги) отдалились, когда он еще управлял городом. Георгий Константинович был в хорошем расположении духа и спросил, какой нужно сделать подарок, чтобы событие запомнилось.

Тут-то Екатерина Павловна рожки и показала: хочу, говорит, чтоб у нас дома котенок жил. По-житейски говоря, вопрос плевый, если бы не принципы Георгия Константиновича: недолюбливал он животных, тем более, таких бесполезных, как коты. Однако с возрастом самые суровые люди становятся компромиссней. Подумал он, что и с детьми у них не сложилось из-за его службы, и что ласки особой от него Екатерина Павловна не видела, и что не все ж самой подчиняться — должен и у нее кто-то в штате быть... Да и словам своим отката давать не привык. В общем, дал слабинку.

Появился в квартире котенок, точнее, сиамская кошечка, которую Екатерина Павловна назвала Мурочкой.

Ничего особенно в жизни не поменялось, только к претензиям Георгия Константиновича прибавилась еще одна тема. И Мурочку иначе, как Тварью,

он не называл. Хоть интонации были различны в зависимости от настроения. И эпитеты иногда добавлял: могла быть Тварь и ничтожной, и Божьей.

Когда Екатерина Павловна попала в больницу, пришлось кормить кошку и убирать за ней. При этом Георгий Константинович все время ворчал, а то и покрикивал на Мурочку, а затем долго и тщательно мыл руки с мылом.

Навестил он жену в больнице. Себе за жизнь ржавого гвоздя не взял, а тут воспользовался правами: положили ее в отдельную палату и лечащего врача назначили, которого она захотела.

Прошло еще лет десять, и отошла Екатерина Павловна в мир иной. Но и это сумела сделать так, чтоб муж успел привыкнуть и приспособиться. Пока в больницах лежала, он себе что-то и покупал, и готовил. Даже стирать — замачивать, а затем полоскать — научился. И убирал квартиру сам, потому что считал всех приходящих домработниц потенциальными воровками и реальными осведомителями. Хоть и красть особо нечего было, а осведомлять — тем более не о чем и некого.

А еще Екатерина Павловна один раз в санаторий съездила. Не понравилось ей там, нет. Во-первых, ты там никто — бабуля, и говорят с тобой простыми предложениями, и почему-то громким голосом. Во-вторых, отвыкла она за жизнь с обычными людьми общаться, хотя их дом перестал быть элитным и в него активно заселялись нувориши. Однако что с теми, что с этими: разговоры примитивные, идеи высокой нет, мировоззрение приспособленческое. ...А те санаторские, которые близки к ее кругу были, слишком много гонору имели. Не собиралась она терпеть всяких!

Когда уже было ясно, что обратный отсчет пошел на дни и жена находилась дома под присмотром сиделки, бывшей актрисы, Георгий Константинович примостился на краешек кровати, взял Екатерину Павловну за руку и сказал:

— А ведь я тебя за одну-единственную улыбку полюбил, Катенька. Помнишь, когда с комиссией автоматическую линию на заводе пневмоприводов принимали? А ты потом больше ни разу так не улыбалась...

— За эту? — Она усмехнулась сухими губами, глаза ее озорно сверкнули и тут же стыдливо опустились вправо и вниз. — Я перед зеркалом репетировала — очень замуж за тебя хотела, Жора...

Георгий Константинович тоже улыбнулся и закивал.

— И по имени ты меня почти никогда не называла.

— Ты был мой самый главный человек. А добрым ты становился только пьяненький...

Георгий Константинович хотел попросить за все прощения, но горло что-то забило, а откашливание представилось нелепее хулиганского свиста. Он торопливо потискал худеющую холодненькую ладошку жены и вышел.

На похоронах Екатерины Павловны он стоял с каменным лицом. Не сказал ни слова, не проронил ни слезинки.

Остался Георгий Константинович с кошкой, у которой имя Мурочка с уходом Екатерины Павловны окончательно исчезло. Его безраздельно заменила кличка-определение — Тварь. Конечно, усыпить кошку — не проблема. А память о жене, которая работу ради тебя бросила и детей из-за тебя (да хоть бы и по иным причинам!) не рожала? Которая в лучшие годы и до последних своих дней? Да и свыкся с кошкой уже... А каково одному в пустой трехкомнатке, где только телевизор ерунду суетную несет, на кухне кастрюлька лязгнет-уляжется да настенные часы минуты, как утекающие капли жизни, отсчитывают?

Георгий Константинович по-прежнему прогуливался с тростью, которая не ломалась и не изнашивалась, — теперь уже для опоры. И видел, что на него не только никто не намеревается покушаться — его как бы не замечают. Не так часто, как раньше, но все же регулярно приходили поздравления и приглашения. Однако если раньше он считал выход на люди в статусе экс-руководителя унижением, то теперь просто не знал, как соответствующе одеться — гардероб давно устарел, да и размер поменялся: вся одежда большой стала. А главное — не было Екатерины Павловны, которая за него эту мелочевку решала. И которой можно любое свое действие, наблюдение или мысль изложить солидно и непререкаемо. Без нее почти все потеряло смысл.

Он, как и прежде, регулярно читал газеты, только теперь подписку за него оформлял социальный работник, женщина средних лет, которая появлялась три раза в неделю, чтобы немного убрать в квартире, принести продукты из магазина и лекарства из аптеки.

Он, как и раньше, не думал о деньгах. Однако если некогда Екатерина Павловна все ж иногда обновляла с его разрешения в доме бытовую технику, мебель, одежду, то теперь он просто складывал деньги в ящик секретера, потому что жил непритязательно, а пенсию и доплаты приносили регулярно. Нагрянувшая денежная реформа не возмутила Георгия Константиновича — он переложил ставшие нумизматической макулатурой купюры ящиком ниже и на рисовой каше невозмутимо дождался очередного пенсионного вливания.

Без Екатерины Павловны кошка, которая по своему веку тоже была немолода, стала капризной, раздраженной и требовательной. Георгий Константинович относительно легко переносил это днем, ибо самокритично вспоминал собственное раздражение против белого света и ангельский характер супруги, которую ему некогда послали должность и судьба.

А вот если Тварь поднимала резкий противный вой среди ночи, хрупкий сон мгновенно осыпался осколками, на лбу и груди выступала испарина, а изношенное сердце начинало не только усиленно биться, но еще клокотать и как бы переворачиваться. Тут разум был бессилен!

Георгий Константинович сначала шипел, а затем кричал Твари, чтоб та заткнулась. Через минуту вой возобновлялся — он стучал клюкой по шкафу. Потом все-таки приходилось подниматься и загонять кошку за батарею или под диван.

Когда Тварь, наконец, испуганно успокаивалась, он шел на кухню и брал из холодильника лекарства для сердца, которое жило своей хлопотной жизнью: то почти останавливалось, то начинало отбивать учащенный ритм, то насосом перекачивало кровь так, что было слышно бульканье. Георгия Константиновича это беспокоило только на рефлексивном уровне — сознание ничего не имело против смерти.

Минуло несколько лет. Умирали представители «новой формации», некогда смявшие его, уходили в отставку те, кто сменил их. Освобожденные места занимали молодые волки, уверенные, что жизнь начинается с них и что можно изменить природу человека и методы управления.

Появлялись и новые немыслимые проекты, и прогрессивные технологии. Он легко и с долей интереса разбирался в них — и опыт позволял, и высшее строительное образование.

Георгий Константинович давно привык к стенаниям Твари и даже с юмором ассоциировал их с прежними «накачками», которым некогда подвергался сам и подвергал других.

Конечно, бывали и спокойные ночи. После одной из таких ночей Тварь не вышла к завтраку. Хозяин после хлопотных поисков обнаружил ее под диваном мертвой. Он слышал, что в последнее время вошли в моду кладбища домашних животных, однако считал это затеей глупой, хотя и приносящей определенный доход городу.

Преодолевая отвращение, обернул неожиданно длинное и твердое тело существа, с которым прожил почти пятнадцать лет, газетой, затем вложил в большой хозяйственный пакет. В мусоропровод решил не выбрасывать, а отнес к мусорным контейнерам. Долго читал надписи «Металл», «Стекло», «Пластик», «Пищевые отходы», «Ветошь», «Бумага»... Не придумал ничего лучшего, как положить пакет с кошкой перед контейнерами.

А на следующую ночь умер сам. Тварь не подняла хозяина, чтоб тот принял среди ночи лекарство, как делал это несколько лет, и сердце, беспомощно всхлипнув в последний раз, остановилось.

Труп обнаружила назавтра соцработница, похороны провели социальные службы, гроб помогли вынести соседи. А через три дня в городской газете вышел шикарный некролог за подписями членов правительства и руководителей городской администрации. Энергичный пятидесятилетний Георгий Константинович пристально и уверенно смотрел с черно-белой фотографии на новые поколения граждан, которые до этого никогда ничего о нем не слышали.

Где-то в тени высоких кабинетов в тот же день конкретно решился вопрос о присвоении его имени улице в новом микрорайоне города, который продолжал перестраиваться и расширяться.

Чучмара[1]

Весенняя фантазия

Можно ли любить то, что ненавидишь? Наверное, можно: нельзя любить то, к чему равнодушен. Можно ли любить того, кто ничего тебе не дал? Наверное, можно: нельзя любить того, кому ничего не дал ты.

Весна — не самая лучшая пора года. И это не желание выглядеть парадоксальным и идти против устоявшегося мнения, а суровая реальность. Конец марта еще снежен, но невыносимо соплив. Инфекционный ринит вместе с лужами снежной каши и пронизывающими энтропийными сквозняками успешно переходит в ненадежно одетое тело и проникает в душу, иммунитет которой клинически слаб. Солнцесветный Ра не может прогреть промерзлую земную кору, а его настойчивые попытки оживить траву и насекомых блокируются низким зонтиком набрякшей атмосферы, просторечно и безлико именуемой небом.

Все-таки, как пел самый успешный турист страны: «Лето — это маленькая жизнь». А весна — мучительный выход из зимнего анабиоза, который пришлось вынести со стиснутыми зубами, чтоб не взвыть. Особенно если ты совершенно неуспешный бродяга, имеющий в житейском активе маму-пенсионерку в двухкомнатной квартирке, незаконченное высшее образование полугуманитарного профиля и такую же, как сам, слегка обтрепанную подружку, которая за неимением в данное время лучших вариантов предпочитает тебя.

---

[1]Вымышленный восточный напиток. К запрещенным продуктам не относится и никогда не будет относиться, ибо чучмара — авторский вымысел.

«Люди идут по свету — людям немного надо...» Так пел отец, и вопреки моему желанию жить не так, как он, довелось повторить его судьбу в своем времени. Впрочем, он достиг бо́льших успехов: у него была семья и постоянная работа — пусть за гроши́, но достаточно квалифицированная и в добропорядочном коллективе. И в моем возрасте у него был сын-школьник, впитывающий жизнь без резких эмоциональных оценок и разочарований, которые приходят с опытом, когда убеждаешься, что мир хронически не идеален и патологически неисправим.

Конечно, все вышесказанное ни в коей мере не относится к динамично развивающемуся социально-рыночно-демократическому обществу, которое наблюдаю в периоды хандры в выпуклом экране старого телевизора, чья электронно-лучевая трубка за два десятка лет безвозвратно потеряла половину люминофорных триад. Мой статус — частная проблема отдельного неудачника-фрилансера, который не сумел или не захотел приспособиться к «быстро меняющимся реалиям и мировым кризисным явлениям».

Но если объективно взглянуть на собственную жизнь и поискать положительное, то вдруг понимаешь, что отношение к тебе гораздо лучшее, чем заслуживаешь. Мама давно махнула на твой образ жизни рукой и рада хотя бы тому, что ты жив, относительно здоров, не сидишь в тюрьме или на наркотиках, почти регулярно ночуешь дома, а иногда где-то и работаешь. Подружка, нашедшая временное пристанище около тебя, спокойно игнорирует твои не всегда ухоженные зубы и немытые волосы, небритые щеки. А нередко внимательно слушает и порой — улыбается. Даже государство доблестными всевидящими внутренними органами посматривает на вас сквозь пальцы, не видя во внешнем облике явных бездельников-полуиждивенцев признаков правонарушителей или потенциальных жертв. А изредка появляющиеся деньги позволяют если не ощутить полноту жизни, то хотя бы пользоваться время от времени некоторыми из ее благ.

И, как ни абсурдно, спокойно относиться ко всему, что не вписывается в представления об идеальном мире, помогает перефразированная восточная мудрость: «Будь безмятежен, как цветок лотоса, нежащийся в лучах утреннего солнца у подножия Храма Вечной Истины».

Ты называешь подружку, как она и представилась, — Линой. Или шутейно — Линейкой, только догадываясь, каково ее имя по рождению: Галина, Элина, Полина, Аделина, Каролина, Алина, Капитолина, Магдалина, Эвелина, Анжелина? А она тебя — Максом, ибо по женской ушлости сумела заглянуть в паспорт якобы для того, чтобы убедиться, что ее временный спутник не связан ни узами брака, ни детьми. Законное женское желание... Впрочем, характер Лины далеко не линейный, скорее, лекальный — неровный, но с мягкими переходами. Хотя изредка закругления бывают и резковатыми.

— И что мы можем себе сегодня позволить, сэр Максимус?

— О фея моего сердца, я готов бросить весь мир к твоим ногам, но боюсь, он слишком далек от совершенства, чтобы служить тебе достойным ковриком!

Это у нас такая игра: если говорить друг другу подобные слова, приятные мелочи начинают видеться сквозь увеличительное стекло, а цветные пиксели унылленького и серенького бытия условно восстанавливаются.

Как-то мы зашли в бутик, куда нас по недосмотру впустили.

Спрашиваю:

— Что тебе здесь нравится, королева моих дум?

— Все! — отвечает Лина.

— Я куплю тебе этот магазин, повелительница моей жизни! — провозглашаю во всеуслышание. И на ушко: — Когда появится достаточно денег для утомительной процедуры переоформления...

Охранники не торопятся, но и не дремлют. Если внимательно присмотреться, многие из них — случайные люди на зряшной работе, а некоторые — заведомо слабее меня физически. Они пока улыбаются, но, подумывая о подписанных кандальных контрактах, разминают плечи и хлопают по карманам, небрежно нащупывая перцовые баллончики и мобильники — связь с ментовкой.

—...Предлагаю съездить в восточное кафе к твоему арабскому тезке — Максуду.

— Где это, свет очей моих?

Все-таки, когда антураж игры незнаком, приходится поневоле опускаться на землю, чтобы сверить ориентиры.

— На другом краю земли, где в тени листвы под жарким солнцем журчат холодные ручьи, и щебетанье райских птиц заглушает звон трамваев...

М-дэ... Все-таки законченное гуманитарное образование понадежнее незаконченного полугуманитарного. Та-ак: трамваи у нас идут в четырех направлениях...

— В Зеленый Бор, что ли?

Линейка улыбнулась и закивала. И откуда она знает мой город лучше меня?

Талончики мы не пробиваем. Деньги у нас есть, но не столько, чтоб тратить их в начале путешествия. Кондукторша устало смотрит на меня.

— Оплачиваем проезд, молодые люди...

Металл в голосе — с ржавым дребезжанием и тон не сулят надежды. Лина бросила взгляд на меня, а затем отвернулась к окну: передала право решать проблему за обоих.

— Слышал, что есть Высочайший Указ, который позволяет безработным ездить в общественном транспорте бесплатно...

Плюс — обезоруживающая улыбка, способная смягчить безжалостное сердце янычара. Опять сработало!

— Ну так встали хотя бы и уступили бы место людям хотя бы...

Бы-бы-бы... Она поняла, что мы вместе. Достаточно потереться пару недель меж людьми, чтобы стать и физиономистом, и психологом. Так же легко люди определяют время, когда понимают, что сверить его, кроме звездного неба и солнца, не с чем.

Мы с кондукторшей знаем, что никакого Указа нет. Однако у нее опыт не только транспортный, но и житейский. Поэтому она и решает нас не высаживать — на улице слякотная промозглая весна, а у нее — дети близкого к нашему возраста.

Мы встаем, уступая людям места, на которые никто не стремится, — трамвай полупустой. Замечаю мужчину, который был готов вступиться за нас: слово сказать или заплатить. Он пока наблюдает за развитием сюжета, хотя читает «Столичный курьер». Спасибо за поддержку, старина!

Временно скромно молчим: любая сделка держится на компромиссе.

— Какой сегодня день?

Называю дату и день недели. Мимо. Называю фамилию румынского мифологиста. Лина морщит носик и отрицающе качает головой. Называю лекарство, которое изобрели в этот день. Мимо... Оказывается, полгода со дня нашего знакомства...

Выходим за одну остановку до трамвайного кольца — на конечной может быть проверка и на саму кондукторшу. Она видит это и, кажется, как-то приветливо кивает на прощанье. Видимо, кажется — с какой стати ей кивать, тем более — приветливо?

Кафе «У Максуда» — один из входов бывшего ресторана «Аленький цветочек». Сейчас не нужно столько банкетных залов, поэтому увеселительные заведения для массовых мероприятий дробятся на небольшие уютные закутки, в которых тесновато и темновато. Последнее обстоятельство, а также малое количество посетителей в начале работы кафе позволяют гардеробщику-охраннику считать наш, образно говоря, скромный вид определенной формой гламура.

Обстановка — как в пещере Али-Бабы, пока он со своим беспредельным джигит-спецназом на прогулке. Курить здесь можно — даже кальян. Мы не курим — тем более кальян. Меню приносят не сразу.

Да-а, конечно, предложить бросить мир к ногам девушки проще, чем реально ее угостить... И все-таки один антрекот и один рыбный винегрет мы возьмем. Еще и на кофе с кардамоном останется. Но — слово даме:

— Посмотри меню, Лин! Только постарайся не ввергать в бездну отчаяния благородного рыцаря, волею судьбы лишившегося наследства и случайно набредшего на небольшой клад...

Линейка — умная девушка. Она знает, как праздник можно устроить и как его не испортить. Берет в руки зеленую папку с вытисненными желтыми пятиконечной звездой и полумесяцем, но смотрит рассеянно.

Похоже, она рада, что сидит в тепле. И более склонна к непринужденной светской беседе, чем к энергично-деликатному набрасыванию на съестное. Щечки ее стали румяными и теплыми — Лина почти не пользуется косметикой.

— Ты знаешь, мне кажется, что твоя мама меня не любит...

Нет уж, лучше свинина из рук мусульманина, чем псевдосемейные разборки!

...Лина была у меня один раз. Я показал ей, как умею играть на гитаре, коротко познакомил с мамой, затем мы закрылись в моей комнате и попили чаю. Побыли только полчаса и ушли якобы по делам.

Позже мама со вздохами нарисовала довольно точный психологический портрет Лины. И завершила еще более определенным, но подающим надежду: «Но и ты же у меня не кронпринц брауншвейгский...» У мамы всегда было нормально с иронией и эрудицией.

Зову официанта, заказываю антрекот с картофелем. От винегрета, пожалуй, откажемся — лучше в кино сходить: на дневной сеанс билеты дешевле, он — социальный.

— И чучмар*у* возьми...

— Что?

«Чучмарой» мама обычно называет рассуждения и интересы, не имеющие отношения к практической стороне жизни.

Лина разворачивает папку с Венерой и ущербным Месяцем, освещавшими хиджру Великого Пророка, и безошибочно подчеркивает пальцем строку в «Напитках». Действительно, «чучмара».

Официант поясняет, что чучмара — это по сути шарбат или сорбет, однако кроме традиционных шиповника и кизила он готовится с добавлением корешков чучмары — травы влюбленных.

Видимо, ему некому демонстрировать знание фольклора Востока. Начинается длинная романтическая легенда о парне и девушке из племени чучмар, которым судьба долго не давала соединиться. Слушаю даже с любопытством — успел заметить, что цена чучмары чуть-чуть выше, чем кофе по-арабски, приготовленного в ибрике. Хорошо-таки, когда хватает денег!

Пока заказ приводится в исполнение, можно осмотреться. Тем более, глаза привыкли к полумраку: стали видны детали, которые поначалу не привлекали внимание. И моя спутница чувствует себя уютно: взгляд мягкий и лучистый. Ей тоже все интересно. Вопросы о маме сами собой закрылись благодаря лекальному характеру Линейки и загадочной чучмаре. Легким фоном звучит ритмичная песня «Хабиби». Сошлись Запад и Восток, а, Киплинг?!

Все-таки неплохо Максуд стилизовал уголок! В кафе не только прохлада листвы, тепло солнца и беззаботное попискивание птиц над юркими ручейками. Здесь много укромных местечек, манящих влюбленных. Это не мираж, а оазис, — хотя границ у него не видно: за леском начинается плодородная цветущая долина, на которой вместе пасутся дикие дромедары и бактрианы и рыскают полосатые шакалы. Долина заканчивается горным хребтом. До него не дойдешь никогда, но блестящие хромитовые скалы, зеркальные водопады, снежные капюшоны и синевато-голубые пихты видны так отчетливо, как если бы их создала рука великого художника или скомпилировала сигмовская оптика.

Мы с Линой идем, цепко взявшись за руки. Из того, что человек натягивает на тело, чтобы защититься от враждебных сил чужой ему природы, осталась только обувь — легкие, сплетенные из озерного камыша сланцы, — потому что на траве попадаются колючки и острые камешки. Зоофаги-барсы остались в лесу; пантеры, с любопытством выглядывающие из-за холмиков, доброжелательны к нам. Бунгарам и скорпионам их Короли и Императоры не разрешают выползать из-под камней днем. А ночей здесь не бывает.

Кажется, что Долина существовала всегда — с тех незапамятных времен, когда людей на Пангее было только двое — Я и Она: Мужчина и Женщина, Макс и Лина. А Всевышний, создав Вселенную, Землю и нас, отдыхает — сегодня седьмой день. И день этот вечен, ибо мы непознаваемо ничтожны на фоне Божьего замысла и непостижимо величественны собственной уникальностью.

Соловьи-лючинии не просто выводят рулады, а опевают мечтательно-возвышенную мелодию первозданной природы — разнообразят плавную величавую музыку виртуозными вариациями и обертонами.

Солнце зависло высоко над перевалом. Оно будет стоять там всегда. По ту сторону от горной гряды плещется бескрайнее и бездонное Море — и Солнце должно согревать и его, а не только нашу Долину. Мы никогда не увидим Моря, зато у нас всегда будет Долина...

Глаза Лины искрятся безмятежностью и счастьем. Мне хочется утонуть в этом взгляде, но тогда мы исчезнем в себе, а Долина останется снаружи, ибо она является вместилищем души. И никак не наоборот! Я закрываю глаза и сквозь веки вижу, как она закрывает свои...

— Ну и обнаглела молодежь! — безличностное ворчание отдисциплиненной жизнью старушки возвращает нас из Долины в подъезд незнакомой пятиэтажки со стенами, расписанными дилетантами-райтерами. — Заняться, что

ли, нечем, кроме как в чужом подъезде лизаться? Работать бы шли, развелось бездельников-оборванцев! Только бы им... — она вставляет слово, которое в приличных книжках не печатают. — Когда уже власти до них доберутся...

В голосе больше сочувствия, нежели раздражения.

Я говорил, что не люблю Весну. Грязный мокрый снег подтекает через потресканные подошвы и увлажняет носки, которые нормальный человек надевает-снимает только наедине с собой. Уличные сквозняки коррозией проникают за воротник и под полог коротенькой потертой куртки. И не совсем понятная чучмара, после которой можешь оказаться на другом краю города и действие которой способна прервать безобидная бабушка.

Скорее всего, это обычный сорбет из сушеных шиповника и кизила. Ну, возможно, Максуд еще на имбирь и лепестки роз расщедрился. А надбавка в цене — за историю, которую рассказал словоохотливый официант.

...А Линейка пока ничего не слышит. Наверное, она еще в Долине...

Снегурочка, или Она была актрисою...

Женская фантазия

Да не была она актрисой, если не считать двух лет участия в студенческом фольклорном театре, которым славился истфак семидесятых! Правда, было пару подмен в ТЮЗе, где студенткой подрабатывала в костюмерной — Медвежонок, Зайчик и что-то подобное...

...Когда простым и нежным взором
Ласкаешь ты меня, мой друг...

Сорок лет на нашей территории не принято праздновать. Сорок лет — сорок дней, рок, «сурочыць», сорок сороков...

Они и не праздновали, а отметили единственным тостом. Эдуард только вернулся из Польши, где последние полгода работал перекупщиком. Там в основном и жил, приблизительно раз в месяц наведываясь в семью. Когда он приезжал, становилось спокойно, суматошно, весело и денежно. Двенадцатилетняя Наташка получала подарки: куклу Барби, робота-трансформера (Эдуард всегда хотел мальчика, но и дочуру любил самозабвенно. И она старалась ему угодить). Еще Наташке доставалась броская бижутерия, по внешнему виду легко превосходящая советские драгоценные камушки.

Ей, законной супруге Алине Георгиевне, отдавал сотку долларов на подарок «по личному усмотрению».

В припеве к вкрадчивому баритону хозяина присоединялось лукавое меццо-сопрано хозяйки:

— *Веселья час и боль разлуки*
Хочу делить с тобой всегда...

Наташка смотрела на родителей восхищенными от любви глазами. И то устраивалась на колени к матери, то выныривала между левой рукой и грифом гитары у отца. И никогда не подпевала, хотя и с голосом, и со слухом было все в порядке. Детской душой Наташка чувствовала, что эти два близких ей человека — одно, а она — от них, производное, как бы не совсем то... Но не желала смириться с этим пониманием и поэтому никак не могла разместиться так, чтобы одновременно прижаться к обоим. Нет, раствориться в обоих...

Идиллия заканчивалась, вернее, переходила в драматический всплеск, когда уставшая от папиной энергии Наташка укладывалась спать. Оставшись наедине с женой-ровесницей, Эдуард начинал пить больше, вкрапляя в речь польские словечки и мягкую ругань, — рассказывал об особенностях «командировки».

Говорил о полициантских рейдах, о меняющихся законах в разных поветах, о деликатных наездах польского и наглых русского рэкета, о не совсем обязательных партнерах, о поборщиках-мытниках, о туповатых и жадных торговцах-туристах... Не жаловался — он никогда не жаловался, не исповедовался — он никогда не исповедовался. Докладывал? — да нет, и не докладывал. Как-то так — рассказывал...

Алина слушала больше сердцем, глядя в любимые серо-зеленые лучистые глаза. Когда он умолкал, чтобы налить рюмку или прикурить, пыталась рассказать, что творится в школе, из которой она так и не ушла, как ушел муж из своего НИИ металлов и сплавов. И умолкала, когда он терпеливо и пусто начинал смотреть ей в глаза. Она знала, что он не пропустил ни единого сказанного ею словечка и даже оборванную фразу легко мысленно довел до конца. Однако эмоциями не воспринял, потому что в этом обезумевшем мире она с дочкой — в голодном обездоленном тылу, а он — на фронте, где может в любую минуту погибнуть. И гибнет уже... Но не забывает их.

Назавтра у Эдуарда был пеший день: он оплачивал коммунальные расходы, покупал что-то из бытовой техники, ворча, что «у людей» это дешевле, красивее и надежнее.

Когда Наташка возвращалась из школы, все вместе шли на рынок: женщины выбирали себе что-нибудь из одежды, мужчина — рассчитывался, предварительно уверенно и весело сбив цену.

Иногда ходили в парк Горького, где Эдуард с Алиной сидели в кафе, а Наташка, получив от папы карт-бланш, вволю каталась на всерьез сдавших с застойных времен аттракционах.

Ужинали вместе и с тортиком. А потом была ночь любви. Не той любви, что начиналась чуть ли не с порога по возвращении, а глубокой, творческой, нежной.

Утром опять были песни.

— *Лепестками белых роз*
Я наше ложе застелю...

И слезы в глазах Эдуарда...

Алина не подпевала, потому что эта песня была чисто мужская.

Наташку Эдуард шлепком по попе уже с полчаса назад отправил в школу.

Через пару часов отец шел в школу сам, чтоб «козырно урегулировать вопросы». Прямым ходом заходил к директору, вручал что-нибудь из оргтехники и канцпринадлежностей и спрашивал, что нужно еще. Проблемки с учителями решались автоматически. Тем более, Наташка была умницей и примерной ученицей.

Хоть Алина Георгиевна и сама держала под контролем все школьные вопросы, она никогда не отговаривала мужа: хотелось, чтобы коллеги из традиционно женского коллектива фрагментарно позавидовали ее счастью. Знал это и Эдуард. И задачу свою в основном видел, чтобы визитом в школу отметить, что и у Алины есть защитник.

Вечером был обзвон приятелей-соратников. Все больше — о месте и времени выезда в очередную ходку. Женщины в это время ходили и говорили тихо. Эдуард разговаривал в прихожей, а они только шмыгали — на кухню или в туалет.

«Перетрем! Пускай Пархом порожняк не гонит, жук навозный! Не будь лошарой последней, я те говорю, Миха! Кипятком побрызгает и успокоится, чмошник, раз облажался! ...Димон! Эту суку драную давно на пику ставить пора, понял, да?! И поставим!! Кого он строить собрался, тем более в Польше — *лагодном краю*?! Клал я на его отсидки, понты и тусовки — разбросаем вместе с эспандерами на семь километров в радиусе! ...Пану Збышеку обещали стартер для моторки привезти. Ну, это мы и на границе у оптовиков поищем. ...Короче, завтра на кольцевой по Брестскому — в семь двадцать—семь сорок. Уважительной причиной может быть только смерть».

Лексика была не от кандидата технических наук, а из мира менее подлого и скользкого, но более конкретного и жестокого.

Алина ничего не объясняла Наташе. Девочка понимала — так надо: папа знает, что делать.

После перезвона, вернее, после улыбчивой отшутки Эдуарда: «Аж ухо от трубки расплавилось!», под телевизор, икающий о компрометации Манделы и свержении Наджибуллы, Эдуард делал какие-то расчеты на листках прошлогодних Наташкиных тетрадок, которые затем, мелко изорвав, выбрасывал в урну. Основное записывал в блокнот, который держал в поясном кошельке.

Ночью был обычный акт, ибо Алина к тому времени уже спала, и полностью ее будить Эдуард не хотел — подкрадывался.

Утром Алина и Наташка, не увидев в прихожей ботинок с высокими каблуками и черной куртки, пару секунд нарочито непонимающе смотрели друг на друга, затем синхронно разводили руками и хлопали ими по бедрам: «Опять проспали!» Затем смеялись, обнимались (клали руки друг другу на плечи) и опять начинали долго ждать папу.

...Господи, как давно это было...

Эдуард не приехал из очередной командировки. Единственное, что удалось узнать: он нарушил основное правило, принятое среди перекупщиков и перегонщиков, — не передвигаться на большие расстояния в одиночку. Базарный день перед католическими праздниками, который Эдуард пожертвовал ради дня рождения Наташки — ее тринадцатилетия... Для людей, которые заправлялись ровно на рабочий день, чтоб не увеличивать расход топлива лишним весом автомобиля, которые объезжали несколько обменников, чтобы выиграть пару долларов, которые заправляли водку вместо стеклоочистителя, потому что это было дешевле, подобное считалось дурачеством. Можно было заснуть за рулем и разбить машину, можно было накуролесить по пьянке, чтобы полугодовым доходом отмазаться от срока, можно было залететь на таможне, ибо правила были суровые и постоянно менялись... Но если ты работаешь — работай.

Хорошо, что не появились какие-нибудь кредиторы. Алина не знала раскладов Эдуарда, который время от времени сообщал, что он «почти» никому ничего не должен. Зато слышала о случаях, когда вдовам с детьми приходилось продавать квартиру, чтобы рассчитаться за долги погибшего хозяина и сберечь жизнь свою и своих детей... Правда, никто ничего не вернул и ничем не помог — братство было условным и паритетным: только на время совместной работы. Все более-менее знали друг друга, но пары-тройки-четверки часто менялись. И главной причиной было то, что когда дело доходило до денег, всегда находились такие, кто считал личный вклад более весомым, а положение своей семьи — более критичным.

Алина Георгиевна прошла на кухню. Глянула на недопитый портвейн — и ее передернуло. Подалась в ванную комнату приводить себя в порядок.

Затем в замызганной турочке вскипятила молотый кофе. За сахаром нужно было идти. Точнее, за сахаром нужно было идти еще позавчера — забылось как-то.

Семь лет вдовьего одиночества. Три тысячи долларов, которые Эдуард помимо текущих расходов успел отложить в томик Булгакова, помогали Алине и Наташке выживать, пока в стране не провели деноминацию, после которой доллар стал резко терять покупательский вес.

Школа не отпускала — не давала ни жить, ни умереть. Пару раз наведывались бывшие ученики, в основном — мальчики. Поседевшие, полысевшие, располневшие... Обычно чего-то (по их словам) достигшие. Она выпивала с ними по паре рюмочек, а на намеки об изменившейся за последние годы истории уклончиво отвечала ироничной репликой-цитатой технаря Эдуарда, с которым согласилась только через десять лет после его смерти: «По Ожегову история — действительность в ее движении, а уж остальное — навороты». И от себя с улыбкой добавляла: «Учителя — люди подневольные. У нас инструкции, методички и инспекторы». Смешно было видеть, как взрослые серьезные мужики, иногда всего на пять-десять лет младше ее, по-прежнему говорили с ней, как неуверенные в себе ученики с непогрешимой всезнающей учительницей.

Наталья через полгода после дефолта приневестилась к красноярскому буржуину, волей случая посетившему международную выставку «Пластик нового тысячелетия», где она участвовала в качестве переводчицы. Алина сразу поняла, что зять, который был на пару лет моложе тещи и которого она видела только дважды, напоминал дочке отца: криминальным сленгом, которым Эдуард был вынужден пользоваться и который стал сейчас нормой в литературе и в обществе, и ответственностью за сказанное слово и семью.

Внука, названного Глебом, Алина не видела никогда. Перезвоны с дочкой поздним вечером в последнее воскресенье месяца, присылаемые семейные фотки успокаивали и грели. Невидимое глазу и неслышное уху дорисовывали память и телесериалы.

Александр появился, можно сказать, внезапно. Она готовилась перейти с двумя сумками на зеленый свет, как неожиданно рукам стало легко. Легкий страх и замешательство...

— Позвольте помочь...

Ситуация, как говорится, не для беременных. Когда сзади пристраивается незнакомый мужлан, выхватывает сумки и через секунду идет рядом шаг в шаг, мило беседуя... А направление и темп диктует обратным отсчетом светофор.

— О, спасибо, сударушка! Доброе дело сделал — небеса один грех спишут!

Сударушкой ее пока никто не называл.

— Спасибо и вам. До свиданья. Пакет и сумку вернете?

— А через катакомбы сами перейдете? — он показал взглядом на монтируемую наружную теплотрассу, изрытый воронками и огороженный пластиковыми сетками бульвар.

Алина взглянула на узкую петляющую тропиночку, сложенные кубы плитки...

— Катакомбы — это под землей. Из них камни для города доставали. У нас — лабиринты. Пройду без вас, извините.

«Свидание» наступило через два месяца. На этот раз мужчина сидел на скамеечке только что благоустроенного бульвара.

— Помощь не предлагаю — сегодня затарились значительно меньше. Но если начнете совершать прогулки на велосипеде, фигура и походка, несомненно, станут еще лучше. Уточню: еще более совершенными...

Ловелас! ...Узнавать — не узнавать? Ну не дурак же он последний!

— Простите...

— Саша я, Александр.

Узнавать не то чтобы не хотелось — нельзя было, не положено, не по-женски.

— Вот и хорошо, что Александр, — она кивнула и двинулась дальше.

— Харэ прессовать-то нормальных людей, а?

Алина остановилась и улыбнулась. Мужчина разглядел в этой улыбке то, что хотел видеть.

Александр был фрезеровщиком автоагрегатного. Интеллект и легкость общения его происходили из славных застойных и лихих перестроечных: телевизионщик, а затем — журналист.

Пятьдесят два года для мужика, который не спился в часы беспредела, не схватил инфаркт-инсульт, не отчаялся в жизни, держит себя в хорошей физической форме...

Да, с женой разведен. И высылает или привозит семье четверть дохода, хотя дети давно выросли.

Но десятилетняя вдовья тоска и незащищенность, идеализация мужского наличия и присутствия не оставили Алине Георгиевне шансов. Крепость пала в тот же вечер.

Она как-то обмолвилась Александру, что некогда играла в фольклорном театре.

— *Она была актрисою*

И даже за кулисою...

Он, как и Эдуард, тоже владел гитарой.

— «За кулисами», Саша!

— Тебе видней, Алиненок, как и что там было... Но «за кулисою» — складней. Не правь фрезеровщика — мы вворачиваемся и рвем края... Стружка у нас — обрывками и в обувь впивается.

И немного похабно подмигивал.

А еще в припеве вместо «а в душе моей все по-прежнему» перефразировал «по Брежневу», скоморох придурошный!

Он не вворачивался и не рвал края. Он оттягивался. Предупреждал, а потом оттягивался. Нежности и участия не наблюдалось, да и разнообразия особого не было. Ну и не очень-то нужно! А мужлан-таки, хоть и из журналистов! Он не искал подхода, как Эдуард, а соблюдал свое.

Временами Александр, предварительно выпив и заранее извинившись, «размазывал слюни по стеклу»: про лидера эфира суку Карасева, который вынудил членский билет на стол кинуть и сам через полгода «сел наглухо». Затем про мастера Корнеенко, у которого таблица умножения в мозгах с трудом улеглась, а он командует, хоть отчество все время путает. Про Витьк*а* из

соседнего подъезда, который вместо пятерки получил в хлебальник за «неделикатно обозначенную» просьбу...

К редким намекам как-то узаконить отношения относился незатейливо и обстоятельно:

— Расписаться-прописаться... Ну зачем тебе нужно, Алиненок, чтоб мои детишки на твою жилплощадь претендовали? Мы друг дружкой довольны, детей рожать не собираемся, внукам рады. Вдруг меня парализует — с чистой совестью выбросишь на... чужого человека! И с «бабосами» более-менее пока укладывается. Хотя от «них» чего угодно ожидать можно...

Мужчины-мужчины... Все время вы глядите в какую-то далекую перспективу! И беситесь, а затем отчаиваетесь, когда внезапно удается там что-то разглядеть...

Два года назад Александра уволили с автоагрегатного в связи со сменой собственника и реформированием предприятия. Не одного — семьсот человек, значительная часть из которых, кроме школы, училища, армии и станка, в жизни не видела ничего.

Алина Георгиевна год назад тоже стала пенсионеркой: поступило указание об «омоложении кадров» — и контракт с 55-летней учительницей не продлили. Но молодежь так и не вдохновилась будущими перспективами и не пошла на учительские хлеба. Директор через восемь месяцев — перед началом четвертой четверти — позвонил, предложил вернуться, но она уже смирилась с положением. Тем более что выигрыш по деньгам не компенсировал уроки, классное руководство и ежедневную нервотрепку. Да и внешний вид учителя должен быть безупречным, а это тоже требует денег и заботы. А если учесть, что с утра необходимо полтора часа для ванны и макияжа, а после работы — солевой раствор для утомленных ног...

Александр поначалу подался шабашничать с предпринимателями по многочисленным садовым товариществам — сателлитам большого города. Однако рассчитывались наниматели по разным причинам не всегда нормально, и здоровье было уже не то, чтобы в любую погоду физически напряженно работать. К тому же однажды подвернул лодыжку и со сложным переломом проходил в гипсе почти три месяца.

Теперь он мрачно смотрел на бывших коллег, которые приезжали к нему за советом в их элитный район из своего трущобного. Обычно появлялись наиболее уверенные в себе или подтолкнутые семейством, внезапно оставшимся без... Не то чтобы без кормильца — без завтрашнего дня. Как правило, это были профессионалы, которые еще в конце застоя умудрились стать ударниками коммунистического труда, а то и орденоносцами. Они уже попытались приспособиться к новой жизни и теперь совершали последний рывок — поход к умному человеку, которого совсем недавно легко и аккуратно обходили в деньгах за счет большего стажа, высшего разряда и чисто пролетарского горла. Как интеллигента — так им и положено!

Александр ранее никогда не выказывал недовольства цеховыми товарищами, если они не нарушали этику человеческих отношений. Наоборот, возвышал их: читал, предварительно подправив, самопальные стишки коллеги-токаря, рассказывал о внучке с заплетенными косичками, которую спохмела и «на авторитете» приводил на завод дед-слесарь, находящийся в отпуске...

Иногда появлялась выброшенная за ворота автоагрегатного молодежь — по словам Александра, «выбитое поколение перестройки». Лет тридцати— сорока: вполне трудящиеся, но запойные, неженатые, щербозубые. Реак-

ция та же, хоть и бесцеремоннее: Александр знал, что с пустыми руками или пустым карманом за советом не ходят. Поэтому или велел открывать, или посылал в гастроном. Выпивая, он не говорил своего обычного «Фигня, прорвемся!» и ничего не обещал. Тем, кто постарше, рекомендовал найти приют в родимой деревне, если таковая есть, или спиваться по месту столичной прописки и освобождать квартиру детям. Тех, кто моложе, пытался натолкнуть на переквалификацию, а иногда даже давал адреса конторок, где «требовались», заведомо зная, что испытуемые, скорее всего, скосячат. Так обычно и было.

Регистрироваться на бирже отказался: «На транспорте больше проезжу, чем их пособие. У «них» даже минимальный прожиточный бюджет — на две бутылки «бырла» в день «в позе трубадура»! И без закуси... Не будем родному государству статистику портить — останемся официально благополучными!»

Через год поток посещений иссяк. Хоть как-то смогли устроиться единицы: в основном сторожами, лифтерами да слесарями при больницах и детских садиках. На похоронах сокращенных «неудачников» был только два раза:

— Ничем никому помочь не могу... Как им жить?! Кому рассказывать о станке-полуавтомате, наедине с которым провел бóльшую и самую значимую часть жизни?! И мне самому скоро кранты! «Они» и затеяли этот бардак, чтобы избавиться от потенциальных пенсионеров. Государство поставило перед нами важную задачу — сдохнуть как можно скорее! А за нами идет поколение взрыва рождаемости — пенсионный возраст поднимут на то время, пока не вымрут они...

Он по-прежнему в душе оставался ярким представителем масс-медиа, который любую проблему и ситуацию рассматривал глобально. Алина подходила к Александру, прикладывала обеими руками его голову к своему животу и гладила, как маленького, по голове и плечам.

Были светлые моменты и в это гадостное время. Александр органически не мог пить все время и порой впрягался в домашние дела: настроился, подготовился и отремонтировал квартиру на оставшиеся средства. Основную часть работы бывший журналист и бывший фрезеровщик взял на себя — и у него все получилось.

Пару раз выходили статьи — кое-какие связи сохранились. Но гонорары оказались мизерными, а то и вообще не выплачивались. Особенно его удручало, что кромсали, выбрасывая и приглаживая то, что проявлялось благодаря ценимым некогда журналистским качествам: честности, смелости, бойкому слогу.

А значительная часть материалов, по мнению Александра, востребованных самой жизнью, отвергалась с туманными формулировками главных редакторов независимых, казалось бы, изданий: «Понимаешь, ситуация теперь не та... Не пройдет это! Цензуры у нас, конечно, нет, но это — по Конституции».

Все, как прежде, получалось у него и в сексе. Конечно, реже, это понятно. Да и у Алины телесные потребности давно уступили первое место душевным. Изредка Александр брал гитару, предварительно жалуясь, что пальцы отвыкли:

— Главней всего — погода в доме,
А все другое — суета!

Алина не обращала внимания на то, что Сашка по рабоче-крестьянски в слове «суета» пропускает первую букву, и подпевала нестареющим меццо-сопрано:

— Есть я и ты. А все, что кроме,
Легко уладить с помощью зонта!

От Александра осталась только короткая прощальная записка и небольшие деньги рядом с листком.

Алина и теперь не знает, где Сашка и правда ли, что его больше нет. Так же, как когда-то об Эдике. Только тогда ей говорили о государственных границах и отсутствии договоренностей о правовой помощи, а теперь открытым текстом сказали, что ее второй и последний мужчина ей — никто.

— Так есть двадцать рублей?

— Ой, извините! — Алина Георгиевна стала копаться в ветхом бумажнике из натуральной кожи, который некогда подарил ей Эдуард.

Светло-коричневая двадцатка обнаружилась, и кассирша по-домашнему выдернула ее из руки Алины, машинально передвигая на блестящий нержавейный скат за кассой килограмм сахара, пачку макарон и бутылку вермута.

— Дисконтную карту приобрести не желаете?

— Да нет...

— Пакет не нужен?

— У меня есть, спасибо...

Если вы встретите Алину Георгиевну на улице, в подъезде, в парке или в магазине, не вздумайте подшутить над ее не очень уверенной походкой. Если в общественном транспорте решите, что вы — ароматны, а она — не совсем, воздержитесь от легкомысленных комментариев. А если увидите нелепую улыбку на ее лице, знайте: обращена она не к вам или кому-нибудь из этой суетной жизни.

Она вас все равно не услышит. А если услышит и поймет, ваши слова будут резать ее до тех пор, пока следующая боль не перекроет нынешнюю. Вам это надо? Уж коль не верите в Бога, хоть и крестик нацепили, знайте, что и Сатана не любит тех, кто издевается над беззащитными. Он наотмашь бьет понтовых борцов «за чистоту рядов», которые возомнили себя его соперниками в сфере зла. Он таки родом из ангелов...

Алина и в самом деле была актрисою: четыре раза играла в ТЮЗе Медвежонка, два раза — Зайчика и один раз — самую настоящую Снегурочку!

ЛЕОНИД МАТЮХИН

Нахожу — и вновь теряю

Звоночек

Привычен быт. Заучены все роли,
И шорохи, и скрипы на контроле,

И караван идет, и собачонка лает —
И даже таракан свой угол знает;

И тишь, и гладь — и надо ж, почему-то
Трещит броня комфорта и уюта, —

Как будто башня в Пизе вдруг упала —
И нечто между нами — ах! — пропало;

Как будто двух сердец нарушен ход —
И мы шагнули вспять, а не вперед…

Молчим — и знаем: это поправимо,
Когда — навзрыд, обидчиво, любимо.

* * *

Нахожу — и вновь теряю.
Недруг — слева, справа — друг.
Все чего-то не хватает,
Сделать что-то недосуг.

Улыбаюсь — но все реже:
Конкурент мой — ржавый быт, —
Наповал я им убит —
Точно по стеклу железом!

Но со всей моей тоскою
Роль нехудо я сыграл —
Пусть не вышел генерал,
А с протянутой рукою
В попрошайках не стоял.

Ах, душа! Она ранима, —
Ей подай былые сны:
Ковшик ветра, кружку дыма
И наперсток тишины.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЕНКО

В глубь пейзажа

* * *

Залив ночной пересекая,
идет, волнуясь, лунный свет
туда, где ни конца, ни края,
ни берега, ни моря нет.

Все то, что побережьем было, —
с исчезновеньем разошлось,
а что еще не наступило —
до каждой черточки сбылось

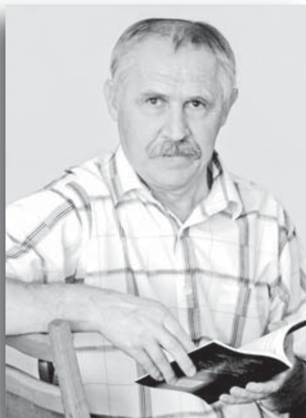
земли и неба продолженьем,
в котором каждая черта —
все больше плод воображенья,
не нашему с тобой чета.

Старость

Старость — маскировка. Только если детство —
скрытое в тумане ровное шоссе,
старость — неожиданно близкое соседство
с тем, что не в один конец уходит, а во все.

То, что было как бы смыслом мирозданья,
помещенным в центр кремнистого пути,
обретает форму тихого страданья,
призванного в глубь пейзажа увести:

все угодней зренью, заменяя тело,
тем же навидавшимся видов стариком
прекратить осваивать полотна пределы
и приобрести картину целиком.

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

Было время кино

В декабре прошлого года белорусское кино отмечало юбилей — 90-летие. Солидная цифра. Но тихо прошел юбилей. Вроде и не было ничего значительного создано за эти годы. С уходом в историю СССР ушли почти в забвение и творцы, создававшие фильмы в годы расцвета советского кино. И не только режиссеры. Как мало мы знаем о художниках, операторах, актерах. Обидно. Нет не только монографий об их творчестве, но хотя бы очерков-альбомов. Чтобы восполнить хоть в какой-то мере этот пробел, попытаюсь воссоздать портреты тех, кто был рядом, кто служил примером, был старшим другом или внимательным товарищем. С ними были связаны моя киномолодость, становление характера и формирование творчества.

Я, как всякий провинциал, был пытлив и любознателен. Во мне они видели свою молодость и ненавязчиво знакомили с азами кино. Некоторые были старше меня на десять, двадцать лет, но на удивление мы находили общий язык. Я даже пользовался кое-каким авторитетом как знаток мирового кино. Мои беглые зарисовки, с которыми я хочу познакомить вас, дорогой читатель, не претендуют на анализ всего творчества того или иного режиссера. В их портретах я стараюсь не отделять человеческое от творческого. Ведь и творчество зависит от высоты духа самой личности. Итак, приоткроем занавес времени, вернемся на сорок-пятьдесят лет назад.

Борис СТЕПАНОВ

Это был грузный и грустный человек в очках. Во время творческого простоя, в ожидании запуска в производство очередного фильма у всех, в том числе и режиссеров, была мода, как сейчас говорят, тусоваться в коридоре. Иногда тут шли и творческие дискуссии.

Когда я устроился работать на киностудию «Беларусьфильм», он завершил работу над исторической лентой «Я, Франциск Скорина», в которой дебютировал Олег Янковский. Во дворе киностудии еще стояла декорация «дворика Краковского университета».

Я был покорен его фильмом «Альпийская баллада», где блистали Л. Румянцева и С. Любшин, при первом знакомстве высказал ему слова восторга. Так и познакомились.

Запускали в производство фильмы Степанова как-то незаметно, без шумихи, как бывало с другими фильмами. Случалось, Москва не утверждала киносценарий, то были конфликты по смете расходов. «Я, Франциск Скорина» имел успех, но уже не такой, как «Альпийская баллада». В. Быков и Б. Степанов очень подходили друг другу. Оба неразговорчивые, совестливые, тактичные. Может, поэтому Б. Степанов решил еще раз обратиться к прозе писателя и взялся за экранизацию повести «Волчья стая». Он тяготел к

военной, патриотической тематике. Но, как говорится, дважды в одну реку не войти. Фильм не имел должного успеха, хотя старались все: оператор О. Авдеев, актеры А. Грачев и В. Никулин. Пробовали на роль Грибоеда и Р. Быкова. Я, как ассистент режиссера, водил знаменитость из гримерной в костюмерную, из костюмерной в кассу, из кассы вновь в гримерную. Ему нравилось, когда его узнавали и спешили засвидетельствовать свое почтение. Степанов же не лебезил, не заискивал перед звездами никогда. Что-то «тормознуло» Степанова, и, посоветовавшись со своим редактором, дочерью писателя К. Чорного Рогнедой Романовской, он утвердил на роль В. Никулина. Была у него своеобразная манера работать с актером. Он обговаривал сцену и давал им свободу, советовался с оператором: «Как у тебя? Снято. Хорошо». Очень редко просил укрупнить какую-нибудь деталь или подчеркнуть жестом. Немногословность — черта его характера. Очень любил ходить в Дом кино на просмотры иностранных фильмов. С милой супругой они садились во второй ряд, ближе к экрану: оба были в очках. Он много читал. Чаще других режиссеров его можно было видеть в библиотеке, которая имела достаточно приличные фонды. Чего только не выписывал! Правды ради скажем, были творческие работники, которые охотнее читали этикетки на бутылках спиртного. Борис Михайлович был интеллектуал. Никто и никогда не видел его на киностудии даже подшофе. Отличала его бескорыстная человечность. Я попросился к нему в ассистенты на «Волчью стаю», и он отстоял мою кандидатуру.

И группа отправилась снимать фильм в местечко Лыптупы. На съемочной площадке никогда никто не слышал от Степанова ругани или резкого слова по поводу неполадок. Бурчал, два слова мог сказать администратору и отходил в сторону, курил, ждал. Всегда ходил с портфелем. Только два человека постоянно ходили с портфелями — это известный оператор А. Булинский и Б. Степанов. Медвежьей походкой, широким шагом он гордо шествовал на киностудию. Любил работать с разными творческими людьми, но старался держаться одного директора съемочной группы, на удивление демократичного человека Михаила Фишкина.

Я провел в качестве ассистента еще один фильм «Облака», в котором Борис Михайлович был крестным отцом актеру Евгению Герасимову, со временем выросшему в талантливого режиссера, народного артиста России и успешного политика, который дважды был депутатом Мосгордумы.

На съемке фильма «Облака» я познакомился с нелюдимым ленинградским композитором Олегом Каравайчуком. Фильм повествовал о юноше, мечтающем стать летчиком. Нужна была странная музыка: соединяющая землю и небо. Это и сотворил Каравайчук. У фильма незавидная судьба. На отдыхе в Сочи министр авиации Бугаев посмотрел картину и пришел в ярость: «Где вы видели, чтобы у нас угоняли самолеты?!» А это был 1972 год. Позвонил «куда следует», и фильм сняли с проката.

Уже после «Альпийской баллады» режиссер мог претендовать на звание народного артиста, но не умел «вилять хвостом» и не был рвачом. По-моему, с опозданием ему присвоили звание «Заслуженный деятель искусств».

В дни простоев он все равно приходил на киностудию: посидеть у редактора, покурить у окна. Не выступал на худсоветах, не любил и не хотел ранить коллег.

Воспитал одного сына, но не брал его и свою жену в киноэкспедиции. Не хвалил и не ругал фильмы других режиссеров. «Ничего, ничего, смотреть будут».

Во время съемок «Волчьей стаи» у меня родилась дочь, и я, естественно, угостил всех — купил ящик шампанского. Борис Михайлович вышел и ска-

зал, улыбнувшись: «Да здравствует поколение кинематографистов!» Улыбка у него была открытая, добродушная. Он был верен реализму, уважал и строго следовал литературной основе. Говорят, на съемках сериала «Государственная граница», где-то на Кавказе, там, где он когда-то снимал «Альпийскую балладу», серьезно заболел, закончить фильм ему не удалось...

После смерти Бориса Михайловича о нем сняли документальный фильм. Добротный фильм.

Пришло письмо то ли из Москвы, то ли из его родного Оренбурга от однокурсника. Автор письма благодарил создателей фильма за память и уважение к мастеру, который своими картинами, пусть не всеми, но укрепил славу советского белорусского кино.

Русский человек, Борис Степанов полюбил Беларусь, славил в фильмах ее людей. Он был самодостаточным и никогда никому не угождал. В этом, очевидно, и суть русского характера.

Николай КАЛИНИН

Его фильмы хорошо знают и любят дети-подростки и в наше время, хотя фильмам уже сорок лет. Говорят, дольше всех живут сказки и приключенческие фильмы, если они сделаны талантливо. Так случилось и с фильмами «Кортик» и «Бронзовая птица».

Родился Николай Артемович в Гомельской области, закончил Белорусский театрально-художественный институт, второй женой у него была дочь известного театрального художника Чемодурова Наташа, оригинальная актриса.

Он как-то сразу стал кинорежиссером. Без ВГИКа, этой кузницы кинокадров. Его, белоруса, приблизил к себе и пестовал еврей Корш-Саблин, который не только в Гражданскую лихо рубил головы белякам, но и так же лихо начал работать в кино. Снимал фильмы на революционную тематику. Он уже был стар и болен, и молодой, энергичный Николай Калинин помогал ему на съемках фильма «Крушение империи».

Рыжий, с бородкой а-ля Дон Жуан и усиками, с озорной улыбкой, всегда одетый со вкусом, он был любимцем не только Корш-Саблина, но и всей киностудии. Не знаю, чем я ему приглянулся. Может, своей худобой?

— Мечтаешь стать кинорежиссером? — как-то на бегу спросил он у меня.

— Мечтаю...

— Откуда родом?

— Из Полесья.

Может, это его и подкупило. Взял он меня в свою группу «Рудобельская республика» актером окружения.

— Будешь изображать сироту, глухонемого деревенского паренька. Массовку надо разукрашивать разными типами, — говорил он.

Так я неожиданно оказался в роли актера. Поселили меня в Гродно в гостинице вместе с Вацлавом Дворжецким, отцом Владислава Дворжецкого, который в то время пробовался на роль Хлудова в «Беге» по роману Михаила Булгакова. Отец передал мне его фото для нашего актерского отдела, ему было лет шестьдесят, принимал он много разных лекарств и вечерами рассказывал о своей жизни в Киеве, Омске, Нижнем Новгороде. Слушал я его с открытым ртом и еще больше полюбил театр и кино. Мелькнул я на экране в этом фильме несколько раз, да только суть не в этом...

Калинин приблизил меня к ремеслу режиссера.

— Ты не сиди. Видишь, отдыхает актер Кмит. Это не Петька из фильма «Чапаев». Говори с ним, говори... Надо знать все, даже если оно и не пригодится, — подсказывал мне Калинин.

Прошел год, и режиссер снова пригласил меня в свою группу. «Будешь длинноволосым Степкой — деревенским сиротой», — сказал он. Речь шла о фильмах «Кортик» и «Бронзовая птица». Я обрадовался несказанно. Меня выкрасили в яркого блондина.

Пришло время, и я влюбился. Вскоре милая девушка стала моей женой и приехала в Вильнюс на съемочную площадку на несколько дней.

— Моя жена, — похвастался я.

— Зачем ты, такая красивая, так рано пошла за киношника? Мы все баламуты, несерьезные люди, — сказал он шутя, а может, и серьезно.

Он умел серьезное прятать за улыбкой. Я даже обиделся, но ненадолго.

Николай Артемович любил снимать актеров ленинградской школы. К нему охотно приезжали Л. Малиновская, Н. Крюков, Н. Кузьмин, В. Чекмарев — уже звезда после фильма «Угрюм-река», приезжали к нам и дебютанты Э. Виторган и Б. Клюев, красовался Ю. Каморный.

Калинин вечерами всех охотно угощал вином, это была его слабость, которая и сыграла, в конце концов, трагическую роль в его судьбе.

На съемочной площадке ходил в сапогах. Любил на манер царских офицеров стучать веткой как стеком по голенищу.

Обедал отдельно от группы. Вроде и не обедал. Художница по костюмам угощала его кофе из термоса.

Мне платили за съемочный день 13 рублей 50 копеек. Это были неплохие деньги.

Каждый кадр его фильмов очень населен — в основном детьми. Как он с ними работал — секрет. На экране же все натурально и убедительно, очень точно передана атмосфера.

Он души не чаял в художнике Альбицком. Пригласил ленинградского композитора, талантливого саксофониста Пожлакова писать музыку на стихи Окуджавы.

В общем, куда ни глянь — всюду все дышало творчеством. Калинин любил повторять: «В кадре должно все жить: люди, цветы, лошади, птицы, туман, огонь, вода... В жизни ничего на месте не стоит, все в движении. Так и в кадре. Вот разница между театром и кино. Учись...»

Он ценил любознательность и трудолюбие. Иногда я внаглую предлагал ему свой вариант мизансцены. Он улыбался, но не принимал мои предложения. Невозможно было обижаться на его открытую улыбку. У Калинина не было недоброжелателей и завистников. Он был авторитетом. Все режиссеры грешат тщеславием, гордостью, непомерной жаждой славы, они упрямые, ревнивые к чужому успеху, но к нему все были расположены. Может, что-то предчувствовали?..

В монтажном периоде он с друзьями засиделся в ресторане — стал выяснять отношения с милиционерами. По рассказам, его сильно избили. Хотя потом на киностудии пустили слух, что умер он от инфекционного менингита. Ему не было и сорока. Горевала вся студия. Заканчивал картину худрук объединения...

Годы спустя в качестве члена жюри на кинофестиваль «Лістапад» приехал из Луганска известный украинский актер Михаил Голубович, и мы встретились через тридцать пять лет после «Кортика», где он тоже снимался.

— Знаешь, — сказал Михаил, — я очень часто вспоминаю Калинина. Какой был золотой человек, какое было счастливое кинематографическое лето на «Кортике». Классный был режиссер и золотой человек, — повторил он и добавил: — Надежный.

Николай Артемович не дожил до своей славы, умер в 1973 году.

Доброе не забывается, оно остается в памяти навсегда.

Валерий РЫБАРЕВ

За его спиной можно было частенько услышать незлобиво-ироничное слово «сноб». И внешне, и внутренне он был подчеркнуто независим. Эта отстраненность от всех виделась и в его походке. Он ходил ровно, не торопясь, с высоко поднятой головой. Утонченные черты лица, пышная шевелюра, идеальная фигура напоминали французского актера. В нем действительно было что-то от Жерара Филипа.

Вырос Валерий в заводском районе Минска, но не распространялся о своих родителях. У него была цель — стать режиссером, снимать свои фильмы, и он целеустремленно шел к ней. Начал с ассистента режиссера. Его кумирами были Бергман, Бунюэль, Тарковский. Он уважал режиссеров со своим лицом, в чьих фильмах были подтекст и философия. Со стороны могло показаться, что он нелюдим. Часто давал резкие оценки фильмам коллег, воевал за правду в Союзе кинематографистов.

Мы в одно время снимали свои дебютные фильмы в качестве режиссеров-постановщиков. Мне с комедией не повезло. Какие-то невидимые чиновники не пустили меня дальше. Не жалею. Я с головой ушел в литературу. Диплом Рыбарева оценили высоко и тем открыли дорогу к полнометражному фильму. Он сразу же попал в десятку. Снял острый по тем временам фильм о свободной советской молодежи с великолепной работой молодого актера Фомина. Фильм в прокате побил все мыслимые и немыслимые рекорды. Успех был замечен, хотя многие не понимали внутренний бунт молодежи в фильме — против чего?

Теперь Валерий выбирал тему сам и экранизировал роман известного прозаика Вячеслава Адамчика «Чужая бацькаўшчына». Прежнего успеха не было, но получился очень интересный, действительно национальный фильм.

Тот же стиль он использовал и в экранизации повести В. Козько «Судный день», фильм назвали «Свидетель». Он, как и итальянец Пазолини, некоторые роли доверял непрофессиональным актерам, которые под чуткой рукой режиссера великолепно вписывались в общий ансамбль. Его выступления как талантливого режиссера на семинарах, пленумах Союза кинематографистов носили острый характер, он радел за высокую художественность фильмов студии. Хотел вернуться к прозе Адамчика вторично, но что-то не сложилось. Долго искал материал и готовился к съемкам фильма о наших военнопленных в фашистских концлагерях. Тоже не сложилось. Нужен был совместный проект с Германией. Русский человек — он тяготел к России. Вступил в российский Союз кинематографистов.

Он был талантливым кинодокументалистом, но в годы разрухи союзного кинематографа и документальное кино переживало кризис.

Документализмом, бытовым реализмом наполнены все его фильмы. Это был своего рода Э. Золя в кино. Он открыл для кино ленинградскую актрису Копылову, белорусского композитора П. Альхимовича. Я провел с ним одну картину в качестве ассистента на фильме «Домик на Волге». Никогда не слышал от него грубого слова или окрика. Заставляя себя уважать как личность, он видел и уважал личность в другом человеке.

Годы простоя давали о себе знать. По примеру других он открыл свою студию. Вместе мы работали над сценарием нового фильма, но и здесь время финансовых кризисов тормознуло наш проект.

Мой первый роман «Крик на хуторе» хвалил. Но за экранизацию не взялся.

— Эпическое — это не мое, — говорил он.

Все реже появлялся он на киностудии. Новое руководство тех, кто выработал, по их мнению, творческий потенциал, отправило в «свободное плава-

ние»: на пенсию. Ему удалось снять фильм «Прикованный» с Владимиром Гостюхиным. В этой ленте он затронул тему внутренней трагедии человека, утратившего идеалы, духовность.

Он был верен своим друзьям. Снимал с оператором Д. Кучером, человеком язвительным, ироничным, но тонким мастером своего дела. Работал с художником Е. Игнатьевым, не менее самолюбивым человеком. Не исключаю, что ему хотелось возглавить Союз кинематографистов, хотя это было, может, и не его дело. Постепенно студия забывала о нем и о славе его фильмов. Однако они вписаны яркой страницей в общую историю кино.

Он вырастил сына и дочь, дождался внуков. Мог бы и в свои семьдесят стать отличным преподавателем, воспитателем молодых кинематографистов. Многим его планам не дано было осуществиться, да и не только у него одного.

Мы иногда встречаемся с ним в переходе на Площади Победы, именно здесь в одном из домов он проживает, слава Богу, и сейчас. Его глаза загораются неподдельной радостью и вниманием. Я не перестаю его благодарить за первые уроки. Это он, Валерий Павлович, приобщил меня в далеком 1971 году к живописи Брейгеля и Босха, к музыке Вагнера и Верди. В его строгом взгляде что-то искрилось детское: открытость и удивление от тайны мира и человека. Чем он хотел поделиться с нами в своих фильмах. Звание заслуженного деятеля искусств он все же получил уже в зрелом возрасте, но я почему-то вспоминаю его 35-летним, стоящим на высоком берегу Днепра у деревни Переделкино и мечтающим о собственных фильмах. Мечты сбылись.

Валерий РУБИНЧИК

Он родился в известной еврейской семье. Его отец был администратором в оркестре Эдди Рознера, а потом в Русском театре Минска. Пытливый юноша сразу определил свой путь: будет режиссером. Он блестяще закончил ВГИК и ярко дебютировал революционным фильмом «Красный агитатор Трофим Глушков». Очень много времени уделял самообразованию. Его интересовало буквально все.

Мы встретились в библиотеке в отделе редких книг. Я собирал материал на свой первый роман, а он изучал верования и быт древних славян, готовился к съемкам фильма «Могила льва». Буквально через два месяца мы встретились, и он меня спросил:

— Ты не на картине?

— В простое (в простое несколько месяцев платили 30 % от зарплаты).

— Хочешь поработать?

— Не откажусь.

— Давай снимешься у меня в фильме в групповке музыкантом.

Я согласился. Он был, как и я, поклонником творчества итальянского гения Феллини. Его, случалось, и называли с улыбкой «Феллинчик». Он был как бы немного над реализмом, свойственным большинству режиссеров, но укреплял его недосказанностью. По словам оператора Ю. Елхова, который с ним работал, Валерий просил не снимать крупным планом актеров. «Прячь его. Пусть звучит голос». Не боялся браться за темы, которые были открыты другими. Так случилось с одним из самых его талантливых фильмов «Венок сонетов». Вроде знакомая тема: дети и война, но как оригинально он ее воплотил, сосредоточив внимание на тяге подростка к высокому искусству, к природной жажде мира. Этот переходный возраст он великолепно показал и в телевизионном сериале «Последнее лето детства». Пристальное внимание

уделял костюму, гриму, декорациям. Это потом скажется в его самом известном фильме — экранизации романа Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Этот шедевр заставил поволноваться всех режиссеров. Успеху фильма завидовали. Сделан он был на очень высоком профессиональном уровне, имел зрительский успех.

Женился Валерий Давыдович на актрисе Валентине Шендриковой и вскоре переехал на постоянное место жительства в Москву, где со своим другом режиссером С. Соловьевым взял актерский курс во ВГИКе.

Режиссер Русского театра заказал мне пьесу о примирении трех религий: христианской, мусульманской и иудейской. Главного режиссера манила религиозная тема, может, потому, что сам театр находился в бывшем здании Минской синагоги. Я сочинил первые четыре картины будущей пьесы белым стихом. Главный посоветовал прочесть их Рубинчику, которому хотел предложить постановку в театре. Я читал очень вдохновенно. Валерий курил, ходил по кабинету, Борис пил кофе. Потом Рубинчик нервно высказался:

— Не ожидал. Это что-то... был бы женщиной, расцеловал бы тебя!

Договорились, что я завершу пьесу. Однако проект не состоялся, «Дорогу в Иерусалим» так и не поставили в театре: Валерий Давыдович заболел тяжелой болезнью, которая в 2011 году и свела его в могилу.

Слухи о том, как иногда пишет оппозиционная пресса, что Рубинчика в Минске травили, не давали работать, почти вытолкнули в Москву, — провокация и ложь. Он уехал в Москву к семье, там подрастала дочь Дарья, он жаждал всесоюзной славы. А в Минске он снимал то, что хотел, экранизировал «Гамлет Щигровского уезда» И. Тургенева с О. Борисовым в главной роли. Рубинчик любил Е. Евстигнеева, который как всегда блестяще сыграл в его сериале «Последнее лето детства». А в «Гамлете...» он занял любимого артиста в крошечном эпизоде подвыпившего скрипача, но эта роль была как автограф мастера.

Как-то в коридоре на вопрос: «Георгий, как тебе мой новый фильм “Культпоход в театр”?» я возьми да и скажи:

— Не возьмет призов. Средний фильм...

Он страшно обиделся. Потом я сожалел о своих словах.

Через год, в день его рождения, дал телеграмму в Москву, что посмотрел фильм «Отступник» и поздравляю с удачей. Мне надо было вернуть его расположение. В планах киностудии был запуск в производство фильма по моему роману «Савва Дым и его любовницы». Я ждал согласия на постановку Рубинчика. И дождался. Он прислал телеграмму министру культуры, но тот не рискнул поддержать проект. «Зачем нам снимать о Дон Жуане, надо о хороших людях». И все лопнуло.

Рубинчику было под силу многое. Он снял эротический фильм «Лисистрата» по Аристофану, где снимались К. Райкин и О. Кабо, снял по Шекспиру «Фальстафа» с А. Папановым в главной роли. Его манило средневековье, Восток. В своем последнем фильме «Нанкинский пейзаж», многослойной, наполненной символами ленте, Рубинчик еще раз доказал, что он уникальный мастер со своим лицом. Он предчувствовал свой уход. Дрожь пробирает, когда в кадре по набережной везут огромную статую, возможно, Будды, на катафалке.

В его последний день рождения мы с оператором Елховым позвонили в Москву. Поздравили его с днем рождения и сказали, что все сделанное им, особенно «Венок сонетов» и «Дикая охота...», навсегда останутся в истории нашего кино как высокохудожественные явления. Он промолчал, а потом тихим, слабым голосом сказал:

— Ладно, Жора, спасибо за поздравление. Привет Минску...

Не верьте никому, когда говорят, что при социализме не было выдающихся фильмов на «Беларусьфильме». Это ложь! Под маркой ненависти к социализму эти крикуны готовы уничтожить культуру и искусство семидесятых годов. Творчество Валерия Рубинчика подтверждает истину — настоящее искусство вне времени, потому что оно настоящее.

Дмитрий ЗАЙЦЕВ

Безусловно, каждый художник — это свой мир, свое мировоззрение, стиль, приверженность к тем или иным темам. В моих заметках о коллегах по киностудии «Беларусьфильм» в 70—80-х годах прошлого века не исчерпывается весь многогранный характер того или иного режиссера, или подробный анализ их фильмов. Уж не обессудьте.

Дмитрий начинал как оператор. Все же, что бы там ни говорили, а ВГИК — это могучая академия кино. Во всем мире ее уважали. Она воспитала гигантов русского кино и кино республик СССР.

Дмитрий крепко сшит. Мне казалось, что у него бицепсы не оператора, а штангиста. Роста он небольшого, но сложен, как борец. «Оператор должен помимо глаз, чувства кадра, композиции, движения в кадре иметь еще и сильные руки, чтобы камера не дрожала», — говорил он.

Его отец Евгений Зайцев известный художник республики. Вращаясь в этом круге, ему на роду было написано выбрать творческую профессию.

Уже первая большая работа — фильм «Иван Макарович», в котором, кстати, снялась в тринадцатилетнем возрасте в массовке моя будущая жена, принесла создателям мировую известность. Фильм получил приз за виртуозное техническое воплощение идеи на Венецианском фестивале. Дмитрий в Венецию не ездил. Не было моды отпускать творцов в капстраны. Потом с режиссером И. Добролюбовым они не могли поделить: кому приз? Оба были счастливы. Бравировали. Но не в этом суть. Состоялась победа белорусского кино на мировом уровне. В фильме «Рудобельская республика» он срежиссировал встречу бывшего барина с крестьянами через движение в кадре, в котором роль глухонемого паренька играл я. Так я попал на крупный план. Дмитрия я шутливо называл «Димос», а он меня иронично «Марчелло».

По натуре он весельчак, компанейский парень. Мог найти на вокзале случайных бродяг и угощать их пивом или водочкой. Сам мог выпить очень много. Нрав у него удалого парня, иногда грубое слово слышали от него не только ассистенты, но и директор киностудии. Щеголял импозантной внешностью, всегда одевался «с иголочки». Снимал быстро и профессионально. На вопрос режиссера: «Как ты думаешь, а вот если так? Ты сможешь снять?» — отвечал: «А почему нет? В кино все возможно».

Использовал камеру и для подводных съемок. Снимал с дельтаплана, с вертолета. Любил снимать с руки. Вот тут ему мускулы и пригодились. Уважал его операторский талант и терпел дерзкие выходки Виктор Туров, с которым он снял свои лучшие работы «Воскресная ночь» и «Люди на болоте». Отмечен за талант Государственной премией СССР. В то время высокий знак качества.

С трудом, но Дмитрий получил и свою первую работу в качестве режиссера. Приступил к экранизации повести Э. Ожешко «Хам». Он прикоснулся к народной жизни, избежал характерного для многих космополитизма.

Дима страстный любитель путешествий. Укажи пальцем точку на карте и не сомневайся: там побывал Зайцев или в качестве оператора, или в каче-

стве режиссера. От Калининграда до Сахалина. Попробовал себя и в приключенческом жанре. Иногда показывают по ТВ его «Гладиатора по найму» и «Между жизнью и смертью».

Начинались тревожные девяностые годы. Как-то встретились.

— Что нового? Не пробовал предложить свой роман «Цветы провинции»? — спросил он.

— Нет. Говорят, у студии нет денег, — ответил я.

— Еще есть. Давай рискнем. Я буду режиссером. Тем более, я никогда не был в твоем Давид-Городке. Звони.

За неделю я написал сценарий и отнес на киностудию. С трудом, но все же он был утвержден в Министерстве культуры. Запустили в производство в тот год только Добролюбова и Зайцева. Долго мы искали исполнителя главной роли. Дмитрий нашел в Туле актера Славу Титова и утвердил его кандидатуру. (С годами Титов стал актером Театра имени В. Маяковского в Москве. Начал активно сниматься и... трагически погиб: был убит в своей квартире кавказцем.)

А пока все отправились в Давид-Городок на съемки. Едва хватило денег. Экономили на всем, особенно на пленке.

И вот премьера в Доме ветеранов. Пришли коллеги Добролюбов, Пташук, Рубинчик, Ефремов.

Все было гармонично — бережное отношение к литературе, операторская работа В. Спорышкова (через три года он снимет «В августе 44-го»), актерские работы Б. Невзорова, Л. Дурова. М. Петрова, А. Кашперова.

Мы были счастливы как никогда. Ведь признание зрителей — это одно, а признание коллег — совсем иное.

На банкете Рубинчик спросил: «Ты хочешь знать мое мнение?» — «Хочу». — «Очень пронзительный фильм. Белорусский».

Через год мы получили Государственную премию республики. Это был подарок к моему пятидесятилетию и двадцатилетию работы на киностудии.

Дмитрий был полон желания продолжать снимать, но, увы, студию поразило безденежье. Производство фильмов сократилось. Дмитрий начал споры с руководством, из-за чего наш фильм не послали на кинофестиваль. В «Цветах» дебютировал в маленьком эпизоде актер А. Турович, он предложил Зайцеву снять фильм по моей новелле «Письмо Феллини». Сказано — сделано. За две недели фильм был снят. Его повезли на фестивали в Смоленск, Анапу, Москву. Он получал призы. Зайцев гордился, что после просмотра в Анапе председатель жюри известный литовский актер Адомайтис и актер из Москвы Потапов вышли со слезами на глазах: «Тронул ты нашу душу. Забыли, когда плакали в кино». Мы отпраздновали вместе с Посольством Италии в Республике Беларусь премьеру «Письмо Феллини» и передали фильм на родину Феллини в городок Римини.

Зайцева увлекла идея снимать на спонсорские деньги, но эта идея не увлекала самих спонсоров. Прокат был заполнен американской продукцией. О нашем кино забывали.

Дмитрия постигло горе: в Греции убили его единственного сына. Боль не отступила, и он сочинил об этой трагедии сценарий «Стая». Я, будучи главным редактором киностудии, помог ему с запуском. Пробовал и сам продюссировать. Не было партнеров. Что-то предлагали в Москве в качестве оператора, но он уже пережил этот период. В последние годы снял фильм о художнике из-под Бобруйска. Он великолепно освоил компьютер. Сам монтирует отснятый материал, прекрасно осведомлен о новинках мирового кино. Он редко заходит в пустые коридоры родной киностудии, где гремела слава

о его фильмах. Не хочет поддаваться старости. Он мечтает встать к камере и снова произнести это волшебное, магическое слово «мотор». Пожелаем ему удачи. Пока лучшие силы белорусского кино или ушли, или остаются не у дел. Таково время. Им на смену идет молодежь. Пожелаем и ей не уронить честь и достоинство «Партизанфильма», как называли когда-то нашу студию.

Михаил ПТАШУК

Он был под два метра ростом да под сотню килограммов весом. Поддубный белорусского кино, а если точнее — Александр Медведь. С детства, без связей и протекций, привык пробивать себе дорогу в жизнь. Родился в деревне под Ляховичами. Поступил в Щукинское театральное училище в Москве. Работал режиссером в театрах, закончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов на курсе Т. Данелии, взял себе жену-красавицу из Астрахани. Дебютировал на Одесской киностудии и вернулся.

Поначалу он попал под влияние Виктора Турова, но вскоре, как и надлежит талантливому художнику, обрел самостоятельность. Его ориентировали на создание фильмов для детей. Пожалуйста, Михаилу все под силу. Снимает «Лесные качели» с О. Ефремовым в главной роли. Местные киноначальники написали сценарий о комсомольцах Великой Отечественной войны, положив в основу жизнь Первого секретаря ЦК КПБ П. Машерова. На съемки к Пташуку приехали звезды тогдашнего кинематографа П. Веньяминов (уже шумел фильм «Тени исчезают в полдень») и Е. Герасимов, которого открыл Степанов в своем фильме «Облака». Сдюжил Пташук и многосерийный фильм. Его стали уважать не только коллеги, но и начальство. Из молодых он как-то сразу вырос. Взялся за сложную повесть В. Быкова «Знак беды». В ней по сути два героя в кадре. Нужны были сильные актеры, которые умеют держать внимание. И он их после многих проб нашел: Геннадий Гарбук и Нина Русланова. Фильм пользовался успехом на многих международных фестивалях. Немалую роль сыграла и операторская работа Татьяны Логиновой, которая до этого уже сняла «Дикую охоту...». В «Знаке беды» Пташук снял народную драму о крестьянстве, на которое рассчитывал фашизм в борьбе против СССР. Это был гимн духу народному, мужеству и терпению. Сценарист Григорьев предложил ему сатирический сценарий фильма «Наш бронепоезд». Михаил уже знал один из законов успеха фильма — надо брать известных и любимых в народе артистов. Так появились на киностудии Михаил Ульянов, Алексей Петренко, которые и создали с Владимиром Гостюхиным очень сильный состав.

Фильму мешал, если по правде, очень сильно выраженный антисоветизм. Начиналась мода на глумление над историей СССР. В фильме Пташука эта тенденция была не такой злостной. Он в героях нашел понимание ошибок и перегибов, фильм получился многослойным.

Так случилось, что мы небольшой группой первыми или одними из первых смотрели его. Я сказал, что это скорее литература, нежели кино. Он обиделся, но ненадолго. У него была открытая, добрая душа. Как радостно делился со всеми в моменты подготовки к съемкам! Приглашал в кабинет, где на стенах висели фото артистов, архивных материалов, натуры. И говорил, говорил... Он погружался в работу с головой. Загорелись они с А. Дударевым перенести на экран его пьесу «Витовт». Велись переговоры и с польской стороной. Но бюджет фильма оказался неподъемным для государства. Михаил рискнул: вернуться к экранизации «В августе 44-го». В Москве нашелся продюсер — Семаго. Почему рискнул?

Этот сценарий был запущен в производство на «Мосфильме», его режиссером был В. Жалакявичус, который прославился фильмом «Никто не хотел

умирать». Говорят, характер у Владимира Богомолова, автора повести, был не из легких. Фильм не состоялся. Но и у Пташука характер был боевой. Пригласил он Е. Миронова, А. Петренко, В. Галкина, А. Балуева, Б. Тышкевич, к камере встал В. Спорышков — и двинули к славе. Был опьяняющий успех — фильм понравился и военным, и гражданским, его хвалили солдаты и Президент. Это была заслуженная слава, к которой он шел давно. Поступило предложение из США — снимать в Голливуде.

Это были победа и признание. Как-то мне с горечью сказал: «Жора, а ведь в моем фильме свои воюют против своих. Отечественная война высвечивает Гражданскую. Быковская тема». Теперь он искал сценарий с глубоким религиозным смыслом. Его все больше и больше тянуло к Богу. Получая очередной приз, по словам жены Лилии, он ставил его перед иконами со словами: «В твою славу, Господи!»

Трагедия произошла в Москве. Фильм «В августе 44-го» шел на приз коллег «Ника». Михаил был переполнен эмоциями в радостном ожидании. Он купался в славе. Говорят, в тот злосчастный вечер он вел переговоры в гостинице с продюсером из Болгарии. Они опаздывали на церемонию награждения. Автомобиль, которым управляла продюсер, выехал на встречную полосу. Оба погибли на месте. Во время антракта ведущий объявил о трагической смерти Михаила Николаевича. Память его почтили минутой молчания. Господь забрал его в шестьдесят лет, но оставил нам его фильмы.

Игорь ДОБРОЛЮБОВ

Его густой баритон можно было слышать в любой части коридора студии. Он умел бравировать голосом. От этого был еще более импозантен. В нем «сидел» неплохой артист, ведь до поступления во ВГИК он был актером ТЮЗа. Учился у М. Ромма, которого обожествлял и при любом удобном случае напоминал собеседнику о своем знаменитом учителе. Большой портрет Ромма висел и в рабочем кабинете Игоря Михайловича.

Добролюбов был человеком незлобивым и тщеславным в хорошем смысле этого слова. Плох тот режиссер, который не мечтает о большой славе. После успеха фильма «Иван Макарович» он был осторожен в выборе сценариев.

Подрастали два сына. Его жена тоже работала на киностудии в звукоцехе. Гонорары от постановки фильмов уходили быстро, и он соглашался на соцзаказы. Так, снял фильм о первопроходцах-строителях Новополоцкого нефтекомбината. Очень усердно искал современного героя. Один из его фильмов так и назывался — «Счастливый человек». Счастье не покидало Игоря Михайловича и в жизни. Он шел к званию народный артист республики и получил его.

Обижался на слово «ремесленник». «Владеть ремеслом надо. Это входит в профессию. Каждый новый фильм начинается с нуля», — говорил он, блестящий оператор.

У меня с ним дружбы не получилось. Сложились традиционные киношные приятельские отношения. Иногда могли побеседовать в его кабинете о состоянии кинематографа.

— Привет. Что нового пишешь? — уже многие знали, что я занимаюсь литературой.

— Новую пьесу.

— Пьесу на экран переносить тяжело, — резюмировал он.

Начинал я свою службу на киностудии администратором на документальном фильме «Поэма о стекле», посвященном будням стеклозавода «Неман». Нас, кинематографистов, в Березовке любили все, от директора Корзюка до

художника В. Мурахвера, а рабочие дарили нам хрустальные вазы, бокалы, блюда и прочие дефициты. Каждый из нас привез в Минск по два-три ящика сувениров.

Чтобы ближе познакомиться с режиссерами, операторами, войти, как говорят, в доверие, я без сожаления дарил редкие изделия из стекла. Это была зима 1971 года. Добролюбову досталось блюдо из венецианского стекла вишневого цвета. Он с благодарностью принял — и все... Дружбу мне купить не удалось. В моей жизни появился режиссер Калинин, и я больше не переживал, что мэтр не приблизил меня к себе.

Он перенес на экран роман И. Чигринова «Плач перепелки». Это была военная тема. Чтобы его вновь не упрекали в том, что снимает московских артистов, он занял в фильме только артистов белорусских театров и не проиграл. Приобретенное мастерство сказалось. Но чувствовалось, что он был недоволен результатом. Все не удавалось достичь успеха, равного успеху фильма «Иван Макарович».

Набирал известность и художественную высоту молодой драматург А. Дударев, он успешно соединил в сценарии «Белые росы» мотивы некоторых своих пьес и рассказов и предложил сценарий киностудии. Добролюбов уже был опытный режиссер, провел в качестве художественного руководителя фильм «Денискины рассказы», пригласив впервые на киностудию композитора В. Шаинского. Он и взялся за «Белые росы». Очень лирическое название, которое молодой драматург позаимствовал у великого китайского поэта Ду Фу. У него была книга поэзии «Белые росы». Но кто знал китайца? Название несло определенный поэтический смысл и легло на душу всем. Добролюбов пригласил гигантов кино — актеров Б. Новикова, В. Санаева и молодых Н. Караченцова, М. Кокшенова, Г. Гарбука. Приехал поэт-песенник М. Танич. Появился шлягер — песня в прологе фильма — и небывалый, грандиозный успех у зрителя. Как всегда, наши на студии приняли фильм сдержанно. Неужели опытному режиссеру фильмов военной тематики удалась лирическая комедия?! Были большие сборы в прокате. Фильм вместил все: романтизм, любовную драму, печаль об уходящем времени, тоску по уходящему укладу жизни, временами прямолинейно выражая идеи. Фильм стал народным. Его ежегодно раз по десять-пятнадцать стали крутить все каналы телевидения, забывая другие фильмы Добролюбова. А ведь был убедительный фильм об учителях «Расписание на послезавтра» с М. Тереховой в главной роли.

Он стал режиссером одного фильма. Ему хотелось вернуться к теме молодости, и он предложил экранизацию рассказа В. Быкова «Желтый песочек». Почему министерство и киностудия ему отказали? Быков резко ушел в оппозицию к власти, может, и в этом была причина.

Когда я пришел главным редактором на киностудию, мы подняли вопрос о запуске фильмов режиссеров старшего поколения. Звоним Игорю Михайловичу, чтобы забыть старые обиды. Он уже преподавал в частном институте. Почему-то он неохотно шел на контакт. На студии поползли слухи, что у него случился инсульт.

Он еще давал интервью радио «Свобода», сетовал, что студией руководят непрофессионалы, что национальное кино умирает, «а без этого Президент А. Лукашенко не сможет пройти по красной дорожке на кинофестивале в Каннах».

Вскоре новый директор киностудии отправил старшее поколение на пенсию. Запустил в производство фильмы молодых, вяло рассчитывая на успех. Редактура перестала играть хоть какую-нибудь роль. Главную роль стали играть деньги и заказы московских студий, которые и везли сюда день-

ги. Слышали, что Игорь Михайлович болеет. На студии его не видели уже несколько лет. Но что с ним, как у него здоровье, — знали немногие. Проведывал его оператор фильма «Иван Макарович» Д. Зайцев. Все еще хорошо помнили человечность Игоря Михайловича. Именно он, когда уже почти не снимали в Москве великолепного актера, звезду 50-х годов Николая Рыбникова, пригласил его на роль в фильме «Потому что люблю». Именно этот девиз подходит к его творчеству. Почему брался за тот или другой фильм? Он бы ответил: «Потому что люблю человека, родину, добро».

В 1994 году он снял по сценарию И. Шамякина грустный фильм о приближающейся духовной катастрофе, а до этого, в надежде повторить успех «Белых рос», снова обратился к драматургии А. Дударева, снял фильм «Осенние сны» с Г. Макаровой в главной роли. Был легкий перебор, угнетали на экране старость и дыхание смерти. На сцене пьеса «Вечер» более оптимистична. Былого успеха не было.

Тяжелая болезнь приковала Игоря Михайловича к постели. Похоронили его на Московском кладбище рядом с теми, кого он снимал в своих фильмах. Был ли он счастлив в профессии? Несомненно, был. Включите телевизор. Уверен, и сегодня в программе «Белые росы».

Вячеслав НИКИФОРОВ

Русский человек, он всю жизнь тяготеет к русской культуре и русскому кинематографу. Он дождался своего звездного часа: награжден Государственной премией СССР за экранизацию знаковых повестей А. Пушкина «Дубровский» и И. Тургенева «Отцы и дети». Но это случилось уже в 80-е годы, а пришел он на киностудию «Беларусьфильм» в 1968 году снимать свой диплом «Берег принцессы Люськи».

Дружил он с оператором Э. Садриевым и директором съемочной группы А. Шкадаревичем — они жили в уютном одноэтажном общежитии киностудии. Он был старше меня на три-четыре года, поэтому мы общались на равных. Всегда были рады встрече, живо интересовались новинками, сопереживали неудачам. Он шел ровно, не претендовал на особое к себе внимание. Ведь на студии в высшем эшелоне работали почти все вгиковцы. Надо было выдерживать конкуренцию. Он умел отстаивать идеи своих фильмов. Был упрям и очень упрям, когда дело касалось утверждения на главную роль в его фильмах народного артиста СССР актера театра имени В. Маяковского в Москве Владимира Самойлова. Он способен был, грубо говоря, глаза выцарапать критикам, которые были против утверждения его любимца. Выдающийся русский артист всегда находил «форточку» в своем плотном графике и приезжал на родной «Беларусьфильм» к Никифорову. У других режиссеров он и не снимался.

Самойлов часто спасал средний литературный материал. Прокатчики знали цену звездам. Помню, в моем глухом полесском Давид-Городке, если мы видели на афише фамилии исполнителей ролей — С. Филиппов, Л. Быков, В. Тихонов, М. Пуговкин, — зал был полон.

Никифорову с Самойловым везло. Это был сильный творческий дуэт. Он и сценарий выбирал под своего любимца. Даже средний фильм «Обочина» смотрелся, а уж блестящие экранизации произведений Пушкина и Тургенева лучшее, что создал Самойлов на экране.

Режиссерскую манеру Никифорова не все артисты воспринимали. Дело в том, что он очень скрупулезно относился к разработке образа героя. Некоторых утомляла его «говорильня», но таков был стиль его работы: неторопливый, вдумчивый, но потом был и неплохой результат на экране.

Как-то мы объединили наши планы, и он решил снять фильм по моей новелле «Письмо Феллини». Я добросовестно написал сценарий — этот же сценарий, кстати, потом поставил Д. Зайцев. Никифоров со свойственной ему вдумчивостью начал фантазировать на тему сценария, пригласил в соавторы друга-мультипликатора, и они «накуролесили» новый сценарий. Я воспротивился, проявив свой, в общем мягкий, характер. Фильм не состоялся. Слава посмотрел его на фестивале в Смоленске через два года и сказал мне: «Жаль, я бы снял лучше».

В этом похожи все режиссеры. Они все примеряют на себя.

Во время «безкартинья» ему руку помощи протянула Москва, и он стал снимать кино в России, выполняя заказы продюсеров. На белорусской студии все с тем же В. Самойловым он снял странный фильм в духе Феллини и Бергмана «Душа моя, Мария». Фильм касался чернобыльской темы, к которой он уже обращался один раз, но в этом все было по-другому. С огромным философским подтекстом. Однако эту его удачу не заметили.

Терялся интерес к нашему кино. Его друг В. Самойлов умер в 75 лет. Тяжело переживал Вячеслав утрату дорогого человека. Какая-то тревога появилась у него в глазах. Он долго жил в Москве, супруга оставалась здесь. Были и бытовые неурядицы, однако в Москве он мог реализовать себя как режиссер.

Я как-то попытался установить с ним контакт, предлагал новый сценарий. Он настороженно отвечал: «Деньги. Ищи деньги. А говорить впустую нет смысла».

Советское кино ушло, пришли сериалы. Монтировал он фильмы медленно. Любил уединение. Редко показывал первый вариант коллегам. Умер его друг оператор Э. Садриев. От тоски спасала Москва с заказами. Не все его московские фильмы доходили до наших экранов. Один с актрисой Толстогановой запомнился. Видна была крепкая рука режиссера. Правда, он был перенасыщен песнями времен Великой Отечественной войны, которые постоянно звучали за кадром.

Предан ему был беззаветно театральный режиссер и драматург Николай Манохин. Благословил Вячеслав Александрович в большое кино молодых М. Ефремова и М. Зудину. Почти все композиторы его фильмов были из России, хотя могу ошибиться... К одному его детскому фильму очень теплую и мелодичную песню сочинил наш композитор Валерий Иванов, который дебютировал в кино как раз в моем дипломе в 1978 году. Песня часто звучит по радио. Получить Государственную премию СССР — все равно что покорить Эверест. Никифоров мог претендовать и на звание народного артиста республики. Проводил большую работу в Союзе кинематографистов, опекал молодых. Студию «Беларусьфильм» разрывали на части. Ничего он себе не приватизировал — ни стула, ни костюма, ни камеры.

Как-то очень незаметно прошло его 70-летие. Ни одна газета, ни один телевизионный канал нашей республики не уделили этому талантливому режиссеру и его юбилею внимания. Так, увы, мы умеем ценить свои таланты. А жаль. Никифоров выдающийся мастер режиссуры, он прославил наш кинематограф не меньше, чем иные народные.

Виктор ТУРОВ

Это была очень противоречивая натура с глубокими перепадами настроения. Во время Великой Отечественной войны он вместе с матерью был вывезен в Германию, и военная тема долго не отпускала его. Поступил во ВГИК в 17 лет — это был очень редкий случай для института. Любовь к родной

земле, к родине сквозила во всех его многочисленных фильмах. Туров был верен традиционному реалистическому кино. Он первым открыл для нас не только актера, но и поэта-исполнителя В. Высоцкого. Даже если Владимир Семенович не снимался в его фильмах, звучали его песни. Это было и в фильмах «Война под крышами», «Сыновья уходят в бой», и в фильме с армейской тематикой «Точка отсчета».

Он активно снимал и в 70-е годы, и в 80-е годы. Жажда творчества заставляли его ставить по фильму в год. Его ленты отличались пристальным вниманием к человеку и общественно значимым проблемам, хотя и грешили длиннотами. Ему хотелось выговориться, потому он частенько переснимал отдельные эпизоды. Как-то ухитрялся при этом укладываться в смету расходов. В фильме «Время ее сыновей» блистали Н. Гриценко и А. Лазарев, в «Людях на болоте» — Б. Невзоров и Е. Борзова, в «Воскресной ночи» — Л. Зайцева, Е. Лебедев, В. Тарасов. Любил снимать Ю. Горобца. Очень ревниво относился к успеху коллег, хотя худруку киностудии это и не к лицу. Но не мстил и не тормозил их новые запуски. Иногда бросался вдогонку. Была одно время мода на И. Тургенева. Казалось, каждый режиссер должен снять какое-то произведение русского классика.

Туров доказал, что он не хуже, а может, и лучше может переносить на экран прозу писателя. Так появилась лента «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» с великолепной работой оператора Э. Садриева. Его длинные панорамы, эпизоды, снятые в движении с внутрикадровым монтажом, достойны восхищения, великолепной была и одна из последних работ литовского актера из театра Паневежиса Б. Бабкаускаса. В. Туров вырос в очень значительную фигуру. Его ценили и уважали и в Минске, и в Москве, избрали у нас первым секретарем Союза кинематографистов.

Туров был ко всем внимателен. В хитром прищуре его глаз виден был человек наблюдательный и демократичный. Для прохождения практики после учебы на Высших курсах режиссеров и сценаристов я напросился в его съемочную группу фильма «Воскресная ночь» по сценарию начальника управления культуры, науки, образования ЦК КПБ А. Петрашкевича, с которым я уже поддерживал дружеские отношения, ведь мы оба дебютировали в драматургии и хорошо знали первые пьесы друг друга. Это несколько удивило В. Турова. Он стал присматриваться ко мне и неожиданно предложил поехать с ним в Ригу на премьеру «Воскресной ночи». Однако в Риге его ждал полусонный прием. Дидактика фильма снижала его художественные достоинства. Проблема пьянства, поднятая в фильме, считалась медицинской проблемой, но на мини-банкете режиссера встретили более радушно: мы ведь привезли к их бальзаму несколько бутылок нашей «Зубровки».

В. Туров настороженно относился к творчеству коллег, в частности — В. Никифорова и В. Рыбарева. Их фильмы были не похожи на его фильмы. Наверно, это его волновало. Но был неожиданный случай. На легком подпитии, когда мы с Рыбаревым в его кабинете продолжали обсуждение только что закончившегося просмотра фильма «Чужая бацькаўшчына», вошел Туров. Час назад он ерзал в просмотровом зале и явно был неудовлетворен тем, что видел на экране.

— А знаешь, Валерий... я подумал, грустно все же, что ты показал на экране. Какая-то Беларусь убогая. Но не кромсай, как тебе советовали, оставь все, как видишь. Пусть решает зритель. У каждого свое кино.

Рыбарева это даже растрогало. Туров пожал ему руку и вышел.

Туров был лирик, и это качество выручало его — особенно в фильме «Люди на болоте», который был отмечен призами и за который он полу-

чил Государственную премию СССР. Как-то на фестивале в Карловых Варах один из членов жюри изрек: «Какой виртуозный эротизм в фильме». Он имел в виду лирические сцены Ганны и Василя в исполнении Е. Борзовой и Ю. Козючица.

Туров избегал пошлости в своих фильмах, надо отдать ему должное. Он поддержал мое желание заняться режиссурой, хотя и не любил комедию. Тогда я попросил его прочесть мой первый роман «Крик на хуторе».

— Тяжело читать по-белорусски, забыл язык, — ответил он. — Выйдет на русском — прочту...

Я ему подсказал идею экранизировать «Людей на болоте».

Словно чувствуя некую вину передо мною, он постоянно привлекал меня к общественной деятельности Союза кинематографистов. То едем на пленум кинодеятелей в Москву, то организуем семинар в комплексе «Юность». Я привозил туда в качестве руководителей В. Меньшова и В. Мережко, а также фильмы для закрытых просмотров. Однако, видя бесперспективность своей дальнейшей работы в кино, я ушел с киностудии помощником министра культуры Е. Войтовича. Как-то нам в министерство пришло письмо из Франции. «Какой фильм Беларуси могло бы предложить министерство для включения в список 100 лучших фильмов мира?»

Мы, посоветовавшись с сотрудниками, склонились к фильму В. Турова «Я родом из детства», но критики уговорили министра внести в список «Через кладбище». Так мир узнал, что и у нас есть что показать.

В. Туров продолжал снимать и в 90-е годы. Был у него совместный проект с польскими кинематографистами. Рискнул снять фильм-фэнтези по новеллам писателя XIX века Я. Барщевского «Шляхтич Завальня» и впервые пригласил на главную роль В. Гостюхина, а также звезду мирового уровня Д. Баниониса. Чего-то фильму не хватило. Может, сказалась усталость режиссера от кино вообще, а может, сказывалась болезнь, которая подкрадывалась коварно и незаметно. Ему сделали операцию в онкологическом центре в Боровлянах. В этом фильме появилась тоска... Он снимал, очевидно, по инерции. Выписался из больницы быстро, не любил болеть. Любил вечерами расписать с артистами в гостинице пульку в преферанс. Любил с хорошими друзьями пропустить рюмку-другую спиртного. Любил порыбачить. Любил женщин. Мой друг администратор студии М. Янковский както рассказал мне и о своей встрече с режиссером. Служил тогда Янковский вахтером в Доме ветеранов. Приходит неожиданно Туров. Увидел знакомое кинематографическое лицо.

— Миша, ты здесь работаешь?

— Да, Тимофеевич, — ответил Янковский.

— Найди стакан, выпьем.

Михаила долго просить не надо. Выпили. И вдруг Туров сказал:

— А знаешь, я завтра умру. Я пришел сюда из лечкомиссии. Прогулялся. Последний раз выпил с кинематографистом...

И действительно, на следующий день умер.

По случайности судьба еще раз напомнила о нашем былом. В 1997 году из рук Президента мы, режиссер Д. Зайцев, оператор В. Спорышков, актер В. Титов и я, автор сценария, получили Государственную премию за фильм «Цветы провинции». Вдова В. Турова получила такую же премию «За вклад в белорусское кино» Виктора Тимофеевича Турова.

В октябре 1996 года ему исполнилось 60 лет, а награждали нас в начале девяносто седьмого года. Он не обижался на судьбу. Снимал то, что хотел снимать. Был народным артистом республики, его ценили, ему доверяли во

времена расцвета советского кино. Тогда же у его жены я спросил: «Каковы были последние слова Виктора Тимофеевича?» Ответ ее поразил. Вот его слова: «Господи, дай мне силы перейти эту грань между жизнью и смертью. Не оставь меня».

Это была сильная личность. И в его фильмах присутствует достоинство человека и его мужество в отстаивании правды и человечности.

Вместо заключения

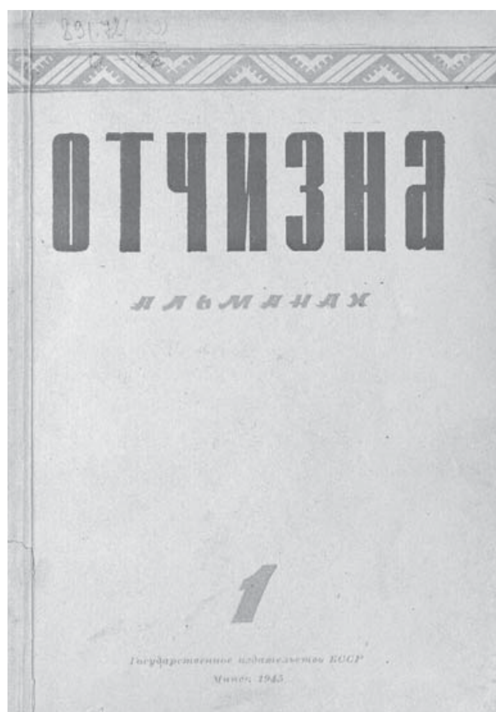
В кино пришли новые имена. Их интересуют новые, современные темы. Им нелегко, может, еще тяжелее, чем тем творцам, о которых я рассказал. При социализме был плановый запуск фильмов, и каждый надеялся, что через год-два он обязательно снимет свой фильм. Наша кинематографическая молодость, пришедшаяся на время расцвета мирового и белорусского кино, ушла безвозвратно. Такова власть всесильного времени, но не хочется думать, что ушли в небытие и имена создателей лучших фильмов национальной киностудии, которые как раз и запечатлели то время на пленке. Я в своих заметках вспоминал тех, кого хорошо знал и кто в той или иной степени повлиял и на мою судьбу. Но ведь творили рядом и другие художники, такие как Л. Мартынюк, В. Четвериков, Ю. Марухин, Л. Нечаев, С. Сычев, А. Ефремов, В. Пономарев. Не сомневаюсь, что кто-то и о них скажет доброе слово, которого они, без сомнения, заслуживают.

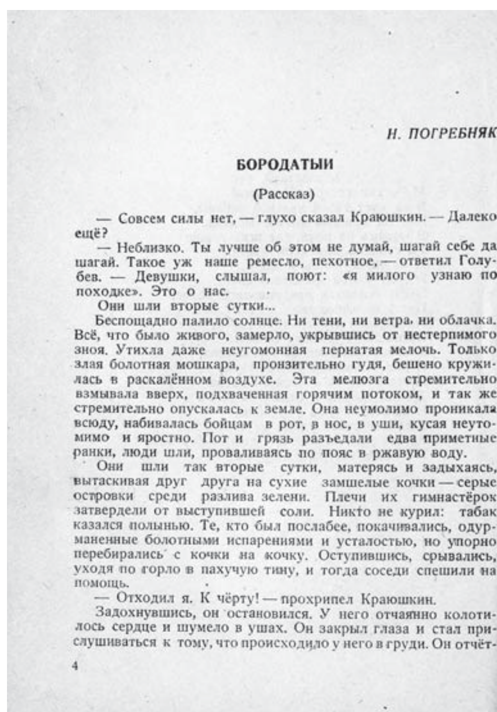
2015 год

Перевод с белорусского Ирины КОЧЕТКОВОЙ.

«Нёману» — 70!

Н. ПОГРЕБНЯК

БОРОДАТЫИ

(Рассказ)

— Совсем силы нет, — глухо сказал Краюшкин. — Далеко ещё?

— Неблизко. Ты лучше об этом не думай, шагай себе да шагай. Такое уж наше ремесло, пехотное, — ответил Голубев. — Девушки, слышал, поют: «я милого узнаю по походке». Это о нас.

Они шли вторые сутки...

Беспощадно палило солнце. Ни тени, ни ветра, ни облачка. Всё, что было живого, замерло, укрывшись от нестерпимого зноя. Утихла даже неугомонная пернатая мелочь. Только злая болотная мошкара, пронзительно гудя, бешено кружилась в раскалённом воздухе. Эта мелюзга стремительно взмывала вверх, подхваченная горячим потоком, и так же стремительно опускалась к земле. Она неумолимо проникала всюду, набивалась бойцам в рот, в нос, в уши, кусая неутомимо и яростно. Пот и грязь разъедали едва приметные ранки, люди шли, проваливаясь по пояс в ржавую воду.

Они шли так вторые сутки, матерясь и задыхаясь, вытаскивая друг друга на сухие замшелые кочки — серые островки среди разлива зелени. Плечи их гимнастёрок затвердели от выступившей соли. Никто не курил: табак казался полынью. Те, кто был послабее, покачивались, одурманенные болотными испарениями и усталостью, но упорно перебирались с кочки на кочку. Оступившись, срывались, уходя по горло в пахучую тину, и тогда соседи спешили на помощь.

— Отходил я. К чёрту! — прохрипел Краюшкин.

Задохнувшись, он остановился. У него отчаянно колотилось сердце и шумело в ушах. Он закрыл глаза и стал прислушиваться к тому, что происходило у него в груди. Он отчёт-

4

«...Они шли вторые сутки...

Беспощадно палило солнце. Ни тени, ни ветра, ни облачка. Все, что было живого, замерло, укрывшись от нестерпимого зноя. Утихла даже неугомонная пернатая мелочь. Только злая болотная мошкара, пронзительно гудя, бешено кружилась в раскаленном воздухе. Эта мелюзга стремительно взмывала вверх, подхваченная горячим потоком, и так же стремительно опускалась к земле. Она неумолимо проникала всюду, набивалась бойцам в рот, в нос, в уши, кусая неутомимо и яростно. Пот и грязь разъедали едва приметные ранки, люди шли, проваливаясь по пояс в ржавую воду.

Они шли так вторые сутки, матерясь и задыхаясь, вытаскивая друг друга на сухие замшелые кочки — серые островки среди разлива зелени. Плечи их гимнастерок затвердели от выступившей соли. Никто не курил: табак казался полынью. Те, кто был послабее, покачивались, одурманенные болотными испарениями и усталостью, но упорно перебирались с кочки на кочку. Оступившись, срывались, уходя по горло в пахучую тину, и тогда соседи спешили на помощь...»

Н. ПОГРЕБНЯК. Бородатый.
Альманах «Отчизна», № 1, 1945 г.

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

Окунуться в бездонную жизнь с головой

* * *

О Беларусь! В зеленой роще
цветком шиповника цветешь!
Под вихрем злым не пропадешь ты,
чернобылем не зарастешь.

Твоими стану лепестками,
шипами сердце уколю.
Твой ясный взгляд — с оттенком стали —
я с восхищением ловлю.

Нет, никогда ветрам-пронырам
девичьих кос не расплетать.
Стремишься ты в Коммуну Мира,
чтоб радость всюду утверждать.

И на пути к победе общей
ты силу духа обретешь.
О Беларусь! В зеленой роще
цветком шиповника цветешь!

* * *

Знаю, что и я умру, как и все,
не возьму ни полушки с собою в небыль.
Тем сильней люблю весь широкий свет
Да и это вот пестрое — небо.

Окунуться в бездонную жизнь с головой,
боль изведать и радости шалость,
слушать ветра с волной разговор зоревой —
это счастье! Пусть самая малость...

Не исправить того, что уже пережил,
а с течением справиться можно.
На пути если кто и залом заломил,
остановка никак невозможна.

Осыпай свои краски, осенний букет,
что пленял меня прелестью гордой.
Очарован я был (может, зря, может, нет)
тихим шепотом жизни аккордов...

* * *

Утро в золото дня наряжается!
Раскрасавица осень чудна.
Солнце в пуще глубокой купается
и никак не достанет до дна.

По округе листва, как метелица,
словно бабочек рыжих пурга.
То взовьется она, то расстелется,
То разветрится по берегам.

А они, берега бережистые,
не удержат осенний напев.
Рвется, льется мелодией чистой он,
по верхушкам дерев прошумев.

Обними напоследок, как милую,
этот солнечный день золотой,
что и пущу, и пожню унылую
осыпал золотою листвой.

Осыпал, не скупясь, прихорашивал,
понимая, что скоро уйдет.
Расставанья минута горчайшая,
может статься, и сердце сожжет.

Не страдай, не горюй — мне под ношами
не идти, счастья в них не искать.
Из-за топи мигает дорожкою
в бликах солнечных пестрая гать.

Не горюй! Ты напрасно заплакала:
я приду к тебе вновь, я вернусь.
Не бывает судьба одинаковой,
как у листьев осенняя грусть.

Утро в золото дня наряжается!
Распрекрасная сказка — прощай!
Уже солнце за пущу скрывается,
и багрянцем горит небокрай.

Думы

Думы мои — телеграммы без адреса,
Может, от грусти, а может, от радости.

С этими встреча, а с теми прощание,
Поздний ли вечер, утро ли раннее?

Словом негромким и словом невыспренним
Так понемножку и молодость выплесну.

Все увядает, увянет и молодость,
Вот и тревога послышалась в голосе.

Тешит одно, что напрасно не сгину я —
Честной по жизни шагаю тропинкою.

С братом — по-братски, по- вражески — с ворогом,
Милый мой друг! — мне всегда это дорого.

Надо — с отдачей тружусь беззаветно я,
Мысли в делах устремляются к светлому.

Вихрь свирепеет над нашею тропкою,
Мы перед ним не окажемся робкими.

Милая девушка льнет ко мне ласково,
Милая девушка кажется сказкою.

Губы к губам прикасаются вечером...
Как же ты, сердце девичье, доверчиво!

Словом негромким и словом невыспренним
Славлю я жизнь с ее яркими искрами.

Думы мои — телеграммы без адреса,
Много в них грусти, но все ж больше радости.

* * *

Так утвердилось в поколеньях:
для правды в жизни нет забвенья.

Ведь даже зернышко любое
всегда хранит в себе былое.

Куда б его ни заносило,
жива неведомая сила:

взойдет зерно ростком зеленым,
умножившись на миллионы.

* * *

Дорогая... любимая... золотая...
Может, слышишь, как мне нелегко?
Или косы твои расплетают
где-то там, далеко-далеко...

Мое сердце дрожит под рукою,
но на сердце я зла не держу.
Днем и ночью не знаю покоя,
а кому я об этом скажу?

Пометавшись меж тьмою и светом,
я глаза закрываю, устав.
Ты безмолвным мелькнешь силуэтом,
немотой запечатав уста.

Как листва в сентябре хороводит,
мои мысли кружат в пустоте.
Только тени унылые бродят
и угрюмо крадутся вдоль стен.

Ухмыляются слева и справа,
своей злобы ко мне не тая.
Чем мы, милая, им не по нраву,
что пророчат они — «не твоя»?

Золотая... любимая... дорогая...
Пусть сгорю и в аду пропаду,
но одно я доподлинно знаю,
что иду я к тебе и приду.

* * *

Настоен мой век на рябине,
на горькой судьбине — полыни.
Шипами шиповника злыми
исколото сердце отныне.

Но все эти жалобы смолкнут,
развеются, как не бывало.
Не хочет Владимир Дубовка
у хора ходить в подпевалах.

Я начал — закончат другие,
пути — мое личное дело.
А если погибну, пусть гимном
меня отпевают метели.

* * *

Знаешь прекрасно: ты очень красивая,
губы пылают, багрянцем окрашены.
Жизнь мою очи твои осчастливили,
обволокли белоснежною пряжею.

Встреча с тобой обернулась прощанием.
Что ж, будет грустная песня, минорная.
Нашей любви не нужны обещания,
Лишние слезы и вздохи притворные.

Милая-милая, самая-самая,
счастья тебе пожелаю под небом я.
Звездочкой-зничкой исчезнешь из памяти,
словно тебя в моей жизни и не было.

Волнами в море все схлынуло, сгинуло,
бури сердечные утихомирились.
Будто мальчишку в объятьях дельфиновых,
нас Рафаэль с тобой нафантазировал.

* * *

И золко, и колко, и скользкий песок,
и ветер по-волчьему воет.
Насупился тучей земной потолок,
угрюмой набряк синевою.

Отчаянья клочья — лохматой лозой,
на сердце — печалей завалы.
А ветер бросается, словно прибой,
на их неприступные скалы.

Тревожные мысли всю ночь напролет
враждебную темень сгущают.
Но к цели упорство ведет и ведет,
счастливые дни обещая.

Перевод с белорусского Кастуся СЕВЕРИНЦА.

ЖОРЖ СИМЕНОН

Человек по кличке Мышь[1]

Роман

Глава шестая

Два удара, обрушившихся на инспектора Логно

Настроение у Логно было хуже некуда. Утром жена снова упрекнула его:

— Сам виноват! Вечно лезешь туда, куда тебя не просят. Все таскаешь каштаны из огня для других! А сам получаешь только по голове!

Была уже полночь, когда он, наконец, отправился домой, даже не подозревая о том, какие еще удары его ждут впереди. Причем один из них не фигуральный, а вполне даже осязаемый.

Первый удар, от которого у него сразу же пропало всякое настроение, — это грубейшая ошибка, допущенная в отношении бродяги. Конечно, сказалась усталость. Ведь он целый день протаскался за стариком по такой жаре. И вот нате вам, пожалуйста! Он забыл его обыскать! А ведь все последние дни, стоило тому заявиться в участок, и его обыскивали самым тщательным образом. Как о том и просил коллег инспектор.

Но сегодня вечером, случайно столкнувшись с бродягой на террасе ресторана Фуке, куда инспектор приходил уже второй вечер подряд, он начисто забыл о том, что надо проверить содержимое карманов бродяги, и Мышь улизнул от него без всякого обыска. Непростительная оплошность! Видно, и в самом деле от жары плавятся даже мозги. Бдительность утрачена почти полностью, и старик вертит им как хочет.

Потому что он сразу же завел свою старую песенку:

— Послушайте, инспектор! Если вы так ко мне привязались, что просто жить без меня не можете, то предлагаю заранее планировать наш совместный досуг. Вот сейчас, к примеру, у меня есть желание махнуть в киношку. Как смотрите? Потом вы лично доставите меня в участок, сдадите с рук на руки и отправитесь со спокойной совестью домой.

Логно принял предложение и три часа проторчал в кинотеатре, сидя бок о бок с бродягой, сто раз касаясь телом его кармана, в котором лежала злополучная американская газетенка. Знай он это, то легко бы вычислил, что Мышь явился к ресторану Фуке вовсе не клянчить милостыню, а с одной-единственной целью — встретиться с авторами объявления. Но потом вдруг передумал или заподозрил, что...

Как бы то ни было, а в участке Логно перепоручил Мышь заботам молодого коллеги, начисто забыв напомнить тому о том, что старика следует тщательно

[1] Окончание. Начало в № 10 за 2015 г.

обыскать, после чего заторопился домой. Время было уже за полночь, транспорт ходил плохо. Пришлось ехать с пересадками. Логно сел на первый же подвернувшийся автобус, который довез его до площади Клиши, а оттуда, чтобы не терять времени даром на ожидание еще одного автобуса, решил идти пешком.

Он плохо помнил, как все случилось, ибо всю дорогу усиленно размышлял о том, почему вот уже второй вечер подряд никто не откликнулся на его пароль. Анонимный объявитель так и не вышел на связь. Или он вычислил в нем полицейского? Мимо проехала машина и остановилась в нескольких ярдах от него. Из машины на тротуар вышел человек и быстро пошел навстречу, якобы случайно столкнувшись с ним в темноте. Но вместо того чтобы извиниться и поднять шляпу, которая свалилась с головы Логно, незнакомец, дождавшись, пока инспектор согнется за шляпой сам, с силой ударил его по голове резиновой дубинкой. Инспектор потерял сознание.

Его обнаружил полицейский патруль. Они же вызвали «скорую помощь». Инспектор очнулся уже на больничной койке. Ужасно болела голова, но все кости, слава богу, были целы, и он тут же запросился домой.

Полусонная жена вышла на шум в одной ночной сорочке и папильотках, но увидев двух полицейских, помогавших ему идти, вначале растерялась, а потом страшно испугалась. Она непонимающе уставилась на стол, на котором были выставлены парадные фужеры. Видно, муж пытался угостить своих коллег бокалом кальвадоса, но едва его усадили на стул, как он снова лишился чувств.

— Я всегда знала, что этим кончится! — воскликнула женщина, когда полицейские рассказали ей о случившемся.

Тут же снова послали за врачом, ибо у инспектора начался жар. Поскольку в квартире была только одна спальня, то сына тоже пришлось разбудить и заново уложить в гостиной. Словом, остаток ночи все трое провели без сна, и мадам Логно даже не рискнула после всех треволнений отправить сынишку в школу.

По словам врача, больному потребуется как минимум неделя, чтобы оправиться от полученной травмы. В десять часов утра раненого посетил старший инспектор местного отделения полиции, и парадные фужеры уже во второй раз в течение суток были извлечены из серванта и выставлены на стол.

Мышь между тем все утро ломал голову, куда опять запропастился противный Зануда, снова бросив его на произвол судьбы. Правда, по его следу пустили какого-то молодого парня, видно, из новеньких, но этого юнца он обставит в два счета.

Этим же самым утром в аэропорту Ле Бурже приземлился самолет, доставивший в Париж господина, который являл собой точную копию Мартина Остина. Единственное отличие состояло в том, что волосы господина Гаде (такова была фамилия прибывшего) были не седыми, а огненно-рыжими. Во всем же остальном никаких отличий. Те же дорогие сигары, то же непроницаемое выражение лица и тот же откровенно презрительный взгляд, обращенный на людей, мельтешащих вокруг.

Месье Гаде, управляющий директор компании СМБ, тоже проявил завидную осторожность и не доверил никому нести свой кожаный дипломат. Он уселся в такси и велел шоферу везти его в отель «Лувр». Между прочим, туда уже дважды звонили и спрашивали его к телефону. Один звонок был из Бельгии, второй — из Швейцарии.

— Пришлите мне в номер парикмахера, — распорядился месье Гаде, входя в гостиничный лифт. После того как волосы клиента, полыхавшие

огнем, словно вечерний закат, были приведены в порядок, а краснокожая физиономия тщательно выбрита, он связался по телефону с Мартином Остином, чей номер находился на этом же этаже. А вскоре состоялась и личная встреча, разумеется, за закрытыми дверями гостиной, куда оба джентльмена прибыли каждый со своим кейсом в руках. Телефон на стойке администратора трезвонил не умолкая. Все время спрашивали то месье Гаде, то месье Остина. И оба были пока недоступны.

Старший инспектор Люка, служивший в годы войны в военной разведке, не раз посещал Швейцарию со спецзаданиями и успел обзавестись приятелями в тамошней полиции, одному из которых и принялся сейчас названивать.

В отличие от Логно, Люка пока не видел ничего таинственного в исчезновении финансиста. Сказать по правде, другие дела казались ему на тот момент гораздо более важными. Взять хотя бы тело мальчика, которое обнаружили на окраинах Парижа. Убийство ребенка моментально всколыхнуло общественность, и толпы журналистов с новой силой принялись осаждать двери его кабинета.

Делом же Эдгара Лоёма инспектор продолжал заниматься скорее по инерции, исключительно в силу своей обязательности. Начальство дало указание негласно собирать материалы по делу, вот он и собирал их, используя все источники и связи. Мало ли какой оборот может принять эта запутанная история. А вдруг в один прекрасный день тело пропавшего финансиста будет все же найдено?

После разговора со швейцарским коллегой досье пополнилось новым отчетом, который тут же, по горячим следам, набросал Люка.

Представители семейства Лоёмов руководят компанией СМБ на протяжении трех поколений. В Швейцарии многие называют семью «династией Лоёмов», причем без всякого осуждения или иронии. Дедушка Эдгара Лоёма был необыкновенно яркой личностью: либерал по своим экономическим взглядам и бескомпромиссный пуританин в том, что касается личной жизни. Его сын, отец нынешнего главы компании, во всем копировал отца. Он даже умудрился одеваться в начале XX века по моде, которая была в ходу лет сорок тому назад. Все его костюмы были почти точной копией гардероба старика Лоёма. Сам Эдгар Лоём не рассматривался в роли наследника семейного дела, так как у него был старший брат, который и должен был стать во главе Базельской группы в положенный срок. К несчастью, молодой человек был заядлым альпинистом и погиб в горах во время одного из восхождений. В финансовых кругах Эдгара Лоёма не считают непререкаемым авторитетом. Но он, более или менее успешно, продолжает семейную традицию, опираясь на помощь и поддержку одиннадцати других членов правления. Все они тоже являются выходцами из известных финансовых династий, представители которых входили в состав руководства СМБ на протяжении нескольких поколений. О личной жизни Эдгара Лоёма в Швейцарии известно мало. Одно время ходили упорные слухи, что он собирается жениться на вдове своего брата, но слухи так и остались слухами.

В это же самое время оба господина, прибывшие в Париж из Базеля, уже успели переместиться в отель Кастильоне, где, запершись в номере Лоёма, стали методично изучать содержимое его сейфов. Каждый листок бумаги внимательно прочитывался, изредка делались какие-то пометки в блокнотах, иногда какой-нибудь особо важный документ переходил из рук в руки, молчаливый взгляд и кивок головы, свидетельствующий о том, что информация принята к сведению, и работа возобновлялась.

К обеду неизученным оставалось лишь содержимое небольшого секретера, стоявшего в кабинете Лоёма. Правда, Мюллер тут же предупредил начальство:

— Здесь он хранит только свою коллекцию марок.

Но господа Остин и Гаде холодно проигнорировали реплику молодого человека, будто его и нет вовсе, и лично пролистали два альбома с марками и просмотрели кучу прозрачных конвертов, в каждом из которых лежало всего лишь по одной марке. При этом оба бизнесмена нещадно дымили своими сигарами, и очень скоро все комнаты уже утопали в густых клубах сизоватого дыма. Бизнесмены отказались от ленча в ресторане и велели принести им бутерброды прямо в номер. А когда бутерброды принесли, то они принялись поглощать их, не отрываясь от бумаг.

А в это же самое время авиарейс «Будапешт—Прага—Париж» доставил во французскую столицу еще одну персону, благодаря которой старшему инспектору Люка снова грозило очень тесное и не всегда приятное общение с представителями дипломатического корпуса.

Ибо Франц Стаори, чрезвычайно импозантный господин, ухоженный, красивый, с холеным лицом и нежной матовой кожей, благоухающий ароматами, которые, впрочем, могли бы показаться несколько безвкусными истинному ценителю мужских парфюмов, едва успев ступить на полотно взлетной полосы, повел себя по той же накатанной схеме, что и швейцарские финансисты.

В десять часов утра он уже сидел в кабинете своего посла. В половине одиннадцатого их принял министр внутренних дел, и все развивалось по уже знакомому сценарию. Разве что месье Стаори оказался гораздо более разговорчивым и лопотал без умолку, с тем же легким, приятным акцентом, как и у его дочери. Естественно, он тут же выразил бурный протест в связи с действиями французской полиции, ибо она своим неуклюжим поведением, можно сказать, опозорила его дочь, поспешив предать огласке некоторые подробности ее личной жизни, которые, к тому же, абсолютно бездоказательны.

Дора никогда не была любовницей Мюллера. Только французы, которым всегда и везде мерещится секс, могли так ошибочно истолковать то обстоятельство, что мадемуазель Стаори остановилась в том же отеле, в котором проживает ее жених. Месье Стаори категорически потребовал, чтобы ему были принесены официальные извинения через прессу.

Разумеется, все эти эмоциональные заявления делались в рамках дипломатического протокола, с рукопожатиями, улыбками и прочее, но требования, тем не менее, были озвучены, и официальным французским властям пришлось идти на попятную.

Министр пообещал лично сделать все от него зависящее, чтобы купировать назревающий международный скандал. После чего он, как и днем ранее, связался с префектом полиции. Тот, в свою очередь, позвонил уже руководителю криминальной полиции, который незамедлительно пригласил Люка к себе в кабинет.

— Ну вот, дождались гостей! — воскликнул он, заметив входящего инспектора. — Этот субчик уже в Париже. Остановился в отеле «Кастильоне» и поселился в номере своей дочери. Требует, чтобы мы немедленно созвали пресс-конференцию и принесли ему публичные извинения.

Мужчины обменялись понимающими взглядами. Само собой, не в их власти помешать Стаори болтать все что ему заблагорассудится. Но если они уступят ему и начнут играть по его правилам, то господа из Базеля тоже не заставят себя ждать с новой порцией жалоб и обвинений в адрес полиции.

— И что вы обо всем этом думаете, Люка? — поинтересовался шеф у старшего инспектора.

— Хотел бы я взглянуть на труп Лоёма своими глазами, — хмуро ответил тот.

— Уверены, что есть труп?

— И машину его не мешало бы найти!

Между тем, информация с номером пропавшей машины и ее подробное описание уже давно были доведены до сведения всех подразделений французской полиции. Впрочем, в Париже что ни день угоняли десять-двенадцать автомобилей, и их описания тоже крутились в банках данных на каждом полицейском участке. И что толку? Оба они прекрасно знали, что полиции удается отыскивать не более половины всех угнанных машин, и это в лучшем случае. Да и то не сразу, а как минимум через несколько месяцев.

— Что вы намереваетесь делать, Люка?

— Собираюсь встретиться с этим Стаори.

В кабинете начальника криминальной полиции снова зазвонил телефон.

На сей раз звонил старший инспектор из комиссариата Девятого округа. Он доложил начальству все подробности ночного нападения на инспектора Логно и спросил, где ему найти старшего инспектора Люка.

— Он сейчас у меня в кабинете, — последовал ответ.

— Спросите его, должен ли я продолжить наблюдение за бродягой по кличке Мышь. У меня сейчас катастрофически не хватает людей, и если обстоятельства изменились, то...

Шеф криминальной полиции бросил вопросительный взгляд на Люка, но тот лишь неопределенно пожал плечами.

— Можете прекратить слежку, — милостиво согласился главный начальник.

— А что это за субъект со столь странной кличкой? — поинтересовался он у Люка, вешая трубку. — Он-то какое отношение имеет к этому делу?

— Да это все фантазии инспектора Логно. Но, в любом случае, старик что-то знает. Вопрос лишь в том, что именно он знает. Сегодня вечером я сам допрошу его.

Мужчины немного помолчали, потом Люка пробормотал вполголоса:

— Готов побиться об заклад, что со вчерашнего вечера господин Мюллер не покидал отель. Значит, вряд ли он имеет какое-то отношение к нападению на инспектора Логно. А что же до Стаори, то, если верить его словам, ночью его еще в Париже не было. Да, я бы многое сейчас отдал за то, чтобы своими глазами увидеть тело Лоёма, — снова повторил он. — Очень многое!

А верит ли он сам в существование трупа, подумал про себя начальник криминальной полиции. Уж очень скептическое выражение лица у старшего инспектора.

После разговора с шефом Люка снова отправился в отель «Кастильоне» и велел администратору передать его визитку господам из Базеля одновременно с просьбой уделить ему несколько минут для разговора. Но господа финансисты, судя по всему, не испытывали никакого душевного трепета при слове «полиция», а потому изволили передать через портье, дежурившего на их этаже, что в данную минуту они очень заняты и не могут встретиться со старшим инспектором. А если он так настаивает на личной встрече, то пусть приходит сегодня вечером или напишет свои вопросы прямо сейчас, и они тоже ответят ему в письменной форме.

Люка вырвал из блокнота листок бумаги и написал на нем:

Правда ли, что ваша компания официально планировала заключить некую финансовую сделку в Будапеште, воспользовавшись для этой цели услугами некоего посредника или прибегнув к помощи адвоката Стаори?

Через пару минут листок с его вопросом принесли обратно. На нем жирным красным карандашом было написано лишь одно слово: «Нет!»

Люка уже готов был ринуться в номер Лоёма, чтобы все же пробиться к этим неуступчивым господам из Базеля, но потом передумал, перевернул листок и написал на обороте новый вопрос:

Имел ли Эдгар Лоём полномочия самостоятельно заключать подобные сделки без предварительных консультаций на совете директоров?

Через какое-то время листок приплыл обратно, и на нем все тем же почерком было написано все то же слово: «Нет!»

Старший инспектор удовлетворенно крякнул и велел отнести свою визитку уже в номер господина Стаори. Отец Доры мило беседовал со своим венгерским приятелем, постоянно проживающим в Париже. Физиономия последнего показалась инспектору смутно знакомой.

Само собой, при виде полицейского Стаори снова сел на коня. Он повторил Люка все прежние претензии, озвученные еще утром, потом долго и напыщенно вещал о своем достоинстве, о фамильной чести, о том, что тень брошена не только на его семью и на жителей Будапешта, но, что еще ужаснее, на всю Венгрию в целом, и прочее в том же духе.

— Я требую, чтобы вы немедленно созвали пресс-конференцию, прямо здесь, в отеле, и я сам все расскажу журналистам!

Люка терпеливо выслушал все тирады разгневанного адвоката. В номере было душно, но он застыл в почтительной позе, даже не попытавшись достать носовой платок, чтобы промокнуть им пот со лба. Правда, во время этого пространного монолога он вертел в руках какую-то бумажку, которую вдруг неожиданно протянул Стаори. Тот глянул на нее и, сбившись, умолк.

— Что это?

— Это те вопросы, которые я задал господам из Базельской группы, и их ответы на них.

— Вижу. Но какое отношение это имеет ко мне?

Старший инспектор старательно обшарил все свои карманы, молча извлек из одного из них телеграмму, присланную будапештской полицией, и, откашлявшись, негромко зачитал первую выдержку из нее:

— *...доводим до вашего сведения, что адвокат Стаори, отец Доры Стаори, уже давно испытывает серьезные финансовые затруднения...*

Кажется, адвокат впервые пожалел о том, что разговор с французским полицейским происходит в присутствии соотечественника. А ведь он специально пригласил приятеля к себе в номер, чтобы тот стал своеобразным свидетелем его триумфа в борьбе за попранное достоинство.

...в последнее время ему удается оставаться на плаву исключительно благодаря поддержке со стороны руководства компании СМБ, в которой трудится и его будущий зять...

Эту порцию откровений Люка озвучил с самым непроницаемым выражением лица. После чего извлек из кармана трубку, но не рискнул закурить, а лишь замер в почтительном ожидании, предварительно упрятав в карман телеграмму и листок из блокнота.

— Это все коварные происки моих политических врагов! — воскликнул Стаори патетическим тоном. — Кстати, каким образом телеграмма попала к вам в руки?

— По административным каналам. Ее мне спустили сверху. Прошу покорнейше обратить внимание на тот факт, что пока я еще не задействовал информацию, которую она содержит, в своих контактах с прессой.

А ведь пишущая братия с огромной радостью ухватилась бы за столь ценные сведения. Уверяю вас!

— Они не имеют никакого права...

— Полностью согласен с вами! Но вы же знаете газетчиков. Их хлебом не корми, дай провести собственное расследование. Поэтому, если случится утечка... За французскую полицию я готов ручаться головой. Но не уверен, что мои коллеги в Будапеште проявят такую же щепетильность. К тому же, как вы уже, наверное, знаете, у нас дело спустили на тормозах. Нет трупа, нет и дела, не так ли? А потому наша публика уже потихоньку начала забывать о газетной сенсации, связанной с пропажей господина из Швейцарии, а скоро и вовсе забудет ее. Мы, со своей стороны, сделаем все от нас зависящее, чтобы именно так и случилось. Что касается господина Мюллера, то у меня сложилось впечатление, что он является всего лишь мелкой сошкой в компании СМБ. К тому же, он злоупотребил и вашим доверием, и доверием вашей дочери. Или я не прав?

— Конечно, правы! Не хотите ли выпить, старший инспектор?

— Если можно, пиво.

В итоге все закончилось лучше некуда. Стаори стал жаловаться на скаредность господ из Базельской группы, которые вначале наобещали ему горы золотые, а как дошло до дела, то тут же поспешили забрать все обещания назад.

— Ведь господин Лоём лично приезжал в Будапешт, чтобы встретиться со мной! К несчастью, я в тот момент отсутствовал. Участвовал в процессе, который проходил в одном из провинциальных городов. А он не мог ждать. Вот так наша встреча и сорвалась. Надеюсь, все эти документы...

— Никогда не покинут папки, в которую будут подшиты. Более того, когда дело будет окончательно закрыто, их уничтожат.

— Очень на вас рассчитываю! — многозначительно сказал Стаори и добавил на прощание: — В любом случае, мы еще встретимся.

Лично проводив инспектора до дверей, Стаори вернулся к себе в номер, не сомневаясь ни секунды, что ему удалось перетянуть француза на свою сторону.

Что же до старшего инспектора Люка, который, выйдя на Вандомскую площадь, вдруг принял импульсивное решение навестить раненого Логно, то время, потраченное им в отеле, ни на йоту не приблизило его к разгадке всех тайн, связанных с исчезновением Эдгара Лоёма. А потому он уселся в такси не в самом радужном настроении и мрачно скомандовал шоферу:

— Площадь Константин-Пекер.

Как убедился старший инспектор, приблизившись к дому Логно, приказ о снятии наблюдения с бродяги по кличке Мышь еще не дошел до самых низов, и какой-то молодой человек, в котором Люка безошибочно признал представителя муниципальной полиции, продолжал скрупулезно отслеживать все передвижения бродяги по Парижу.

— Он что, сейчас наверху?

Полицейский, мгновенно признавший старшего инспектора, фотографии которого то и дело мелькали в колонках криминальной хроники всех ведущих газет, почтительно пролепетал в ответ:

— Да. Только что пришел. Утром гулял по берегу Сены, потом, к удовольствию собравшихся зевак, разделся донага и полез в воду. Вымылся с головы до пят, потом отдыхал на скамейке. В полдень купил дневной выпуск газеты, видно, оттуда и узнал о нападении на инспектора Логно. Скорее всего, колебался, идти ему сюда или нет, потому что долго кружил вокруг дома, явно не решаясь зайти.

Появление на пороге старшего инспектора Люка совсем не обрадовало мадам Логно, уже успевшую устать от обилия посетителей.

— Проходите! — проговорила она недовольным тоном и, вопреки всем законам гостеприимства, добавила в сторону: — У человека температура, а ему не дают ни минуты покоя.

Люка молча обозрел крохотную квартирку: кухня, небольшая столовая, спальня. Маленький мальчик бесцельно слонялся по комнате, не зная, чем себя занять. Дверь в спальню была плотно закрыта.

— Вы хотите, чтобы я доложила о вашем приходе?

— Если вам не трудно, мадам.

Уже в следующую минуту Мышь выскочил из спальни как ошпаренный, едва не уронив по пути стул. Логно полулежал в кровати с перебинтованной головой.

— Подождешь меня здесь! — приказал старику Люка грозным тоном и вошел в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

— Приветствую вас, инспектор! В неприятную переделку вы, однако, попали! Можно сказать, еще легко отделались!

Логно был смущен и польщен одновременно. Еще никогда в их скромном жилище не появлялось столько важных посетителей. А тут, в течение всего лишь одного дня, его навестило начальство из местного комиссариата, а теперь вот сам старший инспектор Люка. Он огляделся по сторонам, желая удостовериться, что в комнате порядок. Потом крикнул жене:

— Принеси кресло для старшего инспектора!

Кресло в квартире было только одно, потому что для второго просто не нашлось бы места. Вот его и приходилось таскать из комнаты в комнату.

— Если бы не доктор, то я бы уже встал на ноги. Но он требует...

— Все в порядке, старина! Лежите и набирайтесь сил как положено. А я просто заглянул, чтобы поприветствовать лично и выразить вам свое сочувствие. Минувшей ночью вам не повезло. Бандиты все рассчитали очень умно. Я ведь знаю, какой вы дотошный, даже в мелочах. Вот и они продумали все до мельчайших деталей.

— Да, действовали профессионалы! — согласился Логно, и в его голосе послышалась гордость. И тут же он разочарованно добавил: — А я ведь ничего даже не успел рассмотреть. Столкнись я завтра лицом к лицу со своим обидчиком, я его не узнаю! В темноте не разглядел ни цвета машины, ни ее номер... Но кое-что я все же вычислил!

— Да? И что же именно? — заинтересованно спросил Люка. Кажется, впервые за день он беседовал с человеком, у которого было что сказать.

Логно во всех подробностях описал старшему инспектору историю с объявлением, которое он вычитал в воскресных газетах, а потом рассказал ему, как стал ходить к ресторану Фуке, демонстративно держа в руках номер газеты «Нью-Йорк Геральд».

— Вы понимаете, в чем состоит их трюк, да? — заметно оживился раненый. — Им позарез нужен человек, который в курсе того, что случилось. Вот они и поместили это нелепое объявление сразу во всех газетах. Сами же они не торопятся обозначить свое присутствие. Стоят где-нибудь за углом и наблюдают за происходящим. Ловят, так сказать, на живца. Вот и меня они вычислили по этой газетенке и тут же решили, что мне кое-что известно.

— Хотя на самом деле вам ничего не известно, — задумчиво обронил Люка.

— Увы, это так! — сокрушенно вздохнул Логно.

— Но есть же ведь кто-то, кому известно, пусть и далеко не все! Иначе они бы не затеяли всю эту возню с объявлениями. Значит, им важно найти этого «кого-то». Вы согласны?

— Целиком и полностью! Вы думаете точно как я! — воскликнул инспектор Логно и тут же спохватился, что совершенно забыл о субординации. — Прошу прощения!

— За что? — великодушно удивился старший инспектор. — Вы и в самом деле проявили инициативу, что достойно самой высокой похвалы! — И добавил уже более будничным тоном: — А что здесь делает этот старик?

Ободряющая реплика Люка настолько обрадовала больного, что он совершенно раскрепостился и заговорил с гостем так, как он обычно разговаривал с женой.

— Сам удивляюсь! Я ведь всегда обращался с ним достаточно строго. А он сегодня пришел навестить меня, словно... как бы это выразиться поточнее... словно старый приятель. Кажется, он действительно переживает за меня. — Испугавшись собственной чувствительности, Логно тут же поправил себя: — Хотя он у нас большой мастер притворяться. Но в данном конкретном случае какой ему резон ломать передо мной комедию? Трудно объяснить! Как и эта история с конвертом... Недаром я сразу же почувствовал неладное, с самой первой минуты, как только он приволок этот конверт, набитый долларами, к нам в участок.

— Кстати, а где сейчас этот конверт? — поинтересовался Люка.

— В бюро находок, — Логно моментально догадался, зачем старшему инспектору понадобился конверт с деньгами. Ведь никто из них до сих пор так и не удосужился внимательно рассмотреть сам конверт. — Понимаю ход ваших рассуждений!

Снова перебор, мысленно одернул себя Логно. Старший инспектор, еще, чего доброго, разозлится. Не хватало, чтобы подчиненные стали читать его мысли.

Но Люка отреагировал с прежним добродушием:

— Я сам допрошу бродягу.

Ему было невдомек, что Логно допрашивал Мышь уже с десяток раз. Да и знал он старика, не в пример начальству, как облупленного. Столько ведь лет тот мельтешит у него перед глазами. Но вслух он не посмел комментировать намерение старшего инспектора, а лишь с опозданием вспомнил о своем долге гостеприимного хозяина.

— Может быть, стаканчик кальвадоса? Или лучше пиво?

Люка вспомнил, каким отменно холодным пивом потчевал его господин Стаори у себя в номере, и подумал, что вряд ли в этой скромной квартирке ему подадут такое же. А потому, рискуя показаться невежливым, он лишь коротко ответил:

— Не надо, благодарю вас! Поправляйтесь! Думаю, через несколько дней...

Еще бы! Имея в своем распоряжении столько людей и такие возможности, хмыкнул про себя Логно. Конечно, через несколько дней старший инспектор распутает все узелки в этой запутанной истории. И снова его фотографии украсят первые полосы всех газет. А про какого-то там инспектора Логно из какой-то там муниципальной полиции как никто не знал, так и не будет знать.

Попрощавшись с Логно, старший инспектор вышел в гостиную и коротко скомандовал старику:

— Ступай за мной! До свидания, мадам Логно! Берегите мужа. Он нам всем очень нужен!

Они вместе спустились на лифте, стараясь не касаться друг друга. Когда лифт замер на первом этаже, Мышь вымученно улыбнулся и спросил, словно в шутку:

— Так вы меня арестовали?

— Вполне возможно! — бросил в ответ Люка, даже не взглянув в его сторону.

Глава седьмая

Как обрабатывают арестованных

Сидя в такси, Люка рассеянно поглядывал в окно. Казалось, он начисто забыл о существовании бродяги, который скромно пристроился на приставном стульчике, хотя рядом со старшим инспектором было достаточно места. Мышь напряженно вглядывался в его лицо. Знает он этих полицейских! И достаточно наслышан о тех методах, с помощью которых они умудряются развязать язык любому. Ему много рассказывали и о знаменитой комнате, попав в которую, все задержанные сразу же начинают давать признательные показания. Интересно, а как они поступят с ним? Может, для начала попытаются задобрить, угостят пивом, накормят... Или же этот Люка сразу пустит его в оборот, выбивая нужные ему признания любой ценой?

Впрочем, ему не привыкать к допросам, всяким и разным. За последние десять лет его допрашивали сотни раз: жандармы (те хуже всего, просто звери), полицейские в небольших городках, офицеры полиции в самом Париже. Среди них попадались тоже всякие. Одни сразу же били под дых, другие просто мрачно смотрели исподлобья, как этот зануда Логно, а третьи прикидывались добренькими и даже угощали папироской. Такси доставило их на Набережную Орфевр слишком быстро, чтобы Мышь успел прокрутить в голове все возможные варианты развития событий и окончательно испугаться.

— Следуй за мной! — сухо приказал ему Люка, выходя из машины, как будто бы старик смел улизнуть от него.

Обменявшись на ходу рукопожатиями с двумя господами (скорее всего, адвокатами, подумал Мышь), Люка отрывисто поинтересовался у дежурного:

— Шеф спрашивал меня?

— Да, минут пятнадцать тому назад интересовался.

— Отведи этого субъекта в камеру номер три.

Такое впечатление, что дальнейшая судьба бродяги его совершенно не интересовала. Кинув шляпу на стол в своем кабинете, Люка помчался к начальнику криминальной полиции и осторожно постучался в обитую кожей дверь.

Дежурный офицер заинтригованно глянул на бродягу и спросил немного неуверенным тоном:

— Надеюсь, оружия при себе нет?

После чего старика отвели в указанную камеру. Постоянный сиделец, знакомый с камерами почти всех полицейских участков Парижа, Мышь явно был впечатлен увиденным. Маленькая чистенькая комнатка со свежевыкрашенными белыми стенами, с самым настоящим окном, выходящим, правда, во внутренний дворик. В углу железная кровать, рядом стол и стул. Когда за ним захлопнулась дверь камеры, Мышь уселся на краешек кровати и задумался, подперев лицо руками. И чем больше он думал, тем сильнее одолевал его страх.

— Сегодня в Министерстве внутренних дел устроили прием, так сказать, официальный ленч, — делился с Люка своими впечатлениями начальник криминальной полиции. — Все собравшиеся живо обсуждали это дельце...

Все собравшиеся, надо понимать, — это вся политическая рать: министры, сенаторы, депутаты парламента. Возможно, представители дипкорпуса.

— Эта музыка начинает потихоньку действовать мне на нервы, — продолжил босс. — Кстати, пару часов назад к нам прибыл третий швейцарец, точная копия первых двух. Разве что одет получше да гонору побольше. Тоже из Базельской группы. Прилетел из Лондона и сразу же присоединился к своим коллегам в отеле «Кастильоне». Примчался в номер Лоёма и заперся там вместе с теми двумя.

— Что ж, подождем, пока они соберутся в полном составе, — невесело пошутил Люка. — Все двенадцать штук. Или сколько их там входит в состав правления?

— Понятия не имею, сколько их в этом правлении, двенадцать, тринадцать или все двадцать пять. Зато я точно знаю, что министр очень недоволен. Говорит, все эти визитеры сулят нам одни лишь неприятности. Ведь Эдгар Лоём, замечу вам, не только президент компании, но и главный акционер. А он еще до сих пор официально не признан покойником. Следовательно, нет юридических оснований для оглашения его завещания. Отсюда и все остальные проволочки: невозможно собрать совет директоров, невозможно избрать нового председателя совета, и так далее, и тому подобное. Столь абсурдная ситуация не может продолжаться бесконечно. Фондовые биржи в Лондоне, Париже, Брюсселе, Амстердаме уже отреагировали на исчезновение финансиста. А если дело затянется, то мы нанесем огромный урон бизнесу, негативно повлияв на котировку акций многих ведущих мировых компаний.

— Ваши дальнейшие указания, — довольно невежливо перебил шефа Люка. Судя по всему, его мало впечатлил монолог начальства на тему мировой экономики.

— Отыщите мне труп! Любой ценой! Но при максимальном соблюдении осторожности, безо всякой огласки.

Люка понял, что время шуток кончилось. Он вернулся к себе в кабинет в более чем серьезном настроении. Там его уже поджидали с докладом два инспектора, которые вели дело об убийстве мальчика на окраине Парижа.

«Если он начнет меня бить, — размышлял между тем Мышь, пристально вглядываясь в пространство внутреннего дворика, — то я пригрожу, что расскажу обо всех издевательствах газетчикам. А еще мне положен адвокат. Без него вообще не стану ничего говорить. Вот бы дали женщину! Все какое-то разнообразие».

Старику было жарко, его мучила жажда, донимали безотчетные страхи. Он гнал их прочь и даже стал разговаривать вслух, напряженно вслушиваясь в звуки, долетавшие извне. Звуков было мало. Разве что редкие шаги по лестнице и коридорам.

В таком подвешенном состоянии Мышь провел как минимум часа два. Почему же его не вызывают на допрос? — недоумевал он, теряясь в догадках. И весьма некстати вспомнил, как один бывший официант, имевший опыт по части предварительного следствия, рассказывал ему, что после задержания его продержали в кутузке почти двое суток, и тоже в одиночной камере, холодной до ужаса (дело было зимой), и за все это время ни разу не дали даже куска хлеба. А когда вызвали на допрос, то первое, что он увидел, это огромный бутерброд и кружку пива на подносе. Но все съестное предназначалось не для него, а для старшего инспектора, который во время допроса с аппетитом уминал бутерброд, запивая его пивом.

Наверное, подобную же пытку готовят и ему. Хотя они тут мастера развязывать языки и другими методами. Станут ласково пенять на неосторожность, убеждать, что искренне хотят помочь выбраться из передряги безо всяких для него осложнений, и тому подобное. Словом, чистосердечное признание послужит лишь его собственным интересам. Знакомая песенка!

А уже потом, когда они выпотрошат тебя наизнанку, вернее, когда ты сам выболтаешь им все, что знаешь, они быстро сменят пластинку. И глазом не успеешь моргнуть, как окажешься за решеткой.

Смеркалось. Терпение бродяги было на исходе. Он подскочил к двери и стал барабанить кулаками изо всех сил. Еще не хватало, чтобы его оставили тут на всю ночь! Потом он стал бить по двери ногой. Безрезультатно! Никто не появился, никто не поспешил осыпать его проклятиями. А ведь даже ругательства сняли бы его напряжение и хоть немного успокоили.

Так что же на самом деле известно старшему инспектору? А главное, чего именно он добивается от него? Наверняка догадался, что он кое-что знает. Вопрос лишь в том, что именно. С Логно все было просто. Старик играл с ним, словно кошка с мышкой. С этим так не поиграешь.

Дверь в камеру отворилась только в восемь часов вечера. Вошедший полицейский сухо поинтересовался, чего бы он хотел на ужин.

— А где старший инспектор? — первым делом спросил Мышь.

— Да он уже давным-давно ушел домой.

— И больше не вернется?

— Во всяком случае, не сегодня. Так что тебе принести на ужин? Окорок или колбасу?

— Лучше колбасу.

— А вино? Красное? Белое?

— Красное.

Через какое-то время полицейский возник снова с пакетами в руках. Видно, сам ходил в магазин за продуктами. Полицейский сгрузил пакеты на стол и стал извлекать содержимое. Аккуратно нарезанные ломтики окорока, полпалки салями, настоящей салями из итальянского магазина, две бутылки красного вина, изрядный кусок камембера.

— Вот, пожалуйста! Если хочешь ужинать при свете, найдешь выключатель рядом с кроватью.

— Послушайте, инспектор! Может, у вас есть при себе старая газетка?

Инспектор пошарил по карманам, извлек утренний выпуск ежедневной газеты и протянул его старику. Невероятная удача! Хотя Мышь был в таком бешенстве, что даже не поблагодарил полицейского. Он ел молча и все подряд: мясо, колбасу, сыр, — и одновременно листал газету.

В колонке объявлений его, как всегда, уже поджидал таинственный Арчибальд.

Следовательно, убийцы вычислили, что Логно — это не тот, кто им нужен. Может, поэтому на него и напали, чтобы вывести из игры хоть на какое-то время. Чтобы не путался под ногами. Нет, им нужен не полицейский. Они ждут, когда на свидание к ним явится Мышь. Вполне возможно, в тот вечер, когда произошло убийство, они успели рассмотреть бродягу и даже запомнить его. Но главное, они ни минуты не сомневаются в том, что это именно он прикарманил себе бумажник с кучей денег. Что ж, если они без тени колебаний убили крупного финансиста, да еще в самом центре Парижа, то что им стоит убить какого-то бездомного в придачу? И прости-прощай все его мечты о тихой старости в собственном домике!

Неужели Люка тоже догадывается о возможности столь драматичного поворота в его судьбе? Тогда получается, что он упрятал его ради его же собственного блага, чтобы спасти от рук убийц. Чудны дела твои, Господи!

Ночью старик спал плохо. Он напряженно ловил малейший шорох: редкие шаги по лестнице, отдаленные телефонные звонки. Телефоны трезвонили, не умолкая, всю ночь.

В восемь часов утра в камере снова возникла знакомая фигура полицейского, и тот, зевая, поинтересовался, чего он хочет на завтрак.

— Я хочу видеть старшего инспектора! — взвился Мышь.

— Старший инспектор еще не пришел.

— Когда придет, скажи, что я хочу поговорить с ним.

— Неужели ты решил отказаться от завтрака? — вполне искренне удивился полицейский и скрылся за дверью.

Тем не менее через какое-то время ему принесли круассаны, бутылку кофе с молоком и несколько кусочков сахара, завернутых в бумагу. Окно было задраено наглухо, и чем выше поднималось солнце, тем невыносимее становилась духота в камере. В конце концов Мышь сбросил с себя пиджак и, сняв башмаки, улегся на кровать. Но тут же вскочил на ноги и стал нервно расхаживать по камере, изредка прижимаясь ухом к двери и пытаясь угадать, что происходит снаружи. Время близилось к полудню, а старший инспектор так и не объявился. На сей раз никто не стал интересоваться его гастрономическими пристрастиями. В обед дежурный доставил в камеру увесистый пакет со съестным, которого оказалось гораздо больше, чем дали на ужин, плюс две бутылки красного вина.

И снова Мышь умял все до последней крошки, пребывая в состоянии крайнего возбуждения. Он также осушил до дна обе бутылки и завалился спать. Кажется, он продрых несколько часов, но когда прохватился, то солнце было еще высоко. Чувствовал он себя неважно. Во-первых, уже сутки он не справлял нужды, а все съеденное и выпитое давало о себе знать. Старик обвел глазами камеру и не нашел места, полагающегося для подобных отправлений. Уж не специально ли его кормили как на убой? — тут же закралось у него новое подозрение. Станут теперь наблюдать за тем, как он мучается. Наверняка же в стене есть глазок, через который они следят за каждым его шагом. Уж в чем-в чем, а в этом он готов был поклясться.

Мышь снова бросился к двери и стал отчаянно барабанить. Пусть практикуют свои шуточки на уголовниках и убийцах, а он — не из таких. В конце концов, всем известно, что он — добропорядочный гражданин, живущий в ладу с законом. И с полицией у него отменные отношения.

А все этот мерзкий Люка! Чем дальше, тем больше в душе старика зрела ненависть к старшему инспектору. Недаром ему с самого начала не понравилась его физиономия. Мерзопакостная, хитрая рожа! От такого не услышишь доброго слова, такой не улыбнется тебе просто так. Противный, бессердечный тип! Вот Логно — совсем другое дело. Тот только брови насупит и молчит себе. А в глубине души он — добряк. Вот и поплатился за свою доброту! Какие-то подонки избили бедолагу, и очень даже может быть, что Зануда умрет. А этот хитрец станет говорить, что это он до всего докопался, и конечно же, присвоит все лавры себе.

Между тем Логно умен, чертовски умен, только мало кто об этом догадывается. Разве что вот он, Мышь! Недаром только они двое и знают всю правду. Впрочем, он пока — единственный, кто видел труп. А следовательно, что мешает ему явиться к господам из Базельской группы и сказать им примерно следующее:

— Купите мне крохотный домик, назначьте мне скромную пенсию, и я расскажу вам всё! А если вас больше устраивает мое молчание, то я буду нем как рыба.

Да, именно так он и поступит. И пусть не надеется этот вредный Люка, что сможет развязать ему язык. Он будет молчать, несмотря на все его подачки, горы съестного и бочки с выпивкой.

Больше года ему все равно не дадут. А за что, скажите на милость! Через год он выйдет на свободу и спокойненько заберет свои денежки в бюро находок. Они обязаны вернуть ему все, до последнего су.

Размышления старика были прерваны появлением дежурного. Полицейский широко распахнул дверь и скомандовал:

— С вещами на выход!

— Старший инспектор уже на месте?

— Понятия не имею!

— Ну, подождите у меня! — вконец разозлился Мышь и стал торопливо одеваться. — Сейчас я ему такое устрою! Надолго запомнит!

Пока его вели по лестнице, Мышь продолжал изрыгать угрозы в адрес старшего инспектора и осыпать проклятиями всех подряд. Наконец его ввели в огромную светлую комнату, похожую на приемную. Четверо мужчин стояли в углу и о чем-то негромко разговаривали между собой. Старик моментально превратился в слух, пытаясь разобрать хотя бы слово из того, о чем они болтают. С некоторых пор у него появилась фобия: ему стало казаться, что все говорят только о нем. Но вот открылась дверь, из нее высунулся молодой человек.

— Проходите! — сказал он ему.

Мышь вошел в кабинет и увидел старшего инспектора Люка. Тот сидел за письменным столом в дальнем углу комнаты и сосредоточенно перебирал какие-то бумаги.

— Присаживайтесь! — вежливо проговорил он, когда молодой человек оставил их вдвоем. — Надеюсь, жалоб на обращение нет? Еды хватало?

А он не такой уж и противный, этот реальный Люка, в сравнении со всеми теми гадостями, которыми мысленно Мышь наделил воображаемого врага. Читает что-то там в очках, изредка бросая на него почти отеческие взгляды.

— Никогда бы не подумал! — вдруг удивленно воскликнул Люка. — Оказывается, вы в свое время были вполне добропорядочным гражданином. Даже занимали должность капельмейстера в родной деревне, потом стали органистом, работали учителем музыки, преподавали гармонию в Страсбурге. И что же вас подвигло стать на путь бродяжничества? Вино?

— Женщины.

— У вас была любовная интрижка?

— Их было немало. Собственно, и у вас я оказался исключительно из-за своей слабости к женскому полу. Не подними я тогда с пола эту злосчастную фотографию... Но я с первого же взгляда запал на девчонку, запечатленную на фотке. И вот вам результат!

Слава богу, пока все идет неплохо! Старший инспектор сам задал нужное направление их разговору. И сейчас главное — это умело следовать его курсом. Тогда все будет в полном порядке, и его выпустят отсюда.

— Что ж, не вы первый, кто страдает из-за женщин, — задумчиво обронил старший инспектор, не отрывая глаз от досье, которое он внимательно пролистывал, страницу за страницей. — Впрочем, для человека, который давно занимается бродяжничеством, подобное неравнодушие к слабому полу все же скорее исключение из правил, чем само правило, не так ли? Сознайтесь, наверняка у вас в прошлом были нелады с законом, какие-то мелкие кражи. Скажем, курицу сперли себе на ужин или там кролика какого, чтобы не умереть с голоду. Был такой грех?

— А кто без греха-то? — мгновенно парировал старик.

— Тут вы правы! — миролюбиво согласился с ним Люка.

Ага! Все идет к тому, что его выпустят, мысленно обрадовался Мышь. Старший инспектор беседует с ним предельно благожелательно. Странно все это, однако. Может, у него приемчики такие, иезуитские? Впрочем, а сам он что, лучше? Будто он никогда не косил под простака, когда нужно было втереться в доверие к людям. Сто тысяч раз притворялся, ловчил,

лицедействовал. Да, но это он, бездомный бродяга. Но чтобы офицер полиции такого ранга! Неужели и старшие офицеры могут опускаться до столь примитивных трюков?

Люка нажал на невидимую кнопку вызова.

— Скажите парням, пусть дождутся меня, — он глянул на часы. — Я буду минут через десять. Да, и отправьте телеграмму Стаори, что сегодня я не могу с ним встретиться. И еще одна просьба: позвоните моей жене и предупредите ее, что вечером мы ужинаем в городе.

Старший инспектор снова взял в руки досье на старика и стал бегло листать страницы. Вид у него был разочарованный. Дескать, какая досада, но здесь нет никаких зацепок для того, чтобы упечь тебя за решетку.

— Что ж, приятель, с тобой все более или менее ясно. Я задавал тебе вопросы, ты на них отвечал. Правда, инспектор Логно придерживается иной точки зрения на твою роль в этой истории, но лично я не вижу пока никаких...

— Между нами, старший инспектор! Инспектор Логно — большой упрямец! И образования у него маловато. Он, как бульдог, вгрызается в первую же подвернувшуюся версию и потом...

— Послушай меня, старик! Ты ведь приличный человек, не так ли? Срок ни разу не мотал, по тюрьмам не сидел и не горишь особым желанием угодить на нары. Я прав? А у меня свои проблемы. Как тебе известно, мне всучили чертовски неприятное дельце, в котором, к тому же, замешана целая куча иностранцев. Ты хорошо знаешь закон?

— Какой закон?

— Уголовный кодекс, статья I, если мне не изменяет память... О сокрытии улик. Гражданин, ставший свидетелем преступления и не уведомивший о нем своевременно полицию, автоматически превращается в соучастника преступления. По-моему, так это звучит. Подожди, я сейчас найду это место в Уголовном кодексе и процитирую тебе точно! — Люка сосредоточенно зашуршал страницами. — Кстати, тебе знаком парень по имени Арчибальд?

— Нет.

— Впрочем, вполне возможно, на самом деле он и не Арчибальд. Дурацкое имя, да? Кто в здравом уме и в трезвой памяти станет называть себя Арчибальдом!

Люка жизнерадостно рассмеялся, и Мышь тоже выдавил из себя жалкое подобие улыбки. В дверь постучали, а потом в комнату просунулась голова уже знакомого молодого человека, который, судя по всему, состоял помощником при старшем инспекторе.

— Там к вам одна дама.

— Одну минутку! — Люка повернулся к старику. — Я скоро вернусь.

Оставшись в одиночестве, Мышь некоторое время терзался соблазном схватить со стола папку со своим личным делом и взглянуть, хотя бы одним глазком, что полиция насобирала на него за годы странствий. Рядом с папкой лежала газета, раскрытая на странице объявлений. Синим карандашом было обведено объявление с Арчибальдом.

Старший инспектор вернулся неожиданно и застал бродягу с газетой в руках. Кажется, он остался доволен увиденным.

— Мне тут пришла в голову одна дельная мыслишка, — начал он доверительным тоном. — А почему бы нам не устроить небольшое театральное представление? Бесплатное! Во всяком случае, лично для тебя. В конце концов, полиция на протяжении стольких лет предоставляла тебе бесплатный кров, так что пришла пора платить по старым долгам. Да и у нас, в управлении, с тобой обращались очень цивильно. Кормили, поили, спать укладывали. Словом, никакого насилия над личностью!

Логно зациклился на этом дурацком объявлении. Он считает, что именно в нем кроется ключ к разгадке преступления. А как это проверить? Если я пошлю к ресторану своих людей, то с ними может произойти то же, что и с беднягой Логно. Вот я и предлагаю: давай разыграем спектакль, а? Сейчас я хватаю такси, и мы вдвоем покатим к ресторану «Фуке». А там ты с номером газеты «Нью-Йорк Геральд» в руке станешь ходить от столика к столику и клянчить милостыню. Как всегда! А я в это время... Что с тобой?

— Ничего!

— Еще минуту назад ты был безмятежен, как дитя! А сейчас даже в лице переменился. Ты что, испугался?

— А вдруг они на меня нападут? — выдавил из себя Мышь, чувствуя, как во рту у него пересохло от страха.

— Кто «они»? Да не бойся ты! Двое моих ребят уже дежурят возле ресторана: они не спустят с тебя глаз!

— И что мне им сказать?

— Ни-че-го! Нам главное вычислить преступника. Кто с тобой заговорит первым, тот и будет тем человеком, который нам нужен.

— Но я еще даже не успел поужинать! — воскликнул Мышь, уцепившись за последний предлог, дающий отсрочку.

— Я тоже, представь себе! Потом поужинаем! И перестань трястись как осиновый лист. Иначе я точно начну думать, что тебе есть что скрывать!

Последние слова были сказаны вполне серьезно. От добродушного Люка не осталось и следа. Птичка попала в умело расставленные силки, и больше с ней можно было не церемониться.

— Наша первостепенная задача, — обронил рыжий господин, прибывший из Базеля, — узнать, признал ли он официально ребенка. Если вы не возражаете, я навещу эту женщину. Дам ей франков двадцать. Как считаете?

— Думаю, с этим пока не стоит торопиться, — возразил ему Остин. — Во всяком случае, до оглашения завещания.

— А сколько во Франции тянется процедура с объявлением человека пропавшим без вести? — поинтересовался джентльмен, прилетевший из Лондона, где он на протяжении вот уже нескольких лет представлял интересы швейцарской компании.

— Понятия не имею! — процедил Остин, попыхивая сигарой. — Сегодня вечером я встречаюсь с нашим адвокатом. Но думаю, как минимум год.

— А что, если он не умер?

Впервые за все последние дни Остин потерял самообладание, и это вопреки воспитанию, семейным традициям, многолетним привычкам и негласному кодексу поведения высших должностных лиц Базельской группы. Он изо всех сил стукнул кулаком по столу так, что пепел из его тлеющей сигары градом посыпался на ковер, и воскликнул:

— Но где-то же тогда они прячут его труп!

Джентльмен из Лондона невозмутимо пробормотал:

— Труп, пожалуй, еще можно спрятать. Но вот машину... Кстати, из гаража уже прислали бумагу. Требуют компенсацию за угон автомобиля.

— Так дайте им тысяч двадцать, и пусть заткнутся. Эта развалюха столько не стоит! Нет, пока вообще не будем платить ни франка! Все риски оговорены в страховом полисе. Вот пусть и обращаются к своему страховому агенту.

Настроение у господ финансистов было далеко не радужным. Они закончили инвентаризацию всех бумаг, хранившихся в номере Лоёма.

Они перетрясли все папки и лично просмотрели каждый листок. Они не упустили ничего! Даже коллекция марок стала предметом их пристального изучения и была отправлена на оценку эксперту-филателисту. Но вопрос о том, имел ли Лоём при себе в момент исчезновения крупную сумму наличных, так и остался открытым. В номере было найдено десять пятисотдолларовых купюр и восемь банкнот по одной тысяче франков каждая, и на этом все. Помощник Лоёма тоже не смог внести ясность в этот вопрос, так как никогда не был в курсе, сколько именно наличных денег хранит шеф в номере.

Мюллер преобразился и сник. Он сновал из комнаты в комнату, словно тень, безропотно выполняя все приказы и распоряжения господ директоров. Впрочем, судьба его была уже решена. Двенадцатого июля он отплывает в Китай. Нет, его никто не изгоняет из компании. Просто отсылают прочь, навсегда или в кратковременную ссылку, все зависит исключительно от воли господ, занимающихся сейчас разбором бумаг Эдгара Лоёма. Что же до господина Стаори и его строптивой дочери, то эти фигуранты дела и вовсе не интересовали финансистов. Они полностью проигнорировали присутствие импозантного венгра в отеле «Кастильоне».

Ну, а невеста Мюллера в данный момент томилась в Берлине и в ожидании новостей засыпала жениха письмами. Впрочем, ему было строжайшим образом наказано свести контакты с мадемуазель Дорой к минимуму во избежание малейшей утечки конфиденциальной информации. Господа финансисты все уже просчитали наперед. Если у семейства Стаори и были какие-то коварные планы в отношении Базельской группы, то все их ухищрения окажутся тщетными, как только Мюллер отправится на другой конец света, в Китай. Так что эту линию в расследовании всех обстоятельств, связанных с исчезновением Эдгара Лоёма, в скором будущем можно будет благополучно отсечь.

Не успело такси подъехать к ресторану, как первые тяжелые капли дождя ударились об асфальт. Откуда ни возьмись поднялся сильный ветер и погнал вдоль тротуаров мелкий мусор и опавшую листву.

Люка попросил таксиста остановить машину так, чтобы видеть открытую террасу. Он повернулся к старику и приказал:

— Выходи!

А сам принялся изучать диспозицию из окна такси. Кое-что его все же тревожило. Да, он постарался свести возможный риск к минимуму. Усадил в углу террасы своего молодого помощника, который еще не успел примелькаться на публике и чьи фотографии пока еще не украшали первые полосы газет. Но неожиданный дождь спутал хитроумные планы. Люди бегом потянулись в закрытый зал, а в этой сутолоке кто обратит внимание на бродягу с газетой в руке?

Между тем старик медленно побрел по направлению к ресторану. А что еще ему оставалось делать? Разве что молить бога, чтобы убийцы не выдали себя и не клюнули на его приманку. У него даже возникла идея свернуть газету таким образом, чтобы не было видно ее названия. Впрочем, он прекрасно понимал, что с Люка подобные фокусы не пройдут. Еще несколько ярдов, а там... А там будь что будет.

Он угодливо согнулся возле первого столика и пробормотал свою стандартную заготовку:

— Подайте бездомному пару франков на кружечку пива.

Однако в его голосе слышалась не столько мольба, сколько откровенный страх. Так люди не просят подаяние. И в подтверждение того, что *так* не просят, за первыми тремя столиками ему не дали ни франка.

— Не найдется ли у вас пары франков для несчастного больного старика? — повторял он как заклинание и брел дальше, припадая больше обычного на левую ногу.

Иногда он просительно заглядывал в лица посетителей и тут же отшатывался от них в страхе. Ведь его в любой момент могут ударить по голове, как Зануду. А чего еще ждать от убийц? Возможно, они уже все решили на его счет. Пришьют, чтобы меньше болтал, и все дела.

— Господа! Не пожалейте сорока су для нищего бродяги, у которого в горле пересохло: ни единого глотка за минувшие два дня.

Наконец-то ему удалось сорвать первую милостыню — сорок су. Кстати, за это время старик уже успел вычислить молодого инспектора, который, по словам Люка, обеспечивал его прикрытие. Молодому человеку явно не хватало той небрежной элегантности, которая отличала завсегдатаев сего шикарного заведения. Впрочем, полной уверенности в том, что это именно полицейский, у старика не было. С такой же степенью вероятности молодой человек мог оказаться и убийцей.

Обход столиков подходил к концу. Еще совсем немного, и он свернет на улицу Георга V, а там Люка его уже не сможет увидеть. Есть шанс улизнуть. Старик инстинктивно ускорил шаг, устремляясь навстречу вожделенной свободе.

У самого края террасы за небольшим столиком сидели двое. Они равнодушно взглянули на нищего старика. Рядом толклись люди в ожидании такси. Мышь уже миновал столик, как вдруг!

Все дальнейшее произошло в мгновение ока. Старик даже не успел сообразить, что случилось. На него надели наручники, и впервые в жизни он услышал неприятный звук, с которым они защелкнулись на его запястьях.

— Полиция! — громко рявкнул один из мужчин, расталкивая толпу по направлению к стоявшей на проезжей части машине. Они почти тянули старика по земле, а тот лишь испуганно озирался по сторонам, тщетно надеясь на помощь со стороны. Несколькими секундами позже его буквально силой затолкали на заднее сидение машины, где он оказался зажатым между двумя незнакомцами. Громко хлопнула дверца, и в ту же секунду машина рванула с места. А завсегдатаи ресторана моментально забыли об инциденте. Разве что одна женщина воскликнула жалостливым тоном:

— Хоть и полиция, но нельзя же вести себя так по-скотски!

Глава восьмая

Ночь на телефоне

Вода стекала ручьями по мостовой, грозя превратить Елисейские Поля в одно сплошное озеро. Серый асфальт и такое же серое небо, отражающееся в потоках дождя. В пейзаже преобладали только две краски: черная и белая. Мимо проносились черные силуэты людей, спешащих вдоль тротуаров в поисках укрытия от непогоды, их обгоняли такие же черные машины, и все вокруг погрузилось в полнейший мрак.

Мужчина, сидевший справа, открыл форточку в стеклянной перегородке, отделявшей салон от водителя, и приказал последнему, совсем еще молодому парню, не достигшему, пожалуй, и двадцати лет:

— Жми на газ! Надо ехать быстрее!

На одном из перекрестков постовой попытался остановить машину. Тщетно! Она пронеслась мимо, не обращая внимания на его свисток, звук

которого монотонно слился с мелодией дождя. Впрочем, и сам свисток прозвучал непривычно жалобно и даже немного комично. Видно, внутрь попала вода, а потому сигнал быстро захлебнулся и растворился в монотонном гуле падающих на асфальт капель.

— Сворачивай к причалу, Лили! — скомандовал темноволосый мужчина. Он был смугл, атлетически сложен, со сломанным, как у боксера, носом. Внешне незнакомец был абсолютно спокоен и лишь изредка посматривал по сторонам с видом игрока, оторвавшегося на миг от карт во время неспешной партии в покер. Впрочем, ничто не ускользало от его цепких глаз. Стоило бродяге слегка пошевелиться, как он тут же впился в него тяжелым взглядом и мрачно процедил:

— Ты, подонок! Не пытайся меня убедить, что притащился один!

Мимо стремительно промелькнули очертания Лувра, и последовала новая команда, адресованная шоферу:

— Давай, жми! Надо как можно скорее выметаться из Парижа.

Мужчина посмотрел назад, чтобы убедиться в том, что погони нет, а потом снова вперил свой взгляд в Мышь.

— Так я повторяю, мразь! Ты пришел один?

— Да!

— По роже вижу, что врешь!

По правде говоря, старик плохо соображал, о чем его спрашивают. Он отвечал, как автомат, а мысли его в это время лихорадочно метались в голове в поисках выхода из капкана, в который он угодил. На сей раз на карту было поставлено не только его будущее — спокойная старость, домик в деревне и прочие радости жизни. О, нет! Сейчас надо было думать не об этих весьма несбыточных вещах, а о спасении собственной шкуры.

Машина резко крутанулась в сторону, завизжали тормоза. Не сбавляя скорости, она слегка зацепила трамвай, и послышался неприятный скрежет металла. Но водитель с невозмутимым видом вывернулся и проскочил как ни в чем не бывало дальше. Боксер задумался о чем-то своем, мрачно уставившись в одну точку.

— По-моему, никого нет, — пробормотал его спутник, не отрываясь от заднего стекла.

— Продолжай следить! Что это было за такси?

— Машина приехала с улицы Риволи.

— Точно?

— Абсолютно! Я своими глазами видел, как такси отъезжало от универмага «Самаритянин».

Так все же, где теперь старший инспектор? Едет он за ними или нет? Сейчас это, воистину, вопрос жизни или смерти. Во всяком случае, для него, Мыши. Пока не поздно, он должен решить, что ему сказать этим людям. Признаться, что полиция заманила его в ловушку, чтобы использовать в качестве живца? Нет, это слишком опасно. Бандиты не станут особо церемониться с ним после такого признания и быстро выпишут ему пропуск на тот свет. Значит, надо думать.

На запредельной скорости машина пересекла из конца в конец весь Париж и вплотную приблизилась к отелю «Порт-д'Итали». Если эти двое полагают, что за ними устроили погоню, то тогда не миновать перестрелок. Значит, будут гонки, да еще по скользкой дороге...

— Ты уверен, что рядом не крутились легавые?

— Да откуда им там было взяться! — наивно округлив глаза, воскликнул Мышь, стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности.

— Посмотрим-посмотрим! — недоверчиво бросил его сосед, которого он уже мысленно окрестил Сломанным Носом. А тот выдал очередную

команду Лили: — Сворачивай на кольцевую! А оттуда мы вернемся в город по шоссе в сторону Сен-Дени или отеля «Пантин».

— У меня онемели руки! — жалобно простонал Мышь. — Посмотрите, какие синяки от ваших наручников. Разве вы не из полиции? Там меня все знают!

— Кончай придуриваться, клоун!

Деревья, поля, проливной дождь. Старик уныло посмотрел на корову, одиноко мокнувшую под дождем на обочине. Вот тот, который сидит слева от него, тот точно не опасен. Такое чувство, что он не раз и не два сталкивался с ним во время своих блужданий по Елисейским Полям.

В отличие от Сломанного Носа, его сосед слева был высок, дрябл телом и одет с некоторой претензией на элегантность, что дало повод мысленно окрестить его Графом. Кажется, он был у своего подельника на побегушках. Потому что стоило ему оторваться от окна, как тут же следовал суровый окрик:

— Не верти головой! Следи за дорогой!

— Да нет же никаких преследователей!

— Делай, что тебе говорят! Итак, — Сломанный Нос снова повернулся к Мыши, — где бумажник?

— Какой бумажник?

Старик так и не успел решить, о чем говорить, а о чем лучше помолчать. Гораздо более его занимал вопрос, где Люка. Едет ли он за ними, или уже давно потерял их след? Да и как можно угнаться на обычном такси за такой мощной машиной, которая, к тому же, несется напролом, попирая все правила уличного движения и развивая скорость порядка шестидесяти миль в час. И это на мокрой дороге.

— Послушай, Фред! — обратился Лили к боксеру, не поворачивая головы. — Давай еще покатаем его по кольцевой с полчаса. За это время ты, я полагаю, вытрясешь из него все. И избавиться от тела потом будет проще.

Последние слова водитель сказал таким обыденным тоном, будто речь шла о пакете с мусором.

— Согласен! — одобрил инициативу парня Сломанный Нос, которого, оказывается, звали Фредом.

А вот Граф заметно нервничал. Но старику некогда было раздумывать о настроениях Графа. Фред больно ударил его в бок и угрожающе повторил свой вопрос:

— Так где бумажник?

— Я... я не знаю, о чем вы... Ой, больно!

— Ты что, не понял еще, что со мной шутки плохи? Кончай придуриваться, клоун! Но первое, о чем я хочу знать, почему ты не явился к нам сразу же, по первому зову, а?

— Не знаю.

— Газет, что ли, не читал?

— Да.

— Так это ты накапал на нас этому паршивому инспекторишке?

— Кому? Инспектору Логно? Ни в жизнь! Как вы могли такое подумать!

За окнами машины стремительно сгущалась ночь. Автомобильные фары выхватывали из темноты фрагменты проносившихся мимо окрестностей, а Мышь живо представлял себе, что с ним будет совсем скоро. Сейчас они придушат его, потом остановятся возле какого-нибудь леска и выбросят тело подальше от дороги, куда-нибудь в кусты. В этих зарослях труп обнаружат ой как нескоро.

Не так ли они избавились и от Лоёма? А уж про исчезновение старого бродяги ни одна газетенка не напишет ни строчки. Тоже мне сенсация!

Мышь был смертельно напуган, это правда. Но мысль о том, что собственный домик в родной деревне снова превращается в несбыточную мечту, была еще больнее.

— Так что ты сделал с бумажником, прохвост?

— Ой, больно! — возопил старик после очередного удара в бок. — Пожалуйста, не бейте меня! — Он слегка повернулся к Графу, словно прося у того о помощи. — Скажите ему вы, месье! Вот уже неделю все преследуют меня. А я, клянусь как на духу, ничегошеньки не знаю. Ничего! Подумайте сами, какой смысл мне, старому бродяге, лгать таким серьезным людям?

Граф бросил на подельника укоризненный взгляд. Дескать, чего зря мучаешь старика? И тот, словно оправдываясь, прошипел с ненавистью:

— Говорю же тебе, я узнал этого проходимца! Неужели ты думаешь, что я дам ему смотаться просто так? Лили! Гони домой! Там я его живо разговорю! — Он вальяжно откинулся на спинку сидения и закурил, продолжая изрыгать зловещие угрозы на голову пленника. — Подумай еще раз! И подумай хорошенько! Я заставлю тебя рассказать мне все, что ты знаешь. Я выбью из тебя правду любой ценой. Обещаю!

В салоне повисло долгое молчание. Машина свернула с кольцевой и устремилась назад, к Парижу. Граф продолжал неотрывно смотреть в заднее окно.

— Ты уверен, что возле Фуке не было легавых? — нарушил тишину Фред.

— Да.

— Что ж, тогда неплохо! — в голосе бандита, однако, не чувствовалось удовлетворения. Видно, неосознанные подозрения и страхи продолжали угнетать его. Стоило им въехать в Париж, как Фред принялся лично следить за тем, не увязался ли за ними хвост. Он приказал Лили немного покататься по городу, и лишь окончательно убедившись в том, что слежки нет, они свернули на улицу Бланш, где машина остановилась возле какого-то жилого дома.

— Лили, разберись с машиной! А ты, старый хрыч, приготовься к худшему! — с этими словами Фред извлек из кармана нож и с силой ткнул кулаком соседа в бедро, словно предупреждая его о том, что худшее действительно еще впереди.

Машина, с которой было приказано разобраться, была угнана несколькими часами ранее со стоянки возле кинотеатра на улице Колизи. Сейчас Лили отогнал ее на бульвар Рошешуар и бросил там. Назад он потащился пешком. Ливень прекратился, но дождь, мелкий, по-осеннему надоедливый, сыпал с прежним усердием, предвещая непогоду, как минимум, до утра. Свернув на улицу Бланш, он зашел в бар на углу. Отсюда хорошо был виден дом, в подъезде которого исчезла ведомая Фредом троица.

Ну а Мышь уже был на грани прострации. Едва они вошли в небольшую двухкомнатную квартиру с крохотной кухонькой, как его заставили раздеться догола, и Фред сам занялся досмотром вещей. Он ощупывал каждый шов, словно заправский полицейский, не забыл проверить подкладку в пиджаке, заглянул под стельки башмаков, а потом, не колеблясь, оторвал подметки.

Мебели в комнате было немного: кровать, стол, несколько стульев и шифоньер с зеркалом. В гостиной стояли два кресла с пожухлой от времени обивкой, на полу лежал такой же старый, вытертый почти до дыр ковер.

Часы на прикроватной тумбочке показывали десять минут двенадцатого, когда Фред закончил обыск. Он перевел тяжелый вздох, молча поднялся

со стула, приблизился к бродяге и, не говоря ни слова, наотмашь ударил его по лицу. У старика сразу же пошла носом кровь и моментально заплыл один глаз.

— Упрямый осел! Сколько ты еще собираешься испытывать мое терпение? Скажи ему хоть ты, — бросил он Графу. — Он, видно, думает, что мы затеяли весь сыр-бор ради его паршивой персоны! Где бумажник?

Фред снова вскинул вверх кулак. Мышь едва стоял на ногах. Вид собственной крови вызвал у него настоящий шок.

— Не бейте! Я все скажу! — завопил он как резаный.

— Да уж пора бы! — рука милостиво опустилась.

— Если честно, я и сам не знаю, где он сейчас.

И снова взмах, обозначающий готовность к нанесению очередного удара.

— Нет-нет! Постойте! Я говорю правду! Я не взял бумажник с собой! Я ведь ночую в основном в полицейском участке. А там постоянно обыскивают. Вот я и спрятал бумажник под сиденьем в салоне автобуса, который курсирует между ипподромом и городом.

— Что за автобус?

— Завтра покажу. Клянусь, это правда!

Сейчас Мышь ненавидел старшего инспектора Люка со всей силой ненависти, на которую был способен. Подлый обманщик! Заверил, что обеспечит ему защиту, а сам бросил на произвол судьбы. Оставил на растерзание бандитам! Они же отца родного не пожалеют, не говоря уже о бездомном бродяге.

— Старенький автобус, выкрашен в синий цвет. Он всегда стоит на остановке возле станции метро «Майло». У него еще спереди на капоте аист нарисован.

— Видел я эту развалюху, — подал голос Граф. — Старик не врет.

— А раз видел, так что стоишь как вкопанный? Отправляйся в гараж. Наплети там что-нибудь сторожу, чтобы тот пустил тебя осмотреть автобус.

Граф, явно обрадовавшись тому, что не придется больше смотреть на экзекуцию, схватил шляпу и устремился к дверям.

— Минуточку! — остановил его Мышь. Перспектива остаться наедине с кровожадным Фредом ужаснула. — Дело в том, что...

— Ну, не тяни! Что там еще?

— Дело в том, что бумажник пуст. То есть, я хочу сказать, почти пуст.

— Врешь, мерзавец!

Бандиты замерли в изумлении.

— И куда ж ты подевал наши денежки, падаль? — снова взвился Фред.

— Я отдал их в бюро находок.

— Куда-куда? — не понял в первый момент бандит и снова замахнулся, чтобы ударить, но Граф вовремя перехватил его руку.

— Не надо! Кажется, он говорит правду.

— Какую правду?! — завопил Фред, словно его ужалили.

— Ну, сами пораскиньте мозгами! — простонал старик. — Разве я мог оставить при себе такую кучу денег? Да меня бы сразу же упекли в каталажку. Вот я и пришел в полицию и сказал им, что нашел деньги на улице. Они составили протокол, все как положено. Через год деньги, в случае, если не объявится хозяин, по закону передаются тому, кто их нашел.

Вопреки всем превратностям судьбы, всем ударам, обрушившимся на старика в последние дни, эта весьма отдаленная перспектива продолжала согревать его сердце. В конце концов, все еще может измениться в лучшую

сторону. В одном он был твердо уверен: гангстеры ни за что не сунутся в бюро находок с требованием вернуть им пропажу.

— Решил, значит, остаться чистеньким? Будто ты и ни при делах! Что ж, подумаем, как нам с тобой разобраться! — устало вздохнул Фред, не глядя на старика. — Одевайся! Смотреть на тебя тошно!

Он швырнул к ногам бродяги охапку с тряпьем и, подойдя вплотную, снял с него наручники.

— Принеси ему мокрое полотенце! — приказал он Графу. — Пусть смоет кровь со своей противной рожи.

Мышь моментально приободрился. В одежде он снова почувствовал себя уверенно и даже приготовился сплутовать, но очередной окрик весьма своевременно остудил его пыл.

— Предупреждаю! Без фокусов, ясно? Итак, что именно ты отдал в бюро находок?

— Доллары! Я даже специально вложил их в конверт.

— Все?

Старик уже приготовился сказать «да», но зловещий блеск в глазах Фреда подсказал ему, что лучше не лгать.

— Я оставил себе по одной бумажке долларов и франков. Ну, вы же понимаете! Обычно люди редко помнят, сколько именно денег лежит у них в бумажнике. Разве не так? — Мышь скорчил жалостливую мину, но гангстеров это не растрогало.

— А все остальное куда подевал?

— Так там больше ничего не было! Только фотка и три билета в луна-парк. Фотку у меня сразу же забрал инспектор Логно. Собственно, с нее все и началось.

— А письмо?

— Какое письмо? Клянусь вам, там не было никакого письма! Только пустой конверт!

— И ты, мерзавец, выбросил его вон? — воскликнул Фред с неожиданной горячностью.

— Нет, оставил в бумажнике.

Фред кивком головы приказал Графу подойти к нему, и они стали о чем-то шептаться, а затем Граф торопливо направился к выходу.

Фред остался наедине со своим пленником. Но ситуация изменилась, и Мышь уже почти был готов начать торговлю с гангстером. Что, если попытаться разжалобить его?

— Послушайте! — начал он, осторожно подбирая слова. — Эти доллары... Ведь их никто же не затребует назад. А через год я их заберу и верну вам. Только обещайте мне дать небольшую сумму, чтобы я смог на старости лет купить себе домик в деревне. Я так устал от полиции!

Фред слушал его молча, отрешенно уставившись в окно. Он хорошо видел Лили, который удобно устроился за стойкой бара на углу улицы. Внешне гангстер был абсолютно спокоен, и лишь взгляд выдавал внутреннее напряжение.

— Заткнись! — не выдержал он, наконец, нескончаемой болтовни старика. В комнате стало тихо.

Несмотря на поздний час, откуда-то сверху доносились приглушенные звуки музыки. То ли пластинки кто-то слушал, то ли радио забыли выключить. Мышь заметил телефон, стоявший на столе в гостиной. Вот бы позвонить и вызвать сюда наряд полиции!

— Я хочу пить! — ухватился он за призрачный шанс обрести свободу.

Фред кивком головы указал ему на кран в кухне. Но кухня располагалась в противоположном конце квартиры. Пришлось тащиться туда, пускать воду, делая вид, что пьет.

Люка сидел без пиджака. Лицо его было не менее озабоченным, чем у Фреда. И распекал он подчиненных с той же суровостью, с какой выговаривал своим подельникам гангстер.

Да, с самого начала операция не задалась, и все пошло наперекосяк, совсем не так, как он планировал. Пришлось перестраиваться прямо на ходу: импровизировать, менять тактику, приспосабливаясь к новым обстоятельствам. Что отнюдь не гарантировало успеха в итоге. Игра может быть проиграна в любой момент, и Люка прекрасно понимал это.

Надо отдать бандитам должное. Они провели похищение старика просто виртуозно: шансов угнаться за похитителями не было. Вокруг было полно машин. Таксисты буквально взяли в кольцо все окрестные улицы, прилегающие к ресторану. Попробуй выбраться из этой круговерти! А тут еще дождь. И не просто дождь, а самый настоящий ливень, грозящий обернуться всемирным потопом с последующим транспортным коллапсом в Париже. К тому же, в распоряжении бандитов сверхмощный автомобиль, состязаться с которым полицейским малолитражкам просто не под силу.

После того как машина с преступниками скрылась из виду, Люка приказал водителю ехать прямо в префектуру. Там он и расположился в огромной комнате на втором этаже здания, превратив ее на время в своеобразный штаб всей операции.

Несмотря на дождливую погоду, в комнате было душно. Все три окна, выходящие во внутренний дворик, были распахнуты настежь. Люка, с неизменной трубкой во рту, сыпал указаниями направо и налево. Благо, технические возможности префектуры позволяли ему быть на связи с любым полицейским участком. На световом табло, установленном на стене, высвечивались звонки, поступающие в полицию и в службу спасения. Уже дважды к ним заглядывал начальник муниципальной полиции, чья квартира располагалась рядом, на этом же этаже, интересовался, есть ли обнадеживающие подвижки в деле. Префект, проживавший на другом конце здания, звонил Люка каждые четверть часа. Тоже ждал новостей. Но все, что мог сообщить им Люка, это то, что успех операции в данный момент всецело зависит от случая. Иными словами, если им повезет, то все будет хорошо. А если нет, то... При том, что лично он, старший инспектор Люка, сделал все от него зависящее. Он задействовал все ресурсы, имевшиеся в его распоряжении, продумал все варианты развития событий. Более того, он сознательно пошел на риск, привлекая к участию в операции бродягу, ибо отлично понимал, что в случае непредвиденных обстоятельств пешкой придется пожертвовать. Что, разумеется, немедленно будет поставлено в вину лично ему. И газеты не преминут обрушиться на него за то, что он не схватил гангстеров прямо на месте, а позволил им увезти прочь несчастную жертву. В обществе, как это всегда бывает в подобных случаях, моментально поднимется всплеск негодования. Все начнут единогласно бичевать бесчеловечные методы работы французской полиции, которая с легкостью может поступиться человеческой жизнью. Причем чужой жизнью.

Увы, но все будет именно так. Его поймут лишь те немногие, кто знаком с работой полиции не понаслышке. Ну, задержи он тех двоих, предположим. И что у него есть, чтобы предъявить им? Конечно же, он сразу узнал бандитов. У Графа, по меньшей мере, четыре судимости, и все за мелкое мошенничество и подлог. Пока не совсем понятно, зачем он пошел на мокрое дело. Насколько Люка был осведомлен о его криминальном прошлом, Граф никогда не был замешан в убийствах. Что же его подвигло на откровенную мокруху?

Вот его подельник — это уже совсем другая песня. Впрочем, и за ним во Франции числилась лишь одна судимость. Уроженец Сицилии, Фред во

времена сухого закона промышлял в Америке, лет пять тому назад перебрался в Париж, но ни в чем таком не был пока замешан, и у полиции против гангстера тоже ничего не было. Разве что дружки его вызывали подозрение да развязные манеры поведения доставали тех, кто сталкивался с ним накоротке.

Вот и делай с ними после этого что хочешь! Арестуй их он в тот момент, когда они надели наручники на Мышь, и что дальше? Таких матерых уголовников не расколешь на признание без существенной предъявы. А предъявить он им может лишь противодействие полиции. Три месяца тюрьмы, в лучшем случае, вот и все наказание.

Безусловно, бродяга что-то знает. Но что? Стыдно признаться, но в глубине души Люка надеялся на то, что гангстеры сделают грязную работу вместо него и заставят старика сказать им правду. У них для этого имеется широкий ассортимент отработанных приемов. Да и спрос с них какой? Одно слово, бандиты! Не то что он, старший офицер полиции! Разве он имеет право пытать старика, выколачивая из него ценные сведения.

Итак, все, что можно было сделать, сделано. И сейчас оставалось лишь ждать развязки. Уже спустя несколько минут после того, как старший инспектор обосновался в префектуре, ему сообщили, что машина, на которой скрылись похитители, числится в республиканском розыске. Через пятнадцать минут поступили сообщения от патрульных служб Тринадцатого округа: машину засекли проезжавшей возле отеля «Порт-д'Итали». В половине девятого инспектор полиции уже сидел в холле гостиницы на авеню де Ваграм, в которой проживал Граф.

Еще два инспектора методично прочесывали все бары на Елисейских Полях и в районе площади Этуаль, выуживая у барменов самую последнюю информацию об американском гангстере. Более того, в это же самое время сержант полиции уже прибыл на улицу Бланш и обустроился на ступеньках в подъезде дома, в котором квартировал Фред, поджидая его этажом выше.

— Пока никаких новостей, господин префект! — доложил Люка во время очередного звонка начальства. — Согласно нашей оперативной информации, машина сейчас катается по кольцевой. Видно, преступники скоро вернутся в Париж.

Люка не стал в разговоре с префектом развивать альтернативные варианты. Но на случай, если гангстеры задумают рвануть вглубь страны, соответствующие меры были приняты. Жандармерия уже получила приказ, и все жандармы в небольших городках, расположенных на территории департаментов Сена, Сена-и-Уаза, Сена-и-Марна, были поставлены под ружье.

У Люка с утра не было ни крошки во рту, но есть не хотелось. Он, как ни странно, рисовал в своем воображении те же мрачные картины, что и Мышь, сидя в машине. Небольшой лесок на обочине дороги, где так легко спрятать труп, присыпав его сверху землей в какой-нибудь канаве. Что ж, от этого никто не застрахован. Оставалось лишь надеяться на лучшее.

На руках у Люка имелась самая полная информация о местонахождении всех остальных фигурантов дела. Так, господин Стаори сидел в данный момент в театральной ложе, наслаждаясь спектаклем в обществе приятеля из Венгрии и его красавицы жены. Что же до финансистов из Швейцарии, то господин Остин, прилетевший из Базеля первым, уже предавался сну. Тот, который прибыл из Лондона, вопреки всем канонам джентльменского поведения, расслабился по полной и с удовольствием хлестал виски в английском баре на улице Дану. Ну, а рыжий в данную минуту восседал в первом ряду зрительного зала в знаменитом кабаре «Фоли-Бержер».

Более того, Люка также приказал перепроверить еще раз информацию о том, что лорд Арчибальд Ландсберри действительно находится в настоящее время на приеме в посольстве Японии.

Все эти мелкие и крупные поручения отдавались и выполнялись под звуки непрекращающегося дождя, который, судя по всему, зарядил до самого утра. Что ж, пусть хоть немного собьет пекло, мучившее парижан все последние дни.

А потом вдруг как прорвало! Нескончаемый поток телефонных звонков, лампочки, непрестанно мигающие на табло вызовов, одновременные разговоры сразу по трем телефонам. Начальник муниципальной полиции не выдержал и сам явился в штаб, пристроившись рядом с Люка.

Первым в этой непрерывной веренице сообщений поступила информация от патрульных: машина с похитителями вернулась в Париж, проехала мимо станции метро «Шарентон», затем миновала полицейский участок рядом с госпиталем Сен-Луи и направилась в сторону Монмартра. Никто из полицейских, однако, не смог сказать со всей определенностью, сколько пассажиров было в салоне автомобиля: трое или двое.

Чуть позже поступил звонок от сержанта, дежурившего в подъезде дома на улице Бланш.

— Я звоню вам из квартиры наверху, — доложил он. — Хозяйка квартиры любезно согласилась помочь мне и включила музыку, чтобы замаскировать мое присутствие на лестнице. Алло! Минуточку! Они возвращаются! Да, вернулись! Все трое! Машина уехала! Я иду на пост! Присылайте подмогу!

Потом поступил звонок от патрульных, обнаруживших угнанную машину на бульваре Рошешуар. По их словам, машина была пуста, и они ждут указаний, что с ней делать.

Следом опять позвонил префект, и Люка заверил его, что ситуация находится под полным контролем.

— Думаю, мы справимся, господин префект! — закончил он разговор и отдал приказ дежурившим вместе с ним офицерам полиции: — Немедленно отправляйте машину с полицейскими на улицу Бланш, а вторую — на улицу Монси.

Надо захлопнуть капкан, чтобы у бандитов оказались отрезанными все пути к отступлению.

Не успел он отдать последний приказ, как на связь с ним снова вышел сержант, дежуривший в доме Фреда.

— Тот, который повыше, только что покинул квартиру, оставив старика наедине с Фредом.

На сей раз колесо фортуны повернулось к ним, и удалось совершить почти невероятное. Такси с инспектором, устроившимся рядом с водителем в качестве якобы его напарника, для чего традиционная шляпа была заменена холщовой водительской фуражкой, успело как раз вовремя, чтобы подобрать Графа в качестве своего пассажира.

— На станцию Майло! — скомандовал он, устраиваясь на заднем сидении.

Невероятная удача, это правда! И все же, игра пока еще не закончена, а потому говорить об успехе рано. Один из трех инспекторов, обеспечивавших негласное сопровождение финансистов из Базельской группы, доложил во время очередного сеанса связи, что его подопечный, месье Гаде, воспользовавшись антрактом, только что покинул варьете и в сопровождении человека, смахивающего на сутенера, направился в один весьма известный бордель, расположенный неподалеку.

— Ну и пусть себе развлекается! — снисходительно отреагировал Люка.

— А мне что делать?

Ответа не последовало, так как старший инспектор уже держал в руках другую трубку.

— Алло! Преступник только что вошел в гараж автобусного парка возле станции Майло. Что мне делать?

— Ждать! А когда он выйдет, расспросить сторожа, зачем он туда приходил.

По мере того как нарастало напряжение, время, казалось, остановилось. А тут еще, как назло, не было никаких звонков от сержанта, дежурившего в доме на улице Бланш.

— Алло! Это снова я. Звоню со станции метро. Он только что вышел из гаража и приказал таксисту отвезти его обратно на улицу Бланш. Я остаюсь пока здесь. Иду беседовать со сторожем.

Следующий звонок не заставил себя ждать.

— Я поговорил со сторожем. Он сказал, что мужчина попросил показать ему старенький автобус, который ходит на ипподром. У него еще на капоте нарисован аист. Но сторож пояснил, что автобуса на данный момент в гараже нет. Его два дня тому назад отправили вместе с водителем в Виши до конца сезона. Так они поступают каждый год. И что мне делать дальше?

Но Люка не дослушал последнюю фразу. Он бросил трубку на рычаг и попросил помощников срочно дозвониться до старшего инспектора в Виши.

— Когда выйдете на связь, скажите ему, чтобы они немедленно отогнали синий автобус с аистом на капоте на спецстоянку и взяли его под усиленный контроль, предварительно закрыв на ключ все двери в салоне.

Он снял со спинки стула пиджак и окинул комнату рассеянным взглядом, пытаясь определить, в какой именно угол он зашвырнул свою шляпу.

— Ты и ты! Да, вы двое! Поедете со мной на улицу Бланш! — приказал он сыщикам.

Автомобиль уже ждал их наготове во внутреннем дворике. Дежурный полицейский широко распахнул въездные ворота, и машина на полной скорости выехала на площадь перед Собором Парижской Богоматери.

Все те семь минут, что они мчались до улицы Бланш, Люка сидел с закрытыми глазами. И со стороны казалось, что он просто дремлет.

Глава девятая

Странствия мадам Логно

Один из телеграфистов, несших бессменную вахту в штабе, выйдя в коридор, заметил незнакомую женщину, которая неуверенно мялась на лестничной площадке, раздумывая, в какую сторону ей податься. Издали она производила довольно странное впечатление: костюм, промокший насквозь, такая же сплющившаяся от дождя шляпка, испуганные глаза.

— Что вам угодно, мадам? — вежливо поинтересовался у нее полицейский.

— Мне нужно к старшему инспектору Люка.

— Вы наверняка столкнулись с ним внизу. Он только что уехал.

Полицейский проследовал дальше, оставив мадам Логно стоять в полной растерянности на верхней ступеньке лестничного пролета. Какая жалость, что они разминулись! Но это и неудивительно. Вот уже полчаса мадам Логно блуждала по пустынным коридорам здания префектуры,

открывая десятки дверей в десятки помещений, в каждом из которых она не встретила ни единой живой души.

Правда, внизу на вахте дежурный напутствовал ее следующими словами:

— Поднимайтесь по третьей лестнице, той, что слева, в дальнем углу коридора напротив внутреннего дворика. Там еще забор такой стоит.

Но женщина, судя по всему, нужной лестницы так и не нашла, и вот сейчас тщетно пыталась отыскать хоть кого-то, кто помог бы ей выбраться из лабиринта бесконечных коридоров и запутанных переходов. Она страшно обрадовалась, увидев человека в форме, но тот, коротко ответив ей, прошел дальше, приказав мадам Логно стоять там, где она и стояла.

— Ты должна отдать мое письмо только старшему инспектору Люка! — напутствовал ее муж, выправляя в город. — Помни, что бы ни случилось, только ему! Из рук в руки!

Весь день муж был сам не свой. Ни с кем не разговаривал, а на все вопросы отвечал коротко:

— Не мешайте мне! Я думаю.

Потом он потребовал, чтобы ему принесли карандаш и бумагу. Следом велел подать вчерашнюю газету, через минуту ему понадобилась позавчерашняя. Еще через минуту возникла нужда в телефонном справочнике. Для чего мадам Логно пришлось одеваться и идти в ближайшее кафе, чтобы позаимствовать у них на время этот дурацкий справочник.

В самый разгар дождя муж объявил ей:

— Надо, чтобы ты съездила к своему брату.

— К Франциску?

— Да. Мне нужен том большого Ларусса, тот, что на букву Л.

Брат мадам Логно работал учителем и, конечно, имел у себя дома толковый энциклопедический словарь. Но не в такую же погоду ей за ним ехать!

— Ты уверен, что он тебе нужен?

— Неужели ты не хочешь, чтобы твоего мужа перевели на работу в Управление криминальной полиции?

Мадам Логно вынуждена была безропотно подчиниться. Сына она отвела к соседям, потому что мужу мешал каждый шорох в доме, отвлекая его от каких-то там мыслей.

— После того как его ударили по голове, он стал просто невыносимым! — пожаловалась она брату, пока тот заворачивал нужный том в несколько слоев бумаги.

Ларусс понадобился инспектору Логно всего лишь на пару минут, после чего он сразу же принялся строчить письмо, не забыв предупредить жену:

— Пока не раздевайся! Сейчас отправишься в Управление криминальной полиции и спросишь, как тебе найти старшего инспектора Люка. Отдашь письмо лично ему. Если его нет на месте, поинтересуйся, где он, и отправляйся по указанному адресу.

После долгих странствий мадам Логно добралась, наконец, до самой префектуры. И нате вам, пожалуйста! Дождь продолжает лить как из ведра, а инспектора Люка снова нет на месте. Женщина устало опустилась на ступеньку, чтобы дать ногам немного отдыха.

Спасение пришло неожиданно. Начальник муниципальной полиции, торопившийся в оперативный штаб за последними сводками, решил воспользоваться не служебным входом, а пойти напрямик, через службу экстренного вызова, и столкнулся носом к носу с мадам Логно, сидящей на лестнице.

— Что вы здесь делаете, мадам? — страшно удивился он.

— У меня срочное письмо к старшему инспектору Люка.

— Отдайте его мне, и я передам.

Но женщина лишь отрицательно покачала головой.

— Не могу! Муж, инспектор Логно, велел мне отдать письмо лично в руки месье Люка.

Высокий полицейский чин недоуменно пожал плечами и пробормотал:

— Что ж, раз так, ступайте за мной.

Люка как раз закончил разговаривать с префектом. Он сообщил ему, что *птички* уже в клетке, и совсем скоро он доставит эту клетку на Набережную Орфевр. Префект, жаждущий быть в курсе всех подробностей задержания, тут же откомандировал начальника муниципальной полиции непосредственно в штаб, чтобы тот доложил ему, как все прошло и каковы самые первые показания преступников.

Надо сказать, что все прошло довольно буднично. Час поздний, почти все театры и кинотеатры уже закрыты, улицы пустынны. Кстати, улица Бланш и в хорошую погоду не может похвастаться многолюдностью. Вот и сейчас только трое припозднившихся посетителей бара развлекали себя игрой в карты вместе с хозяином заведения. Но что-то в этой троице показалось Лили подозрительным. Он ринулся к телефонной будке и заорал в трубку так, что было слышно даже через стенку.

— Фред! Здесь легавые! Полный фургон полиции. Наверное, он прокололся в гараже. Я делаю ноги, да? Хорошо! О’кей! Можешь на меня положиться.

Закончив разговор, молодой человек широко распахнул дверь телефонной будки для того, чтобы оценить ситуацию, после чего бросился бежать с такой скоростью, что сбил с ног устремившегося навстречу инспектора. Но второй подоспел вовремя, он схватил парня за ногу и, повалив на землю, защелкнул наручники на его запястьях.

Разумеется, Фред держался с большим хладнокровием. В конце концов, он же не восемнадцатилетний юнец, чтобы терять голову. Выслушав сбивчивый монолог Лили, бандит спокойно положил трубку на место и, перехватив заинтригованный взгляд бродяги, сказал:

— Пустяки! Один приятель звонил. Я отлучусь на пару минут.

С этими словами он устремился к дверям и, не включая свет, вышел на лестничную площадку. Стараясь двигаться в темноте бесшумно, гангстер стал осторожно подниматься наверх, по направлению к чердаку. И вдруг почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в грудь. Он мгновенно похолодел от страха, поняв, что это дуло револьвера.

— Куда торопишься, приятель? — спросил его голос в темноте.

— Домой! А что случилось? Неужели в потемках я ошибся этажом! — Фред лихорадочно пытался выиграть время и снова взять инициативу в свои руки. — Надеюсь, я не ушиб вас?

— Ступай вниз, приятель! Игра закончена!

Инспектор включил свет и привычным движением руки извлек из кармана Фреда револьвер. На лестничной площадке этажом ниже их поджидал Люка с помощниками.

Он успокоил жильцов соседней квартиры, выглянувших на шум.

— Все в порядке! Полиция!

И вошел в квартиру Фреда.

Комичное это было зрелище — увидеть босые ноги старика, торчащие из-под штор, за которые он спрятался, испугавшись того, что творилось на лестнице.

— Давай же, вылезай на свет божий! — миролюбиво посоветовал ему Люка.

— Ну наконец-то! Явились! — разворчался Мышь, выходя из своего укрытия. — Это вы так меня спасаете, да? Еще немного, и вы застали бы здесь мой бездыханный труп!

— Перестань вопить! Ты сейчас мне весь дом на уши поставишь!

Арестованных усадили в закрытый фургон, но машина не трогалась. Все ждали возвращения Графа. Но вот к дому подъехало такси, из него вышел человек и в ту же минуту попал в объятия сразу двух полицейских.

— Вот теперь полный комплект! — удовлетворенно констатировал Люка и обратился к водителю: — Вези нас на Набережную Орфевр.

Прибыв на место, Люка позвонил в штаб.

— Как только поступит звонок из Виши, переключите его сюда, на мой кабинет. И доложите префекту, что клетка благополучно доставлена в управление.

Так закончились бесцельные хождения мадам Логно по огромному зданию префектуры. Вместе с начальником муниципальной полиции она снова отправилась на Набережную Орфевр. Само собой, бедняжка понятия не имела, кто этот человек и в каком он звании. Жилистый мужчина невысокого росточка со смешной козлиной бородкой, словом, весьма невзрачный субъект. Таким предстал перед мадам Логно начальник всей столичной полиции.

Вместе они вошли в кабинет Логно. Он был не один. Перед столом выстроилась в ряд вся четверка задержанных: Мышь, Фред, Граф и, наконец, Лили с кровоточащей губой, которую он рассек при падении. Не говоря ни слова, начальник муниципальной полиции пристроился на стуле в углу комнаты, и вперед выступила мадам Логно.

— А вы, мадам, что здесь делаете? — вперил в нее изумленный взгляд Люка.

— Я принесла вам письмо от мужа. Вы меня не помните?

Конечно же, он ее не помнил! Вернее, в суете последних нескольких часов начисто забыл женщину.

— Я жена инспектора Логно, он велел передать вам вот это! — женщина достала из сумочки письмо и протянула его старшему инспектору, после чего тихонько вышла из кабинета.

Бедная мадам Логно! Как же ей досталось от мужа, когда тот узнал, что она посмела вторгнуться в кабинет старшего инспектора Люка прямо во время допроса. И это вдобавок к тому, что она снова потерялась в пустынных коридорах Управления криминальной полиции и долго блуждала по этажам, прежде чем выбраться на улицу.

Люка прочитал письмо дважды и молча передал его начальнику муниципальной полиции.

Месье Люка!

Все это время мне покоя не давал один вопрос. Кто такой этот таинственный Арчибальд? Ибо с самого начала я подозревал, что именно он является центральной фигурой всего этого крайне запутанного дела.

Воспользовавшись незапланированной передышкой и постельным режимом, я решил прояснить вопрос с помощью толкового словаря Ларусс (выпуск 1913 года), который любезно предоставил в мое распоряжение деверь. И вот что я обнаружил в томе на букву Л.

«Сэр Арчибальд Ландсберри (1824—1887), известный английский ботаник».

«Арчибальд С. Ландсберри (1851—1914), сын сэра Арчибальда Ландсберри, вице-король Индии, введен в звание пэра в 1903 году».

Люка машинально перевернул страницу, словно рассчитывая найти там объяснение. Но на обороте стояло лишь коротенькое заключение:

Надеюсь, эта информация может оказаться Вам полезной. С уважением, Ваш покорный слуга, — и подпись.

Люка положил письмо на стол и, вызвав одного из помощников, что-то негромко сказал ему. Вскоре троих бандитов увели из кабинета и разместили по разным камерам. В кабинете остался бродяга, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Итак, они выбили из тебя все, что им было нужно, — проговорил Люка безразличным тоном, разглядывая заплывший глаз старика и его разбитый нос.

— Да уж! В том, что они не убили меня, вашей заслуги нет! — неожиданно огрызнулся Мышь, вспомнив, через что ему пришлось пройти минувшей ночью.

— И поделом! Я бы на их месте приложился еще сильнее. Тогда вместо тюрьмы тебе была бы прямая дорожка в инвалидный дом.

— Тюрьмы?

— Да, мой дорогой! Тебе грозит тюремный срок, и немалый! Разве я не предупреждал тебя о том, что ждет тех, кто замешан в убийстве, да еще и прячет улики от полиции?

Казалось, еще немного, и Мышь, наконец, расколется. Но не тут-то было! Опустив голову в пол, он что-то долго и сосредоточенно обдумывал, потом поднял глаза на Люка и улыбнулся ему в лицо.

— Этот номер у вас не прокатит!

— Ну, это мы еще посмотрим! Так, значит, сказать тебе нечего?

— Что сказать?

— То есть, ни в каких противоправных действиях ты не замешан, улики не прячешь, преступников не покрываешь. Так?

— Я устал! — отрезал старик.

— Хорошо! — тяжело вздохнул Люка. — Сейчас тебе дадут возможность поспать. — И уже совсем другим, официальным тоном обратился к одному из своих помощников: — Жанвье! Отведите старика в камеру. И проследите за тем, чтобы ему дали мокрое полотенце стереть кровь с лица.

Мышь увели, и в кабинете остались двое: Люка и начальник муниципальной полиции. Они мрачно переглянулись, и Люка позволил себе еще один тяжелый вздох. Им все было понятно без слов. Дело обещает быть чертовски сложным.

Как и предполагал Люка, четверка вела себя на допросах по-разному. Лили допрашивали первым, и он держался с вызывающей наглостью.

— Что я делал в машине? Катался по городу. А что, это запрещено законом?

— Арчибальд? Какой Арчибальд? Никогда не слышал о таком! Дурацкое имя!

— Чем зарабатываете на жизнь?

— Разве вы сами не видите, что с такой внешностью, как у меня, с голоду не помрешь!

Фред, напротив, вел себя со сдержанным достоинством. Четко назвал имя, место и год рождения, а на вопрос о роде занятий дал немного неожиданный ответ:

— Массажист и по совместительству спортивный тренер в оздоровительных дамских салонах.

Гангстер сохранял олимпийское спокойствие, и лишь глаза сверкали злорадным блеском, словно подначивая старшего инспектора, — ну-ка, попробуй, расколи меня, приятель!

Самым забавным оказалось то, что Фред вдруг вспомнил о дипломатическом протоколе и заговорил таким же витиеватым стилем, что и господа финансисты из Базеля или господин Стаори из Будапешта.

— Хочу предупредить вас, старший инспектор, что вы несете персональную ответственность перед послом Соединенных Штатов за превышение должностных полномочий. Вы, наверное, не вполне отдаете себе отчет в том, что имеете дело с гражданином суверенного государства.

— Зачем вы похитили Мышь с террасы ресторана Фуке?

— Я буду отвечать на ваши вопросы только в присутствии своего адвоката!

Да, такого не запугаешь. Пришлось отпустить ни с чем. Надо запастись терпением.

Оставалась лишь одна, последняя надежда. Граф! В нем упрямства поменьше.

— Не узнаю я тебя, приятель! — начал Люка доверительным тоном. — Мне всегда казалось, что у тебя есть мозги. Ну да! Время от времени и у тебя случались неприятности с законом, но все это были сущие пустяки в сравнении с тем, во что ты вляпался на сей раз.

Сказать по правде, старшему инспектору и в самом деле было немного жаль сидевшего перед ним типа, представительного, дородного мужчину, слишком хорошо одетого для заурядного бандита. Граф уныло уставился в пол, тщетно пытаясь найти какие-то слова оправдания в собственный адрес.

— И что же тебя подвигло спутаться с таким откровенным негодяем, как Фред, а? Ты же человек воспитанный, завсегдатай лучших парижских баров, а тут такое! Имея труп на руках, мы постараемся, чтобы ты, мой дорогой, получил у нас по полной программе. Обещаю!

— А что вам сказал Фред?

— Да все! Разве он стал тебя выгораживать? И не подумал! Он тут же бросился спасать собственную шкуру. А что ему оставалось, коль скоро мы нашли тело.

— Неправда!

— Что неправда?

— Все! И вообще, вы не имеете права меня допрашивать. Я стану отвечать только на вопросы следователя!

— Как знаешь, приятель.

Люка предвидел такой исход. Он слишком хорошо знал подобную публику. Эти ребята не из пугливых, к тому же не дураки. Их просто так не возьмешь.

Близилось утро. Надо садиться и писать отчет. Он пообещал префекту подготовить отчет к утру. Вот только о чем писать? Нет, лучше пока об этом не думать.

— Пойду-ка я перекушу! — сказал он помощнику.

С трудом прожевывая холодное мясо, то немногое, чем можно было разжиться в ночном баре на площади Шатле, Люка мрачно разглядывал унылый пейзаж за окном. Дождь, монотонный дождь, редкие фигуры прохожих под зонтиками. Скоро парижские улицы превратятся в настоящие каналы, прямо как в Венеции.

— Алло! Виши? Слушаю вас! Одну минуточку! Сейчас я возьму карандаш, чтобы пометить. Так говорите, одна банкнота достоинством пятьсот долларов, одна в сто долларов, одна... А конверт? Пустой? Так

«Всемирная литература» в «Нёмане»

я и знал! Будь оно все неладно! Опишите мне сам конверт. Какой он? Как все обычные конверты? Говорите, старый? Очень старый? А что в нем еще необычного? Так... так... Вот оно! Есть! Нет, старший инспектор! Я вовсе не шучу! Так какого цвета, говорите, марка? Синего? Гавайская марка? Прекрасно! Это все, что я хотел узнать. У вас надежный сейф? Немедленно спрячьте все под замок.

Люка повернулся к сержанту Жанвье.

— Графа ко мне! Быстро!

У последнего уже успели изъять галстук и шнурки от туфель, что моментально лишило его элегантности и поубавило уверенности в себе.

— Всего один вопрос, любезный. По-прежнему увлекаешься филателией, особенно редкими марками, а? Помнится, три года тому назад у тебя уже были проблемы с полицией именно на почве филателии. Говорят, ты тогда умудрился всучить клиенту фальшивые зарубежные марки. Я прав?

— Меня оправдали за отсутствием доказательств.

— Ну и слава богу! А расскажи-ка ты мне, приятель, во всех подробностях, сколько стоит одна гавайская марка, выпущенная в середине прошлого века. Отвечай! Чего молчишь? Я с тобой не в кошки-мышки играю, идиот! Будешь молчать, я получу ответ в другом месте.

— Гавайи выпуска 1851 года стоит около четырехсот тысяч франков за штуку.

— Это — которая, синяя?

— Да. На сегодняшний день их сохранилось не более дюжины. Из них лишь несколько — в приличном состоянии.

— Благодарствую за информацию. Вот теперь можешь отправляться спать.

— Так я свободен?

— Еще чего! Ступай спать в свою камеру, вот что я имел в виду. Больше ничего добавить не желаешь?

После секундного колебания Граф проговорил с нескрываемым сожалением в голосе:

— Нет, ничего!

...вот она, разгадка того, кто такой этот Арчибальд...

Старший инспектор писал отчет, тщательно выверяя каждое слово. Три часа ночи. По окнам барабанит дождь. Густые свинцовые тучи нависли над Сеной. Лишь изредка из-за них выныривала луна и тут же снова исчезала в кромешной мгле.

...Граф, промышляющий маклерством, случайно познакомился с Фредом в одном из баров на Елисейских Полях. Поначалу это было лишь шапочное знакомство, не более того, пропустить вместе по бокалу вина, сыграть партию в покер. Пока однажды он не разоткровенничался и не проболтался кое о чем. Конечно, это всего лишь моя рабочая гипотеза, но зная нравы подобной публики, не сомневаюсь, что она весьма правдоподобна.

Эдгар Лоём был страстным коллекционером. Его коллекция марок стоит целое состояние. Недаром после ее оценки господа из Базеля немедленно упрятали коллекцию в одном из банковских сейфов. Настоящей гордостью коллекции являлись две гавайские марки выпуска 1851 года, одна из которых была наклеена на конверт, адресованный известному английскому ботанику сэру Арчибальду Ландсберри, который в те далекие годы находился в научной экспедиции на островах Тихого океана, занимаясь изучением тамошней флоры.

Вполне возможно, Лоём пытался обменять дубликат на другую марку и даже поместил соответствующее объявление в журнале для филателистов. А у Графа, прочитавшего объявление, мгновенно возник план, как обвести вокруг пальца богатого собирателя марок. Уверен, что именно таким был первоначальный замысел Графа, которым он поделился с Фредом.

После чего начались уже непосредственные переговоры с владельцем редкой марки. Скорее всего, злоумышленники разместили встречное объявление или вышли на Лоёма каким-то иным способом. Вполне вероятно, ему предложили равноценный или даже еще более выгодный обмен, но с обязательной предоплатой части суммы. Сержант Жанвье, который когда-то увлекался коллекционированием марок, рассказал мне, что существуют и более дорогие марки. К примеру, ярко-красная марка островов Маврикий номиналом в один пенни. В настоящее время цена за нее колеблется в пределах от пятисот до шестисот тысяч франков. Что вполне сопоставимо с той суммой аванса, которую имел при себе Лоём, отправляясь на свидание. А то, что часть денег была в долларах, косвенно подтверждает участие Фреда в афере. Гангстер, конечно же, предпочитал иметь дело с долларами.

Убийство произошло именно в момент свидания. Лоёма убили в его машине, и это наверняка сделал Фред. Насколько я знаю Графа, он слишком труслив, чтобы решиться на мокрое дело. Вполне возможно, в убийстве участвовал и Лили. Но это еще предстоит доказать.

Как бы то ни было, а факт остается фактом. Убийц (или убийцу) спугнул именно бродяга по кличке Мышь. Он же каким-то образом завладел бумажником покойного.

Люка отложил ручку в сторону и задумался. Он должен тщательно взвесить все еще и еще раз. Ведь, по сути, вся его версия строится пока на одних лишь догадках и предположениях.

Инспектор Логно из муниципальной полиции, который хорошо знает бродягу, с самого начала заподозрил что-то неладное в его поведении. Здесь следует особо подчеркнуть, что именно благодаря инициативным действиям этого офицера полиции стало возможным начало правового расследования всего дела.

Люка мысленно представил себе покорную, вымокшую насквозь фигурку мадам Логно в сплющенной от дождя шляпке и в дешевых хлопчатобумажных перчатках и снова заскрипел пером.

Дальнейшие поступки бродяги мотивированы и вполне понятны, особенно сейчас, когда нам известно содержимое бумажника.

...гангстерские замашки, которые Фред приобрел в Америке, толкнули его на столь кровавое преступление, с которыми нечасто можно встретиться во Франции...

...Думаю, потребуется очень тщательное расследование, чтобы понять, каким образом преступники избавились от своей жертвы и машины. А уж найти и то, и другое будет откровенным везением...

Люка закончил пятую страницу пространного отчета и внимательно перечитал написанное. Потом снова взял перо и добавил еще несколько предложений.

Примечание. Несмотря на то, что все представители совета директоров Базельской группы вели себя крайне осмотрительно и неохотно шли на контакт со следствием, есть основания полагать, что господин Мюллер, ранее занимавший в компании весьма незначительное положение, возвысился только благодаря тому, что случайно узнал о любовной связи шефа и стал шантажировать его этим.

Во время деловой поездки в Будапешт он познакомился с Дорой Стари и влюбился в нее, а вскоре и сам стал объектом манипуляций со сто-

роны ее отца, пытавшегося втянуть Лоёма через своего потенциального зятя в какую-то неблаговидную финансовую аферу.

Но финансист, прибывший в Будапешт для встречи с адвокатом Стаори, навел справки о деловой репутации последнего и от встречи отказался.

У самого же Мюллера не было ни полномочий, ни авторитета, чтобы хоть как-то повлиять на ситуацию. Именно этим объясняется истерика Доры и ее публичные обвинения в адрес жениха, с которыми она обрушилась на Мюллера в холле отеля в самом начале расследования.

Люка еще раз пробежал глазами отчет и тяжко вздохнул.

— Какая ерунда получается! — воскликнул он в сердцах, обращаясь к сержанту.

— Почему ерунда? — изумился тот.

— Столько работы, и все впустую.

— Но почему впустую?

— Сам увидишь!

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правоту старшего инспектора. Но ему не в чем было упрекнуть себя: лично он сделал все что мог. На следующее утро, подремав часок на кушетке в приемной, Люка снова затребовал к себе всю четверку и вручил каждому машинописную копию подготовленного отчета. Те погрузились в чтение. Люка даже не стал смотреть, зная, что бесполезно пытаться понять что-то по выражению их лиц. Первым закончил читать Фред. Он протянул листки старшему инспектору и восхищенно воскликнул:

— Десяточка!

— Добавить ничего не желаешь?

— Я?! Конечно нет!

— А ты? — обратился Люка к Графу.

— Ничего!

— И я тоже! — оскалился Лили. — Если вы надеетесь с помощью этой писанины засадить нас за решетку, то очень зря! Ничего у вас не выйдет!

Заключенных вывели, и в кабинете остался только бродяга. Он забился в уголок и жалобно съежился.

— Ну, а ты что скажешь?

— Ничего?

— Я что-нибудь переврал?

Мышь тоскливо уставился на дверь, за которой скрылась преступная троица. Вот он, самый судьбоносный момент в его жизни. Старик откашлялся и тихо сказал:

— Нет, здесь все — правда.

— Ты их видел в тот вечер?

— Нет.

— То есть, в машине их не было?

— Не знаю. Клянусь, я ничего не знаю! Поверьте, на сей раз я говорю чистую правду. А что со мной сейчас будет?

— Три месяца тюрьмы, — лаконично бросил Люка.

— И все?

— Вполне возможно, с отсрочкой исполнения наказания. Посидишь за мелкое мошенничество и за то, что пытался ввести в заблуждение представителей власти.

— Посижу, — покорно согласился старик и направился к выходу.

А Люка снова взялся за перо, чтобы написать рапорт.

...считаю целесообразным перевод инспектора Логно в Управление криминальной полиции. Он обещает стать полезным работником при условии...

Перо повисло в воздухе.

...что не будет проявлять излишнего рвения без согласования своих действий с вышестоящим начальством...

Судья Севри затратил месяц на судебное разбирательство, самый жаркий месяц за все лето. Невыносимо было сидеть в такой духоте, зная, что семья в это время наслаждается всеми прелестями отдыха на море, а он не может присоединиться к близким даже на выходные. Сам же процесс оказался крайне сложным.

— Ничего не знаю! — бубнил на каждом заседании Фред и взрывался праведным гневом. — Вы мне уже надоели со своими Лоёмами и Арчибальдами. Я понятия не имею, что это за типы!

Лили и вовсе был освобожден под залог прямо в зале суда. И вскоре он снова замелькал среди завсегдатаев ночных парижских баров.

Все, что можно было вменить в вину троице злоумышленников, — это жестокое обращение с бродягой и сопротивление полиции в момент задержания. Все остальные пункты обвинения так и остались недоказанными в ходе судебного разбирательства. Да и что можно было доказать при отсутствии тела убитого?

Господа финансисты из Базеля покинули Париж, не дожидаясь окончания процесса. Мюллер тоже отбыл к новому месту назначения, в Китай. Что же касается мадемуазель Доры, то она в Берлине не теряла времени даром и уже успела обручиться с молодым немецким лейтенантом, присягнувшим на верность Гитлеру.

Бедняга Логно заработал после полученной травмы нервный тик. Его левый глаз стал непроизвольно закрываться, отчего складывалось впечатление, будто он непрестанно подмигивает. И несколько женщин, столкнувшись со столь странным пассажиром в общественном транспорте, даже успели пожаловаться в полицию на его недостойное поведение.

Ну, а Мышь не вытерпел и где-то в конце июля снова отправился на авеню Парк-Монсо. Прихрамывая сильнее обычного (сказались четыре недели, проведенные в следственном изоляторе), он медленно добрел до знакомого дома и поинтересовался у привратника, может ли он увидеть мадам Бойсвин.

— Если хочешь увидеться с ней, то отправляйся в Бретань. Она там сейчас на отдыхе вместе с сынишкой.

К счастью для господ финансистов из Базельской группы, мальчик был записан при рождении на имя матери. А потому все вопросы с мадам Бойсвин были улажены с помощью единовременной выплаты в сто тысяч франков. Вручая женщине эту сумму, господа из Базеля посоветовали ей открыть свой магазин. Но Люси Бойсвин предпочла стать модисткой и мастерить шляпки для клиенток из близлежащих кварталов, не выходя из дома.

Три месяца тюремного заключения для Фреда, два месяца для Лили и три месяца для Графа плюс запрет, с учетом его прежних судимостей, на дальнейшее пребывание в Париже. Последнее обстоятельство стало, пожалуй, самым сильным ударом для обвиняемого, смотревшегося довольно жалко в ходе всего судебного разбирательства.

В конце лета случилось непредвиденное. Двадцать первого сентября на Сене едва не затонула большая баржа, груженная песком. Она двигалась вниз по течению, огибая остров Путо, затем через систему шлюзов проследовала мимо Больших бульваров и застряла как раз напротив новых многоэтажных домов, напоровшись на что-то в воде. Удар был такой силы, что на корме образовалась глубокая пробоина. И это вопреки всем навига-

ционным картам, гарантировавшим глубину русла на данном участке Сены не менее десяти футов, а в некоторых местах — и все пятнадцать футов.

Немедленно на дно реки был снаряжен водолаз. Само происшествие мало кого взволновало, пока на стол Управления криминальной полиции не легло донесение, согласно которому

...водолаз обнаружил на дне легковой автомобиль со слегка помятым кузовом, в салоне которого находится тело мужчины...

Далее сообщался номер машины: Y.A. 5-6713.

Итак, машина Лоёма была найдена вместе с его телом.

Люка в это время был на отдыхе вместе с семьей в Биарице, и делом занялся его заместитель. Он лично допрашивал Фреда в течение двух часов, но так и не смог добиться от него признания.

В Париж немедленно прибыли все члены совета директоров Базельской группы. Один явился даже из Стамбула. Наконец-то появилось основание для выдачи свидетельства о смерти Эдгара Лоёма. А следовательно, можно оглашать и его завещание.

Газеты прокомментировали новость весьма сдержанно:

...судя по внешнему виду тела, швейцарский финансист превысил скорость. Машину занесло, и она свалилась в реку...

...состояние покойного оценивается почти в сто миллионов швейцарских франков...

Последнюю новость Мышь прочитал при тусклом свете лампочки, лежа на жестком топчане в отделении полиции возле Гранд-опера. Он с силой ущипнул за нос соседа, чтобы тот перестал, наконец, храпеть и дал ему сосредоточиться и немного подумать в тишине.

Сто миллионов швейцарских франков! Это же надо! Такая куча денег. Да за нее можно купить тысячу, нет! — десять тысяч или даже все сто тысяч домиков в деревне.

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

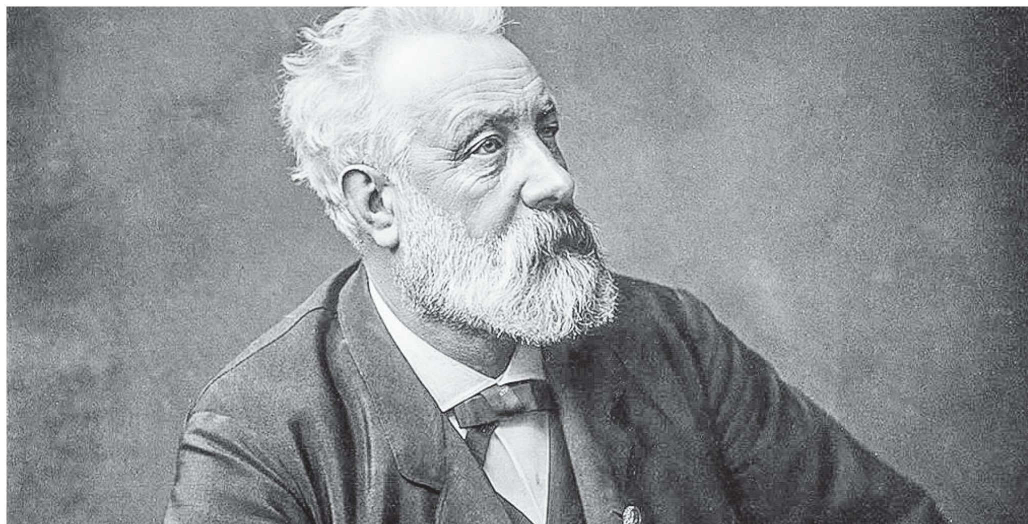
ИГОРЬ НАЙДЕНКОВ

Великий мечтатель

К 110-летию со дня смерти Жюль Верна

Не секрет, что французская научная фантастика, заслуженно занимающая в Европе второе место после британской, не пользуется особой популярностью у русскоязычного читателя. Правда, если познакомиться со статистикой издания переводов французских фантастов на русский язык, то оказывается, что дело обстоит не так и плохо. На сайте Bibliograph зафиксированы переводы на русский язык произведений более 210 фантастов Франции, что обеспечивает ей второе место в Европе по количеству переводов на русский язык. Для сравнения, у находящейся на третьем месте Германии на русский язык переведены произведения только 169 фантастов. Но при более внимательном рассмотрении библиографических данных, относящихся к Франции, выясняется, что, во-первых, многие авторы отметились в фантастической рубрике всего один-два раза. Во-вторых, очень многие французские писатели-фантасты со времен Рабле и вплоть до середины XX столетия писали не столько фантастику в современном ее понимании, а просто использовали отдельные фантастические элементы в сатирических или утопических произведениях (Рабле, Вольтер, Сирано де Бержерак и многие другие). И, наконец, во Франции была весьма популярна так называемая готическая литература (с некоторой натяжкой относящаяся к фантастике), в которой преобладала не столько фантастика, сколько мистика.

На сегодняшний день во Франции к разделу фантастики относится более 2500 авторов; большинство из них вошло в литературу уже в XX столетии, и среди них

немало плодовитых писателей, перу которых принадлежат десятки романов и сотни рассказов. Но если посмотреть, как переводятся на русский язык современные франкоязычные фантасты, то картина складывается достаточно унылая. Относительно часто переводились на русский язык такие авторы, как Рони-старший, Франсис Карсак, Пьер Буль, Жерар Клейн, Жан Рэй, Мишель Демют… А вот такие крупнейшие, давно ставшие классиками фантасты, как Жан-Пьер Андревон, Мишель Жери, Филипп Кюрваль, Ален Дормье, написавшие десятки романов и сотни новелл, известны русскому читателю по переводам нескольких небольших произведений.

На этом фоне резко выделяется Жюль Верн. По данным сайта «Лаборатория фантастики», за последние 120 лет в России и СССР вышло более двух десятков собраний сочинений знаменитого писателя! А отдельные, наиболее популярные его романы (не обязательно фантастика), публиковались множество раз. Например, роман «Таинственный остров» издавался 30 раз, «Двадцать тысяч лье под водой» — 69 раз, а «Дети капитана Гранта» — 83 раза.

* * *

Очень бегло упомянем некоторые вехи биографии Жюль Верна.

Жюль Габриель Верн родился 8 февраля 1828 года в городе Нанте, на одном из многочисленных островков в русле Луары, впадающей в Бискайский залив. Несмотря на то, что Нант находится в нескольких десятках километров от устья Луары, в нем тогда находился крупный порт, посещаемый множеством торговых парусников. Отец Жюля, Пьер Верн, был потомственным адвокатом. Мать, урожденная Алотт де ла Фюи, происходила из старинного шотландского рода. Восхищение Верна Вальтером Скоттом и такими романами, как «Черная Индия», «Зеленый луч», географически связанные с Шотландией, свидетельствуют о его привязанности к материнским корням.

Жюль Верн в детстве мечтал стать капитаном дальнего плавания, но этого не позволил ему отец, видевший в старшем сыне наследника его адвокатуры. Поэтому моряком стал брат Жюля Поль, родившийся в 1829 году.

Можно полагать, что «Необыкновенные путешествия» стали своего рода компенсацией подростковым разочарованиям Жюля.

Будущий писатель учился в частном заведении мадам Самбен, затем в коллеже Сен-Станислав, потом в семинарии и королевском коллеже. Полученное им классическое образование, включавшее изучение греческого и латинского языков, риторики, пения и географии, а также строгое религиозное воспитание, отшлифовали у Жюля такие черты характера, как ироничность и богатое воображение, которые впоследствии пронизывают все творчество писателя. Несмотря на весьма прогрессивное по тем временам воспитание, Жюль Верн всегда оставался бретонцем, роялистом и католиком.

Мадам Самбен, вдова пропавшего в дальнем плавании капитана, не переставала надеяться на его возвращение, что не могло не отразиться в четырех написанных Верном романах, сюжет которых связан с поисками отца, начиная с романа «Дети капитана Гранта».

Изучая в Париже юриспруденцию, Жюль тем не менее сворачивает с пути, предначертанного его отцом. Ему удается отстоять свое право выбора дальнейшей судьбы. Он знакомится с Дюма-сыном, затем с его отцом. На протяжении ряда лет (примерно с 1849 по 1856 год) Жюль твердо убежден, что его судьба связана с театром; пишет комедии в стихах и в прозе, водевили, либретто оперетт. Некоторые его драматические про-

изведения («Тысяча вторая ночь», «Мона Лиза», «Господин Шимпанзе» и другие) содержат явные намеки на его будущие романы. Литературные гонорары не могут обеспечивать Жюль Верну существование, и он работает то биржевым агентом, то секретарем в Лирическом театре. Постепенно его будущее принимает более отчетливый характер. У него появляются мысли о популяризации достижений науки под обложкой занимательных романов, чему способствует интерес писателя к техническому прогрессу, к географическим исследованиям. Он переходит от штамповки водевилей к более серьезным публикациям. С 1851 года сотрудничает с «Семейным альманахом» («Musée de famille»), в котором появляются очерки Жюль Верна с историко-географическим сюжетом: «Первые корабли мексиканского флота» (позднее известный под названием «Драма в Мексике») и «Путешествие на воздушном шаре» («Драма в воздухе»). В 1854 году появляется мистический рассказ «Мэтр Захариус». Всего в этом журнале было опубликовано 11 рассказов и очерков Жюль Верна.

Он пока еще остается холостяком, последним из созданного им в 1849 году кружка «Одиннадцать холостяков», но в 1856 году знакомится на свадьбе своего приятеля с сестрой невесты Онориной, молодой вдовой с двумя дочерьми. Свадьба Жюля и Онорины состоялась 10 января 1857 года. Трудно сказать, был ли это брак по любви, или всего лишь обязательное мероприятие для соблюдения приличий? Так или иначе, но он вынужден зарабатывать деньги, чтобы содержать семью, поэтому продолжает работать на бирже. Этот профессиональный опыт тоже оказался для него не бесполезным в будущем.

Годы, проведенные в Париже, оказались весьма важными для дальнейшей творческой судьбы писателя; прежде всего, это связано с огромным объемом полученной им самой свежей информации по разным наукам. Традиционно Жюль Верна интересовала география. В эти годы у него появилась идея написать цикл романов о науке, позднее оформившаяся в серию «Необыкновенные путешествия». Весьма важным было то, что Верн получал научные сведения, как говорится, «из первых рук» благодаря своей общительности, способствовавшей знакомству с многими крупными учеными и путешественниками тех лет. Так, в 1851 году состоялось знакомство с Жаком Араго (1790—1855), слепым путешественником и писателем, братом знаменитого астронома. Жюль Верн читает ему свои рассказы и пишет в соавторстве с ним пьесу. В салоне Араго собираются писатели, географы, путешественники, рассказы которых кружат голову Жюлю. У Араго он встречается с перуанским художником Игнасио Мерино (1818—1876), который соглашается предоставить свои перуанские пейзажи в качестве иллюстраций к задуманной Жюлем этнографической повести «Мартин Пас. Перуанские нравы». С 1855 года Ж. Верн общается с профессорами Политехнической школы и Музея природоведения: Теофилем Лавалле, Жозефом Бертраном, Этьеном-Анри Сен-Клер Девилем, Марселеном Бертло и другими. Эти встречи помогают Жюлю осваивать необходимые знания и расширяют его кругозор в области географии, геологии, химии, астрономии, этнографии и других наук.

Несколько позже (в 1864 году) Жюль Верн встречается с геологом Шарлем Сен-Клер Девилем, совершившим спуск в кратер действующего вулкана Стромболи. Беседы с ученым наводят писателя на мысль о романе «Путешествие к центру Земли».

В 1860 году Жюль Верн знакомится с одним из самых необычных людей того времени. Это Надар (так кратко называл себя Гаспар-Феликс Турнашон), знаменитый аэронавт, фотограф, художник и писатель. Это знакомство было очень важно для Верна, всегда интересовавшегося воздухоплаванием, — достаточно вспомнить его «Драму в воздухе» и очерк

о творчестве Эдгара По, в котором Верн много места уделяет рассмотрению «воздухоплавательных» новелл великого писателя. Очевидно, это повлияло на выбор темы первого романа, первоначально получившего название «Воздушное путешествие», работа над которым началась в 1861 году и завершилась к концу 1862 года. Сразу же возникла проблема публикации. Он безуспешно пытается найти издателя. Наконец, редактор журнала «Журнал двух миров» («Revue de deux Mondes») соглашается опубликовать роман — но без гонорара, так как печататься в таком солидном журнале — большая честь для молодого неизвестного автора. Жюль Верн забирает рукопись.

Вероятно, первым читателем романа, оценившим его по достоинству, был Александр Дюма, познакомивший Верна с известным в то время писателем Брише, который, в свою очередь, представил Верна Пьеру-Жюлю Этцелю, одному из крупнейших парижских издателей. Этцель, собиравшийся основать журнал для подростков, позднее широко известный под названием «Иллюстрированный журнал для образования и развлечения» («Le Magasin illustré d'éducation et de récréation»), сразу понял, что знания и способности Верна во многом соответствуют его планам. После небольшой редактуры Этцель принял роман, опубликовав его под названием «Пять недель на воздушном шаре» 17 января 1863 года (по некоторым сведениям — 24 декабря 1862 года) в своем журнале.

Роман «Пять недель на воздушном шаре» появился, как говорится, исключительно своевременно. Прежде всего, широкая публика в эти дни была увлечена приключениями Джона Спика и других путешественников, искавших в неизведанных джунглях Африки истоки Нила. Кроме того, именно на эти годы приходится стремительное развитие воздухоплавания; достаточно сказать, что параллельно с появлявшимся в журнале Этцеля романом Верна читатель мог следить за реальными полетами гигантского (он так и назывался — «Гигант») воздушного шара Надара. Поэтому неудивительно, что роман Верна завоевал во Франции невероятный успех. Вскоре он был переведен на многие европейские языки и принес автору международную известность. Уже в 1864 году вышло и русское издание под названием «Воздушное путешествие через Африку».

Этцель сразу же предложил Верну постоянное сотрудничество, подписав с ним договор на 20 лет, в соответствии с которым писатель обязывался передавать Этцелю ежегодно рукописи трех книг, получая за каждый том 1900 франков. Теперь Верн мог вздохнуть спокойно. Отныне у него был хотя и не слишком большой, но стабильный доход, и он имел возможность заниматься литературным трудом, не думая, чем будет кормить семью завтра.

Каждое произведение цикла «Необыкновенные путешествия» вначале публиковалось в виде ряда выпусков в журнале Этцеля; потом выходило отдельным томом небольшого формата и без иллюстраций. Наконец, роман издавался книгой большого формата, великолепно оформленной, с многочисленными иллюстрациями лучших художников того времени.

Союз писателя с издателем продолжался до смерти Верна в 1905 году, после чего договор между детьми писателя и издателя, то есть между Мишелем Верном и Луи-Жюлем Этцелем, был продолжен до окончания издания так называемых «посмертных» рукописей Жюль Верна, доработанных Мишелем. Последний роман серии «Необыкновенные путешествия» («Удивительные приключения экспедиции Барсака») в журнальном варианте был опубликован в 1914 году; отдельной книгой он вышел в 1919 году.

Таким образом, в истории французской литературы имена Верна и Этцеля навсегда остались вместе. Выгоду от этого союза имел как издатель,

получивший в свое полное распоряжение талантливого и трудолюбивого автора, так и писатель, имевший умного и неутомимого учителя. Сейчас исследователи творчества Верна часто задаются вопросом: каков был вклад каждого из союзников в конечный результат? Так, например, внимательный исследователь творчества Верна Шарль-Ноэль Мартэн установил, что в ряде случаев контракты с Этцелем были коварными и грабительскими для писателя. Особенно это относится к шестому контракту, заключенному в 1875 году. Не раз Верну приходилось страдать, подчиняясь рекомендациям и цензуре своего издателя. Можно не сомневаться, что тексты некоторых романов следует считать лишь бледными вариантами первоначальных текстов Верна, а рукопись романа «Париж в XX веке» вообще была отвергнута в 1864 году Этцелем в резкой форме, за что писатель был вынужден еще и поблагодарить сурового критика. Напечатан роман был только в 1994 году. Можно полагать, что в итоге Верн был вынужден отказаться от проектов писать романы о будущем. Точно так же Этцель отверг незаконченный роман «Дядюшка Робинзон», позже использованный Верном при работе над «Таинственным островом».

Так или иначе, но с этого момента (то есть с 1863 года) и до смерти писателя, его биография становится фактически историей его творчества.

Жизнь Верна, как вообще жизнь многих заметных личностей, сопровождалась множеством легенд. Так, например, про писателя рассказывали, что он был человеком сугубо кабинетным и почти не выходил из дома. Свою эрудицию черпал исключительно из печатных источников. Никаких личных впечатлений у него не было, да и быть не могло.

Другая легенда основана на прямо противоположном мнении, столь же ошибочном: Жюль Верн, бывший капитан парусника «Сен-Мишель», описывает в своих романах пережитые им приключения.

На деле же Жюль Верн был неутомимым путешественником. В 1859 году он совершил вместе с другом Аристидом Иньяром путешествие в Англию и Шотландию по маршруту: Сен-Назер—Ливерпуль—Гебридские острова—Эдинбург—Лондон—Сен-Назер. В Шотландии Жюль Верн спускался в угольные шахты и посетил знаменитый Фингалов грот, в Лондоне побывал на судостроительной верфи, где тогда строился гигантский трансатлантический пароход «Грейт-Истерн». Впечатления от поездки в Шотландию использовались в романах «Зеленый луч» и «Черная Индия».

В 1861 году состоялось путешествие в Норвегию, Швецию и Данию на грузовом судне, заходящем во все порты.

Очередное путешествие состоялось в 1867 году. Это была непродолжительная поездка в США вместе с братом Полем. За две недели они побывали в Нью-Йорке и посетили Ниагарский водопад. Через Атлантику братья переплыли на пароходе «Грейт-Истерн»; впоследствии это путешествие нашло отражение в романе «Плавающий город» (1870).

Очень много Верн плавал на своих яхтах, носивших традиционное название «Сен-Мишель». Всего у Верна сменилось три судна под этим названием — от небольшого простого рыбацкого баркаса до двухмачтовой яхты длиной 28 метров, снабженной мощным паровым двигателем. На этой яхте «Сен-Мишель-III» Верн дважды обошел Средиземное море, посетил Италию, Португалию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Голландию, страны Скандинавии. Собирался Верн добраться и до Санкт-Петербурга, но его планы расстроила штормовая погода.

Жюль Верн так и не побывал в России, но тем не менее в России полностью или частично разворачивается действие девяти его романов: «В стране мехов» (1873), «Михаил Строгов» (1876), «Упрямец Керабан» (1883), «Найденыш с погибшей «Цинтии» (1885, в соавторстве с Андре Лори), «Робур-Завоеватель» (1886), «Цезарь Каскабель» (1890), «Клодиус

Бомбарнак» (1892), «Истории Жана-Мари Кабидулена» (1901), «Драма в Лифляндии» (1904). Русские также фигурируют в качестве главных героев в романах «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке» (1872) и «Гектор Сервадак» (1877).

Умер Жюль Верн в 8 часов утра 24 марта 1905 во время диабетического криза. Он похоронен неподалеку от своего дома в Амьене. Через несколько лет после смерти на могиле был поставлен памятник, изображавший писателя-фантаста рвущимся к звездам из-под могильной плиты.

Писатель на протяжении всей жизни отличался завидным трудолюбием, пожалуй, не менее фантастическим, чем подвиги его героев. В одной из статей о Жюль Верне прекрасный знаток его жизни и творчества Евгений Брандис приводит рассказ писателя о приемах работы над рукописями:

«*Благодаря привычке к ежедневной работе за столом с пяти утра до полудня мне удается уже много лет подряд писать по две книги в год. Правда, такой распорядок жизни потребовал некоторых жертв. Чтобы ничто не отвлекало от дела, я переселился из шумного Парижа в спокойный, тихий Амьен и живу здесь уже много лет — с 1871 года. Вы спросите, почему я выбрал Амьен? Этот город мне особенно дорог тем, что здесь родилась моя жена и здесь мы с ней когда-то познакомились. И званием муниципального советника Амьена я горжусь нисколько не меньше, чем литературной известностью».*

Жюль Верн очень не любил, когда его называли предсказателем будущего. То, что описания научных открытий и изобретений, содержащиеся в романах Жюль Верна, постепенно сбываются, писатель-фантаст объяснял так:

«Это простые совпадения, и объясняются они очень просто. Когда я говорю о каком-нибудь научном феномене, то предварительно исследую все доступные мне источники и делаю выводы, опираясь на множество фактов. Что же касается точности описаний, то в этом отношении я обязан всевозможным выпискам из книг, газет, журналов, различных рефератов и отчетов, которые у меня заготовлены впрок и исподволь пополняются. Все эти заметки тщательно классифицируются и служат материалом для моих повестей и романов. Ни одна моя книга не написана без помощи этой картотеки. Я внимательно просматриваю двадцать с лишним газет, прилежно прочитываю все доступные мне научные сообщения, и, поверьте, меня всегда охватывает чувство восторга, когда я узнаю о каком-нибудь новом открытии...»

Существует распространенное мнение, что Жюль Верн выразил в своих произведениях потрясение человека могуществом техники. Иногда, впрочем, биографы Верна неохотно признавали, что к концу жизни писатель стал более пессимистично смотреть на способность науки и техники осчастливить человечество. Пессимизм Жюль Верна в последние годы жизни объяснялся плохим здоровьем (диабет, потеря зрения, застрявшая в ноге пуля, причинявшая постоянные страдания). Как свидетельство мрачного взгляда писателя на будущее человечества упоминается его повесть «Вечный Адам», написанная в конце XIX века, но впервые опубликованная после смерти писателя в сборнике «Вчера и завтра», вышедшем в свет в 1910 году. Кстати, сейчас есть все основания считать автором этого рассказа сына писателя Мишеля Верна.

Говоря о взглядах Жюль Верна на общество будущего, нельзя не сказать несколько слов и о романе «Париж в XX веке», написанном в 1863 году. Этот роман очень не понравился Этцелю.

Вот небольшие выдержки из его письма Жюль Верну:

«Я не ожидал чего-то совершенного; повторяю, я знал, что вы взялись за невозможное, но я ожидал лучшего. Вы не даете решения ни одной

серьезной проблемы будущего, все ваши критические замечания повторяют уже сделанные и многократно повторенные выпады — и если я чему и удивляюсь, так тому, что вы на едином порыве, как бы побуждаемый высшей силой, создали такую тяжелую, столь неживую вещь…

…Вы не созрели для этой книги, вы ее переделаете через двадцать лет… Ничто в ней не коробит, ни мои идеи, ни мои чувства. Меня коробит только литературная сторона — буквально в каждой строке вы недостойны самого себя».

В итоге роман был оставлен Жюль Верном и основательно забыт. Случайно обнаруженный в предназначенном на свалку старом сейфе, считавшемся пустым, он был опубликован только в 1994 году.

«Париж в XX веке» — это роман-предупреждение, настоящая антиутопия, одна из первых в ряду знаменитых антиутопий Замятина, Платонова, Хаксли, Оруэлла, Ефремова.

В конце XX века, когда исследователи получили доступ к архивам как писателя, так и его издателя, выявилось немало интересного. Оказалось, что Мишель Верн иногда настолько основательно перерабатывал рукописи отца, что менялся даже сюжет романа; весьма свободно обращался Мишель и с названиями произведений. Когда в 1978 году известный исследователь творчества Верна Гондоло Делла Рива увидел первоначальный текст романа «Дунайский лоцман» и стал сравнивать его с опубликованным, то выяснилось, что только первая глава романа осталась практически без изменений. Что касается остального... Прежде всего, оригинал Жюль Верна, который был опубликован в 1988 году, назывался «Прекрасный желтый Дунай» (параллель с «Прекрасным голубым Дунаем» Штрауса). По сюжету это был географо-приключенческий роман, прекрасно вписывающийся в цикл «Необыкновенных путешествий». Полный юмора, замечательных описаний речных пейзажей. Оригинал Жюль Верна резко контрастирует с получившимся у Мишеля мрачным детективом.

Если же говорить об остальном литературном наследии Жюль Верна, то к нему относятся несколько романов, не входящих в цикл «Необыкновенные путешествия»: уже упоминавшийся выше роман «Париж в XX веке», роман (или большая повесть) «Граф де Шантелен» (опубликован в 1864 году), «Путешествие в Англию и Шотландию» (текст написан в 1859 году, отвергнут Этцелем и опубликован только в 1989 году), а также пять оставшихся незавершенными романов: «Жедедья Жаме» (год первой публикации — 1991), «Веселые неприятности трех путешественников в Скандинавии» (2003), «Священник в 1835 году» (1992), уже упоминавшиеся выше «Дядюшка Робинзон» (написан в 1861 году, отвергнут Этцелем и опубликован в 1991 году) и «Ознакомительная поездка» (опубликован в 1993 году), более трех десятков очерков, статей, заметок и рассказов, частично не вошедших в сборники, почти 40 пьес, капитальные научно-популярные труды «Иллюстрированная география Франции и ее колоний», «Научное и экономическое завоевание Земли» и «История великих путешествий и великих путешественников» в трех томах («Открытие Земли», «Великие путешественники XVIII века» и «Путешественники XIX века»). Велико и поэтическое наследие писателя, насчитывающее около 140 стихотворений и романсов.

* * *

Жюль Верн и в начале третьего тысячелетия остается одним из наиболее публикуемых на русском языке иностранных авторов; интерес к творчеству этого писателя сохраняется вот уже почти 150 лет. «Необыкновенные путешествия» Жюль Верна нашли в России вторую родину еще

при жизни писателя. Нигде за границей его романы не были так широко распространены и не выдержали такого количества изданий, как в России. В предисловии к биографии Жюль Верна, написанной его внуком Жаном Жюль-Верном, Евгений Брандис сообщает: «За годы советской власти в СССР издано 374 книги Ж. Верна общим тиражом 20 миллионов 507 тысяч экземпляров» (данные Всесоюзной книжной палаты за 1977 г.).

Не нужно забывать, что Ж. Верн считается одним из основателей мировой научной фантастики, а хорошая НФ — прежде всего, художественная литература. Поэтому невероятная популярность Ж. Верна в России не могла не отразиться на творчестве ряда наиболее серьезных русскоязычных фантастов конца XIX — первой половины XX века.

Наиболее ярко влияние Жюль Верна на творчество русских фантастов проявилось в первой половине XX века, когда были написаны романы А. Толстого («Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина»), В. Обручева («Земля Санникова», «Плутония»), А. Беляева («Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Прыжок в ничто» и др.), Г. Адамова («Победители недр», «Тайна двух океанов»), В. Владко («Аргонавты вселенной», «Потомки скифов») и многие другие. Фантасты этого периода активно знакомились с творчеством Жюль Верна и других западных писателей, стараясь приспособить их сюжеты и идеи к новой научной, экономической и политической ситуации.

Одним из последователей Жюль Верна по характеру и содержанию произведений можно считать К. Э. Циолковского, в научной деятельности которого важную роль играла фантастика. Как писал сам Циолковский, Жюль Верн заронил в нем влечение к космосу: *«Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума».* Правда, Циолковский связывал перспективы исследования космоса не с артиллерией, как Жюль Верн, а с ракетной техникой. Сначала он написал на рубеже XIX—XX веков несколько научно-фантастических произведений, таких, как повести «На Луне», «Грезы о Земле и небе», «Вне Земли» и др., в которых характеризовал ракеты и другие технические устройства, позволяющие человеку проникнуть в космос, жить и работать в космических условиях. Одновременно или несколько позже появились и его научные работы, в том числе основополагающий труд «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903).

Заслуга Циолковского как фантаста-популяризатора заключается в том, что он одним из первых перенес в русскую литературу важные элементы логики научного воображения.

Одна из интересовавших Жюль Верна тем — город будущего («Париж в XX веке», «Идеальный город») нашла отражение и развитие в произведениях известного русского писателя-фантаста, поэта В. Брюсова. Принадлежащие его перу драматизированная повесть «Земля» (1904) и большой рассказ «Республика Южного Креста» (1904—1905) посвящены городу будущего. Этот город у него — символ надежды и в то же время — предостережение человечеству, как считает критик А. Бритиков.

Для Алексея Толстого, как и для всей довоенной советской научной фантастики, также было характерно стремление использовать идеи классических произведений этой литературы в попытке переосмыслить мировую традицию жанра. Так, в «Союзе пяти» (1924) легко узнаются ситуации и образы романов Жюль Верна «Вверх дном» и «В погоне за метеором».

Советский фантаст Г. Адамов, подхватив жюльверновскую идею универсального подводного корабля, развил ее на новом уровне. Если «Наутилус» использует электрические батареи, заряжаемые с использованием энергии сгорающего каменного угля, то электроэнергия для подводной лодки «Пионер» Г. Адамова в романе «Тайна двух океанов» (1939) получается мето-

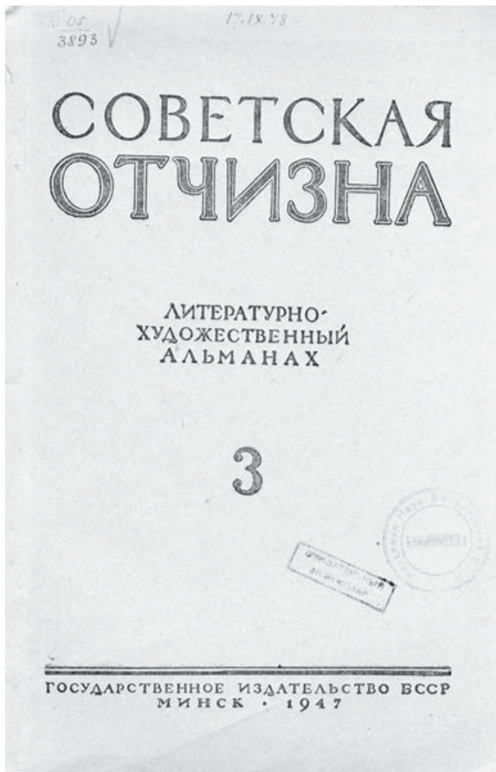
дом, от которого отказался капитан Немо, хотя и знал о нем. Вспомним, что он сказал профессору Аронаксу: *«...в море нет недостатка в этой энергии. Я мог бы, кстати сказать, проложив кабель на различных глубинах, получить ток от разности температур в различных водных слоях. Но я предпочел более практический способ...»*

Очевидна связь сюжета романа Л. Лагина «Атавия Проксима» (1972) с идеей романа Жюль Верна «Гектор Сервадак». Герои Верна путешествуют по Солнечной системе на комете, рикошетом скользнувшей по поверхности Земли и захватившей при этом большой кусок суши вместе с воздухом, водой и группой невольных путешественников. Атавия Проксима Лагина — это большой остров, оторванный от Земли в результате одновременного запуска двух с половиной тысяч термоядерных ракет, расположенных по периметру этого острова. В отличие от романа Верна, практически весь роман Лагина посвящен политическим событиям, борьбе за мир, выступлениям черной части населения Проксимы за свои права и прочим явлениям, характерным для периода холодной войны.

Известный специалист-фантастиковед А. Бритиков в книге «Отечественная научно-фантастическая литература. Некоторые проблемы истории и теории жанра» (2000) так характеризует истоки русскоязычной фантастики, одновременно заглядывая в ближайшее будущее: *«...творчество Жюль Верна окажет воздействие на процесс становления русской научной фантастики. Отечественные писатели унаследуют жюльверновский гуманизм и демократичность в трактовке научно-технического прогресса, подхватят романтику географических открытий, как нигде актуальную на просторах обновленной страны, усвоят сам тип романа фантастических путешествий, пойдут по следам Жюль Верна (В. Обручев в «Плутонии», А. Толстой в «Гиперболоиде инженера Гарина», Г. Адамов в «Тайне двух океанов»), переосмысляя сюжеты и мотивы согласно новым достижениям науки и техники».*

Во многих странах в наши дни созданы и активно работают общества поклонников и любителей Жюль Верна. В 1978 году в Нанте был открыт музей писателя, а 2005 год объявлен во Франции Годом Жюль Верна.

О Ч Е Р К И

Александр ШАРАПОВ

Минский автомобильный

Троллейбус идёт в будущее

От остановки к остановке, через былую Ляховку, через заводы—велосипедный, авторемонтный и тракторный—плавно катит троллейбус по асфальту к Минскому автомобильному заводу.

Высокая монументальная арка, с рельефным изображением на верхней части её мчащегося на полную скорость автомобиля, открывает въезд в центр нового социалистического города.

Двумя рядами вытянулись четырёхэтажные здания Центрального проспекта. На площади возвышается здание районного Совета. Неподалёку от него — скульптуры прославленных людей страны.

Во все стороны от Центральной площади расходятся прямые улицы. Рядом с кварталами многоэтажных зданий — улицы светлых, аккуратных, словно игрушечных коттеджей. Целый квартал образовали здания учебных заведений: автомеханического техникума, средней школы, ремесленного училища металлистов, школы ФЗО. Прямо перед их окнами—малый летний парк. Здесь, под косматыми соснами, разместились кино-театр, летняя эстрада, библиотека, танцовальная площадка. Особняками высятся в разных частях города здания театра, клуба, фабрики-кухни, больницы и амбулатории. В сторону Минска город соединился с улицами нового городка велосипедного завода. За линией шоссе распростёрлись окраины тракторного завода...

Днём и ночью гудит автозаводская центральная электростанция, дающая ток значительной части Минска. Полна беспрерывного движения заводская железнодорожная станция: со всех концов Белоруссии, с промышленных предприятий, вызванных к кипучей деятельности Минским автомобильным, идут сюда грузы. Заводу нужны лакокрасочные митериалы, изделия из резины, бумаги, кожи, пластмассы, стекла. С далёкого Урала прибывают на станцию составы с металлом.

А над всем этим возвышаются величественные корпуса самого завода — чудесный сплав металла и камня, могучей воли и высокой мысли.

В многочисленных цехах разместилось всё то, что способно произвести 3500 деталей, из которых слагается автомобиль.

Рялом с производственными цехами лёгкими формами вознёсся, построенный из гипсовых блоков, просторный и солнечный корпус центральных лабораторий. Одни названия свидетельствуют о грандиозности научно-исследовательской работы, производимой в них: химическая, масел и топлива, лаков и красок, литейная, металлографическая, механическая, рентгеновская, спектральная, магнитная, спирометрическая, термическая. Здесь — мозг завода.

Но самое грандиозное, самое величественное — это главный корпус завода, занимающий площадь в 67 тысяч квадратных метров. Здесь расположены основные производственные цехи во главе с главным конвейером. С конвейера сходят грузовики, уносящие на своём ра-

74

Троллейбус идет в будущее

«От остановки к остановке, через былую Ляховку, через заводы — велосипедный, авторемонтный и тракторный — плавно катит троллейбус по асфальту к Минскому автомобильному заводу.

Высокая монументальная арка, с рельефным изображением на верхней части ее мчащегося на полную скорость автомобиля, открывает въезд в центр нового социалистического города.

Двумя рядами вытянулись четырехэтажные здания Центрального проспекта. На площади возвышается здание районного Совета. Неподалеку от него — скульптуры прославленных людей страны.

Во все стороны от Центральной площади расходятся прямые улицы. Рядом с кварталами многоэтажных зданий — улицы светлых, аккуратных, словно игрушечных коттеджей. Целый квартал образовали здания учебных заведений: автомеханического техникума, средней школы, ремесленного училища металлистов, школы ФЗО. Прямо перед их окнами — малый летний парк. Здесь, под косматыми соснами, разместились кино-театр, летняя эстрада, библиотека, танцовальная площадка. Особняками высятся в разных частях города здания театра, клуба, фабрики-кухни, больницы и амбулатории. В сторону Минска город соединился с улицами нового городка велосипедного завода. За линией шоссе распростерлись окраины тракторного завода…»

Александр ШАРАПОВ. Минский автомобильный.
Альманах «Советская Отчизна», № 3, 1947 г.

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

Земля в ореоле тайн[1]

Чарующая Евразия

Часть 2

Первобытное искусство и НЛО

В академической культурологии существует как бы «лестница» накопления человечеством прогрессивных явлений. Можно назвать их «революциями», хотя более современное название — «*точки бифуркации*», несмотря на то, что эти «точки» могли продолжаться десятки и даже сотни тысяч лет.

Первая из таких «революций» — *палеолит* — произошла 200 000—100 000 лет назад. Для нее характерно употребление перволюдьми орудий труда — обработка камня, в основном кремня, а также кости и дерева. Человеческий род представлен *неандертальцем* — homo sapiens — с объемом мозга большим, чем у современного человека. Тем не менее неандерталец не является нашим предком — это иная ветвь человека разумного.

Вряд ли правомерно считать неандертальца, как это заведено, примитивом: для него были характерны определенные религиозные представления, например, культ медведя; возможно, зачатки речи; он заботился о стариках и больных; недавно найдены украшения — бусы из костей, стало быть, и эстетика была ему не чужда.

Вторая из «революций» — *изобразительная* — периода позднего палеолита произошла 50—40 тысяч лет тому назад. В это время непонятно, как и почему, в Европе возникает по существу *современный* человек — *кроманьонец*, или homo sapiens sapiens. В тот исторический период, по подсчетам ученых, неандертальцев по всей Европе проживало не более 7000—10 000 особей. Кроманьонцы просто постепенно растворили их в себе. Поэтому гены неандертальцев, по мнению ряда исследователей, присутствуют у некоторых европейских народов, в основном южных. Но вот откуда появились кроманьонцы — загадка. Наиболее вероятны три адреса: пришли с севера — из Гипербореи; с запада, являясь уцелевшими жителями Атлантиды; либо из Передней Азии (нынешних Израиля, Ливана, Сирии).

Современный человек неизвестного происхождения быстро расселился по Земле. Произошло формирование рас и языков. Тут буквально все непонятно, и процесс по существу наукой не прослежен. Но вот что совершенно ясно, так это появление именно в указанный период *искусства* в виде живописи и скульптуры, а также развитых *религиозно-этических воззрений*: возникли первые табу в рамках тотемистических представлений, анимизм и магия.

Неолитическая революция — примерно 12 тысяч лет назад (после Потопа) — одна из самых грандиозных, причем очень быстрых. Считается, что это начало земледелия и приручения домашних животных. Одновременно существо-

---

[1] Продолжение. Начало в № 8, 10 за 2014 г., № 1, 3, 10 за 2015 г.

вала развитая мифология, в основном в виде космологии и космогонии, а также мегалитическая культура — чрезвычайно серьезное явление, которое сейчас во всем пересматривается.

Так называемая *революция «осевого времени»* происходила уже в условиях развитого государства и социальных институтов, письменности и высокой культуры. Ее рамки — от середины I тысячелетия до н. э. до первых десятилетий нашей эры. Началась она с появления индивидуального сознания, формальной логики, замены мифологии философией, формирования мировых религий (зороастризм, иудаизм, буддизм, индуизм), а закончилась высшим пунктом мировой истории — рождением и земной жизнью **Христа**. С христианством связано появление важнейших человеческих качеств — *совести, человеколюбия и добролюбия*. Оно наметило перспективы, которые позволили человеку стать более гуманным, повернуло сознание людей от своекорыстных, эгоистических помыслов к чему-то возвышенному, духовному и чистому.

Инерция «осевого времени» продолжалась 1,5 тысячи лет. Последним по времени из мировых религий сформировался ислам (VII в.).

Предпосылки *научно-технической революции* Нового времени — в культуре эпохи Возрождения (XIV—XVI стст.). Но фактически НТР началась с промышленной революции конца XVIII ст., а затем включила в себя грандиозные научные и технические достижения XIX—XX стст. Во многом научно-технический прогресс в XX веке подстегнуло, невероятно убыстрило и расширило соперничество между разными социальными системами — социализмом и капитализмом. Наука превратилась в непосредственную производительную силу.

Информационная революция конца XX — начала XXI стст. фактически совпала с *революцией технологической*. Они обе идут уже на наших глазах: совершенствуются технологические процессы, организация производства, повышается жизненный уровень людей, общее качество жизни, хотя происходят и процессы *деградации*, регресса, отката — иногда чуть ли в Средневековье — в сфере массового сознания, аксиологии, морали.

Таким образом, прогресс настолько стремителен, что в третьем тысячелетии одна «революция» как бы наползает на другую. Они совмещаются. И если ранее между «революциями» проходили сотни тысяч лет, затем десятки тысяч, тысячи, потом всего лишь сотни лет, десятки лет, то сейчас речь идет о годах, а вскоре, когда начнется, скажем, *творческая революция,* — и вообще о месяцах. Я думаю, что творческая революция совпадет с *экологической*.

Совершенно очевидно, что мы подошли (правда, тут же намертво и остановились) к *точке бифуркации*, то есть к необходимости важного выбора. Может быть, самого важного в истории человечества, так как ясно, что нынешняя агрессивная по отношению к природе цивилизация зашла в тупик. Сама Живая Земля, Космос препятствуют ее дальнейшей экспансии.

Однако прежде чем заглядывать в будущее, стоило бы возвратиться назад — причем к истокам, основам, в самую седую древность.

В эпоху палеолита среди *видов искусства* господствующее положение занимала, как и в дальнейшем на протяжении десятков тысяч лет (кроме сегодняшнего дня), *литература*. Правда, не письменная, а устная. История появления первых литературных образцов восходит к древнейшим временам — к эпохе образования языков среди первобытных человеческих общин. Вербально, в словах, наши предки выражали свои мысли, чувства, эмоции, удивление и восхищение перед прекрасным и загадочным миром. От архаики до нас дошли мифы, сказки, загадки и т.д. Конечно, в каждом мифе, в каждой сказке заключено несколько временных пластов, нередко достаточно поздних, но в том числе — и очень древних. Например, это многочисленные сказания о карликах и духах, а также о великанах (греческих титанах, русском Святогоре и былинных богатырях, белорусских волотах), которые, конечно же, существовали, когда сила земного тяготения была иной.

Следующая после литературы в иерархии искусств — *архитектура.* Обнаружены фундаменты самых древних (круглых) домов на южном берегу Франции, в Ницце. Им 400 000 лет (!). Это кажется невероятным, но является еще одним доказательством существования *допотопной* цивилизации. На территории Беларуси самый старый дом найден на юго-востоке республики, на границе с Брянской областью. Ему 25 000 лет. Располагался он у кромки ледника, при прекрасной инсоляции, а значит, благоприятных условиях жизни. Это достаточно изящная конструкция из костей мамонтов и шерстистых носорогов, которая покрывалась их шкурами.

И все же в наилучшей сохранности до нас дошло *изобразительное искусство* эпохи палеолита. В конце XIX в. произошло замечательное открытие шедевров палеолитической живописи. В них долго не верили, пока не были найдены научные методы датировки. Самые интересные рисунки — в пещерах Пиренеев на границе Франции и Испании: Ласко, Монтеспан, Шове, Пеш-Мерль, Альтамира, а также в сибирской Каповой пещере. Им по 40 000—20 000 лет. При этом чем рисунки старше, тем они совершеннее (!). Это говорит о закрепленной во многих поколениях художественно тренированной руке, но затем, ближе к Потопу, о явной деградации.

На сегодняшний день известно 300 только европейских пещер с первобытными рисунками. В подавляющем большинстве случаев это изображения животных, причем далеко не всегда тех, на которых обычно племена охотились. Вот первая загадка. Впрочем, неясны и причины, по которым кроманьонцы обратились к живописи.

Самые последние данные свидетельствуют, что анатомически современные люди начинают появляться уже 200 000 лет назад, но *духовно* они якобы не развивались — ведь и некоторые животные, птицы пользуются орудиями труда. И лишь 50 000—40 000 лет назад происходит прорыв, резкий скачок, вот именно революция — ее называют *изобразительной*, или *революцией символов*. Все кардинально меняется, человек становится настоящим вдохновенным творцом, начинает чрезвычайно быстро умственно развиваться. У него возникают сложные религиозные представления и шедевральное искусство.

Главным толчком в развитии всех этих процессов современные *западные* исследователи считают открытие предками того, что мы сегодня называем *нематериальным миром*. Действительно, вопреки логике и доводам разума, безотносительно практических потребностей, буквально все этнические популяции на земле, представители самых разных цивилизаций, вот уже на протяжении десятков тысяч лет верят в существование сверхъестественных миров и существ. Эта вера уводит от объективной реальности, живой повседневности, не дает никакой выгоды, и тем не менее человечество за нее упорно цепляется и отстаивает вплоть до нашего времени.

Более того, ныне и академическая наука подтверждает существование *иных измерений* — теоретически это доказано. Другое дело, что эти измерения для нас недостижимы — по своим частотам они не воспринимаются нашими органами чувств. Лишь очень редко, при каких-то особых условиях, происходит как бы вторжение иномира в нашу реальность. Так, Радзивилловская летопись под 1092 годом рассказывает и даже подтверждает известие колоритным рисунком о появлении в Полоцке невидимых *навий*, то есть душ умерших, которые гонялись на улицах за прохожими и убивали их. Такая же паника, как в Полоцке, возникла в 1876 году в китайском городе Нанкине, где невидимые духи отрезали традиционные косы у прохожих. Ужас продолжался три года, в том числе в других городах Китая. Европа потешалась над страхами диких азиатов. Но стало не до смеха, когда в 1922 году в Лондоне невидимая рука отрезала волосы у молодых девушек и тут же исчезала.

Впрочем, навьи иногда и визуально проявляются. Фактов подобного рода, как ни странно, достаточно. Вот пример, касающийся известной особы. Писа-

тель Михаил Булгаков, без сомнения, был тяжелым невротиком, и первая его «встреча» с Николаем Гоголем произошла в наркотическом дурмане. Однако тот пригрозил ему, и с тех пор Михаил Афанасьевич отказался от морфия. Но и в нормальном состоянии встречал Гоголя потом не раз, даже на улице — тот указал ему на некий особняк, в котором, как оказалось через несколько лет, жила последняя любовь М. Булгакова — Елена Сергеевна. Конечно, великий фантазер Булгаков мог все это выдумать, однако немало подобных мистических свидетельств людей, которым можно верить (явление императору Павлу I его прадеда Петра I и т. п.).

Кроме таких экстраординарных случаев существует и *шаманская* практика, которая предполагает вхождение в *измененное состояние сознания*, когда мозг начинает принимать волны, недоступные нам в обычной жизни.

В середине 1980-х годов в журнале «Советская этнография» была опубликована хорошо запомнившаяся мне заметка о подающем большие надежды аспиранте из тогда Ленинградского университета, изучавшем деятельность северных шаманов. Овладев методикой танца под бубен, во всем очень современный человек, атеист и скептик, вошел в измененное состояние сознания, причем до такой степени, что его пришлось откачивать врачам. После чего молодой ученый тут же ушел в монастырь. Основание: он поверил в существование иного мира, так как там побывал.

То же самое будто бы произошло с человечеством где-то 50 000 лет назад. *Галлюцинации, вызванные экстатическими состояниями, могли породить веру в иную реальность*. Экстаз, транс, предельное возбуждение нервной системы способствуют выработке в организме человека особых гормонов, которые настраивают мозг на определенные частоты, обычно не воспринимаемые. А сам экстаз мог провоцироваться разными обстоятельствами: сильным стрессом, бессонницей, обезвоживанием, болезнью, ритмическими звуками и движениями, скажем, кружением. Видения возникают и от действия галлюциногенных растений, в которых прекрасно разбирались индейцы Америки. Однако о том, что галлюциногены стали известны значительно позже эпохи палеолита, говорит незнание подобных средств шаманами очень многих племен, в частности, сибирских. Факт употребления якутскими шаманами мухоморов в некоторых работах усиленно муссируется и намеренно преувеличивается. Все же в Евразии шаманы входили в транс сугубо с помощью бубна и танцев.

Вообще, когда авторитетные ученые (Дэвид Льюис-Вильямс, Томас Доусон, Грэм Хэнкок) начинают эксперименты, часто даже на себе, с ядовитыми растениями и грибами, с опасными наркотическими веществами, невольно возникает мысль об их финансировании, пусть и через посредников, наркомафией. Конечно, все подобные эксперименты обставляются чрезвычайно респектабельно, организуются общественными фондами с красивыми названиями, подкрепляются специально выработанной шибко наукообразной терминологией, экспертизами научных сообществ самых престижных университетов Запада. Но веры капиталистической науке в наше время нет. Здесь не идет речь о поиске истины, а лишь о капиталах. Деньги добываются любыми способами, для чего часто организуется пиар — нечто скандальное. И вот уже самые важные духовные явления человечества — религия и искусство — объясняются действием одного фактора — галлюцинациями, характерными для древних художников, которые и передавали их в рисунках на стенах пещер.

Галлюцинации, конечно, случаются. Так, в июне 2015 года серьезная пресса сообщила о редкой болезни одной из жительниц Нидерландов, которой люди виделись... драконами. О названии болезни не говорится, однако ясно, что это мучительное психическое заболевание, возникшее, я думаю, под влиянием современных зрелищ. Правда, со временем медикаментозно удалось болезнь подавить.

Ряд исследователей считают, что примерно 2 % индивидов на Земле способны входить в измененное состояние сознания и вообще без всяких стимуля-

торов — без ритмической музыки, танцев, тем более без галлюциногенов. Они владеют способностью видеть иначе, чем другие люди, благодаря, скажем, медитации, мистическому настрою, глубокому созерцанию природы.

И все же нельзя объяснять появление такого удивительного явления, как искусство, галлюцинациями, расширенным состоянием сознания — собственно говоря, мороком, бреднями, порождениями безумного мозга. Как-то это позорно для человечества. Да и факты свидетельствуют об ином.

Во-первых, видно, что рисунки или скульптурки создавались настоящими художниками, умелыми профессионалами. Вряд ли все шаманы владели такими способностями. Кроме того, существовали так называемые «большие стили» палеолита — Граветт, Солютре, Мадлен, каждый примерно по десять тысяч лет. Невозможно предположить, что совершенно такого же бизона, как в Альтамире, нарисовал шаман, скажем, в Крыму, что видения обоих в трансе оказались настолько абсолютно одинаковы: вплоть до позы животного, подогнутых ног, обводки черной или красной краской. А вот обмениваться наработками, что и создавало стиль, вполне для художников реально: древние люди были гораздо мобильнее нас, как ни парадоксально это звучит, и проходить в день по 100 километров для них — обычное дело.

Во-вторых, подавляющее большинство рисунков, особенно в Евразии, изображали *реально существующих* млекопитающих: лошадей, бизонов, оленей. Они были тогда очень важной частью природного окружения человека. Их практическая польза несомненна. Но животных и просто интересно наблюдать, изучать, у них можно многому научиться. И лишь около ста рисунков, то есть ничтожная часть, в знаменитых пещерах — картинных галереях изображают странных существ и человека. Среди этих существ выделяются так называемые *териантропы* (от греч. «терион» — дикий зверь, «антропос» — человек), своеобразно соединившие в себе черты человека и животного: человек-лев, человек-бизон, человек-сова. Есть такие же гибридные скульптурки из камня и кости.

Да, они все — рисунки и фигурки — удивительные и загадочные. Однако животные слишком много значили в жизни человека, вот человеческая фантазия их и соединила. Соединила, надо сказать, очень надолго. Ведь и значительно позднее в религии Египта человеко-животными, человеко-птицами предстает немало богов (Собек, Анубис, Гор, Сехмет), а в мифологии Античной Греции — сказочных персонажей (кентавры, сфинкс, Минотавр, Медуза Горгона, Ехидна и т.д.).

Некоторые палеолитические рисунки ученые интерпретируют как изображение процесса *превращения* человека в животное. Данный сюжет остался в фольклоре Евразии вплоть до XX в. — достаточно вспомнить легенды белорусов о волколаках. Однако, скорее всего, ощущение себя животным тоже психическая болезнь — ликантропия, разновидность перферии. У Зигмунда Фрейда есть работа «Человек-волк»: он тридцать лет изучал больного-ликантропа. Не исключена и способность некоторых личностей вызывать у других людей галлюцинации-видения собственного превращения в зверя.

Представления о гибридных существах могли возникнуть также от наблюдений рождения детей с так называемыми атавистическими, то есть животными, признаками. Это не сбой генов, воскресающий их животную составляющую, как нам обычно объясняют, исходя из дарвинской теории, а результат нарушения одного из важнейших в человеческом обществе табу — запрета на зоофилию. О возможности таких случаев говорит не только фольклор, но даже художественные произведения классиков, например, новеллы «Локис» Проспера Мериме и «Железная шерсть» Ивана Бунина.

Конечно, рождение ребенка от человека и животного невозможно, но часть генетического материала животного каким-то непостижимым образом остается в теле человека и может проявиться даже через многие поколения. Вступает в действие так называемый *закон телегонии*, о котором наши предки откуда-

то прекрасно знали. Правда, обычно о телегонии говорят применительно либо только к животной стае (важность выведения чистопородных собак, лошадей), либо к сугубо человеческому обществу. Дети от законного отца могли оказаться на него не похожими, поскольку несли в себе черты первого сексуального партнера матери. Вот почему в традиционных обществах так пристально следили за сохранением девственности девушек до замужества: будущие отцы заботились о получении *своего потомства*. Тем же можно объяснить и запрет в Индии на второе замужество вдов. Сами индусы забыли о смысле традиции и уже считают, под влиянием принципов западной демократии, свой давний обычай дикостью. Между тем их предки-арийцы точно знали: сколько бы детей ни рожала женщина от второго мужа, они несут в себе черты мужа первого.

В последнее время о телегонии много пишут и говорят. Кое-кто из ученых, из тех, кто вообще готов отменить человеческую мораль, высмеивают, отрицают биологический закон, хотя он хорошо известен среди заводчиков ценных животных. Однако народ всегда приметливее и умнее всех высоколобых ученых...

До последнего времени рисунки териантропов объяснялись *охотничьей магией*: обряжением в звериные шкуры и маски, имитациями движений животного как своеобразной, образной по форме, тренировкой охоты на него. Может быть, это первое и, как считается сейчас, примитивное объяснение — и есть самое правильное?

Другой распространенный сюжет в палеолитическом искусстве — так называемый «раненый человек»: схематическое изображение человека, сплошь утыканного стрелами или копьями. В наше время такого рода рисунки увязываются с «похищениями» людей якобы пришельцами из космоса, где внутри НЛО над несчастными проводят разного рода хирургические эксперименты. Действительно, в желтой прессе о таких «похищениях» рассказывается, если взять по всему миру, очень часто. И ученые ломают головы: зачем инопланетянам так скрупулезно изучать анатомию землян. Было даже замечено вживление под кожу людей непонятных инородных тел, видимо, чипов. Но главный смысл, по мысли современных исследователей, — добиться скрещивания людей и неведомых существ — то ли из Космоса, то ли из параллельного мира. Авторитетные ученые серьезно (!) говорят об улучшении породы пришельцев с помощью генетического материала землян. Особенно это касается так называемых эльфов, то есть бестелесных или слабо проявленных существ, которые будто бы жаждут материализации, для чего и добиваются гибридизации с людьми.

Итак, мы имеем две достаточно полно разработанные теории, парадоксально объединяющие древность и наше смутное время: 1) палеолитическая живопись, а также современные былички о похищениях людей инопланетянами, — результат определенных *психических процессов, видений*, *галлюцинаций*; 2) древние художники отражали *объективную реальность*, *существующий земной мир, но в разных его формах*.

Если исходить из первой теории, то ведь и *сны* могли порождать те или иные фантастические представления. Человеческий мозг заключает в себе непостижимо огромный объем информации, которая в значительной степени, при бодрствовании, находится в латентном состоянии (генетическая память, долгосрочная память). И лишь во время сновидений все виды памяти могут быть активизированы, задействованы: мозг, при отключении своей контролирующей функции, активно работает с впечатлениями бытия, своеобразно комбинирует их, манипулирует элементами, деталями, переводит их в образную форму. Сны видят все люди, и для этого вовсе не обязательно входить в какие-то особые состояния сознания. Вполне возможно, что и мифология возникла под влиянием снов. А искусство как раз и отражало мифологические представления. Правда, в последнее время археологи все чаще находят в древних рисунках на стенах пещер, а также в миниатюрках — росписях на костях (а их найдены тысячи!), — отражение космических процессов и явлений, то есть древние *научные*

представления. Это говорит лишь о том, что фантазия у современных людей, с их интерпретациями артефактов, по-прежнему очень богата. Нам бы еще следовать религиозным моральным нормам, и можно было бы действительно надеяться на творческо-экологическую революцию...

Современная мифология с ее бурными проявлениями фантазии у романтиков от науки — вещь чрезвычайно любопытная. Например, чтобы развеять скепсис реалистов, отрицающих завоевавшую почти официальное признание нейропсихологическую теорию происхождения искусства, придуман такой остроумный ход. Грэм Хэнкок пишет: «...Некие разумные существа вписали в нашу ДНК особого рода послания. Оттого мы и видим в состоянии транса одно и то же, что на уровне ДНК представляет собой единое целое». То есть от пришельцев просто некуда деться! Все будто бы — от них. Они же якобы вмонтировали в нас и способность создавать произведения искусства.

Действительно, ДНК человека феноменально сложна. Конечно же, она не результат действия стихийных сил природы, а создание чрезвычайно Высокого Мозга, кого мы и называем Богом. Не отрицая наличия определенных кодов в ДНК, нельзя, однако, приписывать их активизацию только действию транса.

Если же говорить о другой теории, исходящей из реальности иного мира, то отсылаю читателей к моей предыдущей статье. Она предлагает признать то, о чем знало человечество *всегда*: то, что *духи действительно существуют*, и рисунки древних людей отражают виденную ими воочию реальность — энергетические создания, «криттеры», «орбы» (от англ. «orb» — шар), то есть плазмоиды, способные проявляться в темноте пещер. Все это представители так называемого *тонкого мира*. Считается, что параллельно с нашей цивилизацией протекает жизнь цивилизации энергетических существ, которые тоже развиваются и овладевают все новыми возможностями. Говорят, их разнообразие не меньшее, чем разнообразие животного царства на Земле.

У орбов та же природа, что и у шаровых молний, но ведут они себя как живые существа. Российский исследователь Николай Валентинов пишет: «С помощью камеры-кирлиан установлено, что в ауре некоторых людей есть сгустки диаметром около 1 мм. Эти сгустки подпитываются энергией человеческого тела. Это вампиры, они разрушительно действуют на человека. Именно их называют бесами, именно их используют колдуны в качестве невидимых помощников. Но есть и такие сущности, которые составляют с человеком симбиоз, делятся своей энергией».

А далее об условиях порождения обров: «Чаще всего они появляются в местах силы, геомагнитных аномалий, на местах массовой гибели людей, на кладбищах; там, где были большие выбросы энергии, например, на рок-концертах». Уже и серьезная наука говорит о как бы двух сущностях человека: его телесной оболочке и полевой структуре, что, собственно, и зовется *душой*.

Можно стать и на такую точку зрения. И тогда по мере углубления в мир нематериальных объектов, может быть, более познаваемыми окажутся и объекты материальные, то есть наш физический мир — «явь», по терминологии славянских предков.

Вечная загадка мегалитов

Сразу после всепланетной катастрофы, которую условно называют, согласно Библии, *Потопом*, почти стремительно последовала неолитическая революция. Если Потоп произошел где-то в XI—X тыс. до н. э., то уже с VIII тыс. можно говорить о развитом земледелии в восьми, как открыл академик Николай Вавилов, мировых центрах хлебопашества, а также о наборе всех домашних животных, известных нам и сегодня.

Мне уже приходилось писать, что все эти, казалось бы, незыблемые постулаты вызывают, мягко говоря, недоумение. Что заставляло древних людей, забыв о насущных нуждах, заниматься селекцией злаков — в надежде, что их плодами воспользуются внуки и правнуки? Да и какая надежда? Откуда у них была уверенность в успехе? А то, что дело это непростое, говорит такой реальный факт. В 1830-х годах Петербургская Академия наук взялась вывести домашнюю пшеницу из дикого злака. Эксперимент продолжается до сих пор, и конца ему не видно. Простая селекция *не работает*. То есть двенадцать-десять тысяч лет назад произошло либо вскрытие генетических кодов диких растений и искусственное на них воздействие, либо все культурные растения были созданы гораздо раньше предыдущей развитой цивилизацией (Атлантидой? Гипербореей?), и неолитические люди лишь восстановили прежние навыки. То же касается и домашних животных. Вопрос остается открытым...

В эпохе неолита, то есть нового каменного века, скрывается еще одна большая загадка — *мегалитическая культура*. Я бы даже назвала ее геоглифо-курганно-мегалитической.

Геоглифы — огромные рисунки на земле, видные только сверху, с большого расстояния. Они встречаются и в наше время. Это так называемые «*круги на полях*», наиболее характерные для Англии, но, впрочем, нередкие и в других местах Евразии, скажем, на Кубани. О кругах много споров. Несколько шутников в 1990-е годы признавались, что создание кругов и даже сложных геометрических конструкций — их рук дело. Возможно. Правда, в последние годы все чаще круги возникают чуть ли не на глазах очевидцев, спонтанно и очень быстро. А учитывая, что фигуры со временем становятся все более сложными и замысловатыми, создать их даже и коллективу людей за одну ночь, как обычно происходит, совсем непросто. Есть разные версии странного явления: действие особых вихрей, послания из параллельного мира или из будущего, выход на контакт пришельцев и тому подобное.

Однако «круги на полях» непостоянны. Есть стационарные, но такие же непонятные рисунки. Самыми известными в мире считаются геоглифы плато Наска в Перу. О них существует обширная литература. Менее известны геоглифы Евразии. Например, огромный лось на Южном Урале, недалеко от озера Зюраткуль, видный только из космоса, поскольку местность покрыта тайгой. Открыт он в 2007 году ученым Александром Шестаковым, который работал со снимками, полученными со спутников. Увидев странное изображение, он передал снимки археологам, которые с тех пор геоглиф усиленно изучают. Длина лося без хвоста 275 метров. Его голова повернута на запад. Рисунок выложен стеночками из камней. Возраст примерно VI—III тыс. до н. э., то есть он на несколько тысячелетий старше знаменитых геоглифов Наска. На лето 2015 года было запланировано изучение пыльцы растений, оставшейся в трещинах камней, чтобы определить время создания артефакта более точно.

У древних народов Сибири *моделью мира* являлась модель животная — колоссальных размеров лось, тело которого покрыто деревьями, а рога так огромны, что несут на себе солнце и месяц. Вот обнаружился тот самый лось! Невероятно? Но мы ведь пока очень-очень мало знаем о своей Земле, а предков представляем примитивами по сравнению с нами, вооруженными «крутыми» гаджетами. Но боюсь, что дело обстоит как раз наоборот.

Правда, и в XX веке создавались некие произведения на земле с помощью определенным образом высаженных деревьев. Так, надписи из лесополос «Ленин» есть в Беларуси и в Армении, «СССР 50» в Украине (интересно, что сейчас с этим лесом?), «100 лет Ленину» и «40 лет Победы» в Кемеровской области, «Ленин с нами» — в Омской области. Деревья высаживались накануне знаковых тогда юбилеев. Сейчас лесополосы поднялись и стали памятью о советской эпохе.

В данном случае все ясно. А вот древние геоглифы расшифровке не поддаются.

На плато Устюрт в Каракалпакии с самолета видны огромные фигуры, напоминающие стрелы. Наконечник каждой «стрелы» имеет вид равнобедренного треугольника со стороной до 110 метров, а вместо древка — расходящиеся, словно кометный шлейф, дуги длиной до 1 километра. Всего обнаружено 30 «стрел», а опираются они своими шлейфами, будто на каменную «тетиву», на всю ширину плато (160 км). Стрелки указывают на Аральское море, которое стремительно и неукротимо мелеет. Заметно все это только с высоты птичьего полета, а между тем на создание подобных рисунков затрачены огромные усилия. Но кого? Неандертальцев? А зачем?

По соседству со стрелами обнаружены гигантские, выложенные из камней, фигуры зверей, скажем, черепахи. Однако есть и непонятные монстры. Как и стрелы, фигуры сориентированы на северо-восток. Если пойти по указанному ими направлению по бескрайней пустыне, то, в конце концов, упираешься в выложенную из того же битого камня, что и стрелы, абсолютно прямую дорогу. Множество здесь и пирамид, правда, гораздо меньше египетских. Всякие доморощенные теории, типа стрелы — маршруты загонов для сайгаков — не выдерживают критики.

На другом конце Евразии — в Англии — кроме кругов на полях существует несколько огромных стационарных рисунков. Самой известной считается «Уффингтонская лошадь» в графстве Оксфордшир — изображение гигантского стилизованного коня, созданное путем снятия дерна на меловом холме. Длина рисунка 110 метров. Он создан в неолите либо же на границе бронзового века. Характерно, что все эти тысячелетия местные жители поддерживали геоглиф в надлежащем состоянии, выпалывая траву.

Также в меловой горе выложен «великан с палицей» — фигура обнаженного человека близ города Дорчестера, что на юго-западе Англии. Длина изображения 55 метров, глубина контурных линий 30 сантиметров. Фигура хорошо просматривается с вершины противоположного холма.

«Лонгмен из Уилмингтона» на юге Англии — рисунок великана длиной 69 метров с двумя палками в руках, словно у современного нам приверженца модной «финской ходьбы». Ученые до сих пор гадают, что означает рисунок и для чего он создан. Впрочем, так же непонятны и предыдущие. Большинство исследователей склонны все геоглифы Англии относить к неолиту.

Для Великобритании характерны и собственно *мегалиты* («большие камни»). Мегалиты делятся на насколько видов: типа домиков для лилипутов — *дольмены*; вертикально стоящие большие камни, образующие круги, — *кромлехи*; ряды вертикально отдельно стоящих камней-столбов — *менгиры*.

Наиболее известный в мире кромлех — английский *Стоунхендж*. Расположен он на болотистой равнине в Солсбери, примерно в 130 километрах от Лондона. Вообще-то в Англии и Шотландии таких кромлехов — кругов, выложенных из камней, диаметром от 2 до 113 метров, обнаружено несколько сотен. Но Стоунхендж — самый уникальный.

Состоит Стоунхендж (его название буквально означает «висячие камни») из четырех кругов. В центре — огромный мегалит, примерно 5 метров высотой, называемый Алтарным. Вокруг стоят так называемые «голубые камни», вытесанные из вулканических пород. Далее, образуя как бы подкову диаметром 15 метров, находится пять трилитов — хорошо обработанных камней, представляющих собой букву «П»: по две вертикальные плиты, на которые положена третья. Три трилита стоят, два лежат. Вес каждого элемента в трилите доходит до 5 тонн, а высота от 6 до 7,2 метра. За трилитами — остатки кольца, образуемые тоже «голубыми камнями», но только более мелкими. Сейчас их над землей возвышается двадцать, но в земле скрыты основания других. Далее трилиты окружены 30 вертикальными камнями высотой около 5,5 метра и весом до 25 тонн. Есть еще несколько кругов, например, лунки диаметром 40 метров, но они уже предназначались для деревянных конструкций, которые не сохранились. И окру-

жает все сооружение меловой вал диаметром примерно 100 метров. Несколько в стороне, в 85 метрах от центра, стоит одинокий менгир высотой до 6 метров, называемый Пяточным камнем.

Установлено, что каменные глыбы для сооружения Стоунхенджа доставлены с гор Уэльса, расположенных в 380 километрах. Даже сейчас, чтобы перевозить и ворочать все эти тяжелые камни, понадобились бы мощные тягачи, подъемные краны и другая специальная техника, а также дороги с особым покрытием. Кто-то подсчитал, что по трудозатратам-человекодням сооружение Стоунхенджа равнялось всей космической программе США в XX веке.

Определить, когда построен комплекс, в принципе невозможно, потому что дикие камни, его слагающие, могли образоваться и миллионы лет назад. Считается, что Стоунхенджу чуть более пяти тысяч лет, то есть несколько столетий он не дотягивает до возраста великих египетских пирамид. Да только все это «дутые» цифры: и пирамиды гораздо старше, и Стоунхендж — также. В народе его называют «Пляской великанов», полагая, что сооружался он гигантами до Потопа. А еще в эпоху Средневековья бытовала легенда, что камни переносились по воздуху по воле волшебника Мерлина, самого, пожалуй, известного из древних магов, воспитателя легендарного короля Артура. Следуя за этим мифом, в наше время все чаще говорят о так называемых «акустических генераторах» — приборах, издающих особой частоты звуки, способные создавать волны настолько мощные, что переносят по воздуху огромные предметы. Изобретенные современными учеными такого рода приборы пока способны разве что спички над поверхностью стола перемещать. Но люди предыдущей цивилизации явно умели больше, возможно, овладели секретом *управления гравитацией*. О том, что это принципиально возможно, говорит факт невероятного строительства Эдвардом Лидскалныньшем во Флориде так называемого «Кораллового замка», ныне главной достопримечательности штата. Щупленький молчаливый латыш-эмигрант за двадцать лет голыми руками, без всякой техники, в одиночку построил грандиозное сооружение. Местные жители уверяют, что камни, из которых возведен замок, якобы летали, а сам «угрюмый Эд», как его здесь называли, однажды проговорился, что узнал секрет египетских пирамид. После этого и появилась теория о библейском Ковчеге Завета как особом устройстве, которое перемещало камни при строительстве пирамид в Египте, а затем генерировало в Синайской пустыне в течение сорока лет манну для евреев — основное средство питания, позволившее беглецам от фараона выжить.

Все это — научная фантастика. Однако академическая наука обязана выдвигать собственные теории, пусть они даже далеки от здравого смысла. Ученые полагают, что сооружался комплекс Стоунхенджа в течение примерно трехсот лет. Значит, в условиях первобытного общества, разрозненных диких племен и общего количества тогдашнего населения Англии, не превышавшего пару сотен тысяч человек, существовал строгий генеральный план и мудрые руководители проекта, передающие эстафету его реализации от поколения к поколению? Уже само по себе это невероятно. Вот и возникают фантастические версии об антигравитации.

Кроме датировки и способов строительства Стоунхенджа непонятным является и его назначение, то есть ради чего древние люди шли на такие чудовищные трудозатраты. Гипотез о функциях кромлеха за триста лет его научного изучения возникло немало. Это и храм, и обсерватория, и своеобразный санаторий для излечения больных. Версия обсерватории и вообще связи комплекса с астрономией наиболее популярна. 21 июня 2015 года, то есть в день летнего солнцестояния, в Стоунхендже перед рассветом собралось 20 000 человек, наблюдавших, как встает солнце над Пяточным камнем, пронзая лучом трилиты. Восторженные отзывы наблюдателей волшебного зрелища передавались по всем мировым телеканалам, в том числе и по белорусскому ТВ.

Такого рода наблюдения здесь традиционны и велись еще древними жрецами. Считается, что комплекс — своеобразный компьютер древности: с его помощью можно было очень точно рассчитывать календарь, отмечать времена года, предсказывать солнечные и лунные затмения. В нем зашифрованы параметры Земли и Луны, бывшие размеры Солнечной системы, в которой якобы, согласно расчетам, было 12 планет (у шумеров тоже фигурировала эта цифра). Французские исследователи подсчитали, что расположение отдельных элементов Стоунхенджа точно соответствовало точкам восхода и заката десяти главных звезд... 12 000 лет назад.

Не сомневаюсь, что будут сделаны и другие подобного рода ошеломляющие открытия. Их и сейчас множество. Говорят о зашифрованных в комплексе строении атома, расположении элементов в таблице Менделеева, скорости света, основных законах физики и математики. Есть версия, что Стоунхендж — своеобразная антенная решетка, способная, как и египетские пирамиды, концентрировать энергию вакуума, и по этой причине кромлех обладает целительной силой.

Интересен такой факт воздействия комплекса на конкретного человека. Наиболее во всем мире известный во второй половине XX века норвежский этнограф и путешественник Тур Хейердал в годы молодости, когда готовился британцами для борьбы с фашистами, забрался в Стоунхендж и ночевал на Алтарном камне, ставя на себе эксперимент о возможном воздействии камней кромлеха на человеческий организм. Культуролог Вера Бегичева на этот счет пишет: «Похоже, эксперимент удался — жрецы, колдуны и шаманы реликтовых верований в самых разных уголках света в один голос говорили, что ему присущ особый дар тайновидения...» Да и удачлив Тур был всегда и во всем, хотя не раз рисковал жизнью: переплывал на бальсовом плоту Тихий океан, на утлых папирусных лодках — Атлантический океан и Персидский залив, изучал древние цивилизации в самых разных местах земного шара, и везде совершал научные открытия.

Стоит напомнить, что в трех экспедициях — на «Ра-1», «Ра-2» и на «Тигрисе» — с Туром Хейердалом путешествовал тогда молодой советский врач Юрий Александрович Сенкевич. Мало кто знает, что Юрий Сенкевич по месту рождения — белорус. Его отец во второй половине 1930-х годов был заместителем министра здравоохранения БССР. Репрессирован. Однако это не помешало его сыну сделать блестящую карьеру: на момент знакомства с ним Хейердала в начале 1960-х годов Юрий Сенкевич работал врачом в НИИ, занимающемся космической медициной, и уже успел побывать в Антарктиде. После своих, вместе с норвежским исследователем, путешествий Юрий Сенкевич более тридцати лет, захватив уже и послесоветские годы, вел одну из самых любимых передач на центральном телевидении СССР — «Клуб путешественников». Он часто рассказывал о необычных сооружениях, разбросанных по миру. Возможно, они — *послание* древних людей нам, потомкам, способным разгадать шифровку.

На европейском континенте наиболее известный и гораздо более грандиозный, чем Стоунхендж, комплекс Карнак во французской Бретани. Здесь 2935 поставленных вертикально камней-менгиров вытянуты двенадцатью рядами длиной в четыре километра. На некоторых камнях сохранились нерасшифрованные до сих пор надписи.

Киевские исследователи геолог Р. С. Фурдуй и физик Ю. М. Швайдак выдвинули версию, что Карнак — сложное техническое устройство — генератор акустических и, возможно, электромагнитных колебаний. Эти ряды камней постепенно сближаются друг с другом по сложному математическому закону, описываемому параболической функцией. Закономерно меняется и высота камней в отдельных рядах. Причем каждый камень заключает в себе кварц, а этот минерал под воздействием солнечного света способен генерировать электроток, а также ультразвук, при механической же деформации (камни всажены в землю) испускает радиоволны. Перед восходом солнца каждый каменный монумент

излучает импульсы ультразвука, причем особенно они сильны во время равноденствий. Энергия излучения отдельного камня совсем невелика, но точное расположение всех камней создает мощный энергетический поток. В последнее время все более утверждается идея о кромлехах и менгирах как своеобразных *устройствах связи*.

То же касается и так называемых «*лабиринтов*», которых на севере Европы найдено около двухсот. Это также кромлехи, но выложенные небольшими камнями и в определенном порядке, как правило, в виде разного рода спиралей. Лабиринт на Соловецких островах в Белом море еще в юности поразил и заинтересовал русского гения Михаила Ломоносова. Каких только идей не высказывали в связи с лабиринтами! На сегодняшний день официально утвердилась этнографическая теория: в лабиринтах танцевали арийские предки, славя Солнце, кружились в ритме, заданном расположением камней. А по-моему, это устройство для связи с умершими. Ведь не случайно кельты считали, что на менгирах отдыхают души покойных... Моя идея, конечно, безумна, но становится в ряд ей подобных, а их напридумывали немало.

Характерно, что на Беларуси очень мало вертикально стоящих менгиров — скорее, вырезанные из камня кресты, но это уже наследие христианской эпохи. На нашей территории, на самом деле, очень много валунов, но они более округлой формы и как бы распластаны по земле. Называют их «следовиками», алтарями, «боговиками» (а то и чертовыми камнями), окаменевшими людьми. Именно для Беларуси характерны растущие из земли камни, например, каменные кресты в Турове. Что же касается кромлехов и лабиринтов, то они, безусловно, существовали, просто не сохранились. Хорошо англичанам и шотландцам гордиться своими сооружениями, но ведь Британские острова редко подвергались нападениям извне, в то время как на Беларусь кто только не претендовал, кто здесь только не шастал, и всегда — с разрушением, уничтожением природных, людских, материальных ресурсов. А в наше время — еще одна напасть. Мне приходилось видеть несколько оград усадеб богатеньких белорусов. Эти ограды сложены из огромнейших валунов, скрепленных цементом. Вид их просто устрашающ. Для постройки одной такой ограды пришлось опустошить от валунов не иначе как целый район. Так ради прихоти отдельных ненасытных людей-хищников гибнут традиционные белорусские ландшафты...

Нет на Беларуси и *дольменов*, относительно которых также возникает множество версий. Дольмены — каменные «скворечники», увеличенные раз в десять, но до жилья человека по габаритам не дотягивающие. Обычно располагаются дольмены в приморских районах — на берегах Атлантического океана, Средиземного и Черного морей, Индийского и Тихого океанов. Только в районе российского Причерноморья их около 2000. И о каждом, а также о явлении в целом сочинен миф. В окрестностях Сочи существует местная легенда о племенах карликов и великанов. Карлики были слабы, но хитры и владели магией. Они поработили простодушных великанов и заставили их построить для себя дома — дольмены. Очень жизненная легенда, из тех, что — на века...

Великий советский романтик Константин Паустовский в «Повести о жизни» описал свое знакомство в детстве с дольменом в районе Геленджика: «Отец стоял около странного сооружения, заросшего ежевикой. Четыре гладко обтесанных исполинских камня были покрыты, как крышей, пятым обтесанным камнем. Получался каменный дом. В одном из боковых камней было пробито отверстие, но такое маленькое, что даже я не мог в него пролезть. Вокруг было несколько таких каменных построек.

— Это дольмены, — сказал отец. — Древние могильники скифов. А может быть, это вовсе и не могильники. До сих пор ученые не могут узнать, кто, для чего и как строил эти дольмены.

Я был уверен, что дольмены — это жилища давно вымерших карликовых людей».

С конца XIX века, времени детства писателя, вопрос о происхождении дольменов, эпохе их постройки и назначении так и не прояснился. Правда, сейчас к каждому дольмену впору приставлять охрану — какие уж тут заросли ежевики! Дольмены буквально штурмуются паломниками. В них умудряются забираться, ночуют, видят якобы пророческие сны, излечиваются от бесплодия (!), вблизи них ощущают прилив сил и бодрости (либо тошноту и головную боль — кто что), им дают собственные имена, устанавливают «специализацию» каждого, их изучают самыми современными приборами.

На корейском острове Канхвадо в Желтом море создан национальный парк дольменов. Здесь их называют «коиндоль», что означает «могильный камень на подставках». Из 55 000 тысяч найденных в мире дольменов более половины находятся в Корее, что, вообще-то, мало кому известно и поразительно. Особенностью корейских дольменов является то, что они располагаются на склонах и на вершинах гор, но все же вблизи моря. Дата их возведения неизвестна, во всяком случае, местные ученые говорят о временах еще палеолита. Многие дольмены использовались как захоронения, но, скорее всего, это приспособление сооружения в целях, возможно, далеких от их первоначального предназначения. В парке, наряду с натуральными корейскими дольменами, размещены уменьшенные копии мегалитов со всего мира. Здесь они предстают во всем разнообразии, вплоть до скульптур острова Пасхи. Но все же больше всего мегалитов именно в Евразии.

Установлено, что в подавляющем большинстве случаев дольмены, как и все мегалиты, установлены в так называемых «местах силы», то есть на глубинных разломах земной коры, где выходят мощные энергетические потоки. Очень часто они стоят над точками расхождения подземных водных горизонтов. Так, огромное поле менгиров в Карнаке — над подземными ручьями и реками.

Но похоже, что и сама конструкция мегалитов формирует определенные физические поля, так или иначе влияющие на человека. Это не только святилища или могильники, а именно *многофункциональные устройства*. Можно даже сказать, приборы. А вид имеют такой, наиболее гармонично вписанный в среду, потому, что, по-моему, цивилизация уже однажды была творчески-экологической. Она создавала не уродливые металлические конструкции, а произведения из натурального камня, приятные для глаза и на ощупь, словно созданные самой природой.

Популяризатор науки А. И. Войцеховский пишет относительно функций мегалитов, и в частности дольменов. Они могли использоваться:

- в качестве ультразвукового оружия;
- в лечебно-медицинских целях;
- для психогенного воздействия на человека;
- в качестве устройства для предсказывания землетрясений и т. д.

А есть же еще и *курганы*. Как полагал лучший исследователь язычества академик Борис Рыбаков, «курган — это модель видимого мира, ограниченного кольцом кругозора». Курганы, по существу — пирамиды, насыпались они по всей Евразии, тянулись от Алтая до Ирландии, а в наше время сохранились преимущественно в Украине и Краснодарском крае.

Один из наиболее известных в Европе астроархеологов украинский ученый Юрий Шилов еще в начале 1990-х годов доказал, что курганы Украины и юга России являются проекцией неба, наиболее известных звезд и созвездий. В те же годы, но все же позже академика Ю. Шилова, на весь мир прославился английский инженер Роберт Бьювел, сумевший убедить ученое сообщество, а тем более публику, что пирамиды в Гизе — земная проекция созвездия Орион. Думаю, что его натолкнули на эту мысль исследования именно Ю. Шилова (услышал его гипотезу на научной конференции либо прочитал в международном сборнике). Западные ученые, кинематографисты, технологи очень часто заимствуют идеи славянских ученых, изобретателей, художников, да только неизменно скрывают это, присваивая себе чужое творчество.

Курганы всегда были связаны с культом мертвых — это захоронения. Но захоронения, как доказал Ю. Шилов, избранных людей, чем-то прославленных — героев-воинов, царей, жрецов (в Беларуси — волотов), кому дана надежда на воскрешение именно благодаря кургану, его конструкции. Любой курган представлял собой, в сущности, яйцо. Покойник помещался в камере-яйце в позе зародыша. Как из яйца появляется весной, под действием солнечного света, живое существо, так и покойник обязательно воскреснет, как полагали предки, *при определенных космических условиях*. Эта мысль лежит в основе создания курганов и пирамид, ориентированных на состояние неба.

Действительно, курган — очень сложное сооружение и по конструкции, и по мифологическому смыслу. Сегодня в Ирландии, да, пожалуй, во всем западном мире, самый известный туристический объект — курган Нью-Грейндж, сооруженный в IV тыс. до н. э. Внутрь него солнце заглядывает только в день зимнего солнцестояния. В течение пятнадцати минут солнечный луч заливает светом коридор длиной 22 метра и расположенную в конце него погребальную камеру. Старые камни начинают красиво и таинственно светиться — свет прогоняет ночь и мрак, обещая скорое возрождение жизни и радость бытия.

Чтобы создать такое замысловатое сооружение и добиться эффекта «солнечного чуда» (он создан также и в храме Абу-Симбел в Египте), необходимы очень серьезные и точные астрономические и математические знания, ведь наблюдения за небом — дело чрезвычайно сложное. Такие знания древние люди могли позаимствовать только от предыдущей развитой цивилизации.

Кстати, и в Англии, вблизи Стоунхенджа, возвышается земляной холм Сильбури Хилл. Его высота 45 метров, и он считается самым высоким искусственным курганом в Европе, возведенным за две тысячи лет до Стоунхенджа. Наверху кургана отмечается интересное психологическое явление: поднявшиеся туда люди начинают ощущать по отношению друг к другу очень сильную симпатию, искренние дружеские чувства, так что буквально бросаются на шею друг другу. Внизу, у подножия холма, ничего подобного не происходит. Полагают, что наверху любой пирамиды изменяется мироощущение человека.

В молодости я высказывала наивную, но романтическую мысль, что многочисленные курганы Беларуси (только на начало XX века их было здесь 6000) — это захоронения рыцарей-волотов древности, в молодости проходивших в здешних лесах инициацию, а после смерти свозившихся сюда со всей Европы благодаря нашей удивительной речной сетке: реки текут в разные стороны, являясь прекрасными дорогами. По этой причине именно Беларусь в ту пору должна была мыслиться *центром Европы.*

Самые древние святилища и города

Широкая публика мало знакома с работой археологов. Между тем в последние десятилетия успехи в этой области очень и очень значительны.

Еще пятьдесят лет назад самым старым городом в мире считался Иерихон. Сегодня открыты и более древние города, относящиеся к эпохе неолита. Все они располагаются в зоне так называемого «благодатного полумесяца» — от Египта и Палестины до Анатолии. Благодаря великим рекам Нилу, Тигру и Евфрату здесь всегда было достаточно пресной воды и в то же время много солнца¸ способствующего быстрому вызреванию плодов и злаков.

Если ехать по территории Турции, Ирака и Сирии, то встречаются сотни и сотни еще не раскрытых *теллей*, то есть холмов, под которыми скрываются архаичные города. Кто знает, какой они эпохи, какие шедевры здесь погребены? А то, что уже открыто, поражает воображение.

На сегодняшний день одним из наидревнейших городов признан Чатал-Гуюк в Турции, основанный в VIII тыс. до н. э. Он расположен в 34 километрах

от города Конья и в 130 километрах от побережья Средиземного моря. Древний город-государство занимает территорию в 13 гектаров, но раскопано всего 4 % этой площади. Не могу не сослаться на романтиков от науки — А. Асова, В. Щербакова, В. Демина, которые полагали, что этот город основали переселенцы из Атлантиды. Уж очень удивительны и высоки для того времени здесь достижения цивилизации. Вполне возможно, что в древнем городе воссоздана жизнь, какой она была до Потопа, в том числе жизнь на берегах Черного моря.

В Чатал-Гуюке каждый дом, сложенный из кирпича-сырца, имел площадь в среднем в 24 квадратных метра при высоте помещения до 3 метров. Причем все входы располагались на крыше, сделанной из жердей и покрытой тростником. Жители спускались в свои дома по деревянным лестницам. Почти прямо под люком находился очаг. Вдоль стен располагались глиняные платформы, типа лежанок-диванов, на которых спали. Но под ними же хоронили и своих умерших. То есть страха перед навьями тогда не было, наоборот, считалось, что родные покойники невидимыми продолжают жить вместе с семьей, помогая ей. Основное помещение окружали кладовые, а хозяйственная жизнь во многом протекала на крыше, как и сейчас это нередко можно наблюдать в среднеазиатских и арабских поселениях.

Самое удивительное — эстетическое убранство домов, их утонченный дизайн. Полы и лежанки покрывались циновками и выделенными шкурами. Стены и потолки украшались рельефами, лепниной, орнаментом и фресками. Последние напоминают пещерную живопись кроманьонцев в Пиренеях. Здесь в основном изображены животные: быки, бараны, олени, кабаны, медведи, волки. Люди же на рисунках на зверей охотятся или же вокруг них танцуют. Вообще же такого разнообразия тем, сюжетов, красок настенной живописи не обнаружено больше нигде.

Есть здесь одна поразительная фреска, датируемая примерно 6200 годом до н. э. На ней показан вулкан, из которого извергается лава в сторону схематически изображенного довольно большого скопления домов. Можно считать это первым в мире рисунком природного катаклизма, а заодно и первой картой древнего города.

При раскопках в Чатал-Гуюке найдены скульптурки дородных женщин, очень похожих на так называемых «палеолитических венер», которых можно видеть в каждом археологическом музее Европы, так как они найдены в большом количестве. Характерная их особенность — пышные формы и отсутствие лица, словно бы на него опущены волосы. Такое впечатление, что голова — вместилище души — мешает, по мысли древних ваятелей, осуществлению главной функции «венеры» — деторождению. У меня есть моделька «палеолитической венеры», найденной в Беларуси. Она, в отличие от европейских, далеко не так упитанна, с маленьким бюстом и вообще без головы. Самое интересное, что точная копия белорусской фигурки найдена на территории Индии — я случайно обнаружила ее фото в альбоме.

В Чатал-Гуюке откопали скульптуру Богини-Матери на троне, который охраняют рыси-леопарды. Многие исследователи, например, Ю. Петухов, В. Щербаков, уверены, что здесь жили проторусы, то есть арийцы. Русами их называть более удобно, так как корень «рос»—«рас»—«рус» чрезвычайно древний и встречается в большинстве языков Евразии, в том числе в этнонимах. Найденная скульптура Великой Матери в окружении рысей дает основание утверждать, что главными тотемами предков европейских и многих азиатских народов, а именно русов, были животные из породы кошачьих — львы, леопарды, рыси.

В Чатал-Гуюке найдено и довольно много двухголовых идолов — из глины и даже из золота. Двухголовость — характерная особенность мифологии русов-праславян. Это отражение так называемого «близнечного» мифа и культов многочисленных богов-близнецов: Аполлона и Артемиды, братьев Диоскуров, Яма и Ями, Ивана да Марьи. Дуализм мира, выраженный в близнечном мифе, свидетельствует о глубокой архаике в мифологии, а в то же время указывает на

близость проживавшего в древнем городе народа к индоевропейцам, даже, более того, — к *славянам*.

Посуда, оружие, обсидиановые зеркала — все в Чатал-Гуюке восхищает тщательностью отделки, высоким профессионализмом в изготовлении домашних вещей. Уровень достатка у всех жителей был примерно одинаков и для того времени очень высок. Занимались они в основном земледелием: здесь культивировались 22 вида полезных растений.

На небольшом участке раскопа найдено сорок храмов-святилищ. Каждый из них состоял из четырех прямоугольных комнат. Святилища окружали по 3—4 обычных дома. То есть свой домашний храм был, видимо, у каждого рода, включающего нескольких семей. Стены культового места выкрашены белой краской, но один из углов — охрой. Значит, уже тогда появляется «красный угол», характерный для славянских жилищ. Над ним висели вылепленные из глины бычьи головы с натуральными рогами. Это дало основание археологам назвать храмы святилищами Вола-Велеса-Ваала-Баала, ипостаси бога Рода.

Вообще же в городище Чатал-Гуюк зафиксировано множество деталей быта, которые сохранятся на протяжении тысячелетий и дойдут в народной культуре вплоть до XX века. В то же время, по мысли историка Ю. Петухова, «Чатал-Гуюк явился венцом, завершающей фазой длительного, многотысячелетнего периода в истории проторусов, прарусов и русов-индоевропейцев Малой Азии». Это была высокая, очень развитая цивилизация, существовавшая за несколько тысячелетий до Шумера. Однако мировая академическая наука упорно не желает отказываться от своих застарелых догм и переписывать учебники, поэтому до сих пор официально «история начинается в Шумере».

Что же касается Иерихона, то городу восемь тысяч лет. Впрочем, как на самом деле он назывался — неизвестно. Раскопанное в устье Иордана поселение назвали в честь упомянутого в Библии Иерихона с его упавшими от звука труб стенами. Правда, сегодня в Израиле, Палестине его название звучит так, как, видимо, звучало издревле — Ярихо. А раскапывать город, вернее, многочисленные города, существовавшие на этом месте, начали еще в XIX веке, углубляясь в тысячелетние слои. В XX веке докопались до жилищ каменного века. Люди, еще не знавшие керамики, уже вели оседлый образ жизни. Жили сначала в круглых, а затем в прямоугольных домах. Полы в них были заглублены ниже уровня земли — тип будущих славянских полуземлянок. Глиняные полы покрывались досками. Вообще дерево в строительстве тогда использовалось очень широко. Всего в городе в период его расцвета проживало более 3000 человек — цифра огромная по тому времени.

Когда в VI тыс. до н. э. город обнесли четырехметровой стеной и прорубили в скальной породе, на которой он стоял, глубокий ров, Ярихо стал неприступен. А было от кого отбиваться. Всегда, в любом месте Евразии, практически каждое городище оседлых трудолюбивых земледельцев, в конце концов, окружали шатры и шалаши диких кочевников, охотников и собирателей, разными путями просачивавшихся в город, если не удавалось его взять силой и разграбить. Именно эти проникающие тунеядцы являлись «троянскими конями» и, по достижении критической массы, подрывали любую оседлую цивилизацию изнутри.

Одна из девятиметровых городских башен Иерихона хорошо сохранилась. В наше время ее основание находится глубоко в земле, в 8 метрах от поверхности. А кладка поражает — ее в VI тыс. до н. э. (!) сложили настоящие профессионалы, и сложили, как видим, на тысячелетия. Где же они учились строительному мастерству? Из всех существующих на этом месте поздних городов ни один уже не воспроизводил таких мощных башен. Мало того, на каменной башне еще стояла и деревянная вышка — прообраз будущих русских сторожевых застав. Пока земледельцы работали на полях вблизи города, дозорные воины на вышках внимательно следили за горизонтом — не покажется ли алчный враг, которому всегда не хватало пищи, потому готовому поживиться за чужой счет.

В Иерихоне покойников хоронили под полами жилищ. Причем голову отделяли и закапывали отдельно. Видимо, здесь практиковалось так называемое «повторное погребение». Когда плоть истлевала, делали вскрытие, отделяли черепа и соответственно их оформляли: обмазывали глиной, в глазницы вставляли раковины каури — создавали по существу скульптурный образ. Видимо, это связано с надеждой на будущее возрождение, как и при захоронении в курганах.

Культ «мертвой головы» в Иерихоне был очень развит и стоек. Затем он оказался доминирующим и у кельтов Европы, а повторное погребение практиковалось жителями Балкан. Ведь именно от этого культа идет фразеологическое выражение «перемывать косточки». Действительно, еще в XIX веке в Черногории перемывали косточки покойников и в зависимости от их цвета по-разному перезахоранивали их вторично. Возможно, здесь уже появился страх перед навьями, стремление обезопасить себя от них. Вообще же всех деталей явно очень сложного ритуала мы пока не знаем. Но факт, что существует связь времен, связь культур, традиций, типов психики.

По многим показателям, в древнем Иерихоне также жили проторусы. Это был, видимо, последний форпост индоевропейцев в Западной Азии. Кстати, и топонимика, всегда сохраняющая самые древние названия, об этом свидетельствует. Так, меня всегда смешит притянутое за уши этимологическое объяснение слова «Палестина» — от названия якобы народа филистимлян. В то время как здесь явно читается «Палящий» или «Опаленный Стан». А река Иордан, на которой стоит Иерихон, — Ярдан, то есть «Ярая» река. То же касается слова Ярихо.

В Ярихо сохранялся прослеживаемый на протяжении десятков тысячелетий культ Великой Матери богов и всего сущего. Найдено здесь также множество фигурок бычков, коней, львов, леопардов, человечков. Это вовсе не идолы, которым поклонялись древние жители, а скорее всего, обычные детские игрушки. Что же касается стен Иерихона, которые упали, согласно Библии, от труб завоевателя Иисуса Навина, то исследования показали, что их просто подкопали. Впрочем, ученые спорят по этому факту до сих пор.

Совсем недавно, в 2010 году, немецкие археологи открыли святилище, которое на сегодняшний день считается *самым древним* в мире. Это Гёбекли-Тепе на юго-востоке Турции, в верховьях Тигра и Евфрата. 15-метровый холм скрывал храм X тыс. до н. э. Здесь нашли четыре округлые постройки, достигавшие в поперечнике от 10 до 30 метров. Вдоль невысоких стен и в центре помещения высятся более сорока Т-образных столбов из известняка высотой от 2 до 2,5 метра. Вес каждого 10—20 тонн. Большая часть святилища пока скрыта под землей: еще где-то полтора десятка построек и около двухсот столбов предстоит раскопать. Они могут оказаться даже больше по размерам уже найденных.

На поверхности открытых столбов изображены рельефы животных: львы, быки, лисы, змеи, ящерицы, утки, кабаны, коршуны, журавли. Скульптурки сделаны чрезвычайно реалистично. Ничего подобного по красоте и изяществу из такой далекой эпохи пока не находили. Один из столбов в виде человекоподобного существа высотой 5,5 метра создан еще раньше основного храма — в XII тыс. до н. э. Сами постройки и столбы украшены пиктограммами — в виде геометрических фигур (круги, полумесяцы) или стилизованных животных.

Строительство храма происходило тогда, когда еще ни скотоводства, ни земледелия, ни государства, согласно официальной науке, не существовало. А между тем люди собирались и организовывались в большие коллективы для строительства таких огромных сооружений, которые явно предназначались для сложных религиозных ритуалов. Без союзов племен, зачатков государства, мудрых руководителей грандиозное строительство невозможно. Тут все неясно. В официальной науке слишком много неувязок.

Комплекс просуществовал 2,5 тысячи лет, а затем был закопан, для чего понадобилось до 500 кубических метров земли. Очень странный акт. Правда, и позже, на нашей территории, арийцы всегда оставляли после себя *чистоту* —

уходя, они сжигали свои постройки и все следы жизнедеятельности. Здесь же камень устоял бы от огня, потому святилище просто скрыли под слоями грунта. Именно благодаря этому оно прекрасно сохранилось, чтобы быть открытым через десять тысяч лет.

В древности существовали и подземные храмы. Один из самых знаменитых — на острове Мальта.

Мальта — государство в Средиземном море, состоящее из собственно Мальты, островов Гозо и Комени, — фактически скал, словно брошенных циклопами в море. Государство крошечное, но имеющее очень долгую историю, уходящую в каменный век.

В начале XX ст. в городке Паола на Мальте был открыт Гипогей (от лат. «подземный храм»), самое, пожалуй, известное строение на острове, которое ныне считается одним из 50 наиболее важных объектов в районе Средиземного моря, охраняемых ЮНЕСКО.

Возраст Гипогея, по самым скромным прикидкам, насчитывает не менее восьми тысяч лет. На нижнем уровне здесь было найдено до семи тысяч костных останков людей вместе с украшениями и керамикой. Отсюда сделали вывод, что подземный храм — заупокойный и одновременно некрополь. Вгрызаясь в скалу, на которой жили, древние люди вырубали в ней все новые коридоры и ниши для захоронения своих покойников. Вообще же точное предназначение святилища неизвестно. Пещеры храма расположены на трех уровнях и уходят на глубину 13 метров. На 800 метрах общей площади находится 34 помещения — залы, ниши, отдельные камеры.

Страдающим клаустрофобией в подземелье лучше не находиться — очень уж оно мрачное. В центре комплекса резные стены, потолки с выступающими карнизами и фрагменты спиральных украшений. В камере под названием «Святая святых» на стенах сохранились следы красной охры, которой красился «красный угол» еще в Чатал-Гуюке. Видимо, это место было одновременно и алтарем, и склепом.

«Камера оракула» с глубокой нишей, вырезанной в стене, обладает замечательным акустическим свойством. Низкие мужские голоса здесь отражаются от стен эхом и доходят до глубины помещения. А вот с женскими голосами такого эффекта не происходит. Считается, что здесь жрецы-оракулы толковали сновидения.

В помещении среднего уровня была обнаружена так называемая «Спящая принцесса» — скульптура невероятно тучной женщины с крошечной головкой, растянувшейся на лежанке. Предполагают, что такого рода женские фигурки воплощали идею плодородия. Правда, что касается собственно земли, то на Мальту почву завозили с соседней Сицилии, и вряд ли голая скала давала урожаи в древности. Тем не менее люди здесь жили с незапамятных времен, и каждый человек ценился, потому и почитали матерей.

В наше время вход посетителей в Гипогей строго ограничен, и не только ради сохранения неповторимой атмосферы святилища, но и для контроля — здесь пропадали люди. О пропажах стали писать еще в 1940 году, когда в подземелье навсегда исчезла целая группа школьников. Отмечалось, что на нижнем уровне в самой дальней погребальной камере имеется потайной ход, который уводит под святилище, а там теряется в лабиринтах карстовых пещер и проломов. Надо сказать, что на Мальте множество катакомб, огромная разветвленная сеть естественных пещер и искусственных гротов. В древности всю Мальту можно было пройти под землей вдоль и поперек, ни разу не поднявшись на поверхность.

Я думаю, что Мальта — это вообще вершина горы, изрезанной пещерами, подножие которой оказалось затоплено в результате природной катастрофы, когда, после таяния европейского и американского ледников, уровень Мирового океана поднялся не менее чем на 120 метров.

На Мальте когда-то существовала, видимо, мощная и процветающая цивилизация. Об этом свидетельствуют не только подземные, но и надземные храмы. Их насчитывают, учитывая и остров Гозо, двадцать три. Какой народ их возводил не позже, чем в VI тыс. до н. э., неизвестно. Считается, что этот загадочный народ прибыл из Сицилии, находящейся в 90 км севернее Мальты. Но почему не предположить, что после катаклизма здесь уцелели местные жители? А Мальта, Сицилия, как и собственно Апеннинский полуостров, когда-то представляли собой одну сплошную сушу.

Храмы на Мальте и Гозо числятся среди старейших отдельно стоящих сооружений мира. Иногда их еще называют «могилами гигантов», но совершенно ясно, что они не являлись гробницами, так как именно рядом с ними в пещерах обнаружены погребальные камеры. Неизвестны боги, которым в храмах молились.

Многие из наземных мегалитических сооружений не имеют явной планировки — отдельные залы и проходы. В них находятся грибообразные каменные алтари, консольные выступы, квадратные отверстия в плоских камнях, ведущие в помещения оракула. Здесь нет двух одинаковых храмов, но есть одна общая особенность — ряд подковообразных апсид, соединенных общим коридором. Поражает использование огромных монолитов, тщательно вырезанных из известняка.

Мальтийская цивилизация строителей храмов внезапно угасла около 2000 года до н. э. Что стало причиной этому, непонятно. Может, вторжение врагов или эпидемия. Но ясно, что последующие жители островов были варварами по сравнению с неолитическими зодчими. И следующий расцвет Мальты связан уже с рыцарями, потомками крестоносцев, мужественно отражавшими наступление воинственной средневековой Турции и набеги арабских пиратов.

Однако это уже совсем другая история. А каменный век не отпускает нас из Мальты еще по одной причине — надо сказать, уникальной. Мегалитические сооружения разной степени оригинальности есть во многих местах Евразии. Но только на Мальте поражают так называемые «тележные колеи». Иронически названные «трамвайными линиями эпохи неолита», они прорезают каменистые плато архипелага в разных направлениях, нередко спускаясь в море. Считается, что они были частью древней транспортной системы. Но ведь эти колеи не всегда идут параллельно друг другу! Иногда сходятся, расходятся, сливаются, внезапно обрываются на крутой скале, а затем снова возникают в долине.

Борозды в каменистом грунте имеют ширину от 63 до 123 см, а их глубина превышает 70 см. Официальная версия гласит, что их вырезали в твердом камне как указание для направления экипажей, то есть каких-то транспортных средств. Эта гипотеза не вызывает доверия. Ведь иногда колеи обрываются у края высоких утесов. Вообще нет ни одной подходящей идеи, которая бы объясняла происхождение линий. Великий энтузиаст палеоконтактов землян с инопланетянами швейцарец Эрих фон Деникен объявил колеи Мальты ориентирами для «летающих тарелок». Это, конечно, наивность. Однако у меня возникает впечатление, что кто-то сверху водил мощным лазерным лучом по поверхности островов, выжигая углубления в очень твердом каменистом грунте. А вообще загадка таинственных колей Мальты еще, видимо, долго будет будоражить воображение поэтов от науки.

Названные выше и некоторые другие святилища и города чем дальше, тем чаще оказываются, по современным датировкам, древнее ранее принятых данных. Культура Евразии гораздо старше, чем принято думать. Тут, скорее всего, существовали как примитивные племена охотников и собирателей, так и более цивилизованные народы. До такой степени цивилизованные, что и сегодня их достижения поражают и вызывают множество вопросов.

ВЛАДИМИР ЛАНДЕР

Магическая сила

Прошло почти 50 лет со дня нашей первой встречи с Юрием Ивановым. Тогда, в 1965 году, он, совсем еще мальчишка, без опыта, настоящей практики, жизненных устоев, стал фотокорреспондентом Агентства печати «Новости» (АПН) по Беларуси — ведущего советского информационно-публицистического монстра, который не только распространял в 120 странах мира правдивые материалы об СССР, но и знакомил через свои представительства наших людей с жизнью народов зарубежных стран. «Хрущевская оттепель» сорвала пыльные шторы, распахнула настежь окна, не испугалась сквозняков перемен и открыла дорогу еще даже не оперившимся молодым, но уже что-то соображающим перспективным пацанам. Редакции не только смело отдавали полосы начинающим журналистам, но и разыскивали этих талантливых, нестандартно мыслящих и даже бесшабашных ребят, которые потом становились профессиональными корифеями и классиками при жизни.

Юра сразу же получил задание рассказать о сельском хозяйстве, о возрождении белорусского села. А я только-только начинал поскрипывать пером и настойчиво пытался выкарабкиваться на, как тогда казалось, недоступную для меня журналистскую стезю, работал начальником отдела технической информации и выставок Главколхозстроя при Совете Министров БССР и был уже заведующим нештатным отделом строительства «Сельской газеты».

Он зашел ко мне и с порога:

— Привет, старик. Твой шеф сказал, что ты в этой поездке мне будешь полезен и даже станешь моим другом. Ты, действительно, мне нравишься... — И приятная широкая улыбка появилась на его молодом, симпатичном лице, а от белоснежных зубов «солнечные зайчики» засверкали по всей нашей маленькой комнатке.

У нас сразу завязались теплые, дружеские отношения. Он был настойчив и в лоб задал вопрос:

— Ну что, едем?..

В Бресте нам выделили «Москвич» с водителем, которого, не сговариваясь, сразу же окрестили «Адам Козлевич», и мы поехали в колхоз «Советская Белоруссия» Каменецкого района. Машина ехала так медленно, что у Юры лопнуло терпение. Он не выдержал:

— Ты можешь ехать быстрее?

— Не могу... Вот тебе педаль газа, сам дави до самого упора.

И Юра давил. Но машина не «бежала» быстрее. Сначала он чертыхался, а потом — смирился. В деревне Рясно нас встретил председатель колхоза Бедуля. Владимир Леонтьевич сначала нам все показывал и рассказывал. Взахлеб восторгался своим экспериментальным жилым «микрорайоном», который здесь впервые строился по современному проекту на окраине старой деревни. А Юра, завороженный новыми для того времени деревенскими коттеджами, бегал от дома к дому и без устали щелкал фотоаппаратом. Спешил снимать, как будто это был призрачный мираж, который вот-вот может исчезнуть. Даже когда

предложили перекусить, Юра не унимался: то с любовью отделанное крыльцо в кадре засвидетельствует, то ломаной крышей залюбуется, то заметит где-то красочно расписанный фасад. А вопросов у него накопилось больше, чем семечек в арбузе. Он их задавал, задавал, задавал — как будто строчил из «максима», аж захлебывался — так все это его заворожило. Со стороны казалось, что ответы он не успевал даже «переваривать». Подумалось: да-а, восторг — тоже дело тонкое...

Владимир Леонтьевич покормил нас в столовой обедом. Чай мы пили из граненых стаканов. Юру поразило то, что Бедуля оставшийся кусочек хлеба макал в стакан с чаем и доедал. Это было какое-то языческое поклонение хлебу. Необычно и трогательно. Юра до сих пор следует этой мудрой традиции и с особым трепетом вспоминает удивительно радушного и на редкость преданного земле сельского труженика.

АПН опубликовало все его снимки. А нас судьба разбросала по разным профессиональным «квартирам». Он остался верен своему фотоискусству, а моя журналистская тропа из газеты привела на телевидение, которому посвятил четверть века своей жизни. В прошлом году мы встретились в День печати, уже в ветеранской организации журналистов. Конечно, годы, как нежданный дождь, идут себе, идут, да и проходят, оставляя отпечаток на внешности, характере, поступках человека. Мы и соскучиться не успели, а жизнь пролетела стремительно, как вспышка молнии в грозу. Он — чуть-чуть, ну, самую малость, округлился и утратил юношескую стройность, с коротким побелевшим «ворсом» на голове, но еще такой молодецкий, «одетый с иголочки» — опрятно, модно, со вкусом, на зависть спортивный и подвижный, как всегда улыбающийся и открытый. Меня просто ошарашил:

— Приходи на мой юбилей. Я уже не тот мальчик, которого ты знал. Мне семьдесят пять.

Признание таланта

И я пришел. В Национальном художественном музее 17 июня 2014 года, как раз в день рождения фотомастера, открылась выставка одной фотографии. «Летучка» не просто фотография, а лучшая фотография мира 80-х годов, которая облетела все континенты, сохранилась в специально изданном альбоме победителей международного конкурса. А имя Юрия Иванова вошло в список мировых мэтров фотожурналистики. И сегодня просто не верилось, что в шестидесятые годы тот мальчик только мечтал, чтобы его фотоснимки печатала мировая пресса. Тогда он обычно широко улыбался, тормошил меня за плечи и говорил: «Ничего, Вовка, мы еще себя покажем!»

В этот день он принимал поздравления от членов правительства Беларуси — министра культуры Бориса Светлова, министра информации Лилии Ананич. Приветствовал его классической музыкой студенческий хор Белорусского государственного университета культуры и искусств. Говорили, пели, играли известные поэты, музыканты, режиссеры, художники, коллеги, друзья. И хотя июнь — не лучший месяц для таких мероприятий: у дачников открылся сезон, студенты сдают экзамены, отпускники подались ближе к морю в теплые края, — как ни странно, но в отведенном для торжества узком музейном «пенале» собралось больше ста человек. Вечер получился торжественным, содержательным, поучительным. Это был только первый шаг юбилейных торжеств лучшего белорусского фотохудожника Юрия Сергеевича Иванова.

А через несколько дней, уже 2 июля, персональная выставка фотомастера снова собрала поклонников и почитателей его таланта, преданных друзей и любителей фотографии в Художественной галерее Михаила Савицкого. Было многолюдно. Люди разбрелись по залам, где была представлена сотня метро-

вых фотоснимков разных лет, жанров и видов. Почти у каждого фотоизображения дискутировали группками, подолгу задерживались в размышлении и одинокие посетители. Безразличных и скучающих не было: все с огромным интересом смотрели, вспоминали, радовались, удивлялись. Повзрослевшие рядом с фотоснимками чувствовали себя совсем юными и непохожими на сегодняшних, а молодежь знакомилась с историей своей страны и восхищалась мастерством фотохудожника. Вспомнилось утверждение: у снимка зритель задержится ровно на столько, на сколько задержит его сам снимок. А эти выставочные фотоработы притягивали. И только тогда, когда началось официальное торжественное открытие, все как-то притихли, стали прислушиваться и приближаться к месту события.

Режиссер-документалист Александр Карпов-младший, который создал документальный фильм о фотохудожнике Иванове «Фотограф щелкает», приветствуя собравшихся, пояснил, что на выставке «только жалкая часть того, что создано фотомастером за долгие годы работы», что «Юрина фотография достойна сравнения с живописными полотнами». Генерал-лейтенант в отставке Виктор Пискарев увидел в фотоснимках душу Юрия Иванова и сравнил их с лучшими творениями искусства. Ирина Станюта из газеты «Знамя юности» заметила, что Юра Иванов «поцелованный в темечко, поэтому он талантливый человек, а талантливые люди живут долго, выглядят молодо, меньше болеют и их все время посещает вдохновение». Народный художник Беларуси Георгий Поплавский тонко подметил, что этот человек «обладает снайперским взглядом и талантливо умеет делать как постановочные, так и репортажные фотоработы». А когда перечислил понравившиеся ему пейзажные, портретные, жанровые фотографии, добавил: «Здесь нет ни одной фотографии с предыдущих его выставок, что говорит о богатом и разнообразном архиве, о мастерстве не только «писать» фотополотна, но и умело, с особым вкусом и уважением к любителям его творчества организовывать такие удивительные просмотры своих достижений». Художник, скульптор Иван Миско почти за пятьдесят лет знакомства не помнит, «чтобы когда-нибудь Юрий Иванов был без фотоаппарата». И вспоминает: «Если ему рано-рано утром позвонить домой, он уже снимает восход солнца, кого-то встречает или провожает». Заслуженный артист Беларуси из состава мулявинских «Песняров» Владислав Мисевич много лет знает Юрия Иванова и порадовался «за юбиляра, автора этих прекрасных фотопроизведений, который остался таким же стройным, красивым, элегантным, хотя тех лучших творческих лет не будет уже никогда». Поэту-песеннику Олегу Жукову, который написал песню на все времена «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся», показалось, что «фотографии на выставке представляют нашу страну в каком-то необычном ракурсе, а у Юры Иванова просто видение какое-то сумасшедшее, думается, от Бога».

И мне тоже показалось, что у этого фотохудожника особое видение того, что он снимает. Смотришь на фотоснимок и чувствуешь себя в этом месте или

рядом с этим человеком, мучительно вспоминаешь: когда же я там был, когда с ним встречался, я же его хорошо знаю, просто запамятовал его имя? Такой вот «эффект присутствия» могут создать только считанные мастера фотоискусства, которым подвластны годами наработанные тонкости профессии, которые видят то, чего другие просто не замечают, обладают особым даром и интуицией.

Вот, скажем, снимок «Лекция Михаила Высоцкого». Он наклонился к слушателям и что-то им объясняет. А я «слышу» его спокойный голос, рассудительный рассказ во время нашего интервью и для телевизионной программы, и для юбилейной книги о лучших лекторах общества «Знание». Мне показалось, что я тоже среди слушателей Высоцкого, просто случайно не попал в кадр объектива фотожурналиста, а со стороны наблюдаю за его эмоциональными движениями рук, выражением лица, искренним желанием быть доходчивым. Мне нравятся его убежденность, напористость, тактичность. Впрочем, Герой Беларуси Михаил Степанович Высоцкий эти лучшие человеческие качества пронес через всю свою долгую жизнь. И это удалось запечатлеть на века фотомастеру.

Или этот снимок — «Аисты на жнивье». Ну, там-то я точно был, и даже привязывал оператора Валерия Хайтина на крыло комбайна, чтобы сочными и выразительными получились кадры для телерепортажа о жатве. Тогда Валера на этом же поле с камерой лег на землю и с помощью светофильтров через спелые крупные колоски снял яркое солнце в зените. И эти уникальные по красоте и восприятию кадры стали рефреном для последующих наших телепередач с уборочной страды. Мы тогда, в молодые годы, как и фотожурналист Юра Иванов, тоже были смелыми и жадными к импровизации и сенсациям.

Да, и здесь я тоже был... На снимке — крупным планом вспаханная борозда, а поодаль возле трактора с плугом иронически улыбающийся механизатор. Это он «обращается» к оператору Жоре Бугаенко, который никак не может снять нужный план вспашки поля. Жора тучный, неповоротливый, уже немолодой человек, не бегал за трактором, как это делали многие молодые операторы, не искал нужный ему кадр, а ждал его, сидя на маленьком стульчике для рыбалки с удочкой. Ему не хватало былой прыти угнаться за трактором с громоздкой и увесистой кинокамерой «Pentoflex», которую он носил на специальном поясе. Поэтому Жора сидел и командовал своему молоденькому ассистенту, какую ставить диафрагму и выдержку. И всегда почему-то опаздывал. Пока нехитрое техническое исполнение в четыре руки производилось на объективе камеры, трактор с плугом почему-то проскальзывал мимо. И это забавляло механизатора, который выходил из кабины и с издевкой спрашивал: «Может, перед камерой остановиться или сбавить скорость?» Думается, именно этот забавный момент и запечатлел Юрий Иванов на выставочной фотографии.

Да что там говорить, любая фотография выставки — это мое прошлое, моя история, моя жизнь. Действительно, фотография — это срез времени, подобный кольцам спиленного дерева. На ней частичка истории — и возраст, и пора года, и уклад жизни, и наше обустройство. Старшему поколению такие фотоработы ностальгически близки, молодежи — любопытны и поучительны, но каждый посетитель выставки обязательно их пропускает через свое личное восприятие. Значит, творческие задумки, поиски и воплощение, утомительный процесс реализации фотохудожника достучались до самых разных сердец адресатов, которые просто выплеснули свои восторженные эмоции в Книге отзывов.

«Удивительный мир представлен на этой высокопрофессиональной выставке мастера светотени. Здесь и история, и люди ее, и запахи ушедшей эпохи. Ценность — художественная. Ценность — историческая. Ценность — философская. Владимир Савченко, член-корреспондент НАН Беларуси». «Все мгновения, увиденные тобой, выстраиваются в нашу прекрасную историю жизни. Архитектор В. Крамаренко». «В твоих фотографиях запечатлена история нашей

Родины — это бесценное достояние народа, особенно для нашей молодежи. П. Г. Чаус». «Только что вернулся оттуда, где война. Хожу и реабилитируюсь опять в человека. Классные работы, как говорит моя внучка — «супер». Светлый ты человек, и фотки твои светлые. Полковник разведки ГРУ Ю. Панчук». «Многогранно, неповторимо, гениально. А. Мдивани». «Прекрасные работы. Особенно впечатлили портреты. Петя из Москвы». «Большому художнику-фотографу желаю... и в дальнейшем радовать людей своими превосходными художественными снимками, утверждающими любовь к жизни, природе и к стране Белая Русь! Художник-монументалист Геннадий Пехота». «Ты истинный мастер светописи. Иосиф Калюта». «Каждая работа волнует, восхищает... «Скрипочка в Беловежской пуще» — это что-то врубелевское, высокое, бесконечно возвышенное. В. Чернышов». «Спасибо вам за возможность учиться фотографии у Маэстро. Ваши работы — замечательные образцы современной белорусской фотографии... Лена». «Спасибо за ваш талант, за это чудо!.. Бабушка и внучка Элина». «Спасибо! Покидаем выставку с добрыми улыбками на лицах. Гена и Лена». «Фотографии понравились... некоторые из них, действительно, можно назвать уникальными. Даша. Иркутск». «Глядя на твои фотошедевры, хочется жить, жить, жить. Юрий Гуртовенко, журналист».

И это — настоящее признание таланта мастера фотоискусства. Как-то немецкий философ Артур Шопенгауэр посетовал: «Жизнь идет быстро, а ваше понимание медлительно; поэтому я не дождусь моей славы и не получу моей награды». А тут — буря оваций, фейерверк восторженных эмоций, «куча» лестных комплиментов!.. Может, это потому, что философ был пессимистом, а наш Юрий Иванов до мозга костей оптимист и талантлив не менее забугорного светилы? А может, у философа не оказалось таких, как у белорусского фотохудожника, талантливых «признателей» его таланта? Ведь, не зря говорят, что для признания таланта нужен талант признания.

А вообще, талант — это что-то врожденное, считается — от Бога. А его творчество — продукт таланта. Этот продукт, скажем, фотоискусства, надо показать, продемонстрировать, что называется, дать «пощупать», позволить пропустить через себя. И если на выставочной площадке он оценен, стал понятен, зацепил душу зрителя, цель фотомастера достигнута.

Остановись, мгновение, — ты неповторимо

Как-то его друг пошутил: «Юрий Иванов может сфотографировать даже спичечным коробком». А на самом деле Юрий Иванов фотографирует глазами и убежден, что «фотоаппарат не главное, главное — уметь увидеть, почувствовать, понять». Он сначала внимательно наблюдает, пытается разгадать мысли, характер и действия человека, найти необычный ракурс и только потом «останавливает» мгновение. Давно усвоил заповедь фоторепортеров: навести фокус — не фокус, фокус — получить достойный снимок. Вот почему каждая его работа если не откровение, то хоть маленький шажок вперед. Вот почему нет такой съемки, из которой бы он не привозил «выставочного» кадра, самостоятельно живущего во все времена и для всех поколений. Считается: если за год настоящий фотомастер снял и отобрал пару таких кадров, значит — год не прошел даром. Поэтому Юрий Иванов не просто щелкает затвором, а работает и умом, и сердцем. Работает с людьми столько, сколько нужно, чтобы они перестали замечать фотографа, чтобы привыкли к его фотоаппарату и этому подчас долгому, утомительному творческому процессу.

Однажды «Песнярам» пришлось включить свою аппаратуру и исполнять для Иванова в Белгосфилармонии весь концерт, чтобы получить один-единственный кадр. А чтобы сделать портрет Петра Мироновича Машерова, Юрий Иванов просидел у него в кабинете целый день.

Машерову в 1978 году исполнилось 60 лет. Фотохроника БЕЛТА поручила своему фотокорреспонденту сделать его портрет. Петр Миронович, как известно, был непростым человеком — где-то ироничным, где-то даже резковатым, типичным партийным лидером той исторической эпохи, но его любили. Юра Иванов знал об этом и готов был отобразить в портрете только его самые лучшие черты характера. Он тихонько, как заядлый фотоохотник, притаился «в засаде» и стал терпеливо ждать нужного момента. В кабинете был еще один фотограф-«бытовик». Когда Машерова спросили: «А кто это?» — Петр Миронович, улыбаясь, ответил: «Этот человек делает художественный снимок». А потом показал на Юру Иванова, махнул рукой и ответил: «А это так... для газеты».

Весь день юбиляр принимал поздравления официальных лиц, ученых, писателей, деятелей культуры и каждый раз был разным, но фотожурналист не видел того человека, которого он себе задумал и хотел увидеть. И только под вечер поздравлять его пришли боевые друзья. Лицо Машерова преобразилось, на нем появилось искреннее душевное волнение: морщинки разгладились, уголки губ повеселели, глаза заблестели, повлажнели, и даже заговорил он мягким, теплым, домашним голосом. Исчез официальный тон. Петр Миронович перестал быть кандидатом в члены Политбюро и стал просто обычным человеком. Ему приятно было с ними разговаривать. Он очень внимательно и с уважением слушал каждого, тактично уточнял воспоминания боевых эпизодов, улыбался, шутил, весело общался. Казалось, он не юбилей свой отмечал, а находился в момент передышки между ожесточенными боями. И когда гости стали прощаться, «фотоохотник» почувствовал: вот-вот что-то произойдет важное, неповторимое, наступит момент истины. Надо быть наготове. Петр Миронович встал и с цветами в руках проводил близких друзей своей молодости до порога кабинета. Широко улыбнулся, в знак благодарности приложил руку к сердцу, попрощался. Юрию Иванову осталось только нажать на затвор.

Этот лучший снимок Петра Мироновича Машерова во весь рост обошел все печатные издания республики, хранится в музее Великой Отечественной войны, и конечно же, украсил юбилейную персональную выставку фотомастера.

Юрий Иванов снимал первых лиц республики, многих президентов и министров, ветеранов войны и труда, писателей и поэтов, музыкантов, артистов, художников, врачей, космонавтов и военных, председателей колхозов и простых деревенских тружеников, стариков и молодых. Портреты на удивление прекрасные. Его фотообъективом увековечены Иван Мележ и Андрей Макаенок, Петр Климук и Владимир Коваленок, Александра Пахмутова и Владимир Мулявин, Владимир Бедуля и даже бабка Солоха из глубинки Полесья, у которой все лицо так испещрено глубокими морщинами, что почти не поддается определению возраст этой женщины. Когда Юрий Иванов у нее спросил: «Сколько же вам лет?» — она уклончиво ответила: «Сколько

лет, не помню. Помню, что первого мужа убили в Первую мировую войну, а второго — во Вторую».

Портретная съемка — одна из самых сложных техник фотосъемки. Ведь портрет — это характер, внутренний мир, жизненные ценности человека. Поэтому портретному жанру фотохудожник Юрий Иванов уделяет особое внимание. Портреты у него точные по замыслу, композиции, содержанию. И всегда разные, как сами люди и их дела. Причем, фотохудожнику не всегда важна внешность человека. Он старается заглянуть ему в душу, разглядеть там его суть, пытается докопаться до самой сердцевины, понимая, что у каждого именно там спрятана тайна, которую ему надо приоткрыть. И уверен, что его друг-фотоаппарат считывает даже ту информацию, которую люди часто скрывают.

Старшему поколению известен его портрет Татьяны Коломийцевой. Дирижер — от Бога. А вот внешностью — не вышла. Чересчур суховатая была, а с возрастом и многолетней изнурительной работой на износ растеряла свою девичью привлекательность. Фотографироваться поначалу наотрез отказалась. Говорила: «Ваша братия из меня делает кого угодно, только не меня. Один представил каким-то Кощеем Бессмертным, другой вообще умудрился изобразить чуть ли не в гробу, третий... Нет-нет, не уговаривайте». Юра Иванов всегда считал, что некрасивых людей нет, есть просто плохие фотографы, и после убедительных уговоров договорился на двадцать минут съемки во время спектакля. Стал тщательно готовиться: ходил на спектакли Большого театра оперы и балета, внимательно наблюдал за дирижером, читал ее интервью и мнения коллег о ней. Обратил внимание, что женщина-дирижер за пультом всегда во фраке, запоминал движения ее головы и удивительно пластичных рук, мимику и манеру «разговаривать» с музыкантами во время спектакля. Но важными были слова Татьяны Михайловны: «Я не могу быть рядом с музыкой. Я должна быть в ней, иначе все бессмысленно». Только после этого фотохудожник осмелился притаиться в оркестровой яме, чтобы щелкать затвором фотоаппарата в поисках нужного ему кадра, который бы представил соотечественникам и будущему поколению народную артистку Беларуси, выдающегося музыканта, прославившего нашу Синеокую на весь мир.

Самый лучший кадр по мысли и настроению, по композиции и характеру человека получился тогда, когда закончилась увертюра. Коломийцева сложила руки, дирижерская палочка в ее ладонях вдруг на несколько секунд опустилась и застыла, а она стояла с полузакрытыми глазами, немного уставшая, озабоченная, готовая и дальше нести свой благородный музыкальный крест, стояла и наслаждалась тишиной. Мне просто жаль тех, кто еще не видел этого фотошедевра. В нем — не только частичка биографии и внутренняя духовная красота знаменитого дирижера, но и такт, и интеллигентность, и глубочайшее уважение фотохудожника к человеку, которого он снимает. Не зря же говорят: «Что толку в глубине резкости, если у тебя нет глубоких чувств».

Коломийцевой так понравился этот портретный снимок, что после него она запретила фотографировать себя абсолютно всем, кроме Юрия Иванова. А в отделе кадров потребовала наклеить его на свое личное дело. Ей возразили: «Татьяна Михайловна, но у вас же там глаз почти не видно!» — «Это не столь важно, — настаивала Коломийцева, — зато там я на себя похожа». Видно, необычный и неповторимый образ, созданный талантливым фотомастером, отогрел холодную и недоверчивую душу великого музыканта, крепко «зацепил» ее. Именно в этом и заключается предназначение, великая историческая миссия и магическая сила фотографии.

В его мини-мастерской хранятся миллионы негативов, которые он сам сегодня переводит «в цифру». А на них — мировые знаменитости, Чернобыльская трагедия, развал Советского Союза. На них — биографии и судьбы тысяч наших земляков, многих из которых, к сожалению, уже нет с нами. На них — выдающиеся стройки, события, торжества, значимые вехи в жизни белорусов. На

них — богатейшая природа нашего чудесного уголка земного шара. На них не только история Беларуси, но и сразу нескольких государств.

А ведь этого бесценного достояния и исторического наследия могло и не быть. Как-то к начинающему фотокорреспонденту АПН приехал его более опытный московский коллега, который, как говорят, на этом деле уже собаку съел, а Юрий Иванов выгребал свои залежи и в мусорку выбрасывал ненужные ему уже не только кадры, но и целиком пленки. Тот ужаснулся:

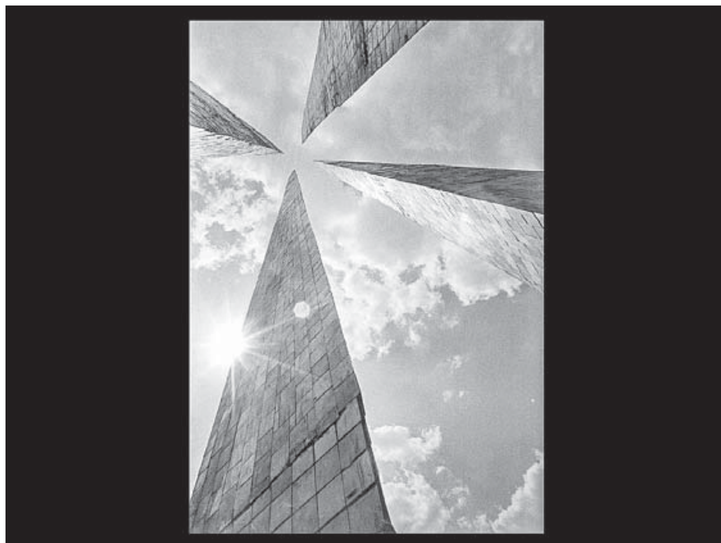
— Ты что делаешь?..

— А зачем мне нерезкие, неудавшиеся, неиспользованные? Только захламляюсь... — пожал плечами Юра.

— Ни в коем случае не делай этого. Оставляй все. Поверь, ты еще вернешься к этому. — И провел краткий «курс молодого бойца»: как и где хранить негативы, как их систематизировать, как составить опись и потом найти.

Вот так, в 1965 году, был заложен фундамент богатейшего личного архива будущего фотохудожника. Конечно, это нелегкий груз и беспокойное хозяйство, но оно прославило его обладателя на весь мир. Сегодня почти все фотографии стали уже художественными произведениями. Это как коньяк в дубовых бочках, чем дольше хранится, тем крепче и ценнее становится. Помните замечание Иосифа Бродского: «Остановись, мгновение, — ты не столь прекрасно, сколь неповторимо»? А ведь действительно, кадры пятидесятилетней давности повторить просто невозможно. В этой неповторимости — для потомков их свежесть и новизна. И сегодня мэтр фотографии с благодарностью вспоминает своего коллегу, который сделал его опытнее, мудрее, осмотрительнее.

За плечами фотомастера почти 55 лет профессиональной деятельности. Это он автор прекрасных фотоальбомов «Крепость-герой», «Гомель», «Брест», «Лепель»... Это он сидел на колесе вертолета, привязанный к его опоре, и снимал с воздуха Минск: уж очень хотелось ему звезду на памятнике Победы «положить» прямо на проспект. Это он 7 мая 1986 года, когда в Чернобыле еще горел реактор и все ждали очередного взрыва, приехал в опустевший, почти вымерший Гомель, где у трапа самолета его встречала черная «Волга» первого секретаря обкома партии А.С. Камая. Это он — неоднократный лауреат премии Союза журналистов Беларуси, обладатель «Золотой Литеры» в номинации «Лучший фотокорреспондент» и престижной международной премии WorldPressPhoto в Гааге, победитель различных всесоюзных и международных конкурсов. Это его фотоснимки экспонировались почти на сорока персональных выставках Японии, Вьетнама, США, Великобритании, Франции, Германии, Лаоса, Литвы, России, Беларуси...

Много чего «натворил» этот неугомонный, вездесущий, любопытный, вечно ищущий и недовольный собой фотожурналист. Он не снимает фотографию, он ее создает и оставляет потомкам свой глубокий след. У него нет пристрастия к теме, виду, жанру в своей профессии. Ему интересно все, что его

окружает на земле, где он живет, — и люди, и пейзажи, и события. Он спешит жить, боится что-то упустить, беспокоится, что без него не построят, не запустят, не создадут, не вылечат, не вспомнят. Поэтому не раздумывая снимает какие-то, на первый взгляд, необычные, рядовые факты, мимо которых проходят его собратья по фотоцеху. Многолетний опыт убедил его — ничто не повторяется дважды, особенно тот кадр, который увидел и не снял.

Где-то в 1989 году Юрий Иванов, будучи в Лиозно, по просьбе местного начальства заглянул в деревню Пронское к Домне Рогалевой. Семидесятилетняя женщина — сельский почтальон — самостоятельно занималась поисковой работой, по солдатским жетонам восстанавливала фамилии захороненных во время войны, ухаживала за воинскими захоронениями, «терроризировала» руководство, требуя особого внимания к заброшенным могилкам. Случай вроде бы рядовой, но благородный. Как обычно, поснимал на всякий случай — а вдруг пригодится, высказал свое восхищение таким поступком и уехал. Проявил, посмотрел, подумал и через некоторое время подготовил фотоочерк. Его опубликовал журнал «Советский Союз сегодня», который АПН издавало для Западной Европы. Прошло пару месяцев, и в бюро АПН в Кельне звонит немец Хельмут Брандль из Нюрнберга. Он увидел снимки про Домну и назначил ей ежемесячную пенсию в размере 150 марок с условием, чтобы передавать их не через посредников, а лично в руки. Как это сделать, никто не знал, хотя время было перестроечное, но с валюты в стране еще табу не сняли. И тут Юрию Иванову подвернулась командировка в Германию. Заведующий бюро Владимир Милютенко отвез его к немцу и напутствовал: «Сам снимал, сам и разбирайся».

Пришлось объяснять немцу запутанную перестроечную ситуацию, в которой и наши-то люди не ориентировались и не могли толком разобраться. Конечно, тот ничего не понял и огорчился. Потом задумался и спросил:

— Сколько в деревне домов?.. Сколько мужчин и сколько женщин? Хочу каждому оказать гуманитарную помощь. — Заметив на лице собеседника недоумение, Хельмут вопрос конкретизировал: — Как ты думаешь, что нужно лично Домне?

— Сахар...

— Я серьезно...

Пришлось ему объяснять, что в стране все было по карточкам, а у женщины сад, ягоды... В общем, собрали для Домны кроме сахара, «марсов», «сникерсов» холодильник, телевизор и два мешка элитной пшеницы.

Юрий Иванов, узнав, что отец Хельмута погиб на войне где-то под Мурманском, спрашивает:

— Почему ты помогаешь Домне, ведь она ухаживает за могилами советскими?..

— Домна ухаживает за могилами неизвестных солдат войны. Это подвиг и образец...

После этой встречи Юрий Иванов вместе с театральным режиссером Борисом Луценко сделал трогательный документальный фильм «Хельмут и Домна» о Хельмуте Брандле из Нюрнберга и Домне Рогалевой из деревни Пронское Лиозненского района.

Если бы фоторепортер не снял «на всякий случай», мир никогда не узнал об этих людях, у которых память о войне вызывала боль и страдания на еще не зарубцевавшихся душевных ранах. Думается, в этом — и опыт, и предчувствие, и даже профессиональная мудрость фоторепортера.

Тема войны проходит красной нитью через все творчество фотохудожника. Казалось, «черный ворон» своим крылом только слегка опалил детские годы ребенка, чуть зацепил, поцарапал его детскую психику. Но, очевидно, чувствительно задело, и этого хватило ему, чтобы помнить трудные военные годы всю жизнь, хотя, когда началась война, Юрию Иванову было два года.

Увековечить город юности своей

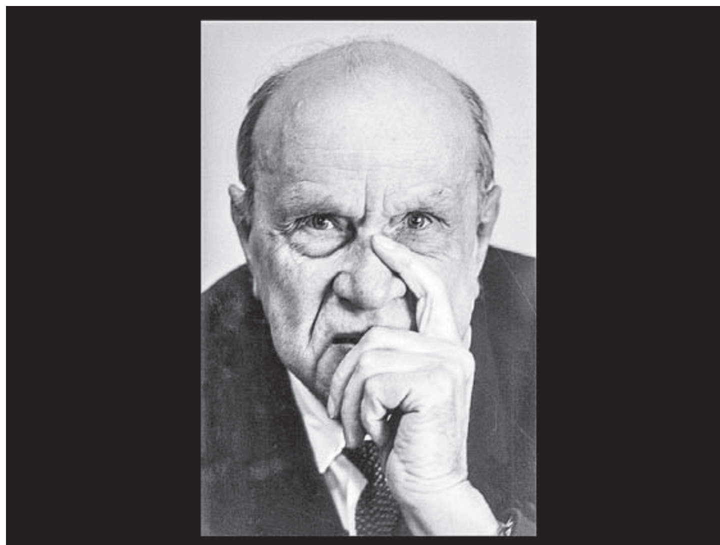
17 июня 1939 года в 2 часа 30 минут в симферопольском роддоме появился на свет долгожданный для родителей мальчик. В метрике записали: Юрий Сергеевич Иванов. В семье его окружили вниманием и заботой. Больше всех радовалась старшая сестра Александра, которую почему-то все звали Аля. Ей было уже четыре года, и она возилась с братиком, как с любимой куклой, тем более что он рано стал разговаривать и бегать, был спокойным и общительным: хлопот не доставлял. В Феодосии, где они жили, отец — Сергей Александрович, работал начальником цеха на секретном военном заводе, который выпускал для морского флота торпеды — самодвижущиеся подводные мины, а мама — Мария Ивановна, на том же заводе считалась высококлассной машинисткой с редким даром — печатать «вслепую».

Семейный мир разрушила война. В военкомате Сергея Александровича на фронт не пустили, сказали: «Солдат у нас хватает, а вот высококвалифицированных специалистов — раз-два и обчелся». Пришлось ему готовить оборудование к эвакуации. Уже 23 июня город начали бомбить, а потом интенсивность бомбежек возрастала. Противно воющие сирены каждый день заставляли скрываться в бомбоубежищах и уже не прекращали звенеть, шуметь в голове маленького Юры. Почти четыре месяца город жил, как на пороховой бочке: налеты, пожары, на улицах толпами вечно куда-то бегущие гражданские и военные люди; в воздухе тяжелым облаком «давили» шум, гам, крики, стоны, гарь; на улицах возводились баррикады и оборонительные рубежи, а на подступах — ожесточенные бои. Немцы плотным кольцом прижали город к морю. Все это непроизвольно фиксировалось психикой и откладывалось в памяти этого крохотного живого существа. И только в самых последних числах октября, когда отправили в тыл оборудование, эвакуировались и семьи специалистов завода на специальном пароходе, который вражеские стервятники не только агрессивно «сопровождали», но и обстреливали, и бомбили. Как говорится, заводчане вскочили в последний вагон, так как уже 3 июля, через четыре дня, Феодосию враг полностью оккупировал.

В город Уральск южане прибыли поздней осенью, когда надо было уже сменить легкие крымские одежды на ватники и ушанки. Эвакуированные из теплушек выгрузились быстро, и машинист пожелал им удачи протяжным гудком, похожим на ту пугающую сирену, которую они слышали в своем осажденном немцами городе по нескольку раз в день. Взрослые улыбались, понимая, что они в глубоком тылу, а маленький Юра, тепло закутанный, как колобок, испуганно бросился в ноги Марии Ивановне и закричал: «Мама, мама — тивога, тивога!»

Первое время семья Ивановых разместилась в приспособленной для жилья землянке с земляным полом на улице Наримановской, недалеко от вокзала. Место было огорожено забором. На нем мальчишки кто как мог зависали и с любопытством наблюдали за длинными колонами уходивших на фронт мобилизованных солдат. Слушали их песни, которые стихали только на вокзале у теплушек. Уральск был ближайшим тылом Сталинградского фронта, и его объявили прифронтовой зоной, где был пункт противовоздушной обороны страны. Поэтому здесь формировались воинские соединения, здесь было 20 госпиталей, здесь было 14 эвакуированных из центра промышленных предприятий, которые работали на фронт. Город был так перенаселен, что люди в комнатушках ютились по нескольку семей, местных уплотняли иногда до невыносимых пределов. Переоборудовали сараи, бани, пристройки: было, как говорится, не «до жиру», старались вновь прибывших обеспечить хоть какой-то крышей над головой, жили голодно, холодно, в тесноте, да не в обиде: понимали — война...

Дети эвакуированных целыми днями пропадали во дворе, домой не стремились, знали — все равно есть нечего, там хоть шаром покати. Бывало, у Ивановых

всего три картошки делили на семью. Мария Ивановна из последних сил пыталась подкормить детей: то последние старые вещи продаст, то кому-то ночью попечатает, то где-то уберет, перешьет, приготовит, то, закутанный в платок, горячий кофе на базар занесет, а потом придет и плачет — меня уже «бабушкой» называют, хотя было ей тогда чуть больше тридцати. Ох уж эта проклятая война, как ненасытная пиявка, из людей все живительные соки вытягивала, пожирала их былое величие, энергию, красоту, оставляя лишь музейный анатомический скелет. И только заложенная ранее прочная сила духа, как мощная свая, не позволила им растерять веру, надежду, лучшее нравственное человеческое достоинство.

Родители считали, что Аля уже большая, а вот Юрика надо подкармливать. Сергей Александрович сутками пропадал на заводе, почти всегда приходил домой, когда дети уже спали, и уходил на работу, когда они еще спали. Утром Юра частенько обнаруживал под подушкой кусочек черного черствого хлеба. И он знал, что это от «зайца». Папа ему как-то рассказывал: «Иду с работы, бежит навстречу зайчик и спрашивает: «У тебя есть сынок?» — «Есть!» — «Так вот этот кусочек хлебушка передай ему». Передал и побежал дальше». Для вечно голодного мальчишки этот ржаной черный сухарик был сущим лакомством, как потом будет вспоминать Юрий Иванов, высшим вознаграждением военного времени за невинные страдания.

Легче стало, когда дети чуть повзрослели и Мария Ивановна, где-то уже в начале 45-го, вернулась на свой военный завод. Семья из землянки перебралась в новую маленькую, но уютную квартирку, где установили радиоточку — черную тарелку с винтиком для регулирования громкости, из которой Юрин тезка Левитан объявил о капитуляции Германии и полном разгроме фашистов. Радость и ликование заполнили каждый уголок квартиры — пережили, выстояли, отомстили, только вот Мария Ивановна плакала, вспоминая погибшего под Ленинградом своего брата. В этот год Юра впервые с букетиком скромных полевых цветов, при полном параде стоял среди первоклашек элитной школы № 3 и наслаждался не совсем обычной мелодией школьного звонка, сел за парту рядом с будущим кинорежиссером-документалистом, лауреатом Государственной премии — Стасиком Курбатовым, с которым прошли его лучшие юношеские годы. А через год родители подарили школьнику Юре еще одну сестренку — Светлану.

До 7-го класса Юра был отличником, а потом влюбился в красавицу класса, и в дневнике, словно кляксы, стали появляться даже «тройки». В аттестате, как родимые пятнышки, на всю жизнь остались три «четверки». Уже в 4-м классе Юра и Стасик выпускали стенгазету «За учебу», где «высвечивали» двоечников, которые «тянули класс назад». Алька Макушев из неблагополучной семьи за это больно колотил их по одному: часто дома появлялись с разбитыми носами. Однажды они объединились и решили ему отомстить. Колошматили Альку, пока у того из носа не пошла кровь: цель достигнута.

Юркино детство было насыщенным. Дома полки ломились от книг, но Сергей Александрович подбрасывал мальчишке еще брошюрки по физике, химии, математике из серии «Научно-популярная библиотека», чтобы он сам определился с выбором. И тот с головой окунулся в новое тогда направление — радиотехнику. Еще в четвертом классе его заинтересовал детекторный приемник. Конечно, можно было такой приемник купить: советской промышленностью он выпускался до второй половины 50-х годов, а позже — использовался как наглядное пособие в школах. Для начинающих радиолюбителей в городе создавались специальные кружки. Но для любознательного мальчишки важно было самому докопаться до сути и сделать его своими руками. Через год настырный Юрка в наушниках услышал Москву, Алма-Ату. Радости и гордости не было предела. Свое детище оберегал, как музейный экспонат. Уже тогда стало заметно, что вырастает настоящий дубок с крепкой сердцевиной...

Потом увлекся фантастикой. О космосе узнал раньше полета Юрия Гагарина: вместе с основателем космонавтики и ракетоплавания Константином Циолковским «прогулялся» на Луну, с интересом прочитав его повесть «На Луне», а вот до других произведений — «Вне земли», «Жизнь в межзвездной среде» — просто руки не дошли, но их видел и листал.

У Стасика мама — актриса местного драматического театра, закадычных друзей часто забирала с собой, чтобы они не болтались без дела, а прикоснулись к тонкостям лицедейства и приобщались к искусству и культуре, усаживала их то в ложе, то за кулисами, то в гримерке. Некоторые спектакли школьники смотрели десятки раз и содержание знали наизусть. А в библиотеке отчима Стасика — писателя Белянинова, пацаны разыскали увлекательную повесть Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», и у них появился свой «кондуит», своя «швамбрания», где они что-то искали, закапывали, фантазировали. На столе писателя впервые им попалась авторучка, которая странно писала — не пером и не чернилами, как это было у них в школе.

В свое время у Юрки была возможность приобщиться к живописи — появились масляные краски. Своего путного он ими ничего так и не создал, но вот по клеточкам и фрагментам перерисовывал, копировал: пытался подражать художникам и постигать азы живописи. Особенно ему нравилась картина Шишкина «Утро в сосновом лесу». Он вместе с пейзажистом восхищался природой, любовался восходом солнца, необычной цветовой гаммой кусочка дремучего леса, сонными еще медвежатами, которые только выбирались из укромного жилища. В детской душе это вызывало трепет, чувство восторга.

Мальчишка был азартным и решил продолжить увлекательное занятие: скопировать еще какую-то картину. В магазине заметил толстую книгу с живописными картинками. В глазах Юрки заблестел интерес, внутри — желание, на лице — волнение, что не ускользнуло от опытного взгляда «доброй тети» за прилавком, и она разрешила ему ее

полистать. А там он на какой-то страничке вдруг обнаружил настоящий негатив: ожидал изображение, увидел — только очертания. На его откровенное детское недоумение женщина отреагировала широкой приятной улыбкой:

— Это обычный негатив... Сделан фотоаппаратом.

— А что значит фотоаппарат?.. — спросил мальчик.

— Я фотоаппараты видела в витрине магазина — через дорогу. Иди и сам посмотри.

Так Юрка впервые увидел два советских фотоаппарата «Любитель» и «Комсомолец». Ему в то время было всего девять лет.

Отец сразу заметил перемены в настроении сына и заволновался:

— Что-то случилось?..

— Там красивые фотоаппараты продаются...

— Ты хочешь фотографировать? — И когда Юра утвердительно замахал головой, сказал: — Хорошо!.. Я с получки буду тебе давать деньги. Накопим нужную сумму, пойдем и купим. Не вешай нос, Юрка... — улыбнулся Сергей Александрович.

Через год, как раз перед днем рождения Юры, Сергей Александрович получил премию, и они пошли в «Дом Карева», где размещался торговый центр города.

«Дом Карева» — это дом в прошлом богатого купца А. Т. Карева, который был в свое время самым большим зданием в городе. В Уральске и сегодня старожилы могут рассказать забавную легенду, как на всю жизнь рассорились два приятеля — купцы Овчинников и Карев. Овчинников обычно любил пить чай на балконе своего дома и встречать восход солнца. Карев поклялся, что тот больше никогда не увидит этого восхода, и построил на противоположной стороне улицы дом такой высоты, который Овчинникову полностью закрыл доступ к желанным солнечным лучам с востока.

Так Юрка в свои десять лет стал обладателем долгожданного фотоаппарата «Любитель», где были видоискатель и снимающийся объектив — возможность видеть изображение, наводить и регулировать резкость, а это гарантировало качество фотографии даже начинающему «чайнику». Сразу же юному фотографу закупили фотобачок, кюветы, фотобумагу, проявитель, закрепитель — все, что надо было для изготовления фотографий. Дома под фотолабораторию оборудовали ванную комнату, где перегородили свет из окошечка, натянули веревку для сушки пленок, навесили полочки для фотоприборов и материалов. Первое время Юрка там дневал и ночевал, мысленно строил планы, что и кого он будет фотографировать.

Уральск — город с древней историей: ему более пяти веков. Вольные казаки его заложили на полуострове между реками Яик (ныне Урал) и Чаган, приняли подданство России, занимались рыболовством, скотоводством, бахчеводством. Название «Яицкий городок» не понравилось императрице Екатерине II, и она его переименовала. И сегодня этот «седовласый» район огромного города называется «Куренями», от слова «курень» — казачьего жилища. Здесь казаки не раз поднимали бунты. Здесь с каждым годом расширялась не только Татарская слобода, но и отвоевывались пустыри для новой городской застройки. Здесь появились Рязанско-Уральская железная дорога, мануфактуры, фабрики, локомотивное депо. Здесь были церкви, мечети, старообрядческие молитвенные дома, театр, музей, несколько больниц и библиотек, женская и мужская классические гимназии, реальное училище, учительская семинария, школы, выходили газеты. Здесь остались ценные исторические памятники архитектуры. Завораживали живописные степные равнины и крутые речные яры — обрывистые берега, самая высокая возвышенность — Свистун-гора, извилистый приток Чагана — речушка Деркул.

Город притягивал российских знаменитостей. Александр Пушкин в сопровождении оренбургского чиновника, будущего автора знаменитого словаря, Вла-

димира Даля собирал материал к «Истории пугачевского бунта». Лев Толстой гостил у своего товарища по Севастополю наказного атамана А. Д. Столыпина, отца будущего реформатора, и потом написал повесть «Казаки». Кстати, деятельный атаман стал усиленно озеленять этот степной запыленный город, в котором появились первые бульвары, организовал театр. В нем-то как раз и выступал Федор Шаляпин на заре своей карьеры. Работал в архиве Уральского казачьего войска Владимир Короленко, искал свидетельства событий Пугачевского бунта, написал очерки «У казаков» и «Пугачевская легенда на Урале». Вместе с отцом, комендантом гарнизона правительственных войск капитаном Андреем Крыловым, в городе долгое время находился будущий баснописец Ваня Крылов. А вот композитор Александр Алябьев руководил городским оркестром. В этих краях побывали и будущие императоры Александр II, Николай II, и Суворов, и Шевченко, и Жуковский. О каждом остались — то памятники, то памятные доски, то документы, то людская молва.

В общем, это был не город, а настоящий «клондайк», породивший «золотую лихорадку» не только для политиков, военных, академиков, но и для выдающихся творцов российской культуры. Это была кладовая достопримечательностей, это был райский уголок природы, это оказался источник многонациональной культуры, традиций и обычаев. Так что молодому дарованию и поклоннику фотоискусства Юрке Иванову было на что «глаз положить». И он старался увековечить славный город юности своей. Его завораживало переплетение множества беспорядочных городских проводов, которое на фоне голубого неба, где, как бы сказал поэт, «золотым руном раскудрявились облака, красотою маня», создавало россыпь разнообразных фантастических геометрических фигур и вызывало бурю эмоций, чувство неописуемого очарования, удивления. Это было как-то необычно и загадочно. Думается, именно в такие моменты и пробудилось острое зрение, богатая фантазия, воображение, наблюдательность, интуиция, эстетический вкус будущего фотохудожника, который потом, как одаренный экстрасенс, в обыденных, простейших вещах мог разглядеть такую «изюминку», на которую совершенно не обращали внимания другие.

Первые свои 12 кадров Юра отснял в подсобном хозяйстве завода, которое здорово подкармливало в голодные послевоенные годы заводчан. Сергей Александрович на грузовой машине с сослуживцами поехал туда отрабатывать положенную цеху норму часов и взял с собой сына. Все выстроились для съемки. А у Юры, когда он заглянул в видоискатель, сердце «екнуло» от удивления и тепло стало растекаться по всему его маленькому телу: в кадре бескрайняя степь, лица, автомобиль, бахча с огромными полосатыми арбузами — красота, глаз не оторвешь. Он стал старательно устанавливать диафрагму, выдержку, наводить резкость, как было написано в хорошо иллюстрированной книге «25 уроков фотографии», которую папа ему взял у знакомого на время. Потом сфотографировал папу, моменты перекуса на поле, сбора арбузов, веселого отъезда. А ночью проявил пленку и от восторга закричал: «Получилось!», да так, что проснулась сестра. Все кадры на удивление были резкими, яркими, сочными по свету, композиции, красоте. Но так как еще фотоувеличителя у Юры не было, фотографии пришлось делать контактным способом: печатать на фотобумаге прижатый негатив направленным светом. Для начинающего фотографа-подростка это уже были совсем неплохие фотографии размером 6 на 6 сантиметров.

Фотография, как любая зависимость: попробовал — понравилось. Потом понял, что хочется еще. Так и Юру она затянула, засосала всего, как говорится, с потрохами. Он снимал близких, друзей, пейзажи — все, что замечал его глаз и радовало душу. Молва о юном даровании вышла за пределы двора. Домашние к этому относились уважительно: родители поощряли, безотказно покупали нужные фотоматериалы и оборудование, фотоальбомы, подхваливали, советовали; сестры гордились. Как-то Аля убирала квартиру и нашла Юрины пленки. Ей показалось, что они пыльные, и решила их помыть. Помыла и, чтобы пленки

быстрей высохли, она их переложила между страницами важной для Юры книги «25 уроков фотографии»: не стало ни книги, ни пленок. Юра ужасно горевал, а его папа — оправдывался перед знакомым.

Однажды во дворе их дома появился фотокорреспондент газеты «Приуральская правда». Конечно, пацаны окружили его и забросали вопросами: как стать журналистом, где можно и сколько надо учиться на фотокорреспондента. Тот терпеливо рассказывал, а потом обнял Юру Иванова и сказал: «Пройдет время, и вот этот мальчик обязательно будет фотокорреспондентом журнала «Огонёк». А журнал в то время был самым популярным, читаемым, модным изданием. И угадал. «Огонёк», действительно, много раз печатал фотоочерки белорусского фотожурналиста. Но до этого было еще далеко.

А пока Юру Иванова ожидали последний школьный звонок и трогательный со слезами на глазах выпускной вечер с бессонной ночью. После этого все разбредутся по разным уголкам необъятной советской страны — кто облачится в студенческую мантию, кто станет к станку или будет хозяином какой-то стройки, кто сядет за рычаги боевой машины или станет хлеборобом, но именно в тот вечер каждый понимал, что это прощальный аккорд их беззаботной юности. Поэтому у всех на лицах была радость ожидания перемен, а душу пленило щемящее беспокойство с ароматом грусти и печали: вот-вот навсегда разорвутся узы бесшабашной школьной дружбы и привязанностей. Не зря говорят, что расставание, как морской отлив, обнажает чувства до дна. Близкий друг Стасик Курбатов паковал чемоданы и с родителями менял Уральск на Москву, а сам Юра Иванов — мысленно уже был в далеком и загадочном для него Минске.

В 1956 году Сергею Александровичу предложили выбрать место дальнейшей работы на таком же военном заводе в Одессе, Киеве или Минске. Он везде побывал и отдал предпочтение Минску. Так Юрий Иванов стал минчанином. Ему было только семнадцать лет.

Время искать и найти

Возраст совсем неопределенный. Вроде бы уже решительно переступил порог беззаботного детства, а взрослым еще не стал. Вроде бы познал сладость и боль первой любви, испытал чувство крепкой привязанности к друзьям, прошел начальный курс человеческого общения, выбрал пусть еще хилую, но все-таки точку опоры, а распахнулись ворота, и на горизонте замаячил совершенно незнакомый простор — все прежнее осталось позади, исчезло, как «с белых яблонь дым». Надо было снова садиться за парту, брать в руки совершенно другой букварь и готовиться к взрослой жизни.

Как только семья переселилась и рассовала скромные пожитки по углам минской квартиры, Юра Иванов вместе с отцом оказался за бдительно охраняемой проходной военного завода — «почтовый ящик № 32» на улице Волгоградской. Сергей Александрович принял под свое начало «закрытый» цех, а Юра пополнил ряды рабочего класса, стал монтажником радиоаппаратуры: пригодилось детское увлечение радиотехникой. Так началась его трудовая биография. В этом же году он стал студентом вечернего отделения энергетического факультета политехнического института — это было ближе по профилю работы, так как радиотехнический институт появится гораздо позже, только через восемь лет.

Мальчишка попал в водоворот не совсем привычной рабочей атмосферы. Что-то ему нравилось, что-то — не очень, но быстро и активно влился в бурный поток заводских событий. На заводе он организовал и был редактором стенгазеты «Явь». Темы для заметок просто валялись под ногами. Тогда завод работал неритмично: в первой декаде месяца все томились без дела, не знали, куда себя деть все восемь часов, во второй — что-то могли делать, ну, а в третьей был настоящий аврал. Последние пару дней даже ночами сидели за рабочими столами, не под-

нимая головы от деталей. План «вырывали», под аплодисменты отчитывались, получали премию, а в следующем месяце все повторялось.

Юра недоумевал: «Почему его сослуживцы не возмущались, не протестовали, не требовали?» И решил проявить инициативу. Взял ватман, краски, кисти, которые ему выделяли для стенгазеты, крупными буквами написал: «Требуем работы!» Этот плакат прикрепил под потолком цеха в тот период, когда рабочие в полном смысле этого слова «били баклуши», до боли страдали от безделья. Все — и монтажники, и регулировщики, и сборщики — улыбались, хихикали, шептались. Через пару дней на это обратил внимание начальник цеха Майсос. Присмотрелся, а когда на потолке увидел плакат и проволочку от рабочего стола Юры, просто вскипел: «Мальчишка!.. Ты подрываешь авторитет государства. Немедленно снять!» Юра возразил: «Так у нас работы нет...» Светлый финн после этого еще больше залился краской и добавил: «А если бы это кто-либо сфотографировал и поместил в американской газете или журнале? Как бы мы выглядели?..» Юра испугался и плакат снял. Только потом подумал: в сталинские времена он бы, как говорил один киногерой, «загремел под фанфары», и надолго. Думается, поэтому его никто в цехе не поддержал. В 57-м году, хоть и пришло слабенькое «потепление», но в глубине души советских людей еще сидел заразный микроб страха прошлых лет: авось все вернется сызнова, а береженого Бог бережет. А вот горячий финн оказался провидцем — через несколько лет фотографии Юрия Иванова Агентство печати «Новости» размещало, и не только в американских изданиях, а по всему миру.

На заводе этот случай, конечно, получил огласку. И когда в 1958 году Юрия Иванова переодели в солдатскую форму, Майсос на радостях праздновал, наверное, не меньше недели, а в отделе кадров завода его навечно зачислили в «черный список» нежелательных особ. Это он понял, когда после трех лет службы в армии пришел на завод и ему сказали: «Спасибо!.. Для вас мест нет». Может быть, и так, но закралась мысль, что ему «аукнулся» его мальчишеский задиристый максимализм. А умудренные опытом кадровики не захотели разглядеть в Иванове совершенно другого человека, из которого за эти годы выветрились крайность во взглядах, прямолинейность, категоричность, горячность, бескомпромиссность.

Служил Юра Иванов далеко от Минска, на севере страны — под Архангельском. Это сегодня «Плесецк» — космодром в окружении плотного лесного массива и компактный современный город Мирный. Сегодня «Плесецк» на всех картах мира, и каждый может насладиться оригинальной архитектурой — настоящей музыкой в камне, которая детализирована в разных ракурсах красочными снимками в Интернете. А молодой солдат попал туда в то время, когда формировалось войсковое ракетное соединение под условным названием «Ангара», где были размещены межконтинентальные баллистические ракеты — знаменитые Р-7 и только-только закладывался фундамент будущего космодрома. Даже сегодня «Плесецк» — закрытое административно-территориальное образование, куда жители города могут попасть только по специальным пропускам. А в 1958 году это место было скрытно и засекречено так, что о нем можно было говорить буквально под одеялом и шепотом. Территория огромная, а щелочки выйти за пределы военного городка — практически не было.

Когда узнали, что молодой солдат увлекается радиотехникой, его пригласили в Дом офицеров и назначили начальником радиоузла. В элитной воинской части было все — и фотоаппараты, и специальные проявители, и бумага, и книги-пособия. У Юры Иванова появился шанс продолжить свободно экспериментировать, практиковать и совершенствовать фотодело. И он этим воспользовался сполна — не только много фотографировал, но и стал впервые самостоятельно делать диафильмы.

Сегодня не каждый знает, что такое диафильм. Сегодня проще купить видеокассету или DVD-диск с фильмом в палатке у перехода, чем сходить в кинотеатр или

прочитать книгу. А вот раньше просмотр диафильма в семье был своего рода ритуалом: на стенах закреплялись простыни или экраны, занавешивались окна, устанавливался и регулировался диапроектор, выключался свет. Трепетное волнение и нетерпение это вызывало не только у детей, но и у взрослых. И когда появлялись первые видеокадры с титрами, не было меняющихся с бешеной скоростью сцен, как на телевизионном экране, наступало полное спокойствие и «переваривание» увиденного. Так кадр за кадром ткался узор любимых детьми сказок, изучалось пособие для учебно-школьной, лекционной, научной или пропагандистской работы. Диафильмы воспитывали и развивали эстетический и художественный вкус, любознательность и трудовые навыки. В СССР их выпускала специальная студия «Диафильм», основанная в Москве еще в 1930 году.

Конечно, диафильмов тогда выпускалось много и на самые разные темы. Некоторые из них не покупались, а, как иные дефициты, «доставались», ими обменивались, заводились картотеки, создавались условия для хранения. Но вот о сослуживцах и офицерах элитной воинской части фильмов не было. Поэтому Юра Иванов начал их создавать робкими шагами. Из снятого материала отбирал нужные негативы, вставлял их в специальный армейский приборчик, который проецировал последовательно составленные негативы на специальную фотопленку. Кадры диафильма были связаны между собой по текстовому и зрительному ряду, что не позволяло менять порядок их демонстрации. Так получались фотографические фильмы из жизни воинской части: их-то и стали через кинопроектор демонстрировать на большом экране перед киносеансами. Первые успехи вдохновили. Закралась мысль сделать такой диафильм с текстом и музыкой, как на студии «Диафильм». Благо для этого имелись два мощных магнитофона МАГ-8.

Юру Иванова офицеры как-то пригласили на зимнюю рыбалку — так называемый подледный лов. На местную речку Тёгра добрались быстро, и рыбаки разбрелись по облюбованным местам, оставляя на снегу следы от валенок и каких-то приборов типа буров. Юра заснял эти следы, процесс бурения толстого льда, запуск в лунки лесок с крючками и наживкой, закутанные лица рыбаков, у которых были видны только нос и внимательные глаза. Потом ходил от одной живой «тумбы» на стульчике к другой, снимал закутанные сосредоточенные лица, глаза, руки, поплавки. А рыба не жаловала рыбаков. Так и вернулись все, как говорится, несолоно хлебавши — без улова.

Молодой фотограф назвал свой шестиминутный слайд-фильм «Следы на снегу». Его показали перед киносеансом в Доме офицеров. Зал до отказа заполнился веселым оживлением, аплодисментами: узнавали себя, знакомых, подтрунивали над неудачниками, шутили, оправдывались. Юра к диафильму написал легкий, с юмором текст и подложил прекрасное музыкальное произведение «Маленький цветок», записанное с какого-то зарубежного концерта.

Солдатская жизнь Юрия Иванова проходила в гуще культурных событий этого совсем необычного воинского подразделения. То он вместе с Лешей Смирновым 12 апреля 1961 года выпускает специальный номер стенгазеты в честь успешного полета Юрия Алексеевича Гагарина. Леша из газеты «Правда» перерисовывает портрет космонавта. Юра бегает, фотографирует восторженные лица сослуживцев, подбирает стихи фронтового поэта Евгения Винокурова, перелистывает новый сборник Евгения Евтушенко «Яблоко», который купил в Архангельске, сопровождая в командировке капитана. За ночь несколько ватманов были в красочных заголовках, стихах, фотографиях, интервью, поздравлениях. То он занят в важнейших спектаклях солдатского театра. В его архиве и сегодня сохранилось фото с афиши, где он во фраке и белом галстуке, с моноклем играет в пьесе А. П. Чехова «Юбилей» председателя банка Шипучина Андрея Андреевича. То он со сцены удивляет зрителей своей памятью и артистичностью, читая стихи Евгения Евтушенко. Чаще всего ему приходилось читать полюбившееся стихотворение «Одиночество».

Когда он только произносил первые строки: «Как стыдно одному ходить в кинотеатры без друга, без подруги, без жены...», зал замирал: тишина стояла такая, что слышно было, как шептались друг с другом комары. Жены прижимались к погонам офицеров и затихали. А когда заканчивал словами:

Спасибо женщинам,
прекрасным и неверным,
за то,
что это было все мгновенным,
за то,
что их «прощай!» —
не «до свиданья!»,
за то,
что, в лживости так царственно горды,
даруют нам блаженные страданья
и одиночества прекрасные плоды... —

зал взрывался аплодисментами.

Юрий Иванов несколько раз встречался с Евгением Евтушенко. Первый раз, когда поэт приезжал к Андрею Макаенку, который в то время был редактором журнала «Неман». Журнал в августовском номере 1970 года опубликовал его поэму «Под кожей статуи Свободы». Два года автор не мог перескочить через прочно выстроенное цензурное заграждение. После появления в «Юности» его поэмы «Братская ГЭС» каждая строка поэта была под тройным надзором. Рискнула ленинградская «Аврора» напечатать новую поэму с предисловием Константина Симонова. Запретили. А вот Андрей Егорович прочитал, одобрил, напечатал, что было в то время сродни геройскому поступку. Это стало событием в литературной жизни всего Союза. Тогда-то на одном из творческих вечеров поэта в Минске Юра Иванов сфотографировал Евгения Александровича. Подарил ему его портрет и несколько маленьких фотографий с личными автографами. В знак благодарности Евгений Евтушенко написал такое посвящение: «Юрию Иванову за мою фотографию. Это мой лучший портрет». Он сравнивал этот снимок с фотопортретами, которые делали ему американские друзья.

Последняя встреча их состоялась в Витебске на «Славянском базаре» где-то в 2010 году. Юрий Иванов подарил поэту еще несколько фотографий и сказал:

— Ваше стихотворение «Одиночество» я в армии читал со сцены и до сих пор, когда плохо засыпаю, перечитываю его, потому что это музыка.

— А вы знаете, — Евгений Александрович немного задумался, — я прочитал это стихотворение Борису Пастернаку, он меня обнял, поцеловал и прослезился.

На Минском заводе имени Ленина паренька в солдатской форме после «дембеля», как поется в известной песне, «приветили, руку дружбы подали

и повели...» прямо в цех, где сразу же назначили бригадиром монтажников. И не ошиблись. Он оказался хорошим организатором и пришелся ко двору. Энергия, энтузиазм, инициатива и его желание вечно что-то придумывать и делать выплескивались из него наружу, как раскаленная лава вдруг ожившего вулкана. Это и удивляло, и заставляло восхищаться, и притягивало к нему таких же неугомонных, смелых, творческих сверстников.

Юре Иванову было тесно в рамках своего завода. Он перешел проспект Ленина (теперь Независимости) на улочку 6-я Линия, ныне Дорошевича, которая упиралась прямо в главный корпус завода, где было здание Советского райкома партии, и секретарю райкома комсомола «товарищу Жибрик» подбросил идею: как бороться с «паразитами» общества. Предложение было принято с благодарностью, и молодой инициатор вихрем закрутился в общественных делах уже целого района.

Решено было выпускать сатирическую стенгазету районного масштаба. Директор кинотеатра «Мир» Ореховский предоставил место и сам ради благого дела согласился принимать участие. Когда в маленькой комнатке впервые собралась редколлегия, где были будущие художники, графики, архитекторы, которых Юра «вербовал» в институтах и техникумах, участковый милиционер, несколько дружинников, заводские девушки с поэтическими наклонностями, еще никто не знал ни названия газеты, ни содержания, ни периодичности ее выпуска. Десятки вариантов названий тут же отметались. Наконец, вспомнили Маяковского и его «Окна РОСТА» — плакаты, которые в 1919—1921 годах создавали советские художники и поэты. Потом на полу разложили огромные листы, примерно метров семь длиной, и художники крупными буквами написали: «РИФ», а внизу — более мелким шрифтом — «Рисунки исчезающих фигур». «Исчезающими фигурами» были домоуправы-бюрократы, чиновники-волокитчики, квартирные и уличные дебоширы, пьяницы, прогульщики, бракоделы и разгильдяи предприятий, те, кто фигурировал в милицейских протоколах и был там уже на учете. Объектами для высмеивания были люди, создающие очереди в магазинах и толпы ожидающих на остановках, грубияны и аморальные типы. В общем, все, кто не умещался в рамки порядочного советского человека.

После рейдов к своим «героям» все дружно работали: кто-то рисовал карикатуры, кто-то писал тексты, кто-то наклеивал фотографии, которые снимал Юра Иванов, тут же писались и редактировались сатирические стихотворные подтекстовки. Стенгазета выходила раз в месяц и вывешивалась в вестибюле кинотеатра. Поэтому читателями были не только жители района, но и те, кто приходил на киносеансы. У газеты всегда были толпы народа. Всем это нравилось. А после — волокитчики, бюрократы, горе-организаторы лишались кресел и премий, коллекционировали взыскания, прогульщики, дебоширы, пьяницы, бракоделы осуждались това-

рищескими судами своих коллективов, суток пятнадцать под присмотром милиционера безвозмездно работали на стройках, убирали улицы или увольнялись.

Юра Иванов тогда для газеты «Знамя юности» что-то снимал, писал короткие тексты, стихи. В общем, подрабатывал. И фотожурналистика его засасывала все глубже. Он уже сам почувствовал, что гуманитарные наклонности в нем окончательно вытеснили технические. Поэтому не стал даже восстанавливаться на второй курс политехнического института. Все думали, что Юрий Иванов будет поэтом, а он стал фотожурналистом.

Как-то в Парке имени Челюскинцев он наблюдал за фотографом, который фотографировал людей на память за деньги. Тот человеку говорил одно и то же: встал здесь, посмотри сюда, не двигайся, не моргай... Щелкал затвором, брал деньги и поворачивался к следующему, ставил его на одно и то же место, хотя вокруг было довольно много интересного, красочного фона. Получался какой-то конвейер, где люди, как детальки, сменяют один другого. Юра не выдержал и говорит ему: «Что ж ты плодишь живые мумии? Почему ты не хочешь разглядеть в человеке какой-то эмоциональный всплеск? Почему он должен стоять, как каменная глыба? Если он чуть повернет голову и что-то заметит, на его лице появится реакция: то ли улыбка, то ли раздражение, то ли удивление. Именно это ты должен заметить и подчеркнуть. У каждого человека есть особенности и фотограф должен их подчеркивать. А ты...» Фотограф послал мальчишку дальше обычного, и они крепко поругались. А у Юрия Иванова уже тогда промелькнула мысль, что он никогда не будет так бесстыдно халтурить в своей профессии, хотя профессию ему еще предстояло выбирать.

Самый первый свой профессиональный снимок для печати Юрий Иванов сделал в 1962 году на часовом заводе «Луч» по заданию газеты «Знамя юности». В поисках сюжета молодой фотокорреспондент терпеливо бродил по цехам, присматривался, но его так и не увидел. А вот маленькая и уютная комнатка «Болгаро-советской дружбы» ему приглянулась, и он мысленно стал «строить» кадр. За столами собрались девушки в белых халатах и косыночках, листали журналы, улыбались, общались друг с другом. В объектив все не помещались, и потом Юра понял, что верхний ракурс будет выигрышней плоского. Пришлось вскарабкаться на шкаф. Было несколько необычно и смешно, но чего не сделаешь ради достойного снимка в газете.

И это была его первая постановочная работа, сделанная в духе знаменитой «Летучки». Только «Летучку» он снимал четверть века спустя на производственном комбинате «Ткани». Подготовка к съемке была основательной и заняла несколько дней. В цехе заменили все лампы дневного света, ткачих одели в одинаковую форму, каждой выдали красный платочек. Для контраста фотожурналист в центр поставил двух лысых мужчин, ими оказались директор и главный инженер комбината. Снимали со специально сделанной эстакады. Летучка в то перестроечное время была уже не модной пятиминуткой, а затяжным фотомероприятием, которое продолжалось полтора часа. Чтобы получить известный всему миру снимок, израсходовано пять пленок по 36 кадров. А тут, на часовом заводе, было все проще и буднично: минимум времени, минимум пленки, минимум беспокойства. Но снимок тогда понравился, его напечатали, и руководство газеты предложило начинающему фотожурналисту место в штате.

Так рабочий Юрий Иванов в 21 год встал в строй и пополнил ряды белорусской фотожурналистики. Потом его пригласили в газету «Советская Белоруссия», а в 25 лет он стал фотокорреспондентом АПН. Тогда в своем московском кабинете председатель Правления Агентства Борис Сергеевич Бурков принял провинциального фотокорреспондента как равного себе. После короткого знакомства сказал: «Мы утвердим вас фотокорреспондентом АПН по Белоруссии». Потом посмотрел на Юру, улыбнулся и добавил: «Если вы не возражаете...» Мог ли начинающий фотожурналист Юра Иванов возражать, когда перед ним вдруг нежданно-негаданно широко распахнулись не двери, а широченные ворота прак-

тически всего информационного мира? У него от счастья, как говорится, «в зобу дыханье сперло». За долгую творческую деятельность он работал в различных белорусских новостных агентствах и издательствах, был много лет заведующим отделом фотоиллюстраций газеты «Культура».

В фокусе события — Мстиславль

У талантливых фоторепортеров, фотохудожников всегда была нелегкая судьба. Всем кажется, что проще этой профессии нет. Чик-чик — и фото готово, иди в бухгалтерию. Внешне — это действительно так: не ленись и щелкай затвором. Кстати, так и делают фотографы бытового жанра, которые массово работают по расценкам, для семейных фотоальбомов и «гонят» количество. Они не «строят» кадр, не «заглядывают» в душу, а просто фиксируют момент, заботясь только о том, чтобы все, скажем, на свадьбе или на корпоративе поместились в объектив. Для них все люди каждой очередной съемки на одно лицо.

А фотография творческого фотохудожника — это мгновение времени, это момент истины какой-то ситуации, который не повторится больше никогда. Если художник в своем полотне может что-то поправить, изменить, то фотохудожник такой возможности не имеет, и ему, как саперу, лучше не ошибаться. Здесь просто нужна интуиция, которой Юрий Иванов наделен от природы, нужны и профессиональная мудрость, и любовь, и преданность своему делу. И об этом хорошо было осведомлено руководство республики, которое, чего греха таить, внимательно следило за тем, как молодой фотожурналист представляет миру этот удивительно красивый белорусский уголок земли, его достижения, трудолюбивых людей, и конечно же, уважительно к нему относилось. С ним часто встречались: знакомили с обстановкой, советовались и даже предлагали, на что обратить внимание.

Однажды в 1979 году секретарь ЦК КПБ по идеологии Александр Трифонович Кузьмин после долгой беседы на самые разные темы сказал: «Поехали бы вы, Юрий Сергеевич, в Мстиславль. Мне вот тут прислали текст книги и фотографии... Хотят издать. А фотографии простенькие, любительские». Юра Иванов знал, что Александр Трифонович был депутатом Верховного Совета от Мстиславского избирательного округа, и подумал, что это очередной депутатский пиар. Поэтому слушал его как-то отрешенно, вполуха. Кузьмин моментально заметил на лице фотожурналиста тень равнодушия, даже легкого недовольства и в конце разговора сказал: «Вы все-таки поезжайте, поезжайте. Мстиславль — это белорусский Суздаль». Последняя фраза секретаря ЦК надолго задержалась в памяти.

В Могилевском обкоме партии Юрий Иванов как-то мимоходом спросил о Мстиславле. Там сразу же предложили туда съездить: «Это недалеко, где-то около ста километров, а вот вам, профессиональному фотожурналисту, будет весьма интересно, багаж впечатлений — на всю жизнь. Мстиславщина — край светлых рек и озер, цветущих лугов, красивейших памятников природы. Знаете, о Мстиславле в двух словах не расскажешь, его надо просто увидеть. Это же жемчужина белорусской истории и культуры, наша гордость».

Дорога оказалась живописной, все лесом да лесом, то спуски, то подъемы. Причем, подъемы не крутые, но довольно затяжные. Шоссе ровненькое, с новым асфальтом, с обочинами, с площадками для отдыха, с указателями на каждом повороте. Это сразу же бросилось в глаза Юрию Иванову потому, что он к тому времени уже исколесил Союз вдоль и поперек и мало где видел таких ухоженных дорог. «Значит, по ней передвигаются высокие персоны или международные гости», — подумал про себя Юрий. Городок чистенький, опрятный, с мощеными улицами и тротуарной плиткой. Центр — практически одна площадь. Но этот городок сразу же подул ему в лицо седой стариной, на каждом шагу он буквально

спотыкался о древнюю историю: многовековые полуразрушенные и действующие церкви, костелы кармелитов и иезуитов, бывшие здания духовной семинарии, земской управы, мужской гимназии, городского казначейства, один дом назывался «Париж», другой — «Лондон», очевидно, построенные в разных архитектурных стилях. Впечатляли древние городища — Девичья и Замковая горы. А сколько было памятников архитектуры вокруг Мстиславля — в близлежащих деревнях Пустынки, Селец, Славное!

Каждое памятное место обросло легендами. Скажем, почему гору назвали Девичьей? Якобы огромную массу земли еще в XII веке всего за одну ночь наносили девушки в своих передниках, чтобы обороняться от вражеских племен. А вот Свято-Успенский монастырь в деревне Пустынки появился по велению родоначальника мстиславских князей Симеона Лугвена в XIV веке. Он неожиданно потерял зрение. Ни одно из средств средневековой медицины не помогало. Но однажды ему во сне явился старец, который посоветовал в Пустынке найти источник и из него омыть лицо водой. Князь нашел заветную криницу и моментально прозрел. После чего повелел рядом с чудотворной криницей возвести храм, а рядом заложить мужской монастырь. Знаменит здесь и «кагальный колодец», то есть с еврейского — «общественный», так как до революции в Мстиславле более половины населения составляли евреи. Вообще, вокруг исторического мстиславского городища и сегодня существует несколько родников. Но по вкусовым качествам вода в «кагальном колодце» отличается. Поэтому, наверное, и название она издревле получила — Здоровец. Из-за залегания твердых пород колодцев в городе не было. А первые километры водопровода появились только во второй половине пятидесятых прошлого столетия. До этого из «кагального колодца» водовозы, как герой известного фильма «Волга-Волга», в деревянных бочках на лошадях развозили горожанам воду. В снежные зимы к колодцу всегда была расчищена дорога.

Юрий Иванов никогда не был в Суздале, но поверил Александру Трифоновичу, что он попал именно в белорусский Суздаль — так его поразило и восхитило увиденное. И он там два года (1980—1981) упорно и творчески работал. Посетил все археологические, исторические и архитектурные памятники, а их там немало. Мстиславль пограничный город — всего в тринадцати километрах от Хиславичского района Смоленской области. Там, возле высоченной и стройной березки прямо на условной границе, фотожурналист организовал встречу братских народов. Девушки в национальных костюмах, руководители районов, концертные бригады, торжественное настроение. Все, конечно, было придумано, но это получилась настоящая поэзия в фотографиях, которые украсили лучшие журналы страны.

На местном конезаводе Юра Иванов попросил запрячь зимой две тройки. Пригласил «Песняров», усадил весь состав вокально-инструментального ансамб-

ля в сани, а сам с фотоаппаратом расположился в кузове грузовика, где его за руки крепко держали два парня. Так фотожурналист засвидетельствовал потомкам в необычной обстановке выдающегося музыканта Владимира Мулявина и его коллектив. Фотоснимок «Тройка» позже украшал не одну персональную выставку фотохудожника. «Песняры» мстиславцам дали три концерта, встречались с коллективами местных предприятий и, удовлетворенные доброжелательным приемом, укатили в Минск.

Когда Юрий Иванов отобрал и распечатал с цветной обратимой широкой пленки лучшие снимки, он пришел в кабинет к Кузьмину и предложил ему их посмотреть. Тот развесил фотографии на широкие цековские окна и стал внимательно каждую рассматривать. Задумался и, очевидно, сам себе, чуть слышно пробормотал: «Да-да, не пойдет...» У Юрия Иванова внутри все похолодело. В голове недоумение: «Два года работы... Отобрал самые яркие, выразительные, просто художественные...» С тревогой в голосе спрашивает: «Что не пойдет?» Тот спокойно говорит: «Текст, который мне прислали. Теперь я уверен, что нужен другой автор». Юра вспомнил, что прежний текст книги написал местный — то ли историк, то ли краевед, то ли географ. И тут Александр Трифонович спрашивает: «Как вы считаете, если автором текста будет Владимир Короткевич?» Не дожидаясь Юриного ответа, Кузьмин через секретаря связался с Короткевичем.

— Владимир Семенович, вот напротив меня сидит Юрий Иванов, фото... — Александр Трифонович вдруг замолчал, думая, как его представить — то ли фотожурналистом, то ли фоторепортером, то ли фотографом, потом посмотрел в потолок, как будто там был суфлер с подсказкой, и закончил фразу: — ...художник.

Назвав Иванова фотохудожником, Кузьмин предлагал Короткевичу написать книгу о славном городе Мстиславле, к которой уже сделаны прекрасные фотографии. Связь была громкая, и слышно было, что Владимир Семенович отказывался: «Я сейчас очень занят... На столе рукописи книг, сценариев, статей, которые должны были уже быть у заказчиков». Александр Трифонович не стал настаивать. Они поговорили на другие темы и распрощались. Когда положил трубку, Кузьмин обратился к Иванову: «Думаю, вы с Короткевичем знакомы. Идите к нему. Я его потихоньку подготовлю, а вы чуть-чуть подтолкните: покажите снимки, заинтересуйте своими впечатлениями».

С Владимиром Семеновичем Юрий Иванов не раз встречался. Как-то он ему даже подарил поэтический сборник «Моя Илиада» и подписал: «Юрку Іванову, мастаку, з якім мы дамовіліся, што пасля ягоных работ некаторыя з жывапісу — не патрэбны. Уладзімір Караткевіч». По телефону условились о встрече. И вот Юрий Иванов в его квартире на улице Карла Маркса сидит на мягком диване, а напротив — улыбающийся хозяин. Иванов показывает ему фотографии и взахлеб рассказывает о Мстиславле. Короткевич просмотрел их и как-то потерянно сказал:

— Юрка, ну, хорошие фотографии... Но у меня правда нет времени. Я очень занят. — И стал показывать рукописи, над которыми он работает.

А Юрий Иванов настаивал:

— Володя, поезжай... — и повторил слова Кузьмина. — Мстиславль — это же второй Суздаль, только наш, белорусский.

Короткевич немного побагровел, встал, подошел к Иванову, ткнул в него пальцем и выпалил:

— Никогда так не говори. В мире нет ничего второго. Не будет второго Юрки Иванова, и Суздаля тоже...

Юра слегка струхнул и подумал: «Все пропало...» А Короткевич успокоился и завершил беседу:

— Я поеду в Мстиславль...

И поехал. Написал замечательное документальное эссе, в котором столп и гордость белорусской исторической литературы восхищается: «...Мстис-

лавль — капля, осколок зеркала, в котором отражаются солнце и звезды и вся непростая история Белоруссии. Это город, который, кажется, ничем особенным не выделяется среди других городов Белоруссии, каких в республике сотни. Но поглядите на него — и будто в фокусе, отразится в его истории вся наша гордость и наша слава». Книга вышла в свет с фотографиями Юрия Иванова.

С головой — в деловой омут

Заключительный аккорд юбилейных торжеств Юрия Сергеевича Иванова на всю округу прозвучал в прошлом году в День города Минска. В уютном зальчике городской Ратуши, где обычно проводятся семинары, встречи на международном уровне, концерты творческих коллективов, мэтр белорусской фотографии презентовал на вечное хранение музею истории города свою знаменитую «Летучку». Как сказала директор музея Галина Ладисова, «...это не только пополнение фонда, но и огромной важности событие, которое произошло именно в нашем городе...», «значимость этой редкой дарственной акции историческая, и осознается она в полной мере только со временем, когда будут зафиксированы имена всех минчанок — действующих лиц одной из лучших в мире фотографий». Огромное фотополотно с ярко-красными женскими платочками полностью закрывало просторную сцену, а перед ним на стойке установлен микрофон, к которому спешили один за другим друзья, коллеги, преданные почитатели таланта фотохудожника — архитектор Анатолий Шабалин, художник-график Геннадий Грак, композиторы Игорь Лученок и Эдуард Зарицкий, певец Анатолий Кашепаров. Они пришли не только чтобы поддержать легенду белорусской фотографии, но и чтобы воспользоваться редкой возможностью встретиться и вспомнить свою совместную лихую юность, которая сделала каждого из них при жизни классиком в своей профессии.

Искусствовед Борис Кремер пошутил: «Юра в профессии так долго, что некоторые думают, что он снимал еще Керенского и Ленина. Неизвестно, снимал ли он Хрущева, а вот Брежнева — точно фотографировал». Поэт Виктор Шнип поведал по секрету, что в их издательстве «Мастацкая літаратура» лежит рукопись фотомастера Юрия Иванова под условным названием «Между белым и черным», которую он готовил долго и ответственно, подбирая тщательно каждое событие и слово, придирчиво формулируя и шлифуя до точности каждую фразу. Поэт Федор Боровой тут же выдал свой экспромт:

Твоя работа получила постоянную прописку.
Под теплые аплодисметы всех друзей
Ты передал «Летучку» в городской музей.
Пусть мир к хорошему стремится,
У белорусов есть чему учиться.
На фото нету слов.
Планета знает: это Юра Иванов.

И зал действительно аплодировал. Аплодировали и участницы той далекой фотосессии Галина Близнец и Светлана Полянская, и бывший мэр Минска Николай Ладутько, и бывший премьер-министр Михаил Мясникович, которые своим присутствием засвидетельствовали почтение и уважение фотохудожнику Юрию Иванову. Михаил Владимирович в своем выступлении сказал: «Я давно знаю этого человека... Юрий Сергеевич — не просто мастер фотографии, это — человек-философ. Каждая его работа несет очень серьезную смысловую нагрузку. Это не просто стоп-кадр. Каждая работа заставляет задуматься и совершенно по-иному взглянуть на вещи, которые Иванову Юрию Сергеевичу удается отразить в своих работах. Поэтому мы очень рады, что вы

известный у нас в Беларуси и далеко за ее пределами мастер. Да-да, мастер, я не побоюсь этого слова».

С тех пор прошел год. Вообще, с годами у каждого из нас, особенно в пенсионном возрасте, прошлого становится все больше, будущего — гораздо меньше. А вот настоящее у каждого разное. Кто-то спешит на заслуженный покой, сутками давит кресло перед телевизором: таких даже внуки раздражают. Кто-то, наоборот, не ищет тихой заводи, а с головой бросается в деловой омут. Мне кажется, Юра Иванов как раз из тех, кто почти шестьдесят лет удачно стартовал, разогнался, набрал инерцию и сейчас никак не может остановиться. Ведь пора, пора уже вкусить сладость свободы и освободиться от рабства обязанностей, вечной спешки и головной боли, от тяжести житейского несовершенства, споров, суеты: давным-давно заслужил. Но «мертвой хваткой» вцепилась в него, как та сказочная Баба Яга в ступу и метлу, эта прекрасная и неразлучная подружка-фотожурналистика. Казалось, она, словно бородавка, прилипла к нему уже навечно, но вот неожиданно прошел слух, что Юрий Сергеевич Иванов занял кресло чуть ли не чиновника — специалиста по связям с общественностью Белорусского государственного университета культуры и искусств. Поэтому мне захотелось встретиться с ним, поговорить об уникальной его профессии, о секретах и тонкостях мастерства, заглянуть в творческий портфель и, конечно же, спросить: не предал ли он свое полувековое дело, принесшее ему известность и славу?

В университете поднимаюсь на второй этаж. Нахожу 207-й кабинет. Дружеские объятия. На столе появляются кофе, чай, конфеты. И как всегда улыбающийся и приветливый, хозяин кабинета садится напротив и готов меня слушать.

— Твое новое уютное кресло не вырвет из наших журналистских рядов коллегу?

— Не боись, — отшутился с улыбкой Юрий, — просто в университете нет ставки фотокорреспондента, а фотографировать мне сам Бог велел. Для этого меня и пригласил ректор Юрий Павлович Бондарь. Буду «писать» историю в фотографиях. Будущие специалисты разъедутся по городам и весям, станут звездами сцен и подмостков, а их учебные биографии навсегда останутся в анналах альма-матер. А вот должность меня натолкнула на мысль: если общественность — это люди от культуры и искусства, то их лучше объединить. Вот я и создал общественный Совет, куда вошли уже маститые и известные мастера своего дела — драматург Алексей Дударев, режиссер театра и кино Борис Луценко, художественный руководитель Музыкального театра Адам Мурзич, актер Купаловского театра Арнольд Помазан, архитектор Леонард Москалевич, художник кино и театра Владимир Чернышов, журналист Виктор Шимолин, предприниматель Владимир Карягин, композитор Валерий Иванов. В Совете есть и профессура университета. Причем, никого, как говорится, на аркане не пришлось затягивать. Они мое приглашение обычно принимали с благодарностью. Совет создан специальным приказом ректора.

В университете почти пять тысяч студентов, половина из них очники, остальные — вечерники и заочники. Так вот, чтобы не «засушить» их мозги голой теорией, члены Совета проводят мастер-классы. У каждого за плечами десятки лет профессиональной деятельности, и они точно знают, даже могут показать сами и на своих работах, как тот или иной книжный постулат применить на практике, к конкретной обстановке. Уже вокалисты встречались с певцом Анатолием Кашепаровым, режиссеры — с кинорежиссером Вячеславом Никифоровым. Мы учредили приз за лучшее исполнение эстрадной песни, лучшую хореографическую композицию, театральную постановку, роль в студенческом спектакле... То есть приз будет присуждаться лучшим по тем специальностям, которым в университете обучают. Получить его из рук признанных белорусских мэтров будет и престижным, и памятным событием для тех, кто решил посвятить себя культуре и искусству. Скульптор Иван Мисько уже разрабатывает скульптурную композицию этого приза. Его мы будем вручать уже в следующем учебном году.

На первом же заседании Совета мне сказали: «Юра, спасибо тебе, что ты нас объединил. Мы так редко встречаемся друг с другом, а здесь можно пообщаться, душу отвести». Выходит, получился не просто Совет профессионалов, а Совет друзей.

— Значит ли это, что мы твоей очередной персональной выставки не скоро дождемся?

— Вообще-то, к 70-летию Великой Победы у меня уже была небольшая выставка в художественной галерее университета культуры и искусств, которая расположена во Дворце Республики на Октябрьской площади. Там были всего 32 работы — фотографии и стихи военных лет. Говорят же, что архитектура — это застывшая музыка в камне. А я убежден, что фотография — это настоящая поэзия. Вспомни: «Мороз и солнце; день чудесный!» Чем тебе не картинка с фотографии? Или вот еще: «І зорка упала, як кропля з вясла...» Мы читаем стихи, а мысленно представляем изображение. Поэтому я в Интернете нашел стихи военных лет, подобрал к ним фотографии участников войны, партизан, которых снимал в разное время, и разместил все это на планшетах 50 на 50 сантиметров. Вот посмотри: стихотворение Константина Симонова «От Москвы до Бреста», а рядом снимок наших прославленных фотокорреспондентов Федора Бачило и Александра Дитлова с фотокамерами. Получилось оригинально и содержательно. Один мой друг, наш коллега, Сережа Ваганов прислал мне такие строчки:

Всем любопытен свой портрет,
И старику и малой крохе...
«Минуточку...» — «Один момент...»,
Всего один. Момент эпохи.

Я ему ответил: «Спасибо, Сережа! Ты мне подарил название очередной моей выставки». Так что, думаю, не дождетесь. Не знаю когда, но вы еще побродите по моей выставке «Момент эпохи», которую я уже продумываю.

— Тебе удалось много чего создать в жизни. Есть ли у тебя еще нереализованные идеи?

— У меня был друг — Станислав Ананко, с которым мы еще в начале 60-х работали в газете «Знамя юности». Он придумал такой кадр: «Я снимаю сверху... Идет дождь. Много, много людей под разноцветными зонтиками, и видно только одно лицо: женщина смотрит вверх, выставила ладошку, как бы определяя, кончился дождь или нет». Представляешь, какой красивый кадр? Стасика давно уже нет с нами, а я не могу повторить его, так как это придумано не мной. А у меня появилась другая идея. Мы ее уже обсудили с ректором: Юрий Павлович ее одобрил. Мы соберем на какой-то площади всех очников, я закажу машину с телескопической вышкой высотой примерно пятьдесят метров и сделаю этот снимок. Это будет снимок века: 2500 пар глаз с любопытством смотрят на мой фотоаппарат!.. Думаю, будет блестящая фотография.

— Кстати, а что такое фотография? У тебя есть свое личное мнение на этот счет?

— Ничего нового я тебе не скажу: с греческого «photos» — свет, «grapho» — пишу. Изобретатели назвали ее «писанием». Может быть — это картина или рисунок, но которые пишутся не маслом, акварелью, карандашом, а именно светом. Думается, сколько фотографов, столько и определений фотографии. С одной стороны, это как бы техническое средство, фиксация момента, а с другой — полученное на ней изображение. Студентам я всегда привожу такой пример: десять разных фотожурналистов приходят на одно событие, а приносят в редакцию десять совершенно разных снимков, так как у каждого на это событие свое видение и прочтение, свой взгляд и почерк. Я, например, могу безошибочно определить почерк известных фотожурналистов Виктора Драчева, Александра Дитлова, Юрия Сомова, Геннадия Копосова... Эти фотомастера вкладывают свою индивидуальную мысль в фотопроизведение. А есть просто фиксаторы. Я их называю «луноходами». Скажем, пустили луноход на Луну, тот автоматически все сфотографировал. Интересно? Да, интересно, так как этого никто еще не видел. Но это «мертвая» и холодная фиксация, после которой отбирается кое-что путное, если, конечно, что-то получилось. Когда же на этой Луне оказался человек и сфотографировал следы на лунной поверхности, снимок стал «живым» и засверкал яркими гранями, на которых явно отражаются и человеческое восприятие, и его мысль. Обычно фотография задумывается. Иногда, правда, снимок получается по наитию, как у Андрея Вознесенского: «По наитию дуй от берега. Ищешь Индию, найдешь Америку». Но такое бывает крайне редко.

— Интересно, кто тогда, по-твоему, фотограф?

— Фотографы бывают разные. Сейчас на земном шаре нет человека, который бы не умел фотографировать. Толя Кашепаров говорит: «Сегодня те, кто открывает рот, — певцы, а те, кто имеет фотоаппарат, — фотографы». Но настоящих фотографов, а тем более фотокорреспондентов — раз-два и обчелся. Правда, есть у нас настоящие самородки. На одном из республиканских конкурсов фотолюбителей, который проводил Дворец молодежи, я был председателем жюри. Надо было сфотографировать то, что конкурсантам понравилось. Меня поразила девочка из какой-то деревни Гродненской области. Она фотографировала обычным телефоном. Но поразило ее видение объекта, композиция, выбор сюжета, настроение. Она получила Гран-при и, как говорится, заткнула за пояс тех, кто снимал профессиональными камерами и уже поработал в районных газетах. Поэтому, думаю, фотограф — человек в трех лицах: автор сценария, режиссер и оператор. Это как в кино. Рожденный от фотографии кинематограф потихоньку забывает, что было первично. У кино три главных действующих лица, а фотограф один на один с камерой и окружающим миром, от которого обязательно ждут художественного фотошедевра. Знаешь, и у него «соображалка» должна работать моментально, как компьютер. Выдающийся французский фотограф Анри Картье-Брессон здорово подметил: «Фотография — это медитация в мгновении». Действительно, фотографу часто стремительно уходящая натура не позволяет долго размышлять, ему надо мгновенно принимать решение.

— Кто-то хорошо сказал: «Нет такого жанра — художественная фотография, но фотография может быть искусством». Тебя часто называют — то «фотохудожником», то «фотомастером», то есть чаще всего причисляют скорее к фотоискусству, чем к фотожурналистике. А на самом деле ты кто?

— Я Юрий Иванов... Фотограф. По профессии — фотожурналист, по должности — фотокорреспондент. Проверено временем, что хороший фотокорреспондент — это сгусток энергии, поэт образов, предсказатель будущего, сценарист, сам себе режиссер и оператор в одном лице. Еще в 1965 году в АПН я услышал такую байку. «В редакционном буфете под стеклянной витриной стояли тарелочки с бумажными ценниками. На них было написано: мозги главного редактора — три рубля за килограмм, переводчика — десять, корректора — пятнадцать,

фотокорреспондента — девятьсот. У буфетчицы спрашивают: «Почему такая огромная разница в цене мозгов редактора и фотокорреспондента?» — «А вы знаете, сколько надо фотокорреспондентов, чтобы насобирать килограмм мозгов!» — отвечала буфетчица».

Сочиняли такие шутки пишущие журналисты, с которыми мы обычно работали в паре, а вот гонорар у фотокорреспондентов был всегда гораздо выше.

В одной из советских газет была напечатана статья «Клик-клак — 500 франков!» про фотокорреспондентов французского журнала «Paris Match» (Пари Матч). «Клик-клак» — это щелчок затвора фотоаппарата. Вроде бы все просто — «щелкнул» затвором и получи деньги немалые. И никто не догадывается, что этому предшествует, какой адский труд!

Поверь мне, настоящих фотокорреспондентов не так уж много. И я горжусь, что связал свою судьбу с этой профессией, с этим удивительно красивым видом искусства. Мне абсолютно все интересно, что происходит на земле, где я родился и живу. Стараюсь ничего не пропустить.

— На Западе фотографов учат шесть лет по университетской программе. А у нас где можно получить такую профессию?

— Профессионально — только в технологическом колледже, а пройти переподготовку — в институте журналистики БГУ. А вот краткосрочных курсов хватает. Там скороспелых специалистов за тридцать-сорок академических часов «пекут», как тонкие блины на ярмарках. Такие фотографы с бумажными «корочками» открывают фотостудии или конкурируют друг с другом в местах отдыха. Еще есть российские школы дистанционного обучения по интернету. Правда, когда я переступал порог профессиональной деятельности, у нас даже такой возможности не было. Помню, после армии я уже писал стихи, фотографировал и сотрудничал с газетой «Знамя юности». Поэтому и не стал восстанавливаться на энергофак политехнического института. А в 1966 году поступил на вечернее отделение филфака БГУ. Но бешеный ритм работы в АПН позволил мне закончить только первый курс. Так что я неуч... Иосиф Бродский тоже ничего не окончил. Однако это ему не помешало стать лауреатом Нобелевской премии.

Я учился в «институте гуру», как в Индии. Там учитель, если ты его просишь обучить тебя, не имеет права — таков закон — отказать в этом. Он обязан делиться и знаниями, и талантом. И у меня были талантливые, знающие, щедрые, терпеливые «гуру» и в АПН, и в Беларуси. А еще: великое дело — самообразование.

— Знаешь, думаю, не каждому дано стать профессиональным фотографом, даже имея десяток «корочек» учебных заведений или специальных курсов. Они никогда не заменят «творческой искры» и умения находить «изюминку». Здесь без врожденного таланта не обойтись. Но мне интересно другое. Вот смотрю сейчас на тебя — и кажется, время застыло. Намекни, где тот ларец с тайными секретами твоей вечной молодости? Ты же совсем не изменился: такой, как и был, легкий на подъем и импровизацию. Вот только чуть потяжелел. Это, наверное, от солидного багажа знаний, жизненного опыта, известности и славы. Давай, колись, взрослый мальчишка.

— Да какие там секреты... Очевидно, просто генетика, а она, как видно, вещь серьезная. Режим жизни и труда — рваный. Утром — контрастный душ, чашка кофе, бутерброд с сыром. А дальше, как у многих творческих людей: завтрак — съешь сам, обед — раздели с другом, чаще обычный перекус на ходу, а вот ужин — всегда и даже с аппетитом съедаю сам, так что «врагу» ничего не достается.

— А мне думается, Юра, твоя вечная молодость в неугомонном характере. Ты постоянно в движении, как часовой маятник, за тобой ни одна старость не угонится. Нет на тебя Райкина, он бы обязательно прицепил тебе еще какую-нибудь «динамо-машину» и твою безудержную энергию заставил работать с двойной нагрузкой. Ты испытываешь высшее наслаждение от того, что дела-

ешь. И главное — у тебя позитивное мышление и постоянное общение с духовно богатыми творческими людьми. Голова твоя переполнена новыми идеями, которые ты спешишь воплотить в жизнь, как будто боишься, что тебе до конца жизни не хватит на это времени.

— Знаешь, а я с умными людьми никогда не спорю... Ты абсолютно прав.

* * *

Когда я прощался с Юрой Ивановым, вспомнил песню, которую исполняла Алла Пугачева, — «Ты сними, сними меня, фотограф». Там она его умоляла проявить свое умение, чтобы она была неотразима и смеялась беззаботно, чтобы у нее в глазах не было печали и на фото она была счастливой, чтобы была довольна этим миром и вдаль смотрела голубую, где звонко пели птицы, чтобы никто и не подумал, и не поверил, что очень, очень одиноко ей. Заметьте, и все это надо было совместить в одном кадре. Гротеск? Гротеск! Но в нем добрым молодцам-фотографам намек. Нет, скорее, серьезный нравственный и поучительный урок: как надо фотографировать. Это красивая и содержательная страничка профессионального учебника по фотографии, где есть полезный и жизненный совет и способ избавиться от профессиональной бездарности, местечковости, халтуры и подняться до уровня известных мэтров фотоискусства. Таких, например, как легенда белорусской фотографии — фотожурналиста, фотохудожника, фотомастера Юрия Сергеевича Иванова, который подтвердил свое жизненное кредо, высказанное им в документальном фильме «Фотограф щелкает»: «Люблю жизнь, добро, которое в ней существует, и ненавижу зло, ложь, предательство, обман. Уважаю откровенность людей, даже если с ними в чем-то не согласен. Не терплю хитрых, скользких лис и духовный провинциализм».

Немирович-Данченко как-то сказал: «Истинное счастье человека — постоянно быть при своем любимом деле». В этом плане Юрий Сергеевич Иванов счастливый человек.

Фото из архива Юрия ИВАНОВА.

Молодой столетний человек

О Викторе Войтике заговорили в середине 1970-х. Среди композиторов нового поколения, находившихся тогда в начале творческого пути, он выделялся самобытной глубиной музыкального мировоззрения, поиском некоего эстетического согласия между всемирным наследием классики, традициями национальной белорусской культуры и новаторскими достижениями авангардистов XX века. В свои двадцать восемь он производил впечатление человека не по годам степенного: нетороплив, рассудителен, вдумчив и мудр. Впрочем, тогда же, общаясь с молодым успешным композитором, нетрудно было заметить и другое: очень тонкий креативный внутренний мир, отражающийся в его музыке; яркое, образное ассоциативное мышление, непоказное чувство юмора, безудержную фантазию, богатую на детали память. И еще — на редкость доброжелательное и чуткое отношение Виктора Войтика к людям. Как бы там ни было, а именно ему, не достигшему и тридцати лет, доверили очень хлопотную, трудоемкую и «дипломатическую» должность ответственного секретаря Союза композиторов БССР. Он стал надежным помощником для легендарного Рыгора Ширмы, возглавлявшего союз в ту пору, а затем и для Юрия Семеняко, избранного новым председателем...

Однако со временем, оставаясь в рядах Союза композиторов, Виктор Войтик приобщился к делам иного творческого объединения — созданного более четверти века назад Белорусского союза музыкальных деятелей. Здесь оказались востребованными его позитивные и плодотворные идеи, организаторский талант и опыт, прекрасные душевные качества.

Итак, что же сегодня? Заслуженный деятель искусств Республики Беларусь, профессор Виктор Антонович Войтик ведет класс композиции в Белорусской государственной академии музыки. Пишет новые произведения. Увлечен общественной работой, возглавляя Минское городское отделение БСМД.

«Судьбоносное» опоздание

В детстве он едва не угнал паровоз. Немудрено! Кто-то, как говорится, вырос на земле, кто-то — на асфальте, а Виктор Войтик, по его же словам, «вырас на рэйках». Семья жила в Гродно, отец был железнодорожником, дом стоял недалеко от путей — стоит и до сих пор, и там планируется разместить музей истории гродненской «чыгункі». Любимая книга детства нашего героя, конечно же, — «Міколка-паравоз». А история с угоном? На самом деле это было просто маленькое приключение любознательного мальчишки. Улучив момент, Витя забрался в кабину маневрового локомотива, вообразив себя машинистом, принялся на что-то нажимать, что-то крутить — до тех пор, пока тяжелая стальная машина не дрогнула и не сдвинулась с места в западном направлении... К счастью, отец

был неподалеку. О случившемся вспоминали полушутя-полусерьезно: вовремя остановил, а то мчался бы паровоз до самой Польши!

На этой станции Виктор Войтик испытывает необъяснимую, какую-то генетическую связь с далекой историей своей семьи. Именно сюда в начале Первой мировой войны подгоняли вагоны, чтобы вывезти местное население далеко за Урал. Кричащая, плачущая, мятущаяся толпа на перроне; паровозные гудки; облака дыма... Так уезжала и его бабушка Эмилия. На время эвакуации ее, как и многих других белорусов, поселили в Уфе. Здесь ее настигла беда: умер муж, осталась с четырьмя детьми на руках. Тешила себя мечтой о возвращении на родную землю. Волею судьбы среди беженцев оказался овдовевший мужчина с тремя малолетними детьми — земляк с Гродненщины по фамилии Войтик. Товарищи по несчастью решили держаться друг друга. Ну, а домой они возвратились уже одной семьей. Но сказка про долгую счастливую жизнь опять не сложилась: бабушка Эмилия похоронила и второго своего мужа. Поднимать семерых детей довелось в одиночку.

«Отец рос в многодетной семье, рано потерявшей кормильца, и знал, что значит обездоленное детство. Тянулся к знаниям, хотел учиться музыке. Как Сымон-музыка, вслушивался в мир звуков, мечтал играть на скрипке. А семья жила бедно, экономить приходилось на всем. На рынке среди торговцев он приметил еврея, продававшего маленькую скрипку и даже воспроизводившего на ней какие-то звуки. Ее можно было выменять на два-три яйца. Мальчик не разбирался в инструментах и не понимал, что скрипка та — всего лишь игрушка. Чтобы получить ее, готов был на все! Он стащил яйца из домашних припасов, потом все-таки признался матери, но она не наказала, а разрешила поменять «харч» на скрипку. Отец рассказывал, как был счастлив, когда спешил домой, прижав скрипку к груди: от ярмарки до деревни — пять километров, но он даже не присел на подводу, летел как на крыльях. Но «недолго скрипочка играла»: она же была игрушечная, сделанная, по-видимому, из папье-маше, и просто развалилась.

С юных лет отец привык много работать, но образование для него всегда было на особом счету. Окончил вечернюю школу, техникум. Только всегда сожалел, что мечта учиться музыке так и не сбылась. И, как это часто бывает с теми, кто недополучил чего-то в детстве и не смог реализовать свою мечту, мой отец поставил перед собой цель: дать достойное воспитание и хорошее образование собственным детям. Он очень заботился о разностороннем гуманитарном развитии и меня, и сестры. Приучил нас ходить на концерты академической музыки. Покупал билеты и шел вместе с нами. До сих пор помню, как приезжал из Минска Государственный симфонический оркестр под управлением знаменитого дирижера Виктора Дубровского, играл в парке: это была классика, высокая, но доходчивая, популярная классика. И отец увлеченно слушал ее вместе с нами. А еще в нашей семье все пели. Особенно отличались мама и три ее сестры: семейные праздники всегда были украшены их пением. Причем здесь я слышал много необычных белорусских народных песен. Запоминал. И то, что транслировалось по проводному радио, тоже запоминал. Взрослые, когда собирались попеть и вдруг забывали какой-нибудь куплет популярной в то время песни, сразу обращались ко мне: я знал все слова. По просьбам соседей «надиктовывал» тексты популярных по тем временам песен. Сам я тоже «давал концерты» — пел с пяти лет.

И есть в биографии нашей семьи такая страничка. В 1945—46 годах в Гродно базировался хор под управлением Рыгора Ширмы. Мама пела прекрасно и, узнав, что в этот коллектив объявлен набор, пошла на прослушивание. Ширма ее принял в хор, мама серьезно занялась пением, начала изучать репертуар, но стать артисткой будущей капеллы не довелось. В 1947 году родители ждали моего появления на свет, и в это же время хор готовился к переезду на новое место работы — в Минск. Родители же, несмотря на, казалось бы, заманчивую

перспективу, не согласились уезжать из Гродно. Разумеется, в те времена отец нашел бы для себя достойную работу и в столице. Причина отказа была во мне. За год до моего рождения родители пережили большую трагедию: потеряли первых двух своих детей. Покидать родные стены и обустраивать быт в незнакомом городе с нуля, рискуя здоровьем и жизнью третьего ребенка, — об этом не могло быть и речи! Так что мама посещала хор до самого его отъезда, но от приглашения продолжить работу в Минске отказалась».

Вопрос о переезде семьи из Гродно возник еще раз, когда Войтик-старший получил диплом и должен был прибыть по распределению к месту будущей работы. Его сначала направляли в Воркуту, затем во Фрунзе — нынешний Бишкек. В конце концов, разрешили остаться в Гродно. Кстати, много лет спустя Войтику-младшему также было предложено поработать в киргизской столице. Но до этого столько всего произошло...

Стоит ли лукавить и говорить, что Виктора Войтика ждала в родном городе замечательная музыкальная школа, если его там на самом деле не ждали? Он... опоздал. Перед началом учебного года отец свозил Витю в Москву. Наш герой, переполненный потрясающими впечатлениями, настраивался на новое событие: наконец-то его запишут в музыкальную школу! А тут такая незадача: экзамены уже, оказывается, прошли, очередной набор учеников завершен. И, как выяснилось, опоздал он не только на вступительное прослушивание. Мальчику шел десятый год, а обучаться игре на скрипке (ведь именно этого хотел его отец!) следовало начинать тремя, а то и четырьмя годами раньше.

Но юного меломана все-таки прослушали. Директор школы Николай Гильдюк (к слову, его сын, Юрий Гильдюк, — ныне известный пианист, профессор Академии музыки, художественный руководитель Белорусской государственной филармонии) лично убедился в музыкальной одаренности Вити Войтика. А когда попросил что-нибудь спеть, тот, растерявшись от избыточности собственного выбора, затянул суровую русскую песню из репертуара хора имени Пятницкого: «Ревела буря, гром гремел...». Экзаменуемый до единого слова знал все ее многочисленные куплеты, готов был петь и петь, если бы не остановили...

Витя Войтик в Московском кремле. 1956 год.

Чтобы не откладывать обучение до следующего набора и не терять еще один год, отец талантливого мальчика и директор ДМШ стали искать компромисс. Для начала решили выбрать специальность. Поскольку скрипка отпадает, может, попробовать учиться на виолончели? Но для этого инструмента малышу не хватало роста: потом, с годами, он вытянулся, а тогда был довольно субтильным, даже

выглядел младше своих сверстников. В таком случае, может быть, — кларнет? Отец не принял этот вариант категорически: звучание солирующего кларнета для него ассоциировалось почему-то не с академическим искусством, а с игрой на местечковых свадьбах. Тогда уж лучше баян.

«Но и с баяном не обошлось без сложностей. Инструмент популярный, классы укомплектованы, педагоги перегружены. Из разговора отца с директором я понял, что есть в школе «один педагог», он тоже загружен, но все-таки надо попробовать к нему обратиться: может быть, возьмет еще одного ученика. Я чувствовал себя каким-то... «старым и лишним». Горел от стыда: надо же, из-за моего опоздания будут беспокоить этого «одного педагога», просить, чтобы он меня принял в свой класс, где и без меня хватает ребят... Тем «одним педагогом», взявшимся за мое обучение, оказался Евгений Константинович Петрашевич. До сих пор мы поддерживаем прекрасные дружеские и творческие отношения.

Если бы не он, мой первый учитель, то жизнь в музыке у меня сложилась бы, наверное, по-другому. Как творчески, увлекательно преподавал Евгений Константинович! Ведь еще до распространения известной системы Дмитрия Кабалевского по музыкально-эстетическому воспитанию детей наш педагог работал как новатор: он играл с нами в музыку. Вместе с нами, в унисон, как старательный начинающий школьник, он повторял бесхитростные пьески, чтобы мы учились чувствовать и держать ритм; благодаря именно ему я стал вникать в музыку и вскоре уже мог аккомпанировать на баяне по слуху.

Притом Петрашевич, стремясь в каждом своем ученике воспитать музыканта, не ставил задачу «сделать» из нас непременно баянистов. Оказалось, что сам наш необыкновенный учитель мечтал стать композитором! Сегодня он в числе замечательных и почитаемых людей Гродненщины, известный композитор-любитель. Получить профессиональное образование в этой сфере ему не довелось. Некоторое время учился в Минске, в музыкальном училище. Был знаком с Евгением Глебовым, брал у него уроки композиции. Общался с маэстро Борисом Райским — руководителем оркестра Белорусского радио. Был принят в консерваторию, в класс композиции Николая Аладова. Написал «Интермеццо» для солирующего кларнета с оркестром, которое привлекло исполнителей, было записано в студии радио и прозвучало на всю страну. Занимаясь этой партитурой, Петрашевич не успел сделать то, что требовалось от него как студента. Он принес Аладову ноты своего триумфального сочинения, надеясь, что их зачтут как успешно выполненное учебное задание. (Принес бы и запись, прозвучавшую в эфире, но при тогдашней технической оснащенности это было невозможно.) Доказать, что он не бездельничал, не удалось. Профессор был возмущен, счел, что задание не выполнено, время потрачено не на то, что нужно, и с таким студентом он в дальнейшем не найдет общего языка. Петрашевич, пытаясь отстоять свою профессиональную пригодность, попросил перевести его к другому преподавателю. Ему сказали: «Пожалуйста, если кто-то согласится взять вас к себе в класс». Сегодня подобные ситуации вполне разрешимы. А в то время существовало что-то вроде круговой поруки между педагогами: если один отказался работать со студентом, то и остальные не будут. Евгений Константинович был вынужден покинуть консерваторию.

*Я не единственный, кого Петрашевич увлек и музыкой, и своей мечтой. Вместе во мной в его классе учился Леня Захлевный (*теперь народный артист Беларуси, композитор Леонид Захлевный известен как художественный руководитель ансамбля «Бяседа». — **С. Б.**). *Мы, одногодки, быстро сдружились. Окончив школу, дружно подали документы в Гродненское музыкально-педагогическое училище. А потом, получив там дипломы как баянисты, вместе подались в Минск, поступать в консерваторию. Поступили. Но не на баян, а на композицию (для моего отца это была неожиданная, сногсшибательная новость). И оба мы попали в класс профессора Анатолия Васильевича Богатырева».*

Этому не научишь

Судьба подарила Виктору Войтику немало встреч и событий, которые сблизили и породнили его со сложным и многообразным творческим миром. Общаясь и участвуя, наблюдая, слушая, сравнивая и сомневаясь, наш герой приобретал опыт, позволявший по-философски воспринимать парадоксы художественной жизни, размышлять о тонкостях и ценностях в искусстве и в человеческих взаимоотношениях, задумываться над проблемами культуры современного белорусского общества, вникать в глубины отечественной истории.

«Мой профессор Богатырев говаривал так: «Музыка в человеке — от Бога, и у каждого она своя. И думать, что в классе композиции наставник научит писать музыку, — заблуждение. Мы не учим писать музыку». Не по этой ли причине от некоторых уважаемых моих коллег можно сегодня услышать: мол, занятия в классе Богатырева ничего не давали. Я так не скажу никогда! Каждый его урок давал бесценный опыт общения с уникальной личностью — а ведь это важно и нужно не для праздного интереса, это просто необходимо для развития молодого творческого человека. И еще он рассуждал так: «Раз уж взял на себя ответственность за студента, то должен помогать. Он, возможно, и не станет композитором, но даже в таком случае он должен быть образованным человеком».

Анатолий Васильевич берег внутреннее достоинство каждого, кого взял в свой класс. И если чувствовал профессиональную беспомощность студента, старался спасти его сочинение, что-то дописав, но настолько тактично толковал эту ситуацию! Мол, дописываю, потому что изложенное в нотах может быть определенным образом продолжено... Богатырев умел увидеть и предвидеть, на что способен его начинающий коллега. У меня тоже не все идиллически складывалось. На третьем курсе написал «Сюіту ў старадаўнім стылі» для цимбал и камерного оркестра — многие поздравляли, никто не спорил. А были ведь и сочинения, о которых Богатырев говорил: «Бросьте вы это, не продолжайте!» В какой-то момент я даже хотел вообще композицию бросить и сменить специальность — перейти на музыковедение, вел уже и переговоры об этом. А Богатырев не отпустил, удерживал очень трогательными аргументами: «Имейте в виду: музыковеды — это те, кто не любит живую музыку. Они же ее препарируют!» Кстати, профессор часто и в свое удовольствие играл нам выдающиеся произведения классиков. Потом убирал руки с клавиатуры, откидывался на спинку стула и долго смотрел в потолок, переводя дыхание. И произносил: «Вот это — музыка, а мы...»

(Стоит, пожалуй, уточнить, что Анатолий Богатырев прекрасно играл на фортепиано с детства. Заниматься музыкой начал с восьми лет под руководством выпускницы Петербургской консерватории Татьяны Кох, а также Евгении Шуман — племянницы гениального немецкого композитора, переехавшей из Петербурга. Тому, что Анатолий Васильевич был воспитан на лучших образцах классического искусства, поспособствовала не только атмосфера в семье, но и насыщенная художественная жизнь в его родном Витебске. Здесь работала народная консерватория, был симфонический оркестр, которым руководил выдающийся дирижер Николай Малько. В городе появлялись афиши с именами всемирных знаменитостей: Сергея Рахманинова, Александра Зилоти, Антонины Неждановой, Айседоры Дункан, Леонида Собинова, Пабло Сарасате... А в дом Богатыревых захаживали многие творческие люди, в их числе — Иван Соллертинский, Казимир Малевич, Марк Шагал. Хозяйка дома брала уроки вокала у жены Малько — Ольги Степановны, бывшей солистки Мариинского театра и, между прочим, воспитанницы Полины Виардо. — **С. Б.**)

«Великая мудрость в том, что наш педагог всем дал возможность развиваться и сохранить свою индивидуальность, оставаясь такими, какими пришли в этот мир, не пытался перестроить «под себя», не ломал «через колено».

Не потому ли у Богатырева все ученики, а это несколько поколений, такие разные? Не потому ли мы друг другу не мешаем, найдя собственное место в творческом пространстве? Но если бы все были «под Богатырева» научены, были бы между нами и свары, и стычки, потому что — прямо по закону физики! — одинаковые не могут находиться рядом, постоянно ударяются друг о друга и отталкиваются...

А взгляд Богатырева на историю? Это был живой взгляд. Он родился в 1913 году и прожил ровно 90 лет. Многое знал из предвоенных времен — то, о чем нигде не прочитаешь даже сегодня. Он лично знал и хрестоматийных белорусских литераторов, и тех, чьи имена начали открываться новым поколениям читателей только во второй половине XX столетия, с наступлением в советском обществе так называемой «оттепели». Когда на очередном уроке я показал свое произведение, написанное на стихи Владимира Дубовки, Анатолий Васильевич был удивлен: а где вы нашли стихотворение Дубовки? И порадовался, что поэт реабилитирован, что снят запрет на публикацию его творчества и оно стало доступным широкому читателю. Богатырев рассказывал и про Дубовку, и про выдающегося белорусского певца, признанного в Европе, блиставшего даже на итальянской оперной сцене, — Михася Забейду-Сумицкого. И про других замечательных литераторов, артистов, чьи имена были на долгие десятилетия вычеркнуты из нашей культуры. А ее исторические и современные проблемы по-своему раскрывались в этих рассказах.

Вспоминая свой родной Витебск, он добавлял, может быть, и какие-то бытовые, но выразительные, красноречивые штришки к пониманию прошлой жизни Беларуси, общей исторической ситуации. Воспитанные в коммунистическом духе, мы не сомневались, что до революции все белорусы бедовали, были забитой нацией. А Богатырев рассказывал о нашей интеллигенции, аристократии, о происходившем в белорусских усадьбах. Не полемизировал, а просто рассказывал, хотя тогда про это все-таки было не принято говорить даже в узком семейном кругу. Нас учили, что только благодаря советской власти белорусы получили возможность учиться и «выходить в люди». А Богатырев рассказывал другое и подчеркивал, что прадед его работал на земле, в деревне, а отец получил прекрасное образование, занимал положение уважаемого человека и мог себе позволить содержать прислугу».

(Позволю себе еще один экскурс в биографию Богатырева, тем более что и мне когда-то довелось ощутить уникальную прелесть его бесчисленных устных воспоминаний. Итак, согласно семейному преданию, прадед Анатолия Васильевича, происходивший из городокских земель (Витебщина), был богат восемнадцатью детьми. Сменил доставшееся от предков прозвище «Багацька» на фамилию «Багатыроў». Впрочем, что «Багацька», что «Багатыр» — в белорусском языке это синонимы, означающие статус человека зажиточного, солидного, богатого. Да только по иронии судьбы младший из Богатыревых сыновей остался без наследства и потому подался в город — на пролетарский хлеб. Это был дед Анатолия Богатырева — Дмитрий Петрович. В Витебске у него появилась собственная семья, и Дмитрий Петрович сыну своему, Василию, смог обеспечить прекрасное образование. Таким образом, отец композитора Богатырева закончил Витебскую духовную семинарию, затем — Петербургский университет. Блестящий знаток русской литературы и латыни, Василий Дмитриевич преподавал в гимназии. Согласно еще одному семейному преданию (а может быть, и факту, ставшему предметом особой гордости), Наталья Евстафьевна, мама будущего композитора, посещавшая церковный хор, занимавшаяся вокалом с Ольгой Малько и славившаяся своим певческим голосом, получила приглашение в американский театр «Метрополитен-опера»... на работу в качестве солистки! А какими удивительными событиями с малых лет была наполнена жизнь самого Анатолия Богатырева — отдельная история. — **С. Б.**).

«Разумеется, профессор жил не только своим прошлым. Он выписывал белорусские литературные журналы и, ожидая в классе прихода студентов, мог увлечься свежим номером «Полымя» или полистать «Нёман». Внимательно относился к интересам своих учеников, к тому, что мы читали, что выбирали в качестве литературного сюжета или поэтического текста для своих сочинений. Если его привлекали какие-то незнакомые строки, Анатолий Васильевич отмечал для себя имя автора и следил за новыми публикациями, находил в них материал для будущих вокально-симфонических или хоровых сочинений. Я выписывал «Маладосць», просматривал поэтические подборки в газетах... У нас, можно сказать, происходил взаимообмен литературно-исторической и художественной информацией, новостями».

После окончания альма-матер Виктор Войтик поступил в ассистентуру-стажировку Московской государственной консерватории — в класс заведующего кафедрой композиции, народного артиста РСФСР, профессора Альберта Лемана. Когда обучение в Москве завершилось, молодому коллеге, который к этому времени был уже в рядах Союза композиторов БССР (а в сущности, единого СК СССР), предложили довольно широкий выбор места дальнейшей работы.

«Впечатляющая получалась география. Это и столица Киргизии, которая тогда называлась Фрунзе и в которую много лет назад «распределяли» моего отца. И Таджикистан. И главный город в Татарской АССР — Казань. И Петрозаводск — очень серьезное место, т. к. там находится филиал Ленинградской консерватории... Да и в самой Москве была возможность остаться и получить прописку. Но я осознавал себя белорусским композитором, и в этой обширной всесоюзной географии ничего дороже Минска для меня не было. Вернулся в Беларусь, приобщился к работе Союза композиторов, который был тогда совсем немногочисленным — кажется, в нем не было и шестидесяти человек. И в основном — наши хрестоматийные личности, которым было под восемьдесят. Аладов, Тикоцкий, Лукас, Подковыров... Они продолжали писать, но то, что у них получалось, мы воспринимали как нечто давнее, уже свершившееся в искусстве. Активно работало поколение тех, кому под восемдесят сегодня: Смольский, Лученок, Мдивани, Кортес... Мы были на десяток лет моложе и очень ответственно задумывались о том, чем же сами будем заниматься в музыке».

Создавая свой круг

Тому, что от Бога, что достается от природы и дается судьбой, научить невозможно. Но, конечно же, есть многие сопутствующие вещи, которым учат. Старшие — младших, просвещенные мудрецы — амбициозных дилетантов, мастера — новичков. Учат сознательно и незаметно. К этому сегодня стремится в своей педагогической деятельности и профессор Войтик. Ведь все, кто дорог нашему герою как наставники, учили его незаметно: без риторичных увещеваний, с чувством такта, в беседах, в процессе творческой практики.

«Завучем Гродненского училища, когда мы с Леней Захлевным туда поступили, был заслуженный деятель культуры БССР Адам Чопчиц. По совместительству он руководил народным ансамблем песни и танца «Нёман», известным далеко за пределами Беларуси. Руководителем оркестровой группы этого коллектива работал Евгений Петрашевич, школьный наш педагог по классу баяна. Они привлекли нас в этот коллектив, но чтобы играть в оркестре, пришлось и мне, и Лене освоить балалайку.

Почему я четыре года ходил в «Нёман», хотя это была огромная нагрузка к занятиям в училище? Наверное, не хотелось болтаться по вечерам лишь бы где. А маме было так отрадно, что ее сын-подросток занят хорошим делом и проводит неурочное время в кругу достойных людей. К тому же — очень тонкий момент — ансамбль находился в том самом здании, где до переезда в Минск

размещался хор Ширмы, в котором она когда-то пела. А вообще-то, впервые попав на репетицию «Нёмана», я был потрясен отношением артистов-любителей к ансамблю — тех, кто в каком-то воодушевленном, трепетном настроении шел петь, танцевать, отработав смену на тяжелом производстве. И руководители не щадили своих сил. Наблюдая за творческим процессом, вникая в то, как создается вокально-хореографическая композиция, как достигается гармоничный синтез всех ее разножанровых элементов, как складывается концертная программа, я узнал истинную цену этого труда. А сколько еще технических и организационных секретов творческой кухни увидел в закулисье оперного театра и Дворца профсоюзов, когда представители художественной самодеятельности Гродненщины приезжали в Минск с отчетными концертами, выходили на большую сцену! Это была богатая школа, давшая мне представление о том, какими усилиями делается праздник для зрителя, как рождается сценическое действо, какова здесь роль музыкальной драматургии».

Спустя годы Виктор Войтик стал заведующим музыкальной частью в нашем Государственном академическом драматическом театре имени Максима Горького. Проработал в сложной атмосфере этого коллектива без малого десяток лет. Работал Виктор Антонович успешно, ведь благодаря кругу своего общения уже был посвящен в жанровую природу театра, многое знал о законах сцены и закулисных традициях. В тот период композитор писал музыку к премьерам Горьковского театра, вообще же сотрудничал с драматическими и кукольными коллективами столицы, Бреста, Витебска, Гродно, Молодечно. (Со временем, опираясь на приобретенный опыт, он создал оригинальные произведения для минского детского музыкального театра «Сказка»: оперу «Вясновая песня», мюзикл «Прыгоды ў замку Алфавіт».)

«Новое окружение постоянно учило меня разбираться в нюансах театральной жизни. Мне открылся, например, профессиональный смысл полемичных реплик: «Это тебе не надо, а зрителю — надо», или наоборот: «Это тебе надо, а зрителю — не надо». Я стал внимательнее к театральным табу, суевериям и мелочам, пренебрегать которыми никому не советую. Иначе всякое может случиться. Однажды перед спектаклем «Вишневый сад» с участием народной артистки СССР Александры Климовой (в нем, кстати, звучала музыка Войтика. — **С. Б.**) *произошел скандал, который тут же дошел до директора. Климова всегда появлялась в театре заранее, чтобы не просто подольше посидеть в гримерке и войти в образ. Она приходила на сцену и настраивалась, обходя декорации. И терпеть не могла, если на площадке что-то еще не было готово к спектаклю и монтировщики стучали молотками. Но в тот раз произошло настоящее ЧП: актриса увидела, что в кресле, где будет сидеть героиня — ее Раневская!!! — устроился рабочий сцены...»*

Увы, жизнь вообще без курьезов не обходится. Работая в правлении Союза композиторов БССР, где в совсем еще молодом, комсомольском возрасте Войтик стал ответственным секретарем, а в 31 год был избран заместителем председателя, он переживал и наблюдал самые неожиданные ситуации. Пришлось однажды даже выслушать серьезную критику в свой адрес — за низкий уровень воспитательной работы в рядах творческой организации.

«Некий официальный товарищ взялся меня пропесочить в связи с тем, что наш очень известный тогда и уважаемый композитор, заслуженный деятель искусств БССР Дмитрий Каминский эмигрировал в Канаду. Дескать, это мое личное упущение как ответственного секретаря: «Композитор Каминский уезжает в Израиль, а вы должны были на него повлиять, принять воспитательные меры!» Я вынужден был возразить, что эмигрировал он в другую страну, но дело не в этом. А в том, что я вообще не принимаю подобный упрек на свой счет. Мне пока только 28, а Каминскому почти 70, он ровно на сорок лет старше меня: кто на кого может влиять в силу своего возраста, кто кого должен воспитывать?..

А вообще-то мне всегда больше везло на повседневное общение и сотрудничество с неординарными позитивными людьми. Вспоминая первые годы своей работы в СК БССР, я с особой благодарностью думаю о тогдашнем председателе Рыгоре Романовиче Ширме. Он по-отечески опекал меня, поддерживал в делах. С ним было интересно беседовать: историю знал не понаслышке, был знаком со многими легендарными деятелями белорусского «творчага асяроддзя». Поражал своей внутренней культурой, непоказной интеллигентностью, образованностью, умением расположить к себе. Радушен был даже в отношении к незнакомым людям. Помню, как открывалась дверь в союз, и кто бы ни появился на пороге, сразу же слышался распевный голос Рыгора Романовича: «Ой, заходзьце, госцікі дарагія!»

Как же давно это было! Тогда Виктор Войтик, приоткрыв символическую дверь в искусство, только-только появился на пороге творческой жизни, стремясь найти в ней свое место как современный белорусский композитор.

«Я входил в искусство, чувствуя и осознавая то, что в другой национальной сфере не мог бы работать. Но я понимал, насколько это ответственно: очертить круг тем и образов и заниматься собственным творчеством, стараясь не повторять уже сделанного до тебя. А тогда было время внимания к европейскому авангардизму, рядом, в Польше, происходили интересные творческие процессы, проводился крупный международный фестиваль музыкального искусства «Варшавская осень». Мы старались быть в курсе мировых тенденций, учились искать новое и держаться корней, сочетая традицию с экспериментом. Наверное, в этом историческая уникальность белорусской музыки: мы все время на распутье, «на раздарожжы», ищем свое и перенимаем, заимствуем какие-то всеобщие тенденции, мы хотим быть понятными для других, потому что хочется жить в согласии с миром. Иногда кажется, что нет другого такого народа, который настолько стремился бы, чтобы его поняли, ведь наши коллеги в других странах работают, не заботясь об этом, и убеждены, что их творчество понятно всем.

В пору своей молодости мы писали и думали, что наша музыка будет исполняться если не для всех, то для многих. Что она прозвучит на всю республику, наши произведения, наши имена будут знать, что всем или большинству будет интересно, над чем работают композиторы. Во всяком случае, у наших предшественников было так. Сегодня люди, занимающиеся или просто интересующиеся искусством, разбрелись по каким-то своим интересам, на клубном уровне...

Нашему поколению повезло в том, что государство способствовало формированию круга общения молодой интеллигенции, творческим знакомствам через семинары творческой молодежи. Благодаря этому мы до сих пор чувствуем определенную сплоченность как выходцы из одних лет. Наверное, что-то подобное испытала интеллигенция из поколения «шестидесятников». Мы пришли в этот мир позже, но все-таки еще были затронуты их духом, поэтому стараемся не терять творческую общность, продолжаем следить за деятельностью друг друга: увидев на афише не просто всем известное, а с юности знакомое тебе имя, идешь на спектакль, на выставку, на концерт. С творческого любопытства и внимания к достижениям друг друга, со взаимного интереса, простого общения или сотрудничества и начинала когда-то складываться наша среда... Поэтому сегодня, прочитав что-то примечательное в белорусской периодике, я рекомендую студентам: обратите внимание на это имя, поинтересуйтесь творчеством этого человека — возможно, знакомство с ним повлияет на то, как будет складываться ваша среда, ваш круг общения.

Жаль, таких явлений, на которые хотелось бы обратить внимание учеников, посоветовать, я замечаю все меньше. Может быть, не слишком внимательно слежу? Чаще задумываюсь о невосполнимых потерях. Никто не вечен, и — увы — уходят «адметныя», достойные искреннего уважения люди из времен

моей молодости. Те, кто последовательно, самоотверженно и скромно, не создавая шума и не размахивая лозунгами, трудился во благо белорусской культуры, ее возрождения, развития. Они сделали очень много позитивного, в отличие от крикунов, которые своей публичной трескотней и агрессивными поучениями, «как надо родину любить», не помогают укреплению национальной идеи в обществе, а лишь вносят разлад, и это страшно. Я видел разные ситуации в жизни и замечал, как общее созидательное дело может, к сожалению, разобщить людей. Так происходит, когда люди теряют мудрость. А мудрость в том, чтобы делать свое дело на своем месте и не поучать. Негоже поучать актеру — художника, композитору — поэта, «как надо». Поучения ведут к разладу, разлад провоцирует взаимные претензии, конфликты, они множатся, перерастают в бесконечное противоборство, от которого существование становится невыносимым и мирная жизнь тогда невозможна. В обществе, как, наверное, в каждой семье, бывают проблемы, недоразумения, спорные ситуации, просто трудные моменты, но во что превратится семья, если конфликтовать по каждому поводу, поучая, упрекая, обвиняя да еще напоминая о неприятных событиях минувших дней и лет? Благополучие, мирная перспектива и долголетие семейной жизни держатся на мудрости. Так и в творческой среде, и в любом обществе: зачем нужно вытаскивать на поверхность имевшие место конфликты, не лучше ли учитывать положительный опыт?

Вот и любовь к родине у каждого из нас проявляется по-разному. Кто-то любит «родны кут», считает свою деревню самым красивым и самым святым местом, радеет о ее благополучии. Кто-то готовит удивительные блюда по рецептам предков и с удовольствием угощает гостей. Моя сестра, переводчица с английского, увлекается искусством белорусской «выцінанкі», собрала уже целый альбом своих работ — для собственной радости. Кто-то любит путешествовать по стране, открывая богатый мир природы, а кому-то хочется досконально и от самых корней изучить историю Беларуси... Но если людей втянуть в спор о том, что же лучше для выражения патриотических чувств и воспитания любви к родине, они переругаются и станут врагами.

Я мечтаю проехать по Беларуси на своем автомобиле. Столько примечательных мест, где не бывал с юности, а еще больше интересных маршрутов, по которым я никогда не путешествовал. Я видел разные города в дальних странах, но не был в Пинске, Турове, и окрестности Минска для меня, в общем-то, — terra incognita, и на родной Гродненщине много незнакомых до сих пор мест. А как меняется даже давно знакомый ландшафт! Побывал в Лиде после того, как там провели «Дажынкі», — город настолько преобразился, что теперь туда можно привозить гостей. Наверное, после Дня белорусской письменности с трудом узнаю и Щучин. Постепенно возрождается историческая среда страны. При всех сложностях и недочетах сделано все-таки немало. Недавно показал своей 17-летней внучке две наши главные достопримечательности, впервые свозив ее в Мир и в Несвиж. Она увидела то, что есть сегодня. А тот, кто помнит, в каком состоянии находился Мирский замок — ведь это, без преувеличения, были руины, — может оценить масштаб воссозданного. Да и сохранившаяся резиденция князей Радзивиллов наконец-то приобрела достойный облик. А какая огромная работа проделана по музеефикации, чего стоило найти, собрать подлинное богатство, которое наполнило залы! Архитектурные ансамбли в Мире, в Несвиже — сегодня это уже и памятники культурного наследия, и объекты искусства. Каждый увидит в них свое. И кто-то испытает радость, восторг или даже потрясение. Кому-то захочется порассуждать о сделанном — с точки зрения исторической науки. Кого-то разочарует «декоративный новодел». Но, задумавшись об огромных капиталовложениях в реконструкцию важных культурно-исторических памятников, каждый мыслящий человек поймет, что без поддержки, без заинтересованности государства здесь ничего не получилось бы».

Обо всем этом Виктор Антонович тоже беседует со студентами, советуя им внимательнее вглядываться в жизнь, анализировать увиденное и услышанное, избегать поспешных и поверхностных выводов. Мир меняется, но прошлое не исчезает бесследно. И в искусстве, и в отношениях между людьми есть какие-то необъяснимо вечные основы, на которых держится и благодаря которым развивается жизнь. Творческому человеку необходимо подхватить и не потерять сакральную связь времен.

«Студентов я стараюсь воспитывать на том положительном опыте, который был у нас. Подчеркиваю, насколько важно содержательное общение, и говорю: вам суждено самим создавать свою среду, в которой будете жить, а со временем, возможно, вы сами начнете преподавать, воспитывать молодое поколение интеллигенции, поэтому очень важно как можно раньше почувствовать ответственность за свое окружение».

Музыка в союзе

Виктор Войтик творил и творит в согласии с собой и совестью. Этим и отличается от некоторых известных и даже именитых коллег, грешивших созданием помпезных ораторий, конъюнктурных песен, названия которых они потом собственноручно вычеркивали их списков своих опусов, просматривая корректуру новейших справочных изданий о Союзе композиторов. Его сочинения разного времени, в том числе лучшие работы студенческих лет, искренни, гармоничны, всегда заметны.

«Сюіта ў старадаўнім стылі» для цимбал и камерного оркестра, прозвучавшая в 1972 году свежо и неожиданно, как настоящее художественное открытие, стала уже классикой белорусской академической музыки XX века. Симфоническая сюита «Забавы» впечатлила некогда слушателя чередой по-театральному броских образов, отвечавших духу «новой фольклорной волны». Пьеса «Акварель» открыла неисчерпаемые колористические возможности цимбал в современной технике звукописи. Свежий штрих в хоровую культуру внесла кантата «Казацкія песні», написанная на народные тексты и посвященная Рыгору Ширме. Оратория «Памяць Хатыні» стала примером того, как пронзительно и без пафоса может говорить художник о традиционной для Беларуси теме незабываемой истории (на Всесоюзном конкурсе студентов-композиторов 1976 года Виктор Войтик был удостоен за эту работу звания лауреата I премии). Благодаря необычному драматургическому взаимодействию музыкальной интонации, вокального распева, ритмики стихов Геннадия Буравкина и Романа Тармолы сложилась трагическая повесть-реквием, словно услышанная в мистических голосах безвинных жертв войны...

Два из его многочисленных вокальных сочинений отличаются особой, гимнической торжественностью. В ту пору, когда народ нашей бывшей союзной республики, обретшей суверенитет, осмысливал статус молодой державы и готовился выбрать ее главный песенный символ из нескольких обсуждавшихся вариантов, Войтик написал патриотический гимн-кант («Купалаўскі кант») на собственный текст.

«Работа была инспирирована мощным подъемом национального духа начала 1990-х. Это был мой творческий отклик на провозглашение декларации о независимости Беларуси. Хотелось дать ответ на вопрос Купалы: «А хто там ідзе?» Поэтом себя никогда не считал, но могу кое-что зарифмовать, если необходимо, и такое случалось в моей практике. «Купалаўскі кант» был исполнен хором Белтелерадио под управлением Виктора Ровдо и записан на радио, но запись не сохранилась. Позже время от времени он исполнялся самодеятельными хоровыми коллективами. Как гимн для Згуртавання беларусаў свету «Бацькаўшчына» он прозвучал единственный раз — во время проведения в Минске между-

Среди наставников. Слева — Анатолий Богатырев, справа — Евгений Петрашевич.

народной конференции ЗБС. Похожая судьба и у песни-гимна для фестиваля национальных культур Беларуси. Ее я написал на стихотворение Сергея Панизника «Зямля бацькоў — краіна згоды». Гимн был официально одобрен и согласован. На первом фестивале его пели все участники вместе с Государственным народным хором под управлением Михася Дриневского. Этот же коллектив сделал и запись на радио. Но в дальнейшем сохранить традицию исполнения песни-гимна «Зямля бацькоў — краіна згоды» на этом празднике не удалось (меняются руководители-организаторы, режиссеры, и все найденное предшественниками быстро забывается)».

Не кто иной, а именно Войтик, бросая вызов жанровым стереотипам, написал изысканную симфонию для баритона, сопрано и инструментального ансамбля «Апошняя восень паэта», обратившись к стихам Поля Верлена в переводе Максима Богдановича. Именно на его Концерт «Маладая Беларусь» для цимбал с оркестром, эффектно исполненный солисткой Вероникой Прадед в большой филармонической программе из произведений отечественных композиторов, зал отреагировал овацией. Сценический темперамент и артистизм виртуозной исполнительницы, чья игра сиюминутно, в живом звучании, воплощает авторский замысел мастера, — это, безусловно, неотъемлемая часть успеха. Но разве не удивительно, с какой классической простотой и романтичной чистотой можно рассказать через музыку о своих надеждах, разочарованиях, тревогах, несбывшихся мечтах и... признаться в любви к родине!

Знающим творчество Виктора Войтика заметно его особенное, трепетное и креативное отношение к цимбалам. Предпочтение инструменту, который никак не влиял на формирование музыкальных интересов нашего героя — ни в детстве, ни в ранней юности, — конечно же, неслучайно.

«К цимбалам я впервые обратился в студенческие годы, когда в блестящем исполнении музыки композиторов-клавесинистов XVIII столетия, которую играл аспирант Евгений Гладков, я услышал новые выразительные возможности этого наидревнейшего инструмента, ощутив его всемирную культурную память и ценность. С той поры и на протяжении всей творческой жизни сотрудничаю с этим замечательным цимбалистом. По его предложению написал не только ряд произведений концертного репертуара, но и специальные сочинения для программы конкурса имени Иосифа Жиновича, а также много пьес и упражнений, которые были изданы под исполнительской редакцией Гладкова в педагогических целях. По его просьбе была создана и поэма «Беларусь — мая Атлантыда» для ансамбля цимбал, специально к IV Международному фестивалю современной музыки «Ростовские премьеры». Первичным условием фестиваля был показ традиционных народных инструментов в новом, современном облике. Родилась идея отразить мифологическую историю Беларуси и ее экзистенциальную сущность

через извечные звуки родной природы и через музыкальные напевы, вплетенные в исторический контекст.

Разумеется, любой музыкальный замысел композитора реализуется в союзе с исполнителем. Я всегда уважал исполнителей, бережно к ним относился. Стараюсь писать, избегая излишних технических трудностей. Это, кстати, была одна из профессиональных заповедей Анатолия Васильевича Богатырева».

Авторы музыки признательны всем, кто превращает их ноты в живой звучащий образ. Но с благодарностью говоря о конкретных исполнителях, белорусские композиторы непременно затрагивают общую проблему, касающуюся пропаганды их творчества. К сожалению, сегодня в обществе лишь от случая к случаю распространяются новости о том, чем живет отечественное профессиональное музыкальное искусство. Мало кто знает имена композиторов, работающих в сфере многообразной современной классической культуры. Об их достижениях, признанных на международных фестивалях и конкурсах, у нас почти не пишут и не говорят, их сочинения в проектах филармонического сезона воспринимаются как исключение из правил. Зачастую дирижеры формируют репертуар, исходя из личных пристрастий или конъюнктурных соображений, не осознавая свою ответственность перед национальной культурой. Получив должность художественного руководителя государственного оркестра страны в центре Европы, далеко не каждый маэстро радеет за искусство этой страны. Кто-то со спокойной совестью остается на позиции некоего «почетного приглашенного гастролера», у которого нет заботы о постоянном просвещении слушателя новинками современной музыки, нет активного интереса к творчеству белорусских композиторов, пишущих сегодня, а уж тем более — к наследию их предшественников. Можно ли рассуждать о почтительном отношении к белорусской культуре, если забываются не только музыка, созданная представителями ушедших поколений, но даже имена тех, кого принято считать основоположниками и классиками национальной композиторской школы? Нравится — не нравится, но это же часть истории нашего искусства...

О столетии со дня рождения профессора Богатырева широкая публика была осведомлена стараниями его учеников, коллег да немногочисленных родственников. В череде новостей прошла информация об открытии музея Анатолия Васильевича в родном Витебске. Композиторы Виктор Войтик, Леонид Захлевный и Олег Ходоско поделились воспоминаниями о своем легендарном наставнике в эфире Белорусского радио. Состоялся вечер вокальной музыки Богатырева в Камерном зале Большого театра. Одна из его пьес прозвучала в общей программе симфонического оркестра, приуроченной к 80-летию Белорусского союза композиторов. В разных регионах страны свой проект представили камерные коллективы Национального академического концертного оркестра Беларуси (впрочем, в их репертуаре отечественная классика, включая наследие XX века, занимает постоянное почетное место, получает свежее дыхание в современных интерпретациях, ежегодно исполняется на просветительских музыкальных фестивалях).

Все это происходило в 2013 году. И уже с опозданием, в последующем 2014-м, появилась афиша филармонии с анонсом долгожданного монографического юбилейного концерта. Дважды он откладывался, да так почему-то и не состоялся. А ведь даже за один вечер, при неравнодушном подходе, отметить столетие классика можно было солидно, красиво, современно, с аншлагом и положительным резонансом! (В таких случаях формируют оргкомитет по празднованию юбилея.) Разве сложно создать увлекательный сценарий, который отразил бы неординарные события, наполнявшие жизнь композитора-патриарха? (Между прочим, он любил полушутя заметить, что нынешняя белорусская композиторская школа ведет родословную от Николая Андреевича Римского-Корсакова: ведь сам Анатолий Васильевич, воспитавший не одно поколение «музыкальных детей», учился у профессора Василия Золотарева, который закончил Петербург-

скую консерваторию по классу Римского-Корсакова.) Разве не могли прозвучать в юбилейном контексте и оригинальные произведения, и креативные переложения, и новые аранжировки лучших страниц творчества Богатырева, которые дополнила бы музыка его великих кумиров, учителей и таких разных учеников?

Юбилей прошел, следующий не скоро. Тишина... Но неужели надо непременно ждать очередной круглой даты, чтобы разбудить слушателей, оживить их память, повернуть лицом к неповторимому художественному опыту соотечественников?

Каждый случай равнодушного, а по сути невежественного, отношения к историческим именам в коренной музыкальной культуре Беларуси огорчает многих ее деятелей, в том числе Виктора Войтика. Вот и заговорив о минувшем юбилее профессора Богатырева, я невольно настроила его преданного ученика на минорные воспоминания: кто бы мог подумать, что событие республиканского масштаба пройдет столь незаметно, словно корпоративный житейский эпизод...

«Действительно, чувствовалось какое-то безразличие, не было официального внимания к этой значительной дате, в организации празднования все как бы перешло на откуп музыкальным коллективам, отсутствовала реклама тех концертов и мемориальных мероприятий, которые состоялись. Столетие нашего учителя прошло на удивление тихо. Поэтому во весь голос надо ставить вопрос об отношении к белорусской культуре, вопрос о нашей общей культуре, о самоуважении, о памяти, об отношении к художественной истории, к наследию. Вспоминаю, как несколько лет назад я присутствовал на праздновании более скромной даты со дня рождения ведущего украинского симфониста, народного артиста УССР Евгения Станковича. Все было по-настоящему торжественно, при полном зале; выступил министр культуры Украины, творческие коллективы подготовили большой авторский концерт композитора... Это воспринималось как событие для страны. Подобных примеров немало. Кстати, наставник мой когда-то рассказывал, как в 1943 году, в разгар войны (Богатырев находился в эвакуации, занимался педагогической, творческой, музыкально-организаторской работой. — **С. Б.**) *он получил приглашение на торжественное заседание оргкомитета в связи с грядущим празднованием 100-летия со дня рождения Римского-Корсакова. Сталин не отменил даже решение издать по случаю этого юбилея все музыкальные и литературные труды композитора-классика. Печатать их начали в послевоенные годы, но подготовительная работа велась еще в пору войны. Несмотря на суровые условия, интеллигенция не бездействовала, и государство ее поддерживало. Вот такое было внимание к музыкальной культуре.*

Мы живем в другое время и в новой стране. Но, как это было везде и всегда, высокому искусству, настоящей, некоммерческой музыкальной культуре без государственной поддержки — не выжить. Тем не менее, в определенных ситуациях мы учимся больше рассчитывать на собственные силы. В каждом поколении, особенно среди молодежи, уже заметны те, кто начинает мыслить по-иному. Если бы еще не великая сила инерции в нашем обществе... Но, к сожалению, иждивенческий подход, уверенность в том, что кто-то придет и что-то для нас сделает, мешает и творчеству, и жизни.

Мне доводилось путешествовать и даже гостить в экономически благополучных странах. В Англии, например, поразило то, как люди заботятся о своей повседневной среде, о досуге, о развлечениях. Как они, к примеру, ухаживают за коммунальной территорией во дворах. Это делает не какой-то ЖЭС или «Зеленстрой», а сами жильцы домов. Каждая хозяйка несет ответственность за выделенный ей участок на общей клумбе, высаживает там цветы, ухаживает за ними, и в этих персональных посадках красуется табличка с ее именем: и почетно, и ответственно. Люди умеют организовать для себя праздник: нужно заранее договориться с хозяином паба, и он охотно выделит на определенный день один из залов, где можно провести концерт бардовской песни,

собраться на встречу с интересным гостем городка или устроить перформанс любительских ансамблей с веселыми маршами на свежем воздухе. Тут же готовятся кофе и чай, а кто-то приносит домашнюю выпечку. За скромное угощение принято оставлять деньги, которые затем идут на благотворительность. В нашем обществе такой самоорганизации не хватает. Ведь у нас даже на праздники люди в подавляющем большинстве приходят скорее как наблюдатели, потребители, нежели участники. Смотрят на происходящее, будто со стороны воспринимая праздник, оценивая то, что для них придумали устроители».

Подобные «потребительские традиции» существуют и в творческой среде. Виктор Антонович хорошо изучил их: с 1976 по 2002 год, избираясь на разные должности в Союзе композиторов, занимался неброской текущей работой, часто в ущерб времени, которое требовалось для творчества. И отношение коллег к своему профессиональному сообществу было для него небезразлично. Он, конечно, замечал: что бы ни происходило вокруг, а основная мотивация у композиторов и музыковедов, стремившихся вступить в союз, оставалась неизменной. А именно? Получение каких-то социальных привилегий, возможности приобретать путевки в дома творчества, выезжать на международные фестивали...

Союз музыкальных деятелей привлек нашего героя принципиальным отличием. Сюда люди приходят не с протянутой рукой: «Дайте!», а с конкретными предложениями, инициативами: «Давайте сделаем!»

Минская городская организация БСМД, возглавляемая Виктором Войтиком, — это, по его словам, весь костяк союза. Первичные звенья созданы в столичных творческих коллективах и музыкальных учебных заведениях. В их числе Национальный академический народный хор имени Геннадия Цитовича, Большой театр оперы и балета Беларуси, филармония, академия музыки и Республиканский колледж при ней, БГУ культуры и искусств, Минский государственный музыкальный колледж имени Глинки, некоторые ДМШ и другие профильные учреждения, с участием которых происходит множество замечательных культурных событий. К тому же все мероприятия союза в рамках Минска и республиканские акции, проводимые в других городах, не обходятся без энтузиазма столичной организации. А отчетные документы о проделанной работе складываются в нескончаемый список добрых дел.

Программы ко Дню города, Дню матери, Дню медицинского работника; «Шедевры мировой классики» — в Оршанской ДМШ; «Коляды», празднование Крещения — в Доме Москвы; «Дорогим женщинам» — накануне 8 Марта в ОАО «Белгазпромбанк»; «День святого Валентина» — во Дворце культуры Минского автозавода; спектакль музыкального театра «Сказка» — в пионерском лагере; встречи с любителями бардовской песни, с поклонниками романса; молодежные вечера, новогодние представления для детей, концерты в столичном Ботаническом саду, в Доме печати, в санаториях.

«Наша организация активно подключилась к Международному фестивалю старинной и современной музыки в Полоцке, к Республиканскому конкурсу вокалистов имени Федора Шаляпина, международному форуму детского и юношеского творчества «Стар-шоу». По собственной инициативе мы проводили мастер-классы корифеев белорусского искусства в городах, где есть музыкальные колледжи. А совместно с Министерством культуры и Министерством информации приобщились к ежегодной республиканской акции «Дарога да святыняў». Наши активисты Нина Загорская и Сергей Солохин заранее изучают маршрут экспедиции, чтобы мы могли командировать музыкантов-исполнителей к местам творческих встреч, концертов, литературных мероприятий.

Кстати, о нашем неразрывном союзе с литературой напомнила встреча, состоявшаяся в Государственном музее Янки Купалы в 2012 году. Я занимался подготовкой этого тематического проекта, приуроченного к юбилею классика и названного «Янка Купала — выток паэзіі і музыкі». Получилась удивительно

теплая, трогательная встреча двух муз, продлившаяся сверх запланированного времени. Пришли молодые поэты, студенты, многих увлекла наша программа, захотели выступить, почитать стихи.

Год назад по нашей инициативе состоялся конкурс юных композиторов имени Юрия Семеняко, председателем жюри была заведующая кафедрой композиции БГАМ Галина Горелова, также представительница Союза музыкальных деятелей. Еще одно примечательное событие — фестиваль памяти нашего выдающегося хормейстера Виктора Ровдо, который мы планируем сделать традиционным. Программа включала разноплановые концерты хоровой музыки в Национальном художественном музее, в храме Всех Святых, заключительный вечер прошел в столичном Клубе имени Дзержинского, где участвовали не только минские коллективы.

Кроме того, не забываем поздравлять и чествовать наших юбиляров, проводим их творческие вечера, концерты; товарищам по союзу, нуждающимся в материальной поддержке, стараемся помочь по мере своих скромных возможностей.

Наш актив — это и Ассоциация молодых белорусских композиторов БСМД, которой руководит Константин Яськов, мой ученик. В студенческие годы он был стипендиатом специального фонда Президента Беларуси по поддержке талантливой молодежи. Когда учился на 3-м курсе, стал лауреатом международного конкурса. Я посоветовал Яськову вступить в БСМД, куда принимают людей с определенными творческими заслугами, готовых предложить профессиональному сообществу интересные идеи. К работе в союзе он сумел привлечь единомышленников. И сегодня Ассоциация молодых белорусских композиторов известна слушателю совместными проектами с капеллой «Сонорус» под управлением молодого дирижера Александра Хумалы, а также проведением во внутреннем дворе Мемориального музея-мастерской скульптора Заира Азгура open-air концертов «Кинемо» — летнего фестиваля немого кино и современной живой музыки. Привлек внимание и проект «Калаўрот», в котором сочетаются натуральная, традиционная народная основа и современные обработки. Эта совместная работа с молодежными фольклорными коллективами БГУ культуры и искусств, со студентами академии музыки была неоднократно показана публике в Минске и Витебске. На счету ассоциации также творческие международные контакты, встречи с коллегами из других европейских стран, сотрудничество с Польским институтом в Минске. Ассоциация вовлекает в свою деятельность не только молодых композиторов, но и музыкантов-исполнителей, что соответствует духу нашего союза».

А что насчет союза с публикой? Организовать аудиторию и завоевать ее расположение с каждым годом все сложнее. Тот, кто воспитан на классике, безусловно, сам купит билет в кассе и придет на концерт в филармонию. Но в обществе, где нет системы гармоничного эстетического воспитания и музыкального просвещения, а есть «план по зрителю» и проблема заполняемости залов, для распространения билетов — даже бесплатных пригласительных — приходится задействовать так называемый административный ресурс. Привлечь публику в зал помогают профсоюзы.

«В коллективах предприятий и учреждений, в профсоюзных организациях мы находим понимающих партнеров и настоящих друзей большого искусства, очень благодарны им за поддержку. Но у нас, оказывается, есть нешуточные конкуренты! О такой поддержке частенько просят и «поп-звезды», которые в интервью утверждают, что своими сольными шоу могут стадионы собирать, а реально в течение месяца не удается продать через кассу и десятка билетов на такой концерт, причем даже если у исполнителя есть определенное признание на эстраде и круг поклонников.

Многие из тех зрителей, кого приглашаем в зал мы, впервые попадают в атмосферу живой классики. Но если придет 10—15 «новичков» с пред-

Заслуженный деятель искусств Беларуси, профессор Виктор Антонович Войтик в классе Академии музыки. Сентябрь 2015 года

приятия, это уже хорошо. А завтра их придет больше. Потому что реакция на выступления наших музыкантов всегда положительная, люди с удовольствием начинают ходить на концерты, пишут искренние благодарности. У нас есть и свои постоянные адреса музыкальных встреч, где уже сложился круг слушателей и куда нас приглашают. Поэтому проблема, наверное, в том, как «заманить» зрителя в зал, а уж наши замечательные мастера классического жанра постараются, чтобы их запомнили и пришли на новую программу.

Роль Белорусского союза музыкальных деятелей невозможно переоценить. Это очень нужная организация. Я по-прежнему состою в Союзе композиторов, но с сожалением замечаю, что он утратил многие свои функции, а мог бы играть более существенную роль не только в нашей сугубо профессиональной, «цеховой» жизни, но и в культурной жизни общества, страны. Союз музыкальных деятелей ценен тем, что здесь непосредственно в контакте работают и создатели, и исполнители музыки, солисты, руководители творческих коллективов, музыканты-педагоги, исследователи, критики. Все мы здесь — вместе, вот что важно!»

Пишем, слушаем, слышим...

Накатило на душу — взял да написал вот это; не хочется, нет настроения — не пишу вообще. Грустно стало — сяду, поиграю ради удовольствия, а могу и позволить себе неделями не прикасаться к инструменту... В отличие от любителей, профессионалы не вправе полагаться на вдохновение и зависеть от его капризов. Профессионал должен работать постоянно. В этом поможет и союз, объединивший представителей всех музыкальных специальностей — очень разных людей, которые «носят в себе музыку». Именно такой союз — через творческое взаимодействие своих структур, а главное, через постоянное внимание всех ко всем и друг другу — дает постоянную поддержку людям искусства, дает профессиональному искусству жизнь.

Приблизительно в таком духе завершали мы недавний наш разговор с Виктором Войтиком о главном предназначении содружества белорусских музыкантов. Вывод прост: уникальный творческий союз, поддерживая профессионалов, обеспечивает жизнь искусству. Интересно, что добавил бы наш герой, поразмыслив еще и о собственной профессии? Но расспрашивать я не стала. Вопрос неуместен, когда в парадоксальных рассуждениях маэстро уже находится искомый ответ...

«Композиторы для меня — это те, кто прочертил траекторию в будущее. Это те великие классики, которые жили до нас. Они были первыми, они — тво-

рили. А мы — это уже скромные наследники их открытий и достижений, трудящиеся в сфере музыки. Радуюсь успехам коллег, даже если наши взаимоотношения не назовешь приязненными. А уж если успехи делает мой ученик... Педагогическая деятельность — это для меня наивысшее наслаждение, и за студентов переживаю, как за своих детей! Если они добиваются значительных достижений, то у меня — словно от души отлегло. Он достиг, он смог, у него получилось — значит, я могу уже это не делать, потому что уверен: если мой ученик справился, то он выполнил задачу лучше, чем смог бы я.

Но в любом искусстве главное не то, что увидишь, а что представишь, вообразишь. Я и студентам говорю: музыка не то, что вы слышите, а то, что представляете. Воспринимая музыку, слушатель на самом деле строит свою конструкцию и выстраивает свой мир. Я могу только договариваться со слушателем, помечая, определяя, ориентируя на то, что известно просвещенному человеку, но все же последнее слово — за слушателем. Это как в кино. Сценарий, который приносит автор, по-своему увидит режиссер, по-своему — актер. Но только то, что вообразит сам зритель, будет окончательным впечатлением, которое сформирует его чувства и мнение, как бы ни высказался по поводу своей концепции создатель фильма, как бы про него ни написали.

Я сегодня музыку ощущаю по-своему и студентов учу не музыку писать, а разговаривать со слушателем. В этом моя наивысшая задача. Меня самого учили быть прежде всего талантливым слушателем, приобщаясь к музыке прошлого. Можно и сегодня написать полонез и мазурку, но танцевать их в быту никто не будет, а значит, надо делать расчет на то, что может представить себе слушатель незнакомой музыки, если у него, разумеется, есть соответствующая культура.

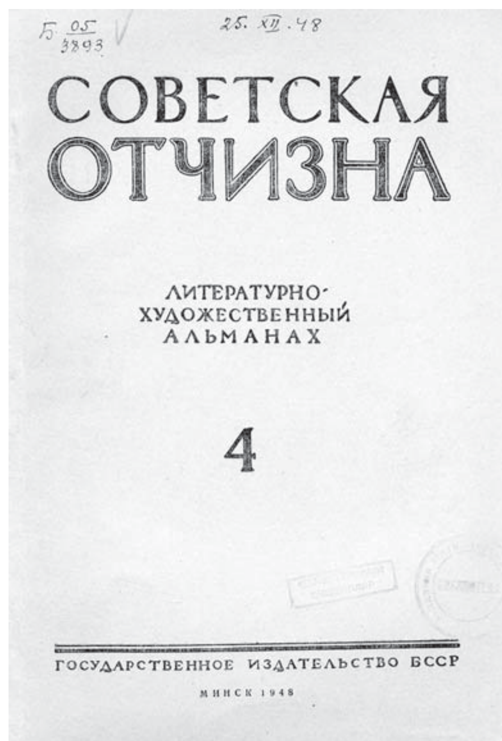
Главные приоритеты моего творчества определяет сознание личной ответственности за свою работу и судьбу профессиональной музыкальной культуры в Беларуси. Этим я полностью обязан воспитанию, полученному в пору обучения в классе Анатолия Васильевича Богатырева, и, как ни странно, — продолжению своего обучения в Московской консерватории. Именно там национальное музыкальное своеобразие всячески поощрялось, а студентам из советских республик настойчиво внушали мысль о том, что они — представители своего народа и должны высокопрофессиональным трудом служить культуре своего народа...

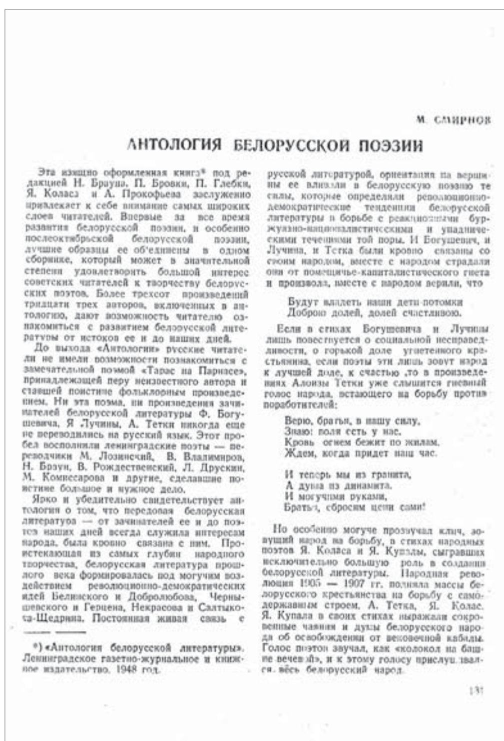
Мне 68, скоро 70. Что поделаешь, мой земной век и время моей творческой активности делаются все короче, но... Но продолжение словно уходит вглубь! Теперь я, современник собственного прошлого, начинаю по-особому ощущать себя во времени. Во времени, которое словно расширяется, когда я наблюдаю, как обновляется жизнь вокруг, и чувствую какую-то собственную причастность к этому; когда знания и представления о далекой истории, почерпнутые мною из чьих-то рассказов и книг, превращаются в мистические образы моих собственных воспоминаний. Я ощущаю себя как... молодой столетний человек. Не в этом ли радость и мудрость жизни?»

Светлана БЕРЕСТЕНЬ

Фото автора и из архива Виктора ВОЙТИКА.

М. СМИРНОВ

АНТОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ

Эта изящно оформленная книга*) под редакцией Н. Брауна, П. Бровки, П. Глебки, Я. Коласа и А. Прокофьева заслуженно привлекает к себе внимание самых широких слоев читателей. Впервые за все время развития белорусской поэзии, и особенно послеоктябрьской белорусской поэзии, лучшие образцы ее об'единены в одном сборнике, который может в значительной степени удовлетворить большой интерес советских читателей к творчеству белорусских поэтов. Более трехсот произведений тридцати трех авторов, включенных в антологию, дают возможность читателю ознакомиться с развитием белорусской литературы от истоков ее и до наших дней.

До выхода «Антологии» русские читатели не имели возможности познакомиться с замечательной поэмой «Тарас на Парнасе», принадлежащей перу неизвестного автора и ставшей поистине фольклорным произведением. Ни эта поэма, ни произведения зачинателей белорусской литературы Ф. Богушевича, Я. Лучины, А. Тетки никогда еще не переводились на русский язык. Этот пробел восполнили ленинградские поэты — переводчики М. Лозинский, В. Владимиров, Н. Браун, В. Рождественский, Л. Друскин, М. Комиссарова и другие, сделавшие поистине большое и нужное дело.

Ярко и убедительно свидетельствует антология о том, что передовая белорусская литература — от зачинателей ее и до поэтов наших дней всегда служила интересам народа, была кровно связана с ним. Проистекающая из самых глубин народного творчества, белорусская литература прошлого века формировалась под могучим воздействием революционно-демократических идей Белинского и Добролюбова, Чернышевского и Герцена, Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Постоянная живая связь с русской литературой, ориентация на вершины ее влили в белорусскую поэзию те силы, которые определили революционно-демократические тенденции белорусской литературы в борьбе с реакционными буржуазно-националистическими и упадническими течениями той поры. И Богушевич, и Лучина, и Тетка были кровно связаны со своим народом, вместе с народом страдали они от помещичье-капиталистического гнета и произвола, вместе с народом верили, что

Будут владеть наши дети-потомки
Доброю долей, долей счастливою.

Если в стихах Богушевича и Лучины лишь повествуется о социальной несправедливости, о горькой доле угнетенного крестьянина, если поэты эти лишь зовут народ к лучшей доле, к счастью, то в произведениях Алоизы Тетки уже слышится гневный голос народа, встающего на борьбу против поработителей:

Верю, братья, в нашу силу.
Знаю: воля есть у нас.
Кровь огнем бежит по жилам.
Ждем, когда придет наш час.

И теперь мы из гранита,
А душа из динамита.
И могучими руками,
Братья, сбросим цепи сами!

Но особенно могуче прозвучал клич, зовущий народ на борьбу, в стихах народных поэтов Я. Коласа и Я. Купалы, сыгравших исключительно большую роль в создании белорусской литературы. Народная революция 1905 — 1907 гг. подняла массы белорусского крестьянства на борьбу с самодержавным строем. А. Тетка, Я. Колас, Я. Купала в своих стихах выражали сокровенные чаяния и думы белорусского народа об освобождении от вековечной кабалы. Голос поэтов звучал, как «колокол на башне вечевой», и к этому голосу прислушивался весь белорусский народ.

*) «Антология белорусской литературы». Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство. 1948 год.

131

«Эта изящно оформленная книга («Антология белорусской литературы». Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство. 1948 г.) под редакцией Н. Брауна, П. Бровки, П. Глебки, Я. Коласа и А. Прокофьева заслуженно привлекает к себе внимание самых широких слоев читателей. Впервые за все время развития белорусской поэзии, и особенно послеоктябрьской белорусской поэзии, лучшие образцы ее об'единены в одном сборнике, который может в значительной степени удовлетворить большой интерес советских читателей к творчеству белорусских поэтов. Более трехсот произведений тридцати трех авторов, включенных в антологию, дают возможность читателю ознакомиться с развитием белорусской литературы от истоков ее и до наших дней.

До выхода «Антологии» русские читатели не имели возможности познакомиться с замечательной поэмой «Тарас на Парнасе», принадлежащей перу неизвестного автора и ставшей поистине фольклорным произведением. Ни эта поэма, ни произведения зачинателей белорусской литературы Ф. Богушевича, Я. Лучины, А. Тетки никогда еще не переводились на русский язык. Этот пробел восполнили ленинградские поэты-переводчики М. Лозинский, В. Владимиров, Н. Браун, В. Рождественский, Л. Друскин, М. Комиссарова и другие, сделавшие поистине большое и нужное дело...»

М. СМИРНОВ. Антология белорусской поэзии.
Альманах «Советская Отчизна», № 4, 1948 г.

Искусство суждения

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

А масса слушает да ест

1

Восстание масс, о котором сто лет тому назад испуганно твердили прозревшие одиночки, уже давно свершилось. И оно никого не пугает. Потому что пугать — некого. Все способные бояться благополучно самоустранились. Вымерли как вид, несовместимый с будущим.

А что, собственно, случилось? Что такое восстание масс? Что за зверь такой?

Это как посмотреть. Давайте по позициям: добро, красота, истина. Это классика гуманистики. Ведь человечество до восстания масс развивалось строго в направлении *от натуры — к культуре* (от приспособления к миру — к его познанию). Развитием считалось развитие сознания, этого инструмента постижения истины; именно развитие сознания определяло эволюцию представлений о добре и красоте, если коротко.

Итак, по позициям.

Получаем: с точки зрения этической, результат восстания масс квалифицируется как торжество безнравственности, триумф хама вездесущего (налицо понижение культурной планки); с точки зрения художественной — это гибель искусства (также понижение культурной планки: черный квадрат, аналог черной дыры, поглотил вангогов с моцартами и ничуть не подавился); с точки зрения разума, мы имеем дело с культом внеразумного отношения (мягко говоря, вновь впечатляет понижение культурной планки).

Зато в сфере социальной царит совсем иная красота, здесь добром считается зло, а истина, как всем известно, неведома никому. С точки зрения самого хама, этой безликой единицы масс, хлеб и зрелища наконец-то вполне легитимно превратились в высшие культурные ценности. Культурой попрали культуру: вот новое содержание эпохи масскульта. Все провалилось не в тартарары (это всего лишь жалкий миф, однако), а в реальные гугенхайм и шоубиз.

Развитием человека отныне считается исключительно развитие социальное; критерием социального развития считается количество хлеба и убойное качество зрелищ. Жрачка и убоище: это круть.

В чем культурные люди расходятся с массой? В представлениях о культуре?

Ах, оставьте эти бессмысленно-небесные лозунги, превращающие творцов культуры в *тварей,* гуманно занесенных в Красную книгу, где черным по белому (в заметке, стилистически напоминающей некролог — о, фрейдиссимо!) указано: «эти безобидные, беспомощные и жалкие яйцеголовые, ведущие свою родословную от слепого Гомера...» — и далее по тексту некролога, грешащего обилием грамматических ошибок. Высоколобые яйцеголовые — оказались казусом эволюции, жертвой аборта истории. Желудок надорвешь со смеху...

Они расходятся в том, что масса думает желудком и психикой, а человек культурный, стремящийся быть личностью, — разумом, гнездящимся в голове.

И дело отнюдь не в том, как кому больше нравится; дело в том, что думать можно только головой.

С этой, информационно-гносеологической, точки зрения, восстание масс означает следующее: как только желудок и психику, с одной стороны, и разум,

с другой, демократически уравняли в правах, такой чувствительный, эмоционально отзывчивый желудок тут же занял место головы.

Противоречивое единство психики и сознания — вот причина причин неизбежного восстания масс, которые привыкли видеть не то, что есть, а то, что хочется видеть, и потому убеждены, что они дотянулись до небес и ухватили главного небожителя за библейскую браду. Интеллектуальное развитие, которое обслуживает потребности бессознательного, приняли за развитие сознания, интеллект-психику-желудок приняли за разум. На том простом основании, что им так хочется и они в это верят.

Вот оно, давно обещанное горе от ума: ты все видишь и понимаешь, но ничего не в силах доказать.

Мы живем в эпоху, когда хам думает, что он думает; в эпоху, когда культура нужна только для того, чтобы легитимизировать культурный переворот; когда диктатура натуры носит исключительно мирный и чрезвычайно культурный характер; когда все поставлено с ног на голову.

И вопрос отнюдь не в том, что мне или какому-нибудь вангогу с ортегой, или гассету какому это не нравится. Если можно прекрасно устроиться и прожить без этих ваших штучек типа истина-добро-красота, то давайте считать личность (то есть человека, зачем-то думающего головой) историческим казусом, информационным излишком, аппендиксом-отростком, безжалостно купированным самой логикой естественного отбора. Все вопросы к вашему умному дарвину-марвину — ну, не прикол?

А если без разума и без носителя его, личности, обойтись в принципе невозможно — просто по той причине, что личность, будучи высшим проявлением закона информационного развития, венцом творения, если так понятнее, становится гарантом существовании жизни на земле, в том числе желудка и психики, — тогда давайте, опираясь на логику разума, скажем честно: мы живем в эпоху, когда массам кажется, что они резвятся и жируют, а на самом деле наступает полный гугенхайм. Беспросветный. Типа конец света.

И альтернатива восстанию масс проста до жути: диктатура культуры. Аморальным идиотам, получающим от зрелища попранной красоты ни с чем не сравнимое удовольствие, возражать на языке культуры бессмысленно. Они будут слушать да есть, работать челюстями так, что только уши будут трястись в такт урчанию желудка.

Но и радоваться статус кво, с точки зрения личности, — неразумно. По крайней мере, безответственно. По нравственной шкале — преступно. Пусть массы жируют на пастбищах, ограниченных рамками черного квадрата, — но только под музыку Вивальди и Рахманинова, под размеренные рефрены Сократа, данные в современной диалектической аранжировке, под мантры Пушкина и Толстого. Пусть живут одним днем (психика иначе не может) — только под что-нибудь вечное.

Надо испортить им пищеварение, сломать им кайф: весь их духовный хлеб, состоящий из мякины зрелищ, надо назвать своим именем.

Называть вещи своими именами — это прерогатива культуры, что в переводе на язык масс звучит так: диктатура культуры.

В противном случае они, массы массовые, дожуют не только культуру, они съедят самих себя. Ибо это самое завораживающее зрелище на свете. За него не жалко и жизнь отдать. Не только свою никчемную жизнь, но и жизнь вообще. Жизнь как таковую.

Вопрос: гуманно ли портить пищеварение добрым людям, которым плотным завтраком служит не только их, но и наше будущее?

2

Литература в контексте феномена высших культурных ценностей (истина-добро-красота) является всего лишь частным случаем.

Частным — но едва ли не самым красноречивым. Почему?

Потому что слово — это инструмент мысли (сознания) и одновременно инструмент воздействия на душу (психику), которую сама мысль о мысли приводит в неописуемый ужас (ту самую психику, что в конечном счете влияет и на святая святых — на пищеварение). Для масс литература — это самый главный бастион — как Бородино для русских, которых умом не понять.

Черный квадрат — это визуальная смерть искусства. «Мадонну» Рафаэля, «Джоконду» Да Винчи, исторические полотна Сурикова — все это оказалось возможным уравнять с черным квадратом в рамке. Каким же это образом?

А очень просто: на всю культурную аргументацию надо научиться отвечать высокомерно, но твердо: мне так кажется, это мой взгляд на мир, я так чувствую. Игнорируй разумные аргументы и абсолютизируй субъективность ощущений — словом, включай дурака, и ты всегда будешь прав. Объективных критериев художественности до эпохи восстания масс толком так нигде и не прописали; а сейчас уже поздно, сегодня все голосуют денежными знаками. Чем больше бабла — тем лучше мазня. Что не так?

Но этого мало. Смерть культуры, таящаяся на конце иглы, обернутой сначала пергаментами с каллиграфически нанесенными на них письменами, а затем и собраниями сочинений, — вот вожделенная цель. Хочешь поразить культуру в самое сердце, в душу, в самый желудок души — добей литературу, то есть, сделай так, чтобы любая черная мазня компьютерными каракулями была неотличима от полотен Толстого. Казус Улицкой становится феноменом литературы. Вот это — да, вот это — высший класс. На это стоит посмотреть.

Хорошая литература начинается с глубокого прозрения: кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей. За что же люди-человеки достойны презрения?

За то, что с удовольствием и энтузиазмом, достойными лучшего применения, презирают в себе личность.

Но великая литература, в отличие от хорошей или от более-менее литературы, обязательно найдет, за что же действительно стоит уважать человека; а уважать его можно, в конечном счете, лишь за то, что он способен стать личностью. Для любви найдется тысяча иных причин и поводов, а вот уважения — культурного отношения! — человек достоин за то, что возвысился до презрения низменного, бессознательного начала в себе. С точки зрения культуры, натура, которая выдает себя за культуру, достойна презрения; а вот натура, выполняющая функции натуры, занимает подобающее ей место: тут уже глупо презирать натуру только за то, что она натура. Когда все становится на свои места, когда с помощью разума выстраиваются отношения натура — культура, тогда человек, вставший на путь познания, в том числе познания себя, невольно начинает себя уважать. Излечивается от презрения к человеку, в том числе и к себе. Ты же сам, персона, становишься основой самоуважения ко всему роду человеческому.

Личность становится инструментом человечества в деле самопостижения. Личность — всему голова.

Ох, всем остальным этого не объяснишь.

Так вот, убей литературу, которая хлопочет о превращении человека в личность, — и ты сразишь культуру наповал.

И — о чудо! — художественное и высокохудожественное слово издохло прямо на глазах изумленной публики. О-ва-ци-я! У-лиц-ка-я!

Говорю же: это главное содержание нашей просвещенной эпохи, которая понятие духовной эволюции заменила понятием социального прогресса.

Социальной сфере разум оказался попросту не нужен. Социальный прогресс определяется потребностями тела и души, но никак не сознания. Массы, которые всегда были массами, никогда еще не были субъектом культуры; ныне они стали точкой приложения креативной (интеллектуальной, но не разумной) мощи человечества, и личность интересна им постольку, поскольку она способна обеспечить доступ к зрелищам, безоговорочно заменившим культуру. «Даешь личность» для них означает: даешь все более и более прикольные зрелища, вышибающие адреналин из поджелудочной. Ах, ты не можешь дать таких зрелищ?

В таком случае, если ты такой умный, то почему такой бесполезный? А?

И зачем нам литература, которая не умеет говорить с нами на понятном нам языке?

Вот почему связь яйцеголовых с книгой — только через Красную книгу, в которую эти существа *на «я»* следует вписать первыми.

Чем меньше литература является литературой, тем более она воспринимается массами как высокая литература. Сегодня уже практически не осталось людей, способных квалифицированно отделить литературу от чтива, и если еще вчера их не слышали, то сегодня им попросту не дают говорить; сегодня уже без ущерба для собственной репутации никто не берется доказать, что Улицкая имеет к литературе такое же отношение, как масса — к личности; сегодня сам институт литературы превратился в общественный, социальный по своим функциям институт, где высшие культурные ценности рассматриваются как особо опасный яд, парализующий жизнедеятельность «живого организма нашей любимой литературы».

Унизительная для мыслящего человека ситуация становится плацдармом для возвышения хама.

Ну, а теперь излюбленный массами вопрос: что будете делать в подобной ситуации, а, яйцеголовики? Искать пятый угол?

В такой жлобской постановке вопрос, выражаясь языком культуры, становится некорректным, не соответствующим объективной сложности ситуации.

Прежде всего, литература (не чтиво) всегда так или иначе существовала и существует в интересах масс (хотя последним, мыслящим душой, этого не объяснишь). Не во имя масс, как раз наоборот — в интересах масс, суть которых (интересов) малым сим не разъяснить. Массам без литературы просто не выжить — и неважно, что им этого не объяснить. Во-вторых, и в главных, вопросы типа: «Что эти личности собираются делать?», «Что нам, массам, делать с остатками этого добра, этого культурного хлама, там-сям поблескивающего нафталинным конфетти, сверкающим прахом былых времен? А?» — вопросы эти неразумные невозможно рассматривать как проблему культуры. Это социальная проблема — вот и пусть ее решают те, кто решил, что литература как способ духовного производства им не нужна.

Куда продуктивнее, научно и культурно обоснованнее ставить вопрос в такой плоскости: как выжить литературе на благо и культуре, и вам, уничтожающим культуру, массам?

А нет ответа. Пока — нет, если честно.

Есть ясное понимание, что восстание масс, как и любое другое бессознательное, сиречь природно-стихийное движение, не остановить культурным усилием. Тайфун, торнадо, цунами, восстание масс, глупость...

Глупость — это вселенского масштаба катаклизм, по мощности сопоставимый со Всемирным потопом, и противопоставить ему можно только разумную диктатуру культуры.

Это ответ на вопрос «Что делать?». С точки зрения культуры, достаточно простой ответ.

Как это сделать?

А в подобной постановке вопрос переходит из разряда философско-гносеологического в разряд социальных — то есть переходит в ведение масс, которые всякие там философские понятия, наподобие «култур-мултур», органически не выносят. Органически — и этим они, массы, правы.

Диалог с глупостью — это, как модно говорить в эпоху масскультуры, экзистенциальный вызов нашей эпохи. Уклоняться от вызова никто не собирается; но вот как внушить доводы рассудка тем, кто не склонен руководствоваться разумом в делах житейских?

Вот в чем вопрос. И вопрос этот является сегодня своего рода зацепкой, с которой и может начаться ответ.

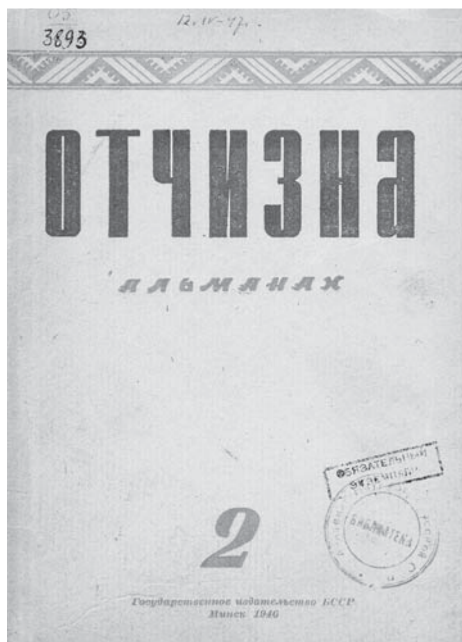
А нет ответа — нет будущего. Тоже своего рода ответ, если угодно.

Вот что такое восстание масс: это игра людей с историей в русскую рулетку.

«Нёману» — 70!

Оторванность от действительности

Первые номера «Нёмана», который вначале издавался как альманах и назывался «Отчизна», вышли в 1945 и 1946 годах. И встречены они были самой что ни на есть суровой критикой. В Национальном архиве хранятся эти материалы — статьи, написанные, очевидно, для газет П. Богатыревой и Л. Фигловской. С какими-то замечаниями этих двух авторов трудно не согласиться — в основном, когда речь идет о качестве некоторых произведений. Но что можно сказать о следующем утверждении: «Мы подробно остановились на содержании альманаха, анализе помещенных в нем произведений, чтобы наглядно показать, насколько безответственно отнеслись редакция альманаха и бюро русской секции Союза советских писателей БССР к отбору помещенных материалов. И может быть, этим объясняется оторванность содержания его от современной действительности. Целый круг тем, которые подсказывает наша жизнь, — тема труда, тема новой сталинской пятилетки и деревни, тема перехода от социализма к коммунизму, энтузиазм советских людей в возрождении своей республики совершенно выпали из поля зрения»? Дело в том, что большинство произведений, помещенных в первых номерах «Отчизны», были посвящены войне. Что и неудивительно — 1945 и 1946 годы. Могли ли представить себе авторы рецензий, что даже через 70 лет военная тема не сойдет со страниц журнала, слишком уж кровавой была та война, слишком уж зловещее наследие оставила по себе.

Или еще замечание: «Неудачен подбор стихов и, безусловно, способного поэта К. Титова. Как попали на страницы альманаха стихи «Опять весна», «Припять» и подобные им? В стихотворении «Опять весна» поэта удивляет отсутствие песен весной, и он говорит, обращаясь, по-видимому, к себе:

По обгорелым дорогам, руинам
Иди, страдай и мучайся, поэт.

И далее:

Я поднимаю голос для проклятья,
а он... а он срывается на плач.

Если учесть, что эти строки написаны в 1942 году, когда голоса

наших поэтов звучали подобно набату, зовущему к бою за свободу и независимость своей отчизны, — то более чем странно звучат эти истерические строки сейчас».

Ведь, по мнению автора рецензии, советский человек, тем более воин, должен быть несгибаемым, мужественным, из кремня и стали, а он... а он вдруг оказывался просто... человеком. Из плоти и крови, с живой, ранимой, болящей душой. И вдруг оказалось, что у этого человека, солдата, увидевшего и перенесшего все ужасы войны, каждый день стоявшего перед лицом смерти, каждый день терявшего товарищей, нет... слов проклятья, а есть... только плач... Стихотворение Константина Титова «Опять весна», одно из самых, на наш взгляд, пронзительных в альманахе, приведем целиком.

Опять весна...

Опять весна. Играет солнце в луже
и мчатся говорливые ручьи.
Но почему, скажите, почему же
навстречу песни не летят ничьи?

Нет, что ли, места трелям соловьиным
или гнезда родного больше нет?
По обгорелым, дорогим руинам
иди, страдай и мучайся, поэт.

И я иду. Мой путь суров и долог,
и поперек ложится дым атак.
А в сердце, в сердце, как стекла осколок,
засела скорбь — не вытравишь никак.

Что сделал с вами, дорогие братья,
взбешенный неудачами палач!
Я подымаю голос для проклятья,
а он... а он срывается на плач.

Апрель 1942 г.

Однако предлагаем читателям самим познакомиться с обеими статьями и, возможно, сделать свои выводы.

От редакции

Ближе к современной действительности[1]

(альманах «Отчизна» № 2)

В 1945 году при Белгосиздате начал издаваться альманах «Отчизна», орган русской секции Союза советских писателей БССР.

Первый номер альманаха появился в декабре 1945 года, а № 2 суждено было увидеть свет лишь в конце 1946 года.

Перед нами альманах № 2. Почти все произведения, напечатанные в нем, написаны о войне или по поводу войны. Конечно, военная тематика в наши дни не отошла в прошлое, ибо события войны задели самые существенные основы нашей жизни. Война, изменяя условия жизни, проверяла моральные качества наших людей. А. К. Толстой писал в 1943 г., что на протяжении, может быть, целого столетия у народа не было такого острого чувства Родины, как в этот период. Все это накрепко оставляет жить в памяти события Великой Отечественной войны, как живут и не меркнут события героической защиты своей земли нашими соотечественниками в 1812 г. против полчищ Наполеона. Много произведений написано об Отечественной войне, много еще будет создано, но с каждым годом события эти будут осмысляться глубже, все детальнее освещаться прожектором времени. Однако этого нельзя сказать о произведениях, напечатанных в альманахе. В различных вариантах и различными методами они, как бы фотографически, запечатлевают события 1941—44 гг. Большинство из них написаны давно и для помещения в альманах явно устарели, таковы «Фронтовые стихи» Шарапова, стихи Токарева, рассказы Л. Шапиро «Хозяева», Воробьева «Одна минута» и др.

На страницах альманаха нашли место стихи и рассказы, которые в годину сражения служили агитационным целям и выполняли большую пропагандистскую роль, но слабые

[1] Текст полностью соответствует оригиналу.

в художественном отношении и теперь уже потерявшие ценность и остроту.

Об этом же говорит и тов. Жданов. «Добролюбов указывал, что не жизнь идет по литературным нормам, а литература применяется сообразно направлениям жизни», и усиленно пропагандировал принципы реализма и народности в литературе, считая, что «основой искусства является действительность, что она является источником творчества, и что искусство имеет активную роль в общественной жизни, формируя общественное сознание... Литература должна служить обществу, должна давать народу ответы на самые острые вопросы современности, должна быть на уровне идей своей эпохи».

Трудно переоценить значение художественных произведений в деле формирования коммунистического мировоззрения трудящихся. Но такую функцию могут выполнять лишь произведения актуальной тематики, своевременно откликнувшиеся на запросы жизни, насыщенные передовыми идеями современности и воплощающие эти идеи в высокохудожественную форму. Именно подобные произведения необходимы сейчас для наших литературно-художественных журналов, чтобы сделать их острым оружием идеологического фронта. Предъявляемым партией и правительством к нашим журналам требованиям — занять достойное место в формировании и расширении политического и культурного кругозора народа в борьбе за расцвет науки и культуры, ни в коей мере не отвечает содержание № 2 альманаха «Отчизна». Ни у редакции альманаха, ни у печатаемых авторов не чувствуется поисков новой современной темы.

Страницы альманаха заполнили произведения, живущие вчерашним днем. Жизнь Белоруссии сегодня прошла мимо глаз автора. Сам колорит республики-родины утерян.

Поэт Д. Ковалев посвящает ей два стихотворения — «Отчизна», которым открывается альманах, и «О, Беларусь». Но несмотря на приподнято-пафосный стиль, поэт не находит на своей родине своего специфического белорусского.

О, Беларусь.
Почти не отличишь
Тебя ничем
От матушки России.

Или в более конкретизированной форме она встает перед ним в виде «отчей деревни с соломенными крышами» и ветхого домика. Тема отчизны оказывается приниженной и обедненной по содержанию, несмотря на внешнюю приподнятость формы изложения.

В стихах П. Волкодаева тема Родины сведена к зарисовке малозначащих деталей или отдельных картин природы, искусственно выхваченных из жизни. А в целом все описываемое существует вне места и времени. Да и можно ли узнать нашу передовую индустриальную страну в этом патриархальном крае соломенных избушек и тихой мелкой тоски.

Со стрехи летит солома
Не видать ни троп, ни вех,
Только вьюга возле дома
Жерновами крутит снег
Да глядит несмело вечер
В стекла тусклого окна...
И скрипит забор досчатый
И всю ночь гудит метель...
и т. д., и т. п.
(«Мать»)

Какой заунывной провинциальной скукой веет от этих строк. Подобные стихи своим поверхностным, чисто эмоциональным восприятием действительности искажают ее.

Лишены идейного стержня и стихи П. Токарева. Автор даже не пытается осмыслить описываемые события грандиозной по своим размахам войны, он как бы мимоходом, между прочим, вспоминает кое о чем из войны. Поэтому стихи поражают своим безумно-поверхностным отношением к описываемому. Это приводит к тому, что рифмованные строки звучат холодно, сухо, неубедительно. Правда, с целью оживить стихи автор непременным атрибутом каждого из них делает «заздравную чашу». Но и это средство оказывается малодейственным, оно лишь опошляет

те значительные события, о которых так легковесно повествует автор.

Под общим заголовком «Фронтовые стихи» напечатаны стихи Шарапова. Уже сам заголовок говорит об общей теме стихов. Несмотря на то, что А. Шарапов не принадлежит к числу начинающих поэтов, редакция сочла возможным поместить его слабые стихи. Подобные стихи в большом количестве печатались на страницах периодической красноармейской печати в годы войны и, безусловно, имели тогда значение. Но какова их роль сегодня?

Дым клубится на опушке,
На опушке — наши пушки.
Бьют разбойника и гада
Днем и ночью без пощады.
Лезет гад фашистский в дот,
Шепчет: «О мейн либер гот».
— Цэ куды ж ты, гутен так,
Некрасиво, как-никак.
Знаю, вам мозолит зенки... и т. д.

Неудачен подбор стихов и, безусловно, способного поэта К. Титова. Как попали на страницы альманаха стихи «Опять весна», «Припять» и подобные им? В стихотворении «Опять весна» поэта удивляет отсутствие песен весной, и он говорит, обращаясь, по-видимому, к себе:

По обгорелым дорогам, руинам
Иди, страдай и мучайся, поэт.

И далее:

Я поднимаю голос для проклятья,
а он... а он срывается на плач.

Если учесть, что эти строки написаны в 1942 г., когда голоса наших поэтов звучали подобно набату, зовущему к бою за свободу и независимость своей отчизны, — то более чем странно звучат эти истерические строки сейчас. А в стихотворении «Припять» тема борьбы просто опошлена. Титов «образно» представляет войну как карточную игру, а немцев из Берлина «шулерами», у которых «на руках все козыри» для выигрыша. И вывод:

И в годину битв суровую
Мы сказали шулерам:
Получайте масть пиковую,
Хватит. Кончена игра.

В стихотворении «Мы неподвластны никому» поэт старается объяснить, почему мы победили, но дальше риторического славословия не идет.

Отрешенностью от современной темы грешит и проза. Рассказы «Хозяева» Л. Шапиро, «В тревожную ночь» Кондратского, «Одна минута», «Наследники» Воробьева — это рассказы о боевых эпизодах. Герои их независимо от военной специальности и обстоятельств, в которых они действуют, очень похожи друг на друга и все вместе на этакий отстоявшийся литературный штамп лихого солдата.

В рассказе «Хозяева» Л. Шапиро рассказывает о том, как на одном участке фронта всегда в нужную минуту появляется советский самолет. Когда же однажды самолет сбили, то среди окруживших его бойцов-пехотинцев летчик Николай Рубцов встречает своего отца. А рядом с ним стоит самолет, на котором написано «Сыну Николаю от матери — колхозницы Елены Рубцовой». Не обошлось дело без традиционной телеграммы о награде. Искусственны не только все эти счастливые моменты описания боя, встречи — все это взято напрокат, — из газетных корреспонденций. Вот, например, описание воздушного боя: «Истребители атаковали бомбардировщиков. Боевой порядок фашистов сразу нарушился. Они метнулись в разные стороны, отбиваясь всей силой своего огня. Один «Юнкерс» задымил и пошел вниз. Ведомый истребитель помчался за ним, а ведущий атаковал другого гитлеровца». Подобных примеров можно было бы привести немало.

В рассказе А. Кондратского «В тревожную ночь» зенитчик Прохор Брикин получает телеграмму о приезде жены. Жена у него, как мы узнаем из его рассказов, колхозница-героиня. По дороге на вокзал Прохора застает тревога, он, забыв о жене, возвращается к орудию. Вскоре весь расчет орудия убит или

ранен. Прохор остается один, но вдруг неожиданно появляется помощник. А помощник — не кто иной, как его жена Анюта, которая, сойдя с поезда и не найдя мужа на вокзале, бежит под бомбежкой куда глаза глядят и попадает к стреляющему орудию. Во время боя Прохор узнает в своем подносчике жену. «Анюта, ты ли это? — бросился он к жене. — Нашла на боевом посту. Вот герой, вот молодец. — Прижал, расцеловал. — А я-то в темноте и не узнал тебя».

На следующий день Прохора и Анюту наградили медалями «За отвагу».

Пробует вывести непосредственно из военной обстановки своего героя Л. Хахалин в рассказе «В Новогоднюю ночь». Андрей Петрович с войны едет в родной город. Но по дороге попутный возница уговаривает его ехать к ним в деревню учителем. Андрей Петрович соглашается, но вдруг во время остановки узнает, что в городе его именем — именем Героя Советского Союза Смирнова — названа улица. Это меняет решение, и он сворачивает в город. На этом и заканчивается повествование.

Действующие лица в приведенных рассказах — это несложные люди, индивидуализированные чисто внешними признаками, и авторы не затрудняют себя психологическим анализом характеров, не обуславливают их поступков. Поэтому герои выглядят бледными схемами по сравнению с теми, кого они хотели изобразить. Безусловно, подобные рассказы воспитательного или просто познавательного значения иметь не могут. Это есть по существу формальное разрешение вопроса о реалистическом воспроизведении действительности. А именно такой формализм и является проявлением безыдейности.

Интересным замыслом выделяется в альманахе биографическая повесть о белорусском поэте Максиме Богдановиче «Жизнь поэта» Е. Садовского. Ценна в повести правильно акцентированная автором связь поэта с Белоруссией и народом, питавшими его творческую мысль. Однако помещенные в альманахе отрывки убеждают, что автор пошел по неправильному пути: излишняя прямолинейность в описании, стремление к неоправданному эффекту, подмена глубокого анализа внешней описательностью, высокопарность изложения, искусственная красивость, гиперболичность описываемых чувств и переживаний — все это лишает повесть жизненной убедительности и исторической правды, лишает ее реалистической основы и заставляет говорить о неудаче автора, опрощении исторических лиц и событий.

Для нас важно не только что написано, но и как написано. Поэтому взглянем на помещенные произведения с точки зрения стиля и их художественных достоинств. Кроме явно безграмотных выражений — «сгорбивши плечи», «переживал чужие страдания», «едва закончив выпускные экзамены» и др., повесть пестрит подобными фразами и описаниями: «Впервые увиденные им печатные строки своего произведения *пьянили* (?) его, как *пьянит* солнце, как *пьянит* весна, как *пьянит* любовь, вино», «Вечное море, шумное море, Черное море», «Он пытался... постичь *бездонную глубину* их поэтического слова», «Золотистые листья, точно конфетти, стали осыпаться с деревьев и кружиться на ветру», «Он... не спускал глаз с того места, где сидела она — его мечта, его радость». «Казалось странным, что у такой высохшей палки с выпученными глазами и осипшим от постоянных выкриков голосом может быть такая чудесная дочь — настоящая принцесса из сказки».

Примерами безграмотных или неправильных с точки зрения русского языка выражений обильно усеяны страницы альманаха.

...Страница
и встает перед глазами...
и *голубежь* задумчивых озер.

(Титов, «Золотая книга»)

...Страна, которую Россией
Зовем мы гордо *с испокон...*

(Титов, «Мы не подвластны никому»)

...Гранатой сделай свою жизнь
и взрывом свой последний *дых*...

(Шарапов, «Товарищ замполитрука»)

...В тот день артиллерия наша
Открыла салютный прибой...

(Токарев, «Родные просторы»)

«Взнимал закат свои рога оленьи...»

(Буховцев, «Во фронтовом лесу»)

...Она садится на краю бугра
На этой *задернованной могилке...*

(*Буховцев,
«Могила неизвестного солдата»)*

«Осенние листья, как желтый снег (?) падали бесшумно и неторопливо» (Воробьев, «Одна минута).

«С рассвета над городом красным облаком висел толченый кирпич и черепица» (Воробьев, «Наследники»).

«Разбойник ты этакая, пошевеливайся...», «Эх, мошенник ты этакая...» (обращение к лошади) (Хахалин, «В Новогоднюю ночь).

Обилие таких примеров убеждает, что в них повинна редакция.

Мы подробно остановились на содержании альманаха, анализе помещенных в нем произведений, чтобы наглядно показать, насколько безответственно отнеслась редакция альманаха и бюро русской секции Союза советских писателей БССР к отбору помещенных материалов. И может быть, этим объясняется оторванность содержания его от современной действительности. Целый круг тем, которые подсказывает наша жизнь, — тема труда, тема новой сталинской пятилетки и деревни, тема перехода от социализма к коммунизму, энтузиазм советских людей в возрождении своей республики совершенно выпали из поля зрения. Альманах лишен подлинной идейной целеустремленности, не ощущается в нем творческого импульса жизни, а между тем едва ли не целый год ушел на его подготовку.

Редакция альманаха должна почувствовать, что она представляет собой не просто почтовый ящик, куда идет все без разбора, а тщательно дифференцировать материал, отбирая все лучшее и нужное. Ибо помимо идейно-политического воспитания трудящихся альманах призван способствовать воспитанию литературно-художественного вкуса у пишущей молодежи, правильно ориентировать ее на создание высокоидейных и художественных произведений.

Думается, что необходимо ввести и разнообразие жанров, — очерки, новеллы, драматургические произведения, разнообразие поэтических произведений дает богатый и ценный материал и сможет наиболее всесторонне охватить нашу действительность. В отборе материала редакция должна подходить строго объективно, невзирая на лица. Тщательный и вдумчивый отбор произведений, принципиальная критика в обсуждении их на заседаниях секции смогут коренным образом улучшить содержание альманаха. С этой же целью необходимо организационно укрепить редакцию, обязав ее выдержать периодичность и выпускать альманах к установленным срокам.

П. БОГАТЫРЕВА

Некоторые замечания об альманахе «Отчизна»

Альманах «Отчизна» — издание русских писателей Белоруссии. В 1945 г. вышла первая книга, а в 1946 г. — вторая. Обе книги получили в республиканской печати справедливую отрицательную оценку, так как они ни в какой мере не отвечают высоким требованиям нашего времени, запросам советского читателя. При первом ознакомлении с книгами бросается в глаза: отсутствие необходимой политической целеустремленности и низкий идейный и художественный уровень помещенных в них произведений. Для подтверждения этой мысли остановимся на каждой книге в отдельности, объединяющий матери-

ал не только начинающих или молодых писателей, но и известных уже нашему читателю писателей со значительным литературным стажем (К. Титов, А. Шарапов, Л. Токарев, Л. Шапиро, Е. Садовский и др.).

В первой книге «Отчизна» напечатано свыше 50 стихотворений, причем только несколько («Солдатское сердце» К. Титова, «Реченька» Л. Токарева, некоторые строфы С. Кошечкина) заслуживают внимания нашего читателя, остальные же являются художественно незрелыми и даже недоброкачественными. В них нет смелых обобщений, глубоких мыслей, нет реальной, нашей многогранной жизни. Стихи лишены эмоциональной взволнованности. Некоторые из них (И. Белякова, С. Смирнова, Разливанского, В. Каратышевского) неоригинальны, носят характер литературного ученичества, и поэтому уже их не следовало бы печатать. На художественное качество лирических произведений отрицательно влияет и словесное штукарство, погоня за так называемой «красивостью» стиля и языка.

Можно указать на следующее стихотворение Л. Токарева:

Синь августовского утра густа.
Скрючены пальцы обугленных веток.
Тесно легли по низинам в кустах
Песни сырого рассвета.
Рябью подернулась гладь тихих вод.
Хлещут по окнам дождливые прутья.
В край глухомани, таежных болот
Тихо подкралось распутье.

Трудно передать содержание этого стихотворения, в котором много наносного, условно «красивых», но неуместных выражений, идущих вразрез с его основной темой. Еще в большей степени этот недочет имеет место в цикле стихов «Незабвенная родина» (1942—1943) Арона Куперштока. И хоть идейным материалом этих стихов служит наша современность, но стремление художника к словесному орнаментализму уводит его от подлинного раскрытия темы. Приведем примеры словесного «экспериментаторства» в стихах Куперштока:

Кусты отвернулись немы,
Мак отвернулся, мак ал...
Став на крыльцо, немец
Юность мою растоптал.

Или:

Лень пройдет, а за ним
По воде кружева.
Сколько лет, сколько зим?
Ты со мной, ты жила.

В последнем случае, как совершенно правильно отмечалось в критике, чувствуется вредное влияние поэзии Б. Пастернака. Вполне очевидно, что употребляя такие сентиментально приятные слова, невозможно передать при помощи их мужество и героизм советских людей, проявленные в борьбе против фашизма.

Некоторые авторы альманаха забывают, что подлинная поэзия глубоко проникает в жизнь и ей враждебны обветшалые, условные «украшения» стиля, звонкие и пустые слова, ограничивающие и обедняющие искусство.

Проза первой книги «Отчизна» представлена рассказами и новеллами Михаила Христича (которые, кстати сказать, были напечатаны ранее в журналах «Беларусь» и «Бярозка»), Ефима Садовского, Федора Костикова и Погребняка. И хоть все они посвящены теме борьбы советского народа с фашизмом, но эта тема не осмыслена в ее историческом величии. Как уже указывалось ранее в печати, в прозаических произведениях альманаха «Отчизна» (№ 1), за исключением рассказа Погребняка «Бородатый», где намечены жизненно правдивые образы бойцов Советской Армии, не изображены с подлинной идейной глубиной героические характеры наших людей. Слабыми являются эти произведения и со стороны формы. Нередко в основу их сюжета положены случайные, исключительные ситуации и положения («Голубая косынка», «Детская распашонка» Федора Костикова, «Находка» Овруцкого). Многие рассказы написаны неряшливо и в языковом отношении. Приведу несколько выражений, свидетельству-

ющих о несерьезном отношении автора к слову:

«Вечером, когда *погасли тени и небо усыпалось просом звезд*, старший командир вызвал к себе сержанта...» («Детская распашонка» Ф. Костикова, стр. 80).

«Галина молча откинула голову на спинку дивана, я жадно и нетерпеливо наблюдал за ней и будто видел, как *грузно и медленно тронулись с места, завертелись в ее мозгу колесики воспоминаний...*» (Г. Овруцкий, «Находка»).

Эти выражения неудачны, главным образом, потому, что они лишены реалистической точности, способствующей раскрытию изображаемых явлений.

Таковы основные моменты, определяющие низкий идейно-художественный уровень альманаха «Отчизна».

В 1946 г. вышла из печати вторая книга «Отчизна», вышла после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и доклада тов. А. А. Жданова. Естественно, что редакция книги и авторы последней должны были ясно осознать всю серьезность возложенных на них задач и проявить должную требовательность к произведениям, печатающимся в ней. Однако и эта книга, как и первая, остается на низком идейно-художественном уровне. Об этом свидетельствуют ее незрелые, серые, малохудожественные рассказы и плохие стихи.

Значительное место в книге занимают главы из повести Ефима Садовского «Жизнь поэта». Автор поставил в ней интересную и сложную задачу — воспроизвести образ выдающегося белорусского поэта Максима Богдановича. В свое время эта повесть печаталась в журнале «Полымя» и была подвергнута критике. Тов. Садовский не учел этих справедливых критических замечаний и нашел возможным напечатать ее вновь в альманахе. Повесть неудачна уже потому, что в ней не раскрыт замысел писателя, не решена его основная задача. Тов. Садовскому не удалось всесторонне и исторически правдиво показать великий образ Максима Богдановича, жизнь и деятельность поэта.

Говоря о прозе альманаха «Отчизна» (№ 2) следует упомянуть рассказы Л. Хахалина, Е. Воробьева, А. Кондратского, Л. Шапиро. Все эти произведения, за исключением, пожалуй, рассказов Е. Воробьева, — слабые художественные произведения. Об этом свидетельствует и нетипичность образов (рассказ Хахалина «В Новогоднюю ночь»), и надуманность сюжета («В тревожную ночь» Кондратского), и недочеты стиля.

Недоброкачественными в своем большинстве являются и лирические произведения, помещенные в этой книге. В них нет серьезного познания действительности, нет высоких идей, глубины чувств, творческих исканий. Как, например, можно указать на «Фронтовые стихи» А. Шарапова, написанные в 1941 г. Стихи слабые, превращающиеся порой в набор слов.

Гранатой сделай свою жизнь,
И взрывом свой последний дых,
Чтоб, умирая, уложить,
Как ты — один десятерых.

(«Товарищ замполитрука»)

Или обращение лейтенанта к немецкому солдату:

Эссен зи, чем бог послал,
Кушай вволю, герр шакал.
Вот отменный русский торт,
Кулебяка первый сорт...
Но бандит уж и без торта
Голосит насчет... «аборта».

(«Угощенье Федоренко»)

Наряду с хорошим стихотворением «Сказание о двух сестрах» К. Титов в альманахе помещает и плохие стихи. Критика останавливалась на его стихотворении «Припять» (1944), написанном на материале Отечественной войны. Следует отметить, что чувства и переживания, выраженные в этом стихотворении, не соответствуют богатству чувств советского человека. Неглубокое осмысление темы сказалось и на качестве стиха. Употребляя неуместные, искусственные поэтиче-

ские образы и выражения, автор упрощает значительность темы. Так, самоотверженную борьбу народа с фашистской Германией и приближающуюся победу над ней он изображает в таких словах:

И в годину битв суровую
Мы сказали шулерам:
— Получайте масть пиковую.
Хватит. Кончена игра.

В стихах, помещенных во второй книге «Отчизна», много литературщины, надуманности, искусственных, неточных поэтических образов, а то и просто неправильных оборотов речи, свидетельствующих о крайне небрежном отношении к языку («поют на стройках топоры», «вскипает рокот тракторов» — стихотворение Л. Токарева «Отцу»).

В альманахе помещены хорошие переводы стихов Ф. Богушевича, что является, несомненно, положительным моментом.

В обеих книгах «Отчизна» отсутствуют произведения о послевоенной жизни нашей страны, о трудовых подвигах нашего народа, осуществляющего величественные сталинские планы.

Альманах и оформлен небрежно: в нем много опечаток, о чем говорит последняя страничка, приклеенная наоборот.

Альманах должен идти в ногу с жизнью, стоять на уровне ее требований. Это не должны забывать и авторы журнала, и его редколлегия, и Союз советских писателей Белоруссии.

Л. ФИГЛОВСКАЯ

Подготовка к публикации Елены КАХНОВСКОЙ.

НЕХАЙ Валерий Николаевич. Родился в 1951 г. в г. Балхаш (Казахстан). Окончил Белорусский государственный университет. Печатался в журналах «Маладосць», «Беларусь», «Нёман». Автор трех книг прозы. Живет в Минске.

ПАШКОВ Геннадий Петрович. Родился в 1948 г. в Чашникском районе Витебской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

ПЕЛЮШОНОК Юрий Анатольевич. Родился в 1957 г. в Минске. Окончил Белорусский институт физической культуры и медицинский факультет Тартуского университета. Прозаик. Автор книги «Strings For A Beatle Bass. The Beatles Generation In The USSR». Живет в Минске.

БАШЛАКОВ Михась (Михаил) Захарович. Родился в 1951 г. в поселке Станция Теруха Гомельского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Автор многих книг поэзии. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

ЮЛОВ Юрий (Горбачев Юрий Юрьевич). Родился в 1961 г. в Мостовском районе Гродненской области. Окончил Белорусский политехнический институт. Автор книг прозы «Пьяный материк», «Экспедитор», «Закуцце», сборников стихов «Монодия», «Сон-дежавю», «Споведзь струны» и др. Живет в Минске.

МАТЮХИН Леонид Григорьевич. Родился в 1943 г. в г. Мстиславль Могилевской области. Окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию. Автор ряда книг стихов и поэм. Живет в Витебске.

ВАСИЛЕНКО Владимир Юрьевич. Родился в 1957 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный институт физической культуры. Кандидат биологических наук. Автор сборника стихов «Зарисовка» и ряда повестей. Живет в Минске.

МАРЧУК Георгий Васильевич. Родился в 1947 г. в Давид-Городке Столинского района Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик, драматург. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

ДУБОВКА Владимир Николаевич. Родился в 1900 г. в д. Огородники Вилейского уезда Виленской губернии (ныне Поставский район Витебской области). Окончил Ново-Вилейскую учительскую семинарию и Высший литературно-художественный институт имени В. Брюсова. Белорусский советский поэт, прозаик, языковед, переводчик, литературный критик. Автор семи сборников стихов, поэм, сказок, повестей для детей и др. Лауреат Литературной премии имени Янки Купалы. Умер в 1976 г. в Москве.

СИМЕНОН Жорж. Родился в 1903 г. в Льеже (Бельгия). Получил католическое воспитание и образование (Иезуитский колледж). Посвятив себя коммерческой беллетристике и отличаясь феноменальной продуктивностью, под 16 псевдонимами напечатал около 200 романов. Автор серии детективно-психологических романов о полицейском комиссаре Мегрэ, социально-психологических романов «Братья Рико», «И все-таки орешник зеленеет», автобиографической книги «Я диктую» в 22-х томах. Умер в Лозанне (Швейцария) в 1989 г.